

ДѢЛУ ВРЕМЯ ПОТѢХѢ ЧАСЪ
Царская охота на Руси
историческій очеркъ
Николая Кутепова
XVII-й вѣкъ
Н. Самокишъ

FMC
HAMMER
FIFTH AVE.
GALLERIES, INC.
NEW YORK CITY
N

ЦАРСКАЯ ОХОТА

НА РУСИ

ЦАРЕЙ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА

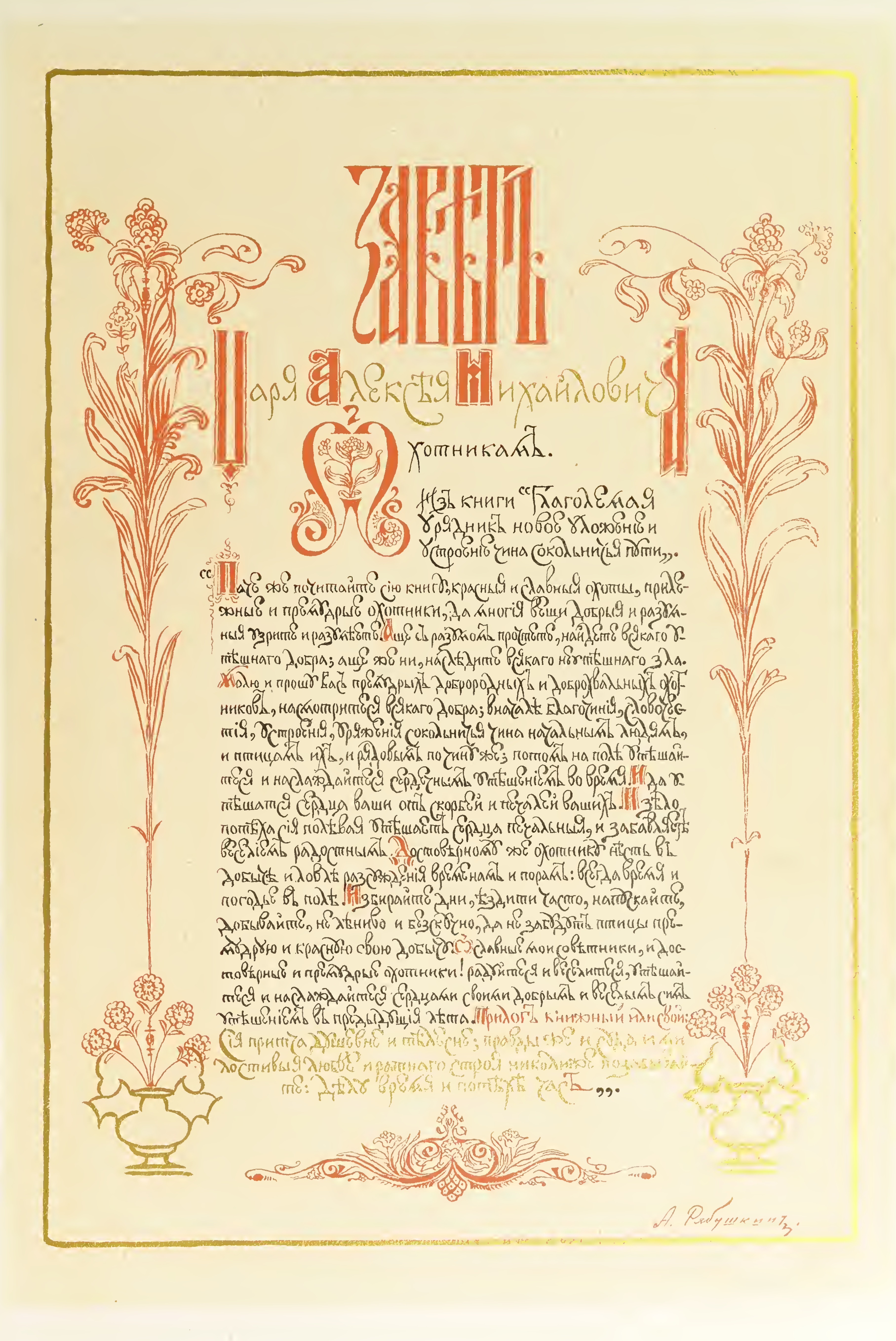
И

АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА

№ 47.

ее Бу́дите охо́чи, забавля́йтеся, утѣша́йтеся се́ю до́брою потѣ́хою, зѣло̀ потѣ́шно и уго́дно и ве́село, да не одолѣ́ютъ васъ кру=
чи́ны и печа́ли вся́кія „.

Заветъ
Царя Алексѣя Михайловича
Охотникамъ.
Изъ книги „Глаголемая Урядникъ новое уложеніе и устроеніе чина сокольничья пути„.
„Правде же почитайте сію книгу, красныя и славныя охоты, приле-
жные и премудрые охотники, да многія вещи добрыя и разума-
ныя узрите и разумеете. Аще съ разумомъ прочтете, найдете всякаго у-
тешнаго добра; аще же ни, наследите всякаго неутешнаго зла.
Молю и прошу васъ премудрыхъ добродныхъ и доброхвальныхъ охот-
никовъ, насмотритеся всякаго добра; вначале благочинія, словоче-
стія, устроенія, уряженія сокольничья чина начальнымъ людямъ,
и птицамъ ихъ, и рядовымъ по чину же; потомъ на поле утешай-
теся и наслаждайтеся сердечнымъ утешеніемъ во время. И да у-
тешатся сердца ваши отъ скорбей и печалей вашихъ. Зело
потеха сія полевая утешаетъ сердца печальныя, и забавляетъ
веселіемъ радостнымъ. Достоверному же охотнику несть въ
добыче и лове разсужденія временамъ и порамъ: всегда время и
погодье въ поле. Избирайте дни, ездити часто, напускайте,
добывайте, не ленивѣ и безскучно, да не забудутъ птицы пре-
мудрую и красную свою добычу. О славные мои советники, и дос-
товерные и премудрые охотники! радуйтеся и веселитеся, утешай-
теся и наслаждайтеся сердцами своими добрымъ и веселымъ симъ
утешеніемъ въ предыдущія лета. Прилогъ книжный или свой:
Сія притча душевне и телесне; правды же и суда, и ми-
лостивыя любве и ратнаго строя николиже позабывай-
те: делу время и потехе часъ„.
А. Рябушкинъ.

ЦАРСКАЯ ОХОТА

НА РУСИ

ЦАРЕЙ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА

и

АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА

XVII вѣкъ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Николая Кутепова

Изданіе иллюстрировано художниками: В. М. Васнецовымъ, К. В. Лебедевымъ, И. Е. Рѣпинымъ, А. П. Рябушкинымъ, Ф. А. Рубо, Н. С. Самокишемъ и В. И. Суриковымъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

1898

Печатано съ разрѣшенія Министра Императорскаго Двора.

БЛАЖЕННОЙ И ВѢЧНОЙ ПАМЯТИ

ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ

АЛЕКСАНДРА III

БЛАГОГОВѢЙНО ПОСВЯЩАЕТСЯ СЕЙ ТРУДЪ,

ПО ЕГО ЦАРСТВЕННОМУ ЖЕЛАНІЮ НАЧАТЫЙ,

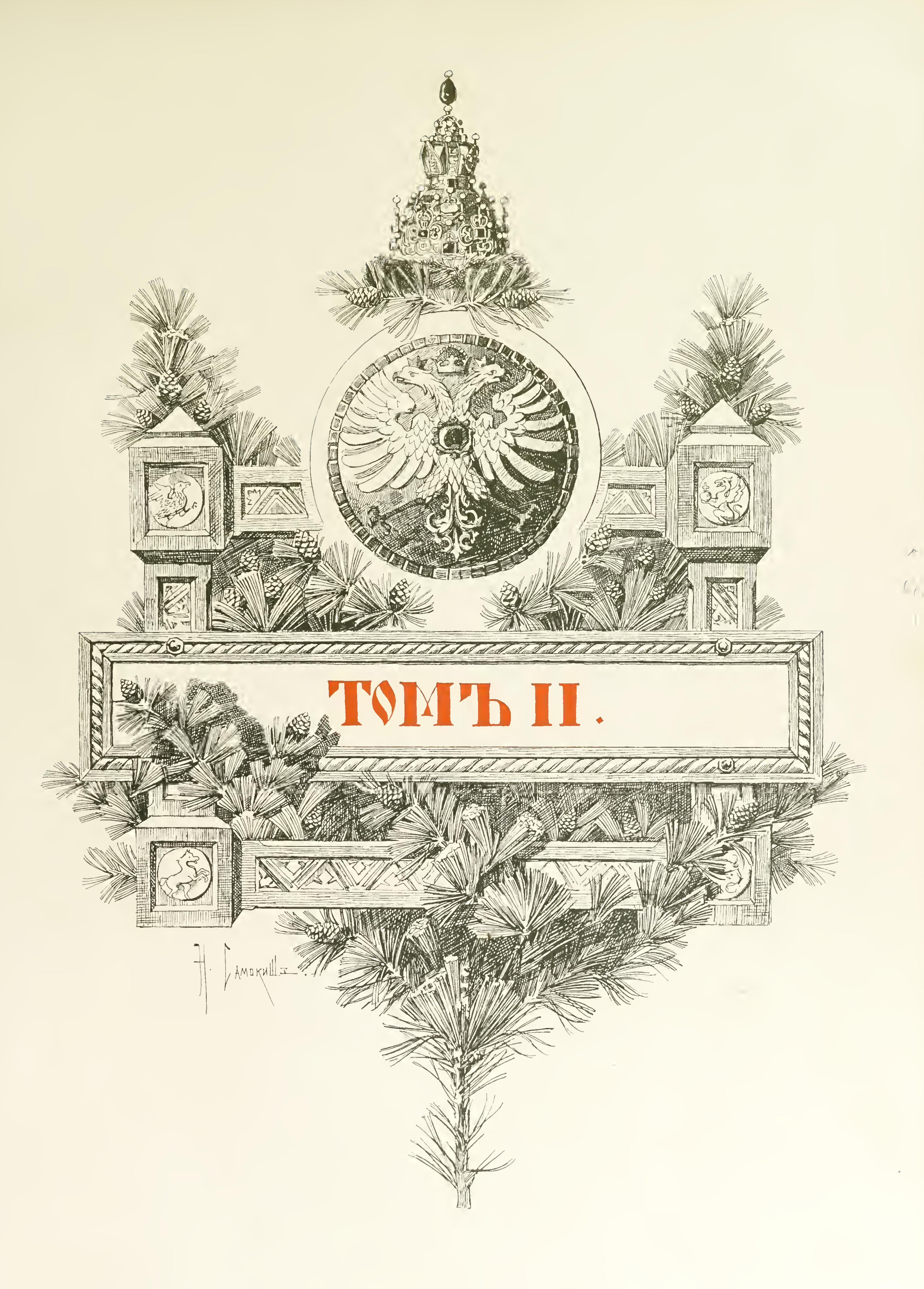
ПО ЕГО МЫСЛИ ИСПОЛНЕННЫЙ.

Считаю себя обязаннымъ принести искреннюю и глубокую благодарность учрежденіямъ и лицамъ, содѣйствовавшимъ мнѣ въ исполненіи трудной задачи составленія исторіи Великокняжеской и Царской охоты.

Документальныя свѣдѣнія получены мною изъ архивовъ: Общаго Министерства Двора (въ Москвѣ и Петербургѣ), Министерства Юстиціи (въ Москвѣ), Государственнаго (въ Петербургѣ), Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (въ Москвѣ), Патріаршей Ризницы (въ Москвѣ) и Троице-Сергіевой Лавры, а равно изъ Императорской Публичной библіотеки.

Разныя свѣдѣнія, справки и указанія благосклонно сообщены мнѣ: *Г. В. Есиповымъ, А. Ѳ. Бычковымъ, И. А. Бычковымъ, В. В. Стасовымъ, С. Н. Шубинскимъ, Г. И. Тимченко-Рубаномъ, Н. П. Лихачевымъ, В. П. Ламбинымъ, А. А. Фаворскимъ, С. Л. Ширяевымъ и М. И. Безсребрениковымъ.*

Особенной благодарностью обязанъ я *П. Я. Дашкову*, любезно предоставившему въ мое распоряженіе свое богатое собраніе гравюръ, изъ котораго и заимствованы для настоящаго изданія рѣдчайшіе старинные гравюры и рисунки, изображающіе охотничій бытъ.

ТОМЪ II.
Н. Самокишъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ГЛАВА I.

Цари Михаилъ Өеодоровичъ и Алексѣй Михаиловичъ.

Первые охотники изъ дома Романовыхъ.

ГЛАВА II.

Царскія охоты и потѣхи.

ГЛАВА III.

Внутреннее устройство царскихъ охотъ въ XVII вѣкѣ.

ГЛАВА IV.

Посылки ловчихъ птицъ въ чужія государства.

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

Переплетъ: орнаментъ XVII столѣтія съ двуглавымъ орломъ, взятымъ съ тарелки Царя Алексѣя Михаиловича; въ центрѣ: св. Георгій Побѣдоносецъ, изображающій собою символъ охоты, и гербъ Москвы (описываемый періодъ происходитъ въ Москвѣ), Царскій вѣнецъ — шапка Царя Михаила Өеодоровича большаго наряда, называемая «Астраханскою»; по бокамъ ея: древніе орлы. На оборотной сторонѣ: соколъ, сидящій на добычѣ. Съ рис. Н. С. Самокиша.

ИЛЛЮСТРАЦІИ ВНѢ ТЕКСТА:

СТР.

Инокъ Филаретъ (въ мірѣ бояринъ Θеодоръ Никитичъ Романовъ) въ заточеніи въ Антоніево-Сійскомъ монастырѣ; подосланный крадущійся служка и подслушивающій приставъ Воейковъ. Съ ориг. И. Е. Рѣпина. (Смотри Iй томъ «Великокняжеская и Царская охота на Руси», стр. 113).

Въ 1601 году боярина Θеодора Никитича Романова оговорили въ умыслѣ на жизнь Царя Годунова, насильно постригли и заточили въ Антоніевъ-Сійскій монастырь; супругу его, Ксенію Ивановну, также постригли и сослали въ Заонежье, въ Егорьевскій погостъ, а малолѣтняго сына Михаила и дочь отправили на Бѣлоозеро.

Θеодоръ Никитичъ, въ монашествѣ Филаретъ, томился разлукой съ семьей и очень тосковалъ въ монастырѣ: «Милыя дѣтки, маленькія, бѣдныя остались — кому ихъ кормить и поить, и сомнѣвался: таково ли имъ нынѣ, какъ при немъ бывало? А жена, бѣдная, наудачу, уже жива ли? думалъ онъ, что она замчена такъ далеко, что и слухъ не зайдетъ». Говорилъ еще инокъ Филаретъ, Государевъ измѣнникъ: «что ему ничего не надобно; узнай только онъ, что жена и дѣти померли, — онъ бы радъ былъ этому извѣстію; ему никто не мѣшалъ бы тогда, и сталъ бы онъ покойно промышлять одною своею душою. Лихо только жена да дѣти, о которыхъ ему и слухъ не зайдетъ, и лишь вспомянетъ о нихъ, іно что рогатиной въ сердце толкаетъ».

Отъ 16 Марта 1605 года приставъ Воейковъ, приставленный Царемъ Борисомъ Годуновымъ къ иноку Филарету, писалъ Царю Борису: «Старцы, приставленные къ Филарету, жалуются на него, будто онъ ночью 3 Февраля старца Иринарха, жившаго въ одной кельѣ съ опалнымъ инокомъ, лаялъ и съ посохомъ къ нему прискакивалъ и изъ кельи вонъ высылалъ и къ себѣ и за собою ходить никуда не велѣлъ, и живетъ старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегда смѣется, не вѣдомо чему, и говоритъ про мірское житье, про птицы ловчія и про собаки, какъ онъ въ мірѣ жилъ, и къ старцамъ жестокъ, даже угрожаетъ имъ: «увидятъ де они, каковъ онъ впредь будетъ». Акты историческіе, т. II, № 38. Доносъ пристава Воейкова Царю Борису.

Краткія свѣдѣнія о Домѣ Романовыхъ.

Во время всеобщаго движенія западныхъ народовъ Европы, во время крестовыхъ походовъ, утомленный долговременной борьбою съ крыжаками (такъ назывались въ Польшѣ крестоносцы), утѣсненный сосѣдями: Конрадомъ, герцогомъ Мазовскимъ съ его союзниками Меченосцами и рыцарями Тевтонскаго ордена, въ своемъ отечествѣ Прусско-Прибалтійскихъ юго-восточныхъ владѣніяхъ, князь Глянда Дивоновичъ Камбило удалился въ русскую землю около 1280 года, въ княженіе Александра Ярославича Невскаго, или сына его Великаго Князя Дмитрія Александровича, и въ 1287 году принялъ съ двумя сыновьями своими православіе; при крещеніи князь Глянда былъ нареченъ Іоанномъ, а сыновьямъ даны имена: старшему — Андрея, а младшему — Θеодора. Сынъ Глянды, Андрей Ивановичъ, есть родоначальникъ Царствующаго нынѣ въ Россіи Дома Романовыхъ.

Родословная Романовыхъ.

Андрей Ивановичъ, бояринъ — воеводою Твери съ 1347 г.

Сынъ Андрея, Федоръ Андреевичъ, бояринъ, при Великомъ Князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ Донскомъ и сынѣ его Вел. Князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ — намѣстникомъ Новгородскимъ.

Сынъ Федора, Иванъ Федоровичъ, при Великомъ Князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ — казначеемъ Вел. Князя.

Сынъ Ивана, Захарій Ивановичъ, при Великомъ Князѣ Василіѣ Василіевичѣ Темномъ — бояриномъ и большимъ воеводою.

Сынъ Захарія, Юрій Захарьевичъ, при Великомъ Князѣ Иванѣ III Васильевичѣ — воеводою, а въ 1493 г. пожалованъ бояриномъ.

Сынъ Юрія, Романъ Юрьевичъ, при Царѣ Иванѣ IV Васильевичѣ Грозномъ — окольничимъ и воеводою.

Сынъ Романа, Никита Романовичъ, при Царѣ Иванѣ IV Грозномъ — бояриномъ и воеводою; народная любовь увѣковѣчила его имя въ пѣсняхъ. Умеръ (по боярскому списку) 1585 г., а по другимъ извѣстіямъ 23 Апрѣля 1586 г. Умирая, Царь Іоаннъ IV Васильевичъ избралъ Никиту Романова въ члены Верховной Думы при наслѣдникѣ престола Θеодорѣ Ивановичѣ, вмѣстѣ съ четырьмя другими боярами: княземъ Иваномъ Мстиславскимъ, Борисомъ Годуновымъ и Богда-

---

*) Съ Василіемъ Яковлевичемъ Голохвастовымъ.

**) Вабить въ старинномъ языкѣ значило звать «Кіяне рекоша: князь вабитъ Вы къ Чернигову». Вабило приманка для сокола, состоящее изъ мяса.

***) «Осоры» — это небольшая птица, называемая «сойкою».

****) Коршакъ или ворона.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЪ ТЕКСТѢ:

*) Хлѣбомъ съ закалою называется такой хлѣбъ, въ которомъ нижняя корка не совсѣмъ допечена, и на ней остается слой сырого тѣста.

---

*) Обносцы или онучи для ноги сокола.

**) Григорій Львовъ — думный дьякъ, учившій письму Царевича Алексѣя Михайловича въ бытность Львова подъячимъ Посольскаго приказа (Забѣлинъ). Видно, Царь съ малолѣтства привыкъ писать перьями очинки своего учителя.

Глава I.

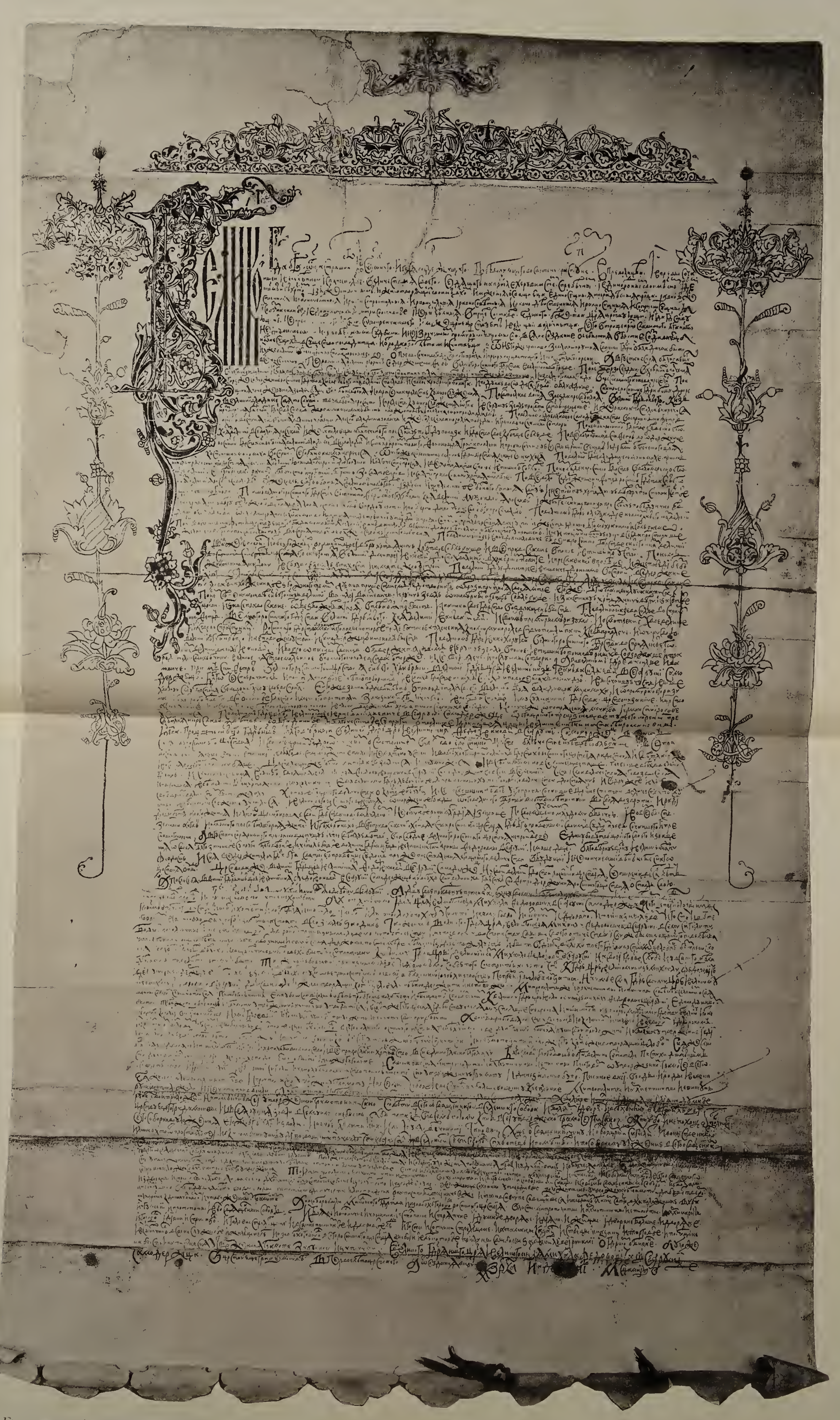
Цари Михаилъ Θеодоровичъ и Алексѣй Михаиловичъ.

Время, протекшее отъ смерти царя Бориса Годунова до вступленія на престолъ Михаила Θеодоровича, было совершенно неблагопріятно для развитія и процвѣтанія царскихъ и частныхъ охотъ. Въ исторіи царскихъ охотъ это самый глухой періодъ. Правда, при первомъ самозванцѣ охота на время оживаетъ, устраивается отчасти на европейскій

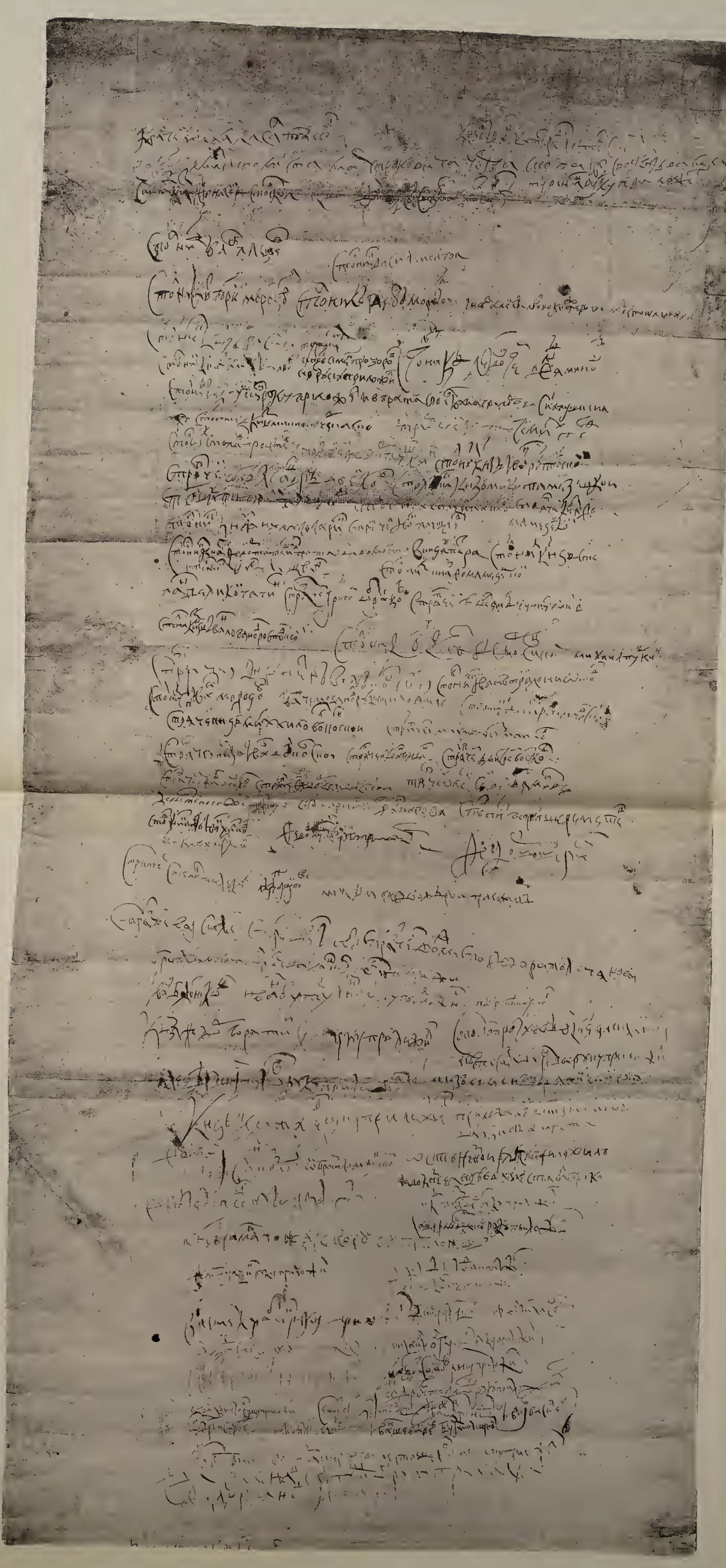
1

Царь Михаилъ Θеодоровичъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михаиловича.

Грамота объ избраніи Царемъ боярина Михаила Ѳеодоровича Романова. Писана 1613 года въ Маѣ мѣсяцѣ.

Рукоприкладства къ грамотѣ объ избраніи Царемъ Михаила Ѳеодоровича.

образецъ и, повидимому, имѣетъ довольно данныхъ для пышнаго расцвѣта въ будущемъ; но смерть самозванца положила конецъ начинаніямъ въ области охоты, и самая память о нихъ какъ бы развѣялась вмѣстѣ съ его прахомъ. Наступившее, вслѣдъ затѣмъ, безвременье, которое современники мѣтко обозвали «московскою разрухой», въ корнѣ потрясло строй жизни государственной и надолго нарушило порядки и мирное теченіе жизни обыденной, въ которой русскому человѣку привычно было труды и заботы чередовать съ отдыхомъ и забавами. Въ это ужасное время русскимъ людямъ не до забавъ было и не до отдыха. Предъ всѣми и каждымъ стоялъ грозный вопросъ о самосохраненіи; предъ немногими — вопросъ не о себѣ только, но и о томъ, какъ изжить - избыть бѣду, черной тучей налетѣвшую на Русь. Въ общемъ смятеніи, когда все приходило въ упадокъ и разрушеніе, не могла, конечно, уцѣлѣть и сохраниться былая организація царскихъ охотъ. Оттого въ историческихъ документахъ за все смутное время почти нѣтъ прямыхъ и ясныхъ указаній на былыя охоты; и такое безмолвіе источниковъ объ охотахъ продолжается вплоть до воцаренія Михаила Θеодоровича.

Царь Михаилъ Θеодоровичъ вступилъ на престолъ при самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ. Извнѣ, была война съ Польшей и Швеціей. Внутри государства, многіе города были сожжены до тла, и сама Москва лежала въ развалинахъ. Повсюду бродили шайки подъ названіемъ «казаковъ», которые грабили, сожигали жилища, убивали и мучили жителей. Внутреннія области сильно обезлюдѣли. Поселяне умирали отъ голода. Повсюду господствовала нищета; въ казнѣ не было денегъ, и трудно было собрать ихъ съ разоренныхъ жителей. Одна бѣда вела за собою другія, но самая великая бѣда была въ томъ, что русскіе люди, по мѣткому выраженію матери малолѣтняго царя Михаила, «измалодушествовались». Смутное время, равно какъ и предшествовавшія ему эпохи Грознаго и Годунова, выработали поколѣніе людей, мелкихъ по чувствамъ, ихъ одушевляв-

1*

шимъ, и по характеру слабыхъ. Неудивительно, что въ такомъ поколѣніи значительно ослабѣлъ, на ряду съ другими жизненными свойствами, и здоровый инстинктъ охоты. Въ этомъ отношеніи молодому царю предстояла задача разбудить въ своихъ современникахъ заснувшую охотничью удаль; но эта задача въ первое время должна была отодвинуться на задній планъ въ виду другихъ болѣе существенныхъ и неотложныхъ заботъ. Нужно было уладить внѣшнія отношенія съ враждебными государствами; скрѣпить расшатавшіеся устои государственной жизни; усмирить разбойничьи шайки, капризной и грозной волною перебрасывавшіяся изъ конца въ конецъ и отъ города къ городу; наконецъ, молодому царю приходилось подумать даже объ устройствѣ собственнаго жилища, потому что «прежнія царскія хоромы и палаты были безъ кровель, безъ половъ и безъ лавокъ, безъ окончинъ и безъ дверей» [1]).

Первые годы царствованія Михаила Өеодоровича прошли въ этихъ трудахъ и заботахъ. Устраивая и успокоивая расшатавшееся и разоренное царство, молодой царь только спустя пять-шесть лѣтъ могъ серьёзно позаботиться о возстановленіи былыхъ охотъ и потѣхъ. И можно думать, что охоты и потѣхи приходилось не столько возстановлять, сколько устраивать заново, хотя и по старымъ порядкамъ. Для псовыхъ охотъ не было хорошихъ собакъ; поизвелись также и медвѣди для дворцовыхъ потѣхъ. Нужно было вновь завести псарный дворъ и звѣринцы, какіе были въ старину. Съ этой цѣлью въ 1619 году Михаилъ Өеодоровичъ послалъ въ сѣверную медвѣжью сторону — въ Галичъ, Чухлому, Солигаличъ, Судай, Парөеньевъ, Кологривъ и на Унжу — двухъ охотниковъ и трехъ конныхъ псарей съ порученіемъ брать въ тѣхъ мѣстахъ у всякихъ людей собакъ борзыхъ, гончихъ, меделянскихъ и медвѣдей. Успѣхъ этого порученія обезпечивался царской грамотой, посланной на имя Галичскаго губного старосты, а чрезъ него и во всѣ другіе указанные пункты. Этою грамотою царь приказывалъ мѣстнымъ властямъ оказывать всякое

содѣйствіе посланнымъ охотникамъ и псарямъ: давать подъ нихъ, собакъ и медвѣдей, подводы и провожатыхъ отъ города и до города, снабжать кормомъ для собакъ и медвѣдей, «чѣмъ имъ мочно сытимъ быть», наконецъ, давать имъ стрѣльцовъ, пушкарей и разсылыщиковъ въ помощь противъ ослушниковъ, т.-е. противъ тѣхъ бояръ, дворянъ и прочихъ мѣстныхъ жителей, которые не захотѣли бы добровольно разстаться съ любимыми псами и медвѣдями. Приказъ этотъ распространялся одинаково на села дворцовыя и княжескія, боярскія, дворянскія и «всякихъ людей» помѣстья, на волости царской матери, инокини Мареы Ивановны, на вотчины патріаршіи, митрополичьи, владычныя и монастырскія [2]). Недостатокъ въ хорошихъ собакахъ и медвѣдяхъ былъ, какъ видно, слишкомъ чувствителенъ и великъ, если принята была столь рѣшительная мѣра: принудительное, почти военное отчужденіе живого охотничьяго инвентаря частныхъ людей. Нѣтъ, однако, основаній думать, что Михаилъ Ѳеодоровичъ рѣшился на эту мѣру для удовлетворенія личной его страсти къ охотѣ; напротивъ, этого требовали обиходъ двора и уваженіе къ исконнымъ порядкамъ царскаго быта: съ давнихъ временъ охоты и потѣхи сдѣлались необходимою принадлежностью царской жизни, и молодому царю, воспитанному на преданіяхъ старины, не приходилось останавливаться даже предъ крутыми мѣрами, когда дѣло касалось возстановленія былыхъ порядковъ царской жизни, стариной завѣщанныхъ.

Этимъ фактомъ открывается исторія царскихъ охотъ при дворѣ дома Романовыхъ. Отобранные такимъ путемъ медвѣди и собаки составили ядро охоты, возобновленной Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, постепенно съ теченіемъ времени развивавшейся и достигшей пышности и великолѣпія при Алексѣѣ Михаиловичѣ.

И Михаилъ Ѳеодоровичъ, и Алексѣй Михаиловичъ, оба заботились о развитіи и процвѣтаніи своихъ охотъ, но въ исторіи царскихъ охотъ значеніе Алексѣя Михаиловича гораздо выше и важнѣе, чѣмъ значеніе его отца. Въ отцѣ и сынѣ неодинаково былъ развитъ

интересъ къ охотѣ; неодинаково она ихъ волновала и заботила. Въ то время, какъ для отца охота была немногимъ болѣе, чѣмъ обязательная подробность царской жизни, для сына она составляла особый міръ, полный своеобразной, чарующей прелести и непреодолимо влекшій его къ себѣ. Эта разность въ отношеніяхъ къ охотѣ вытекала изъ особенностей личнаго характера того и другого царя и отчасти была подготовлена исходной обстановкой ихъ первоначальнаго воспитанія.

Отецъ Михаила Ѳеодоровича, бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, впослѣдствіи невольный монахъ и патріархъ Филаретъ, въ дни мірского житія былъ страстнымъ охотникомъ въ духѣ своего вѣка, и даже, какъ мы видѣли, въ ангельскомъ чинѣ не переставалъ вздыхать и тосковать о былыхъ утѣхахъ отъѣзжаго поля. Казалось бы, что сынъ наслѣдуетъ отцовскую страсть; но наслѣдственность имѣетъ свои капризы, а врожденныя склонности и страсти гаснутъ, если не находятъ пищи и упражненія. Быть можетъ, въ натурѣ Михаила Ѳеодоровича и таился скрытый зародышъ охотничьей страсти, но онъ въ немъ не развился и не выросъ, потому что условія жизни совершенно этому не благопріятствовали. Бѣда разразилась надъ семьей Романовыхъ, когда Михаилъ былъ еще ребенкомъ: отца и мать насильно постригли и сослали порознь въ дальніе монастыри, а маленькаго Михаила съ теткой отправили на Бѣлоозеро. Не свѣтлыя грёзы золотого дѣтства, но безотчетный ужасъ, навѣянный непонятною ему драмой, — вотъ что привезъ съ собою на Бѣлоозеро малолѣтній Михаилъ. Бѣдная, угрюмая природа Бѣлозерскаго края; сѣрая, томительно-однообразная обстановка отшельнической жизни; отсутствіе развивающаго товарищества подвижныхъ сверстниковъ; отсутствіе нѣжной материнской ласки, — вотъ условія, въ которыхъ протекли уныло и печально дѣтскіе годы Михаила, годы, когда слагаются первыя основныя черты характера. Въ такой обстановкѣ не могъ выработаться характеръ, свойственный охотнику, — подвижной, смѣлый

и бодрый; напротивъ, въ характерѣ Михаила, что вполнѣ естественно, мы видимъ слѣды задержаннаго развитія, вялости и тихой, глубокой грусти. Такіе характеры могутъ быть упорны, но всегда несамостоятельны, лишены духа почина и предпріимчивости и легко поддаются чужому вліянію. Такъ было и съ Михаиломъ Θеодоровичемъ: молодой царь сначала находился въ полной покорности инокинѣ-матери, затѣмъ, подчинился сильному вліянію отца-патріарха, а внѣ этихъ вліяній всегда былъ во власти одолѣвавшей его «кручины».

Была въ характерѣ Михаила и еще одна черта, которая также не осталась безъ вліянія на его отношенія къ охотѣ: это—слишкомъ большая преданность обряду, внѣшней сторонѣ дѣла. Правда, это не столько его личная черта, сколько историческая вѣковая болѣзнь всей русской жизни; но у сильныхъ натуръ свободный порывъ

господствуетъ надъ формой и обрядомъ и одухотворяетъ ихъ, а у натуръ слабыхъ онъ безслѣдно растворяется въ тѣсныхъ рамкахъ формы, обряда или чина. Сообразно съ этимъ, Михаила могла занимать въ охотѣ больше ея внѣшняя, обстановочная сторона, чѣмъ самый процессъ охоты. Въ историческихъ документахъ сохранилось довольно много извѣстій объ охотахъ Михаила Θеодоровича, но мы не найдемъ здѣсь особенно яркихъ фактовъ, которые позволяли бы сравнивать Михаила Θеодоровича, какъ охотника, со знаменитыми охотниками-князьями предшествующихъ эпохъ.

Первая изъ извѣстныхъ намъ охотъ Михаила Θеодоровича относится къ 1615 году. Это было «лошье и медвѣжье поле» въ имѣніяхъ князя Θеодора Ивановича Мстиславскаго, вѣроятно, въ окрестностяхъ его родового села Хвили, въ Кунцовской мѣстности, близъ г. Москвы; въ этой охотѣ принимали участіе люди князя Мстиславскаго, за что и были награждены изъ царской казны [3]). Повидимому, этотъ фактъ указываетъ на существованіе организованной царской охоты уже въ самые первые годы царствованія Михаила Θеодоровича, и какъ бы устраняетъ собою другой отмѣченный выше фактъ, что первыя серьёзныя мѣры по организаціи охотъ начались съ 1619 года. Но спрашивается: охота 1615 года была ли собственно царская и производилась ли она съ помощью служащихъ и живого инвентаря царскихъ охотъ, или это была охота, всецѣло устроенная кн. Мстиславскимъ, а царь Михаилъ Θеодоровичъ былъ лишь желаннымъ гостемъ на княжеской охотѣ? Признать ее царской нѣтъ никакихъ данныхъ; напротивъ, считать ее частной княжеской охотой склоняетъ участіе въ ней княжескихъ ловчихъ, признакъ во всѣхъ другихъ случаяхъ не существенный, но въ данномъ имѣющій рѣшающее значеніе. Есть, однако, другія указанія, на первый взглядъ еще болѣе вѣскія, что царскія охоты и до 1619 года имѣли уже характеръ вполнѣ устроенныхъ охотъ: въ 1617 году осочили (обкладывали) медвѣдицу съ медвѣдемъ; въ 1618 году были большія царскія охоты

на лосей, устроенныя ловчимъ Тверского пути Григоріемъ Григорьевичемъ Маматовымъ, при участіи псовника Василія Усова и 10 охотниковъ ловчаго пути; въ 1619 году Маматовъ вновь тѣшилъ царя лосиными ловлями [4]). Всѣ эти охоты производились при помощи собственнаго персонала царскихъ охотъ — охотниками ловчаго пути, подъ общимъ руководствомъ ловчаго и псовника, что и указываетъ на существовавшую уже нѣкоторую организацію царской охоты. Но собрать охотниковъ-знатоковъ своего дѣла было не особенно трудно даже послѣ «московской разрухи», потому что занятіе это наслѣдственно передавалось въ извѣстныхъ семьяхъ отъ отца къ дѣтямъ, и, конечно, не перевелись окончательно за смутное время подобныя семьи. Иначе стояло дѣло съ собаками. Царская псарня, несомнѣнно, была въ плачевномъ состояніи, и весьма возможно, что именно эти охоты 1616, 1618 и 1619 гг. воочію показали царю бѣдность и недостаточность его псоваго состава. Весьма возможно также и то, что уже на охотѣ 1615 года у князя Мстиславскаго царю впервые пришла мысль пополнить свою псарню за счетъ охотъ боярскихъ и дворянскихъ. Во всякомъ случаѣ царская охота показала себя въ полномъ порядкѣ и благоустройствѣ въ первый разъ почти годъ спустя послѣ извѣстной грамоты 1619 года. Въ Январѣ 1620 года, вѣроятно въ окрестностяхъ Черкизова, была устроена въ большихъ размѣрахъ царская охота на лосей и медвѣдей. На этихъ «лосиныхъ и медвѣжьихъ ловляхъ» участвовало 14 охотниковъ ловчаго пути, 63 конныхъ и 24 пѣшихъ псаря [5]). Ради этой охоты былъ отмѣненъ назначенный на тотъ день (17-го Января) пріемъ шведскаго посла. Сопоставляя этотъ фактъ съ огромнымъ числомъ участвовавшихъ въ охотѣ псарей, конныхъ и пѣшихъ, не трудно догадаться, что эта охота была первою полевою пробою собакъ, собранныхъ на государеву псарню по грамотѣ 1619 года; потому-то она такъ заинтересовала царя, что онъ рѣшилъ отмѣнить назначенный пріемъ шведскаго посла. Имѣется легкій намекъ, что охота была веселая и жаркая.

2

Когда отложенный пріемъ шведскаго посла былъ послѣ охоты назначенъ вновь, то рындой къ царю во время церемоніи пріема назначили явиться нѣкоему Ивану Петрову сыну Чихачеву; послѣднему очень не хотѣлось присутствовать при церемоніи, благодаря мѣстническимъ счетамъ съ другимъ рындой, княземъ Аѳанасіемъ Шаховскимъ, и онъ не поѣхалъ въ городъ, сказавшись больнымъ; однако, когда его потребовали для объясненій къ боярамъ въ золотую палату, онъ явился туда на костыляхъ — «о дву посохахъ» — и оправдывался предъ боярами тѣмъ, что «лошадь ногу изломила, какъ государь тѣшился за лосми, затѣмъ-де и въ городъ не поѣхалъ»; эта отговорка не спасла Чихачева отъ наказанія: бояре «велѣли бить его кнутомъ», а чтобы не откладывать наказанія «долго де того ждать», думный дьякъ да бояринъ Романовъ знатно били здѣсь же Чихачева по спинѣ и по ногамъ его же собственными посохами, «и, бивъ его, велѣли ему быть въ бѣломъ платьѣ (т.-е. рындой) по прежней сказкѣ» [6]).

Въ слѣдующемъ 1621 году вновь производились лосиныя осѣки и медвѣжьи ловли подъ руководствомъ Тверского ловчаго Григорія Маматова. Это была также большая царская охота, такъ какъ въ ней участвовало 54 конныхъ и 20 пѣшихъ псарей и 16 охотниковъ [7]). Послѣ этой охоты, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, приблизительно до 1625 - 1626 г., Михаилъ Ѳеодоровичъ, повидимому, не принималъ личнаго участія въ охотничьихъ поѣздкахъ, но царская охота и за это время не бездѣйствовала: по крайней мѣрѣ, въ этотъ промежутокъ времени многіе чины личнаго состава царской охоты получали награды за охоты [8]). Мы не знаемъ причинъ, почему Михаилъ Ѳеодоровичъ почти на 4 года забылъ и покинулъ охоту; однако, самый фактъ для характеристики царя важенъ, какъ доказательство, что Михаилъ Ѳеодоровичъ не былъ охотникомъ по натурѣ: истинному охотнику трудно выдержать четырехлѣтній искусъ воздержанія отъ любимаго дѣла. Но послѣ этого перерыва и почти до конца своего

Николо-Угрѣшскій монастырь,
по рисунку съ натуры конца XVII столѣтія.

царствованія онъ каждый годъ находилъ досугъ и желаніе позабавиться охотой. По большей части эти охоты соединялись съ поѣздками царя на богомолье въ Троице-Сергіеву лавру, въ Николо-Угрѣшскій и Симоновъ монастыри и производились обыкновенно на обратномъ пути въ Москву. Въ такихъ случаяхъ государя обыкновенно сопровождали на богомолье чины царскихъ охотъ, псовой и соколиной, псари и охотники ловчаго пути. Иногда царь дѣлалъ поѣздки исключительно для охоты и съ этой цѣлью отправлялся преимущественно въ недалекія подмосковныя села, удобныя для охотъ, чаще всего въ Покровское-Рубцово [9]). Отдѣльныхъ эпизодовъ и интересныхъ подробностей относительно этихъ охотъ не имѣется. Впрочемъ, въ двухъ случаяхъ охота сопровождалась, можетъ-быть, заканчивалась своеобразнымъ развлеченіемъ: государя тѣшили стрѣльбой въ шапки. Въ первомъ случаѣ (1630 г.) были разстрѣляны шапки стольника князя Пронскаго, окольничаго князя Львова и князя Одоевскаго, а во второмъ (1634 г.) этой чести удостоилась простая шапка задворнаго конюха Степана Карпова: «Государевы комнатные

2*

государя тѣшили, по его (конюха) шапкѣ стрѣляли изъ луковъ и изъ пистолей и шапку изстрѣляли». За испорченныя шапки бояре и простой конюхъ получили изъ казны матеріалъ для новыхъ шапокъ, при чемъ первымъ былъ отпущенъ бархатъ-кармазинъ и на опушку соболь, а послѣднему — сукно вишневаго цвѣта и для опушки лисьи лапы.

Любимой охотой Михаила Θеодоровича была охота на медвѣдей; по крайней мѣрѣ, чаще всего онъ охотился за ними. Государю случилось однажды обмолвиться фразой, которая показываетъ, что онъ хорошо зналъ медвѣжій нравъ и повадки. Одинъ голландецъ разсказываетъ, что когда молодому царю доложили о какомъ-то лицѣ, которое слѣдовало наказать за важный учиненный имъ проступокъ, то Михаилъ Θеодоровичъ, между прочимъ, отвѣтилъ: «вы развѣ не знаете, что наши московскіе медвѣди въ первый годъ на звѣря не нападаютъ, а начинаютъ охотиться только съ лѣтами» [10]).

Соколиной охотой царь тѣшился вмѣстѣ съ сыномъ, царевичемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ. Въ теченіе лѣта 1632 года отецъ и сынъ хаживали на охоту съ ловчими птицами весьма часто. Въ 1635 году, по свидѣтельству Олеарія, дядькою царевича Алексѣя была устроена соколиная охота въ присутствіи иностранныхъ пословъ. Это была веселая и занимательная охота и, какъ кажется, устроена она была для сравненія искусства и ловкости русскихъ соколиныхъ охотниковъ съ охотниками иноземными, такъ какъ незадолго передъ этой охотой нѣкоторые изъ чиновъ голштинскаго посольства показывали въ Рубцовѣ, въ присутствіи царя и царевича, свое умѣнье и пріемы въ соколиной охотѣ.

Въ томъ же Рубцовѣ-Покровскомъ состоялась и послѣдняя, извѣстная намъ, охота царя Михаила Θеодоровича: 10 Сентября 1643 г. государь тѣшился здѣсь соколами царевича Алексѣя Михаиловича [11]).

Въ ряду русскихъ царей-охотниковъ Алексѣй Михаиловичъ занимаетъ совершенно особое положеніе: это былъ самый замѣчатель-

ный, единственный въ своемъ родѣ царь-охотникъ. Онъ напоминаетъ собою отчасти двухъ другихъ замѣчательныхъ охотниковъ древней Руси — Владиміра Мономаха и Василія III Ивановича: перваго — своимъ серьёзнымъ и вдумчивымъ отношеніемъ къ охотѣ, второго — страстнымъ наслажденіемъ ея художественными сторонами. Сливая эти черты ума и сердца въ своемъ характерѣ, Алексѣй Михаиловичъ прежде всего, однако, искалъ въ охотѣ удовлетворенія эстетическихъ наклонностей своей художественной натуры. Онъ жилъ охотою и отдавался ей весь безраздѣльно, какъ поэтъ — своему вдохновенію. По своей натурѣ, благодушной, глубоко спокойной и порою созерцательной, Тишайшій Царь не могъ любить волненій рѣзкихъ и сильныхъ, но лишь такія, которыя растутъ, усиливаясь постепенно, не внося съ собой смуты и бури въ душевную жизнь; а такія волненія, легкія и пріятныя, даетъ только одинъ родъ охоты — охота соколиная. Вотъ почему Алексѣй Михаиловичъ отдавался столь беззавѣтно потѣхѣ съ ловчими птицами.

Къ птицамъ и къ птичьей охотѣ Алексѣй Михаиловичъ привязался душою еще съ самаго ранняго дѣтства. Когда онъ былъ ребенкомъ, ему покупали разныхъ потѣшныхъ птичекъ: живыхъ воробьевъ, чечетокъ и всякихъ другихъ. Инстинктивная привязанность царевича къ птицамъ не могла ускользнуть отъ умнаго и наблюдательнаго воспитателя его — или, по тогдашнему названію, «дядьки» — боярина Морозова, и едва ли можно сомнѣваться, что именно онъ и пристрастилъ маленькаго царевича къ соколиной охотѣ. По свидѣтельству Олеарія, у Морозова была своя соколиная охота, и ему случалось иногда тѣшить ею за городомъ заѣзжихъ иноземцевъ и пословъ, конечно, не безъ расчета снискать ихъ расположеніе. И въ дѣлѣ воспитанія царевича соколиная охота сослужила Морозову добрую службу. Познакомивъ своего воспитанника съ прелестью соколиной охоты, Морозовъ далъ движеніе врожденнымъ склонностямъ чуткой души царевича, съ ея поэтическимъ одушевленіемъ

Царь Алексѣй Михаиловичъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михаиловича.

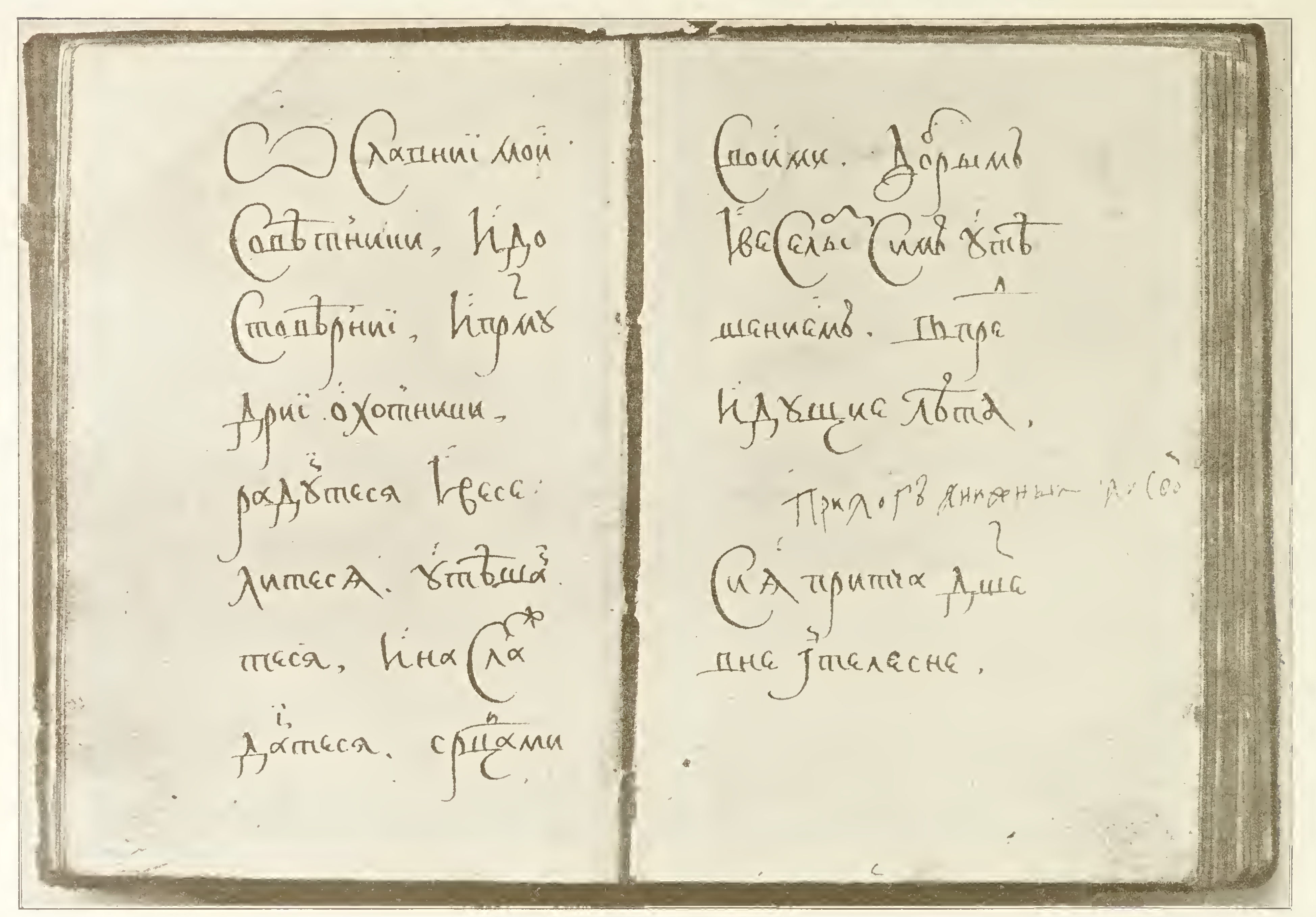
и присущей ей любовью къ природѣ, — и тѣмъ самымъ навсегда привязалъ къ себѣ своего царственнаго воспитанника.

Съ лѣтами, когда царевичъ росъ и мужалъ, росла и крѣпла въ немъ страсть къ охотѣ, и развивалось сознательное и заботливое отношеніе ко всему, что касалось любимой забавы. Въ ранніе годы царствованія Алексѣй Михаиловичъ еще не въ силахъ былъ господствовать надъ своею страстью и съ юношескимъ увлеченіемъ отдавался охотамъ больше, чѣмъ царственнымъ трудамъ; но въ зрѣлую пору умѣлъ дѣлить свое время и точно слѣдовалъ своему девизу: «дѣлу — время, а потѣхѣ — часъ». Однако, и среди трудовъ и заботъ государственныхъ онъ, казалось, ни на минуту не забывалъ своихъ любимыхъ птицъ и постоянно мыслью переносился на свою кречатню, гдѣ всегда чувствовалъ себя въ своей сферѣ, около дѣла близкаго, дорогого, ничѣмъ незамѣнимаго. Случалось, что дѣла государственныя и заботы семейныя вынуждали его на время отказываться отъ любимой охоты, но не всегда онъ былъ въ силахъ подчиняться этой необходимости. Такъ, 16-го Января 1648 года Алексѣй Михаиловичъ женился на Маріи Ильинишнѣ Милославской, однако, уже 21-го Января, всего черезъ пять дней, онъ охотился въ имѣніи Морозова, на пути въ Троицкую лавру. Или другой случай: въ Сентябрѣ 1674 г. объявлено было, что до весны «похода» государя съ Москвы не будетъ, и опять онъ не утерпѣлъ — въ томъ же мѣсяцѣ дѣлалъ походъ въ Коломенское. Алексѣй Михаиловичъ глубоко и нѣжно любилъ свою жену, серьёзно и строго относился къ обязанностямъ правленія, но ему, живому и подвижному, какъ бы не сидѣлось дома. Его постоянно тянуло изъ царскихъ хоромъ, изъ царицына терема, на широкій просторъ подмосковныхъ полей, подъ своды голубого неба, куда, вслѣдъ за взмывшимъ соколомъ, неслась и душа охотника-царя. Въ полѣ, «за красной и славной птичьей потѣхой», онъ все забывалъ, и кручины и радости, и весь преображался, охваченный живымъ восторгомъ, передавая свое настроеніе всѣмъ, кто бывалъ съ нимъ.

Неудивительно послѣ этого, что бо́льшую часть своего тридцатилѣтняго царствованія онъ провелъ въ разъѣздахъ или, какъ тогда говорилось, «въ походахъ». Зимой и осенью, весной и лѣтомъ, въ поголу и въ распутье и бездорожье, царь то-и-дѣло совершалъ «походы» или въ ближнія подмосковныя села, въ особенности въ Коломенское, для красной и славной птичьей потѣхи, или въ дальніе монастыри на богомолье — въ Троицкую лавру, въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, въ Боровскъ, Можайскъ и многія другія мѣста. Но и въ этихъ богомольныхъ походахъ онъ пользовался всякимъ случаемъ позабавиться охотою, соколиной или псовой. Даже во время военныхъ походовъ царь, повидимому, находилъ возможность иногда на охотѣ отдохнуть отъ военныхъ тревогъ: въ 1655 г., находясь въ походѣ противъ польскаго короля, Алексѣй Михаиловичъ приказываетъ немедленно выслать съ Москвы къ нему въ Шкловъ, гдѣ онъ тогда стоялъ, коннаго псаря Терешку Фролова, конечно, не для воинскихъ надобностей, но — полагаемъ — для охоты, при которой этотъ Терешка Фроловъ могъ быть нужнымъ человѣкомъ, какъ мастеръ своего дѣла.

Такимъ образомъ, вся жизнь Алексѣя Михаиловича тѣсно сплеталась съ охотами, и никакія событія, какъ бы крупны они ни были, касались ли его личной жизни, или государственной, не могли заставить царя надолго позабыть или покинуть любимую забаву. Это былъ охотникъ, никогда не измѣнявшій своей страсти, и его всего лучше можно охарактеризовать его же собственнымъ выраженіемъ — «*охотникъ достовѣрный*», т.-е. истый, заклятый охотникъ. Никто лучше его не понималъ поэтической стороны охотъ, да едва ли кто могъ соперничать съ нимъ и относительно технической стороны охотничьяго дѣла.

Поэтическую сторону соколиной охоты Алексѣй Михаиловичъ прекрасно изобразилъ въ своемъ предисловіи къ «Урядннку Сокольничья пути». Особый тонъ этого предисловія, отдѣланные обороты

Снимокъ съ „Книги глаголемая урядникъ новое уложеніе и устроеніе чина сокольничья пути“ Царя Алексѣя Михаиловича.

рѣчи, витіеватой, но очень выразительной, показываютъ, что предметъ, о которомъ писалъ царь — соколиная охота — слишкомъ волнуетъ его, затрогиваетъ всю его душу и заставляетъ ее вылиться въ массѣ звучныхъ словесныхъ оборотовъ. Въ самомъ дѣлѣ, вчитываясь въ это предисловіе, почти слышишь, какъ въ немъ бьется объятая восторгомъ душа охотника-поэта:

«*Зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя и забавляетъ веселіемъ радостнымъ и веселитъ охотниковъ сія птичья добыча. Безмѣрно славна и хвальна кречатья добыча. Удивительна же и утѣшительна и челига кречатья добыча. Угодительна потѣшна дермлиговая перелазка и добыча. Красносмотрителенъ же и радостенъ высокова сокола летъ. Премудра же соколья добыча и летъ. Добровидна же и копцова добыча и летъ. По сихъ доброутѣшна и привѣтлива правленыхъ ястребовъ и челиговъ ястребьихъ ловля; къ водамъ рыщеніе, ко птицамъ же доступаніе. Начало же добычи и всякой ловли — разсужденіе охотниковъ временамъ и порамъ; раздѣленіе же птицамъ въ добычахъ. Достовѣрному же охотнику нѣсть въ добычѣ и ловлѣ разсужденія временамъ и порамъ; всегда время и погодье въ полѣ.*

«*Будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія. Избирайте дни, ѣздите часто, напускайте, добывайте, нелѣниво и безскучно, да не забудутъ птицы премудрую и красную свою добычу*».

Еще сильнѣе чувствуется въ Алексѣѣ Михаиловичѣ охотникъ-поэтъ, когда онъ съ неподражаемою изобразительностью описываетъ подвиги — ловъ и летъ — своихъ любимыхъ соколовъ. Однажды онъ поѣхалъ «*отвѣдывать*», пробовать птицъ «*на добычахъ*», и вотъ между Сущовымъ и Напруднымъ (т.-е. въ нынѣшней мѣстности между Бутырскою и Троицкою заставами г. Москвы) наѣхалъ на «*прыскъ*», т.-е. на наѣзженное торное мѣсто, которое по весеннему времени было еще залито водою, и сталъ пробовать взятыхъ съ собою соколовъ. «*Отпустили*» — пишетъ онъ — «*сокола Мадина и онъ хорошо по-*

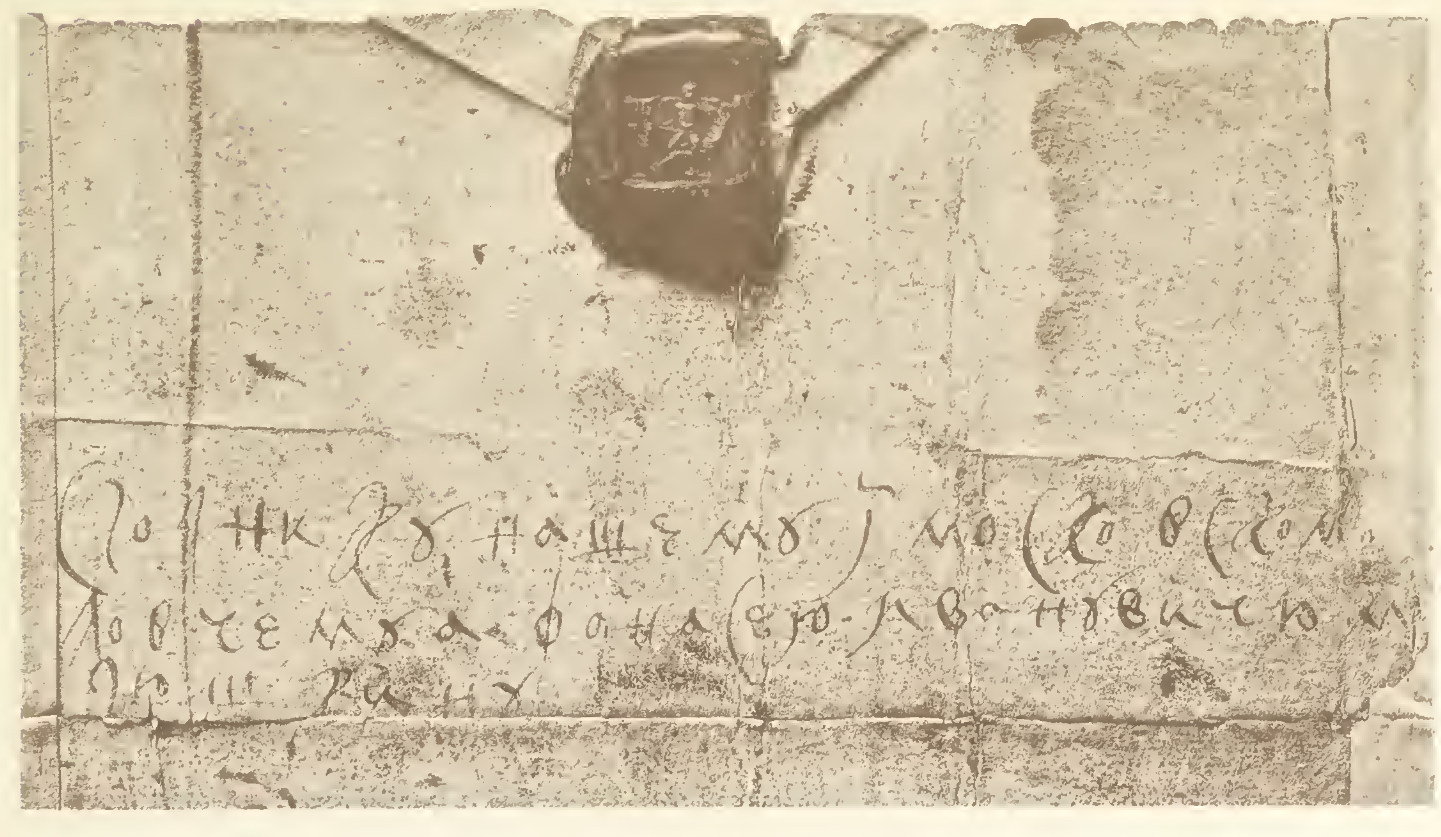
летѣлъ, да не слезъ, а утки многие связи и шилохвости и чирята, а въ длину вода та шесть саженъ и поперегъ двѣ сажени, да тѣмъ хорошо, что нѣкуда утечь, нѣтъ иныхъ водицъ близко; такъ Модину соколу дали вабило да отпустили сокола Семена Ширяева дикомытъ: такъ безмѣрно каково хорошо летѣлъ, такъ погналъ да осадилъ въ одномъ концѣ два гнезда шилохвостей, да полтретья гнезда чирятъ, такъ въ другореть погналъ, такъ понеслось одно утя шилохвость и милостию Божiею и твоими» (Матюшкина) *«молитвами и счастiемъ какъ еѣ мякнетъ по шеѣ, такъ она десятью перекинулась да ушла тына въ воду опять: такъ хотѣли по ней стрелять, почаели што худо заразилъ а онъ еѣ такъ заразилъ, што кишки вонъ; такъ она поплавала немножко да побежала на берегъ, а соколотъ и сѣлъ на ней»*... Въ этомъ безыскусственномъ описанiи сказалась вся страсть охотника, который, то съ опасенiемъ, то съ восторгомъ, но въ обоихъ случаяхъ съ одинаково глубокимъ волненiемъ, слѣдитъ за каждымъ движенiемъ любимаго сокола и безмѣрно счастливъ, когда соколъ не срамитъ его надеждъ; въ частомъ и страстномъ повторенiи слова „*такъ*“ чувствуется, какъ на этой охотѣ возрастали восторгъ и волненiе царя, и изъ всего описанiя встаетъ, какъ живая, фигура царя, гордаго побѣдою своего сокола.

На охотахъ съ соколами Алексѣй Михайловичъ внимательно изучалъ каждаго отдѣльнаго сокола, подмѣчалъ отличительныя черты въ прiемахъ охоты того или другого изъ нихъ и, на основанiи этихъ наблюденiй, напередъ умѣлъ разгадывать свойства соколовъ гораздо раньше, чѣмъ они проявлялись на дѣлѣ: «*видища какбы тяжелъ*» — пишетъ онъ про одного сокола — «*а добръ добрѣ будетъ*». Самъ слѣдилъ на охотахъ и съ точностью отмѣчалъ и записывалъ, сколько «*ставокъ*» дѣлаетъ тотъ или другой соколъ и какой «*верхъ*» беретъ. Неудивительно, что обитателей своей кречатни онъ зналъ и цѣнилъ безошибочно, какъ глубокiй знатокъ своего дѣла. Его заботы о птицахъ доходили до самыхъ мелкихъ подробностей: онъ самъ давалъ имена новымъ соколамъ, самъ указывалъ, какъ ихъ учить, какъ

3*

нужно примѣняться къ ихъ характернымъ особенностямъ. Однимъ словомъ, внутренняя жизнь и распорядки кречатни находились подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ самого царя. Можно сказать, что, если бы на плечахъ государя не лежало бремя государственныхъ заботъ, онъ всего себя отдалъ бы кречатнѣ, потому что съ этимъ уголкомъ тѣсно связаны были лучшія мгновенья его жизни. Но заботы правленія брали почти все *время*, для потѣхи оставались лишь *часы*, а между тѣмъ соколиная охота, со всѣми ея порядками, требовала постояннаго и буквально неусыпнаго наблюденія; вотъ почему Алексѣю Михайловичу необходимо было найти себѣ въ этомъ дѣлѣ вѣрныхъ помощниковъ, а за собой оставить лишь верховный надзоръ и главное руководство всѣмъ, что касалось красной и славной птичьей потѣхи. Талантъ истаго охотника, инстинктомъ отгадывающаго сродную себѣ натуру, помогъ царю остановить свой выборъ на двухъ лицахъ — его бывшихъ сверстникахъ и совоспитанникахъ: Аѳанасіи Ивановичѣ Матюшкинѣ и Василіи Яковлевичѣ Голохвастовѣ.

Въ исторіи охоты царя Алексѣя Михайловича Матюшкину принадлежитъ исключительная роль и значеніе. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что во всемъ, касавшемся охоты, онъ былъ самымъ надежнымъ и вѣрнымъ помощникомъ царя: это было какъ бы «око государево», неусыпно наблюдавшее за кречатней, съ ея птицами и многочисленной прислугой, съ ея своеобразными порядками и обычаями. Матюшкинъ отдавалъ кречатнѣ не только время, но и душу, работалъ, заботился и волновался дѣлами охотъ не изъ страха предъ гнѣвомъ царя, но изъ великой любви къ дѣлу и еще большей къ личности царя, съ которымъ онъ былъ связанъ узами родства, товарищества и тѣсной дружбы, покоившейся на единствѣ вкусовъ, на одинаковой любви къ одному и тому же дѣлу — охотѣ. Двоюродный братъ царя по матери, Аѳанасій Ивановичъ, неизмѣнно пользовался расположеніемъ царя, и платилъ ему самою горячею любовью и неизмѣнною преданностью во всемъ, что касалось завѣтныхъ же-

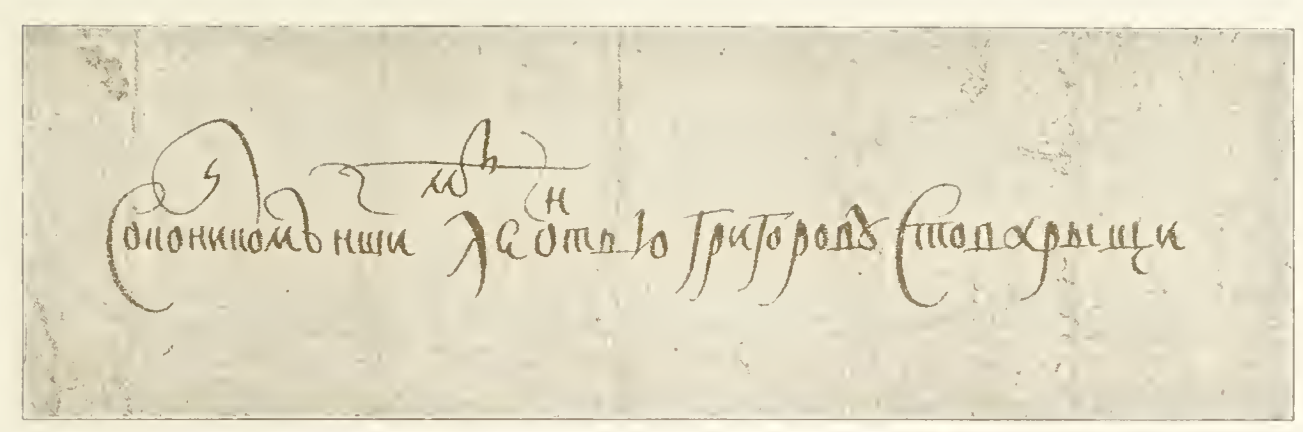
Письмо, адресъ и печать Царя Алексѣя Михаиловича къ стольнику и московскому ловчему А. И. Матюшкину.

ланій царя. Долгое время (до 1655 г.) не занимая офиціальнаго положенія при царскихъ охотахъ, онъ тѣмъ не менѣе на дѣлѣ всегда былъ главнымъ лицомъ въ этой области. Чрезъ него шли всѣ распоряженія царя относительно охотъ, чрезъ него посылались похвалы и одобренія, равно какъ и гнѣвъ, и порицанія царя, начальнымъ и простымъ охотникамъ. Когда государь былъ въ «походахъ», Матюшкинъ, оставаясь въ Москвѣ, вполнѣ замѣщалъ его въ отношеніи кречатни и несъ всю отвѣтственность за цѣлость и здоровье птицъ, за строгое и точное исполненіе заведенныхъ порядковъ, за вѣрную службу многочисленнаго личнаго состава царскихъ охотниковъ. И онъ умѣлъ оправдать довѣріе царя. Въ своихъ письмахъ къ Матюшкину Алексѣй Михаиловичъ не разъ выражалъ ему свое удовольствіе и благоволеніе за распорядительность и усердіе къ безпокойнымъ дѣламъ охоты. Въ одномъ изъ этихъ писемъ царь ясно выразилъ, какъ незамѣнимъ и дорогъ ему Матюшкинъ въ роли вѣрнаго человѣка при царской охотѣ; въ 1650 г., посылая изъ Калязина разныя порученія по кречатнѣ Матюшкину вмѣстѣ съ Голохвастовымъ и Хомяковымъ, Алексѣй Михаиловичъ писалъ: «*Я тепере кладуся на васъ во всемъ, какъ лутче, такъ и дѣлайте*». Нелегко было вполнѣ оправдать царское довѣріе, и Матюшкину, при всей его близости къ Алексѣю Михаиловичу, знакомы были и страхъ царскаго гнѣва и горечь царскаго упрека. Въ томъ же письмѣ, вслѣдъ за вышеприведенными словами, стоятъ слѣдующія строки: «*а будетъ вашимъ небреженіемъ Адарь, или Муратъ, ли Булатъ, или Стреляй, или Лихачъ, или Салтанъ* (соколы) *умрутъ и вы меня и не встрѣчайте*», т.-е., другими словами, готовьтесь къ опалѣ. Въ другой разъ, возвращая къ Матюшкину сокола, «утекшаго» съ кречатни, но пойманнаго близъ Рязани какимъ-то боярскимъ сыномъ, Алексѣй Михаиловичъ шлетъ Матюшкину упрекъ: «*вы теряете, а мы сыскиваемъ*». Вѣроятно, также за какой-нибудь недосмотръ, быть можетъ, даже невольный, со стороны Матюшкина, на одномъ изъ своихъ писемъ царь дѣлаетъ такую надпись: «*Письмо*

Приказъ Царя Алексѣя Михаиловича сокольникамъ, относящійся къ 1655 г.

отъ царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всеа Росіи самодержца, стольнику нашему Аѳанасью слѣпому».

Вообще переписка Алексѣя Михаиловича съ Матюшкинымъ, дошедшая до насъ въ числѣ 25 писемъ, даетъ много матеріала для характеристики какъ самого царя, такъ и его помощниковъ въ дѣлахъ соколиной охоты. Когда въ письмахъ Алексѣй Михаиловичъ дѣлится съ Матюшкинымъ впечатлѣніями своихъ охотъ, предъ чита-

Надпись на приказѣ Царя Алексѣя Михаиловича сокольникамъ.

телемъ встаетъ царь-охотникъ; когда онъ дѣлаетъ распоряженія относительно птицъ и порядковъ кречатни или другихъ предметовъ охоты, — читатель чувствуетъ присутствіе заботливаго, разумнаго и дѣловитаго хозяина, вникающаго во всѣ малѣйшія подробности дѣла. Царь хочетъ всегда знать о состояніи здоровья каждаго сокола; когда птицы больны, онъ требуетъ увѣдомленія, чѣмъ больны, и какъ ихъ лечатъ; вообще о состояніи кречатни требуетъ самыхъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній: «*отписать бы вамъ къ намъ.... подлинно про все, статья противъ статьи, и не оставить ни одной строки, противъ которой къ намъ не отписать*». Понимая, что въ такомъ дѣлѣ, какъ соколиная охота, успѣхъ и процвѣтаніе зависятъ всего больше отъ правильныхъ порядковъ и дисциплины, онъ приказывалъ Матюшкину, Голохвастову и Хомякову: «*робятъ*» (т.-е.

низшій служебный персоналъ) *держать въ рукахъ, чтобъ были вѣжливы...., чтобъ онѣ также были въ совѣтѣ межь себя и въ дружбе и раздору бъ межь ихъ не было никаково*». Послѣднее желаніе царя весьма важно, потому что, при существованіи раздора и ссоръ между начальными или рядовыми охотниками, взаимная мстительность, несомнѣнно, выразилась бы въ намѣренной порчѣ ловчихъ птицъ. Еще сильнѣе царь опасался подобной вражды между Матюшкинымъ и Голохвастовымъ и заклиналъ ихъ Богомъ «*быть в совѣтѣ и в любви; а будетъ вы Бога и меня не послушаете, и вы да будете прокляти в сей вѣкъ и в будущій*».

Порядокъ и согласіе низшихъ лицъ, служившихъ при соколиной охотѣ, поддерживались со стороны царя мѣрами двоякаго рода: за нерадѣніе о птицахъ, за нарушеніе обычаевъ и порядковъ службы, виновнымъ угрожали царскій гнѣвъ и кнутъ [12]); напротивъ, усерднымъ и старательнымъ улыбались царская милость, похвала и награда. Случалось, конечно, и то, и другое; но царь прекрасно понималъ, что въ такомъ дѣлѣ одного страха и угрозъ мало, и съ большимъ тактомъ умѣлъ заставить всѣхъ служащихъ полюбить дѣло охоты и работать для него охотно, радостно, любовно. Для этого онъ иногда велитъ разсказать сокольникамъ объ успѣхахъ того или другого сокола, такимъ образомъ намекая имъ, что онъ цѣнитъ ихъ труды по «держанью» и вообще по уходу за птицами, — что имъ онъ немало обязанъ ловчими подвигами своихъ птицъ; шлетъ имъ похвалы или приказываетъ «*спросить объ ихъ здоровьи*», въ отдѣльныхъ случаяхъ требуетъ даже точныхъ свѣдѣній о ходѣ болѣзни даже рядовыхъ сокольниковъ. Трогательна эта заботливость царя о маленькихъ людяхъ: «*всталъ-ли Карпунька*», или: «*сокольникамъ Парпушке, Михнѣйке, Левке, Митрошке, Корчмину, Шапилову, Марке есть-ли легче... и ужли-ль по старому ставятца*», т.-е. ходятъ въ нарядъ по службѣ? Безъ сомнѣнія, это теплое и участливое отношеніе царя къ своимъ охотникамъ порождало въ нихъ безграничную преданность самому царю и беззавѣтную любовь къ охотѣ.

Исключительная привязанность Алексѣя Михаиловича къ соколиной охотѣ составляла главную основу его охотничьей дѣятельности; но рядомъ съ нею въ душѣ царя-охотника сильна была одно время и склонность къ звѣровой охотѣ. Въ первые годы царствованія Алексѣй Михаиловичъ едва не поплатился жизнью за удовольствіе поохотиться на медвѣдя. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской г., существуетъ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, основанный Св. Саввою еще въ 1377 году. Изъ этой обители, въ одно изъ своихъ посѣщеній, Алексѣй Михаиловичъ отправился разъ на охоту въ окрестные лѣса. Случилось, что сопровождавшія его лица разбрелись по лѣсу, и царь, оставшись одинъ, увидѣлъ шедшаго прямо на него медвѣдя. Убѣжать и спастись не было никакой возможности, и царь ждалъ уже неминуемой смерти, какъ вдругъ передъ нимъ явился благолѣпный старецъ-инокъ, и медвѣдь тотчасъ же ушелъ. Царь спросилъ старца объ его имени, и старецъ сказалъ, что онъ одинъ изъ иноковъ Сторожевскаго монастыря, именемъ Савва; и, сказавъ это, старецъ скрылся въ лѣсу. Въ монастырѣ царь спросилъ объ этомъ инокѣ Саввѣ, но въ обители не оказалось ни одного инока съ такимъ именемъ. Но, увидавъ здѣсь икону Преподобнаго Саввы, написанную еще при жизни Святого (и донынѣ хранящуюся въ монастырѣ), царь понялъ, что его спасъ отъ смерти самъ Преподобный Савва, и въ благодарность тогда же положилъ открыть его мощи. Въ Январѣ 1652 г. гробъ Преподобнаго былъ открытъ патріархомъ Іосифомъ, и обрѣтенныя нетлѣнныя мощи были поставлены у южныхъ дверей соборнаго монастырскаго храма Рождества Богородицы, гдѣ находятся и нынѣ. Поэтъ Л. Мей въ чудныхъ стихахъ изобразилъ этотъ моментъ, которые я и привожу дословно:

ИЗБАВИТЕЛЬ.

Какъ любилъ Государь, православный царь,
Алексѣй Государь — свѣтъ Михайловичъ,
Какъ любилъ Государь больно жаловалъ

4

Ту потѣху свою государскую,
Ту охоту свою соколиную;
Да, любилъ Государь позабавиться —
Заоблавить въ дубровѣ сохатаго,
Аль расправить плечо неподатное
И медвѣдя поднять на рогатину...
Вотъ и было къ веснѣ, о Грачевникѣ,
Пріѣзжалъ Государь со боярами
Въ свою отчину, — городъ Звенигородъ,
Помолиться святому угоднику;
Въ келью сталъ къ самому настоятелю...
Будетъ — такъ, о полуднѣ, на третій день,
Мужичекъ и приходитъ къ келейнику:
«Обошелъ я медвѣдя для батюшки,
Для царя Алексѣя Михайловича,
Тамъ и тамъ: матерой, да породливый,
Только царской рукѣ и угодливый».
Доложили царю — усмѣхается,
А съ самимъ собой думушку думаетъ:
Аль пойти въ одиночку помѣряться,
Въ молодецкой удачѣ провѣриться?
И пошелъ... За плечами рогатина,
А у пояса ножъ златокованный...
И пошелъ монастырскою пущею...
Видитъ — тропка проложена по снѣгу,
И промерзлые сучья надломлены —
«Быть сюда»! И пошелъ, не задумавшись,
По тропѣ снѣговой, межъ березами.
Что ни шагъ, то нога оступается, —
Въ снѣгъ уходитъ по берцу, а охобень
Заметаетъ сугробы, а инеемъ
Вся бобровая шапка осыпана...
Засвѣтилась полянка... Подъ соснами
Куча хвороста снѣгомъ надавлена,
Бѣлый паръ такъ и валитъ въ отдушины;

Тутъ берлога... И царь снаровляется:
У рогатины жало осматривалъ,
Поясокъ свой шелковый подтягивалъ,
Съ плечъ спускалъ соболиный свой охобень,
И задумалъ загадку мудреную:
Быть — не быть, а свалить косолапаго...
Вотъ поднялъ онъ корягу изъ-подъ снѣга,
И ударилъ корягой по хворосту.
И медвѣдь заревѣлъ, — такъ что дерево
Надъ берлогой его закачалося, —
Показалъ онъ башку желтоглазую,
Вылѣзъ онъ изъ берлоги съ оглядкою,
Дыбомъ сталъ и полѣзъ на охотника,
А полѣзъ — угодилъ на рогатину.
Подъ косматой лопаткою хрустнуло,
Чернобурая шерсть побагровѣла...
Обозлился медвѣдь и рогатину
Перешибъ пополамъ, словно жердочку,
И подмялъ подъ себя онъ охотника,
И налегъ на него всею тушею.
Не сробѣлъ Государь — руку къ поясу —
Хвать! анъ ножъ-то его златокованный
И сорвался съ цѣпочки серебряной.
Воздохнулъ Государь — и въ послѣднее
Осѣнилъ онъ себя крестнымъ знаменьемъ...
Вдругъ скользнула съ плеча его царскаго
Стопудовая лапа медвѣжая;
Разогнулися когти и замерли,
И медвѣдь захрипѣлъ, какъ удавленный,
И свалился онъ на бокъ колодою.
Глянулъ царь — видитъ старца маститаго,
Ряса инока; взглядъ благовѣстника;
Въ шуйцѣ крестъ золотой, а десницею
Опустилъ онъ топоръ окровавленный...
Поднялся Государь — нѣту инока —

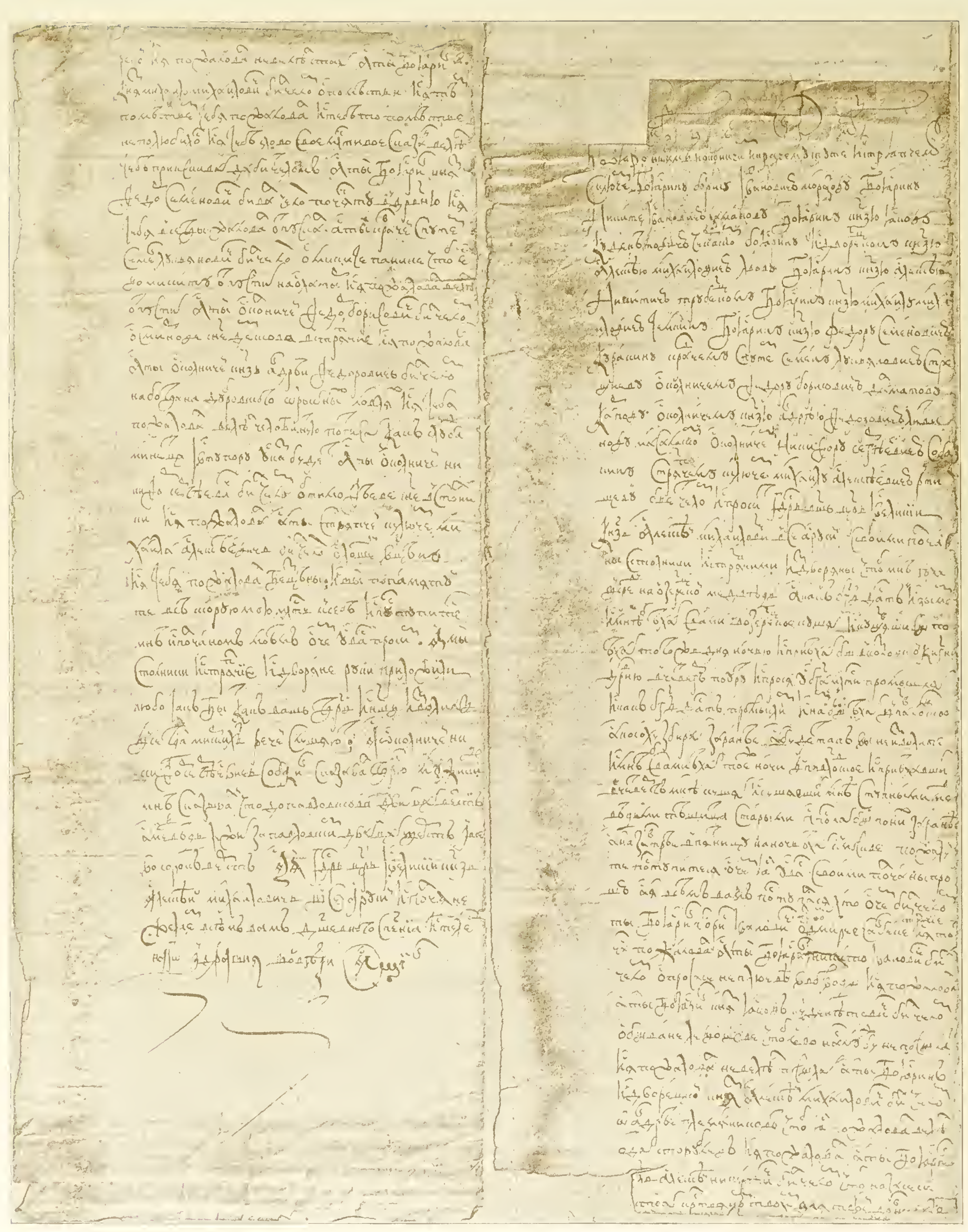
4*

Какъ во снѣ приходилъ — и никѣмъ никого
На полянкѣ и между деревьями,
Только звѣрь околѣлый валяется,
И башка у него вся раскроена. —
Постоялъ Государь — поглядѣлъ кругомъ
И пошелъ въ монастырь, призадумавшись...
А пришелъ, все сказалъ настоятелю
И велѣлъ привести честныхъ иноковъ
Передъ очи свои государевы:
Всѣ пришли, а его избавителя
Между честными старцами не было.
Царь и крѣпче того призадумался;
«Помощь свыше, десница Господняя»!...
Молвилъ онъ и пошелъ въ церковь Божію.
Тамъ на царское мѣсто, у клироса,
Становился и началъ молитися
Передъ образомъ свѣтлымъ угодника;
Да какъ глянулъ на ликъ преподобнаго —
Такъ и палъ на чело свое царское:
Понялъ — кто былъ его избавителемъ.
На другой день, за ранней обѣднею,
Отслужилъ онъ молебенъ угоднику
И вернулся къ Москвѣ бѣлокаменной.
А вернувшись къ Москвѣ бѣлокаменной,
Ко двору своему златоверхому,
Приходилъ Государь — не откладывалъ —
Въ терема къ Государынѣ ласковой,
Что своей ли Натальѣ Кириловнѣ,
Слезно съ ней обнимался — здоровался,
И сажалъ Государь, ухмыляючись,
На колѣни меньшаго царевича,
Государя Петра Алексѣича;
Цѣловалъ — миловалъ, приговаривалъ:
— «Охъ ты, дитятко, сердце строптивое,
Спозаранокъ въ тебѣ, мое дитятко,

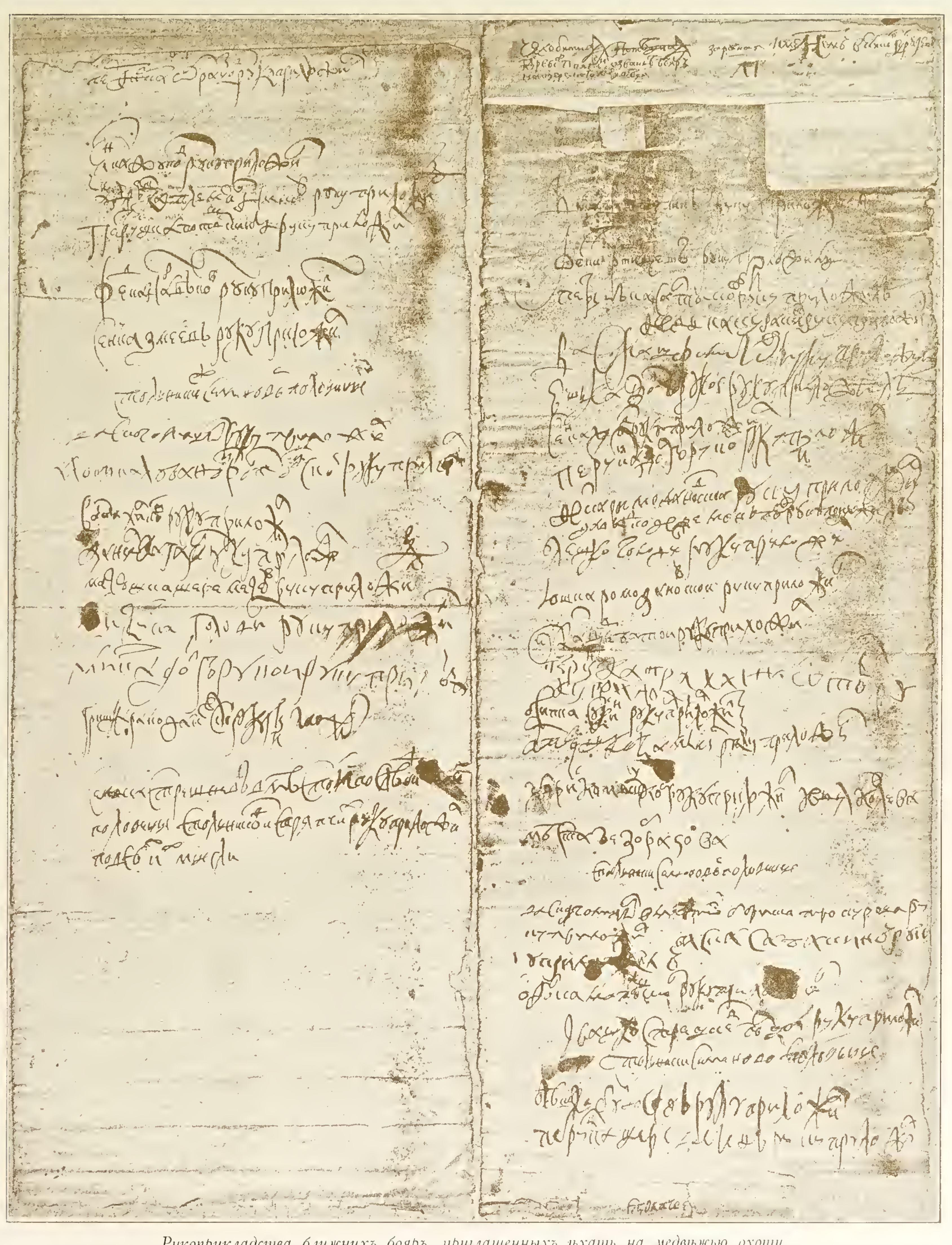
Расходилася кровь богатырская —
На румяныхъ щекахъ заалѣлася,
Въ соколиныхъ очахъ загорѣлася...
Подростешь ты, случится безвременье —
Разобидятъ завистники недруги,
Аль наступятъ на Русь на кормилицу,
И пойдешь ты войною на вороговъ —
Не надѣйся на силу могучую,
А надѣйся на милость Господнюю,
Да припомни ты слово отцовское:
Охраняютъ святые угодники,
И Господь благодатью пожаловалъ
Домъ честной Пресвятой Богородицы,
Вседержавную Русь православную».

Послѣ этого, въ продолженіе всей своей жизни, движимый чувствомъ признательности къ Преподобному Саввѣ, Алексѣй Михаиловичъ не переставалъ благотворить этой обители, богато украшалъ ее, дѣлалъ крупные вклады, построилъ при ней дворецъ для себя, другія зданія и ограду съ башнями. Часто посѣщалъ эту обитель и подолгу живалъ въ ней, посѣщая въ дни памяти Преподобнаго рѣшительно всѣ богослуженія; самъ завѣдывалъ дѣлами и денежными счетами обители, входилъ во всѣ подробности ея хозяйства, зналъ поименно всѣхъ ея иноковъ — словомъ, былъ какъ бы настоятелемъ этой царской обители своей.

Чудесное спасеніе отъ неминуемой смерти произвело на царя, какъ видно, глубокое впечатлѣніе, и воспоминаніе объ этомъ случаѣ всю жизнь не покидало его. Ужасныя минуты, пережитыя при этой встрѣчѣ съ глазу на глазъ съ разъяренным медвѣдемъ, не прошли безслѣдно и для охотничьихъ склонностей царя, но нѣсколько поохладили его молодое увлеченіе рискованными охотами на медвѣдей. По крайней мѣрѣ, послѣ 1650—1651 года, къ которому относится этотъ случай, царскія охоты на медвѣдей становятся весьма рѣдкими,

„Потѣшная“ Царя Алексѣя Михаиловича ближнимъ боярамъ ѣхать съ нимъ на медвѣжью охоту въ 1646 году.

Рукоприкладства ближнихъ бояръ, приглашенныхъ ѣхать на медвѣжью охоту, на оборотной сторонѣ „Потѣшной“ Царя, въ 1646 году.

тогда какъ до этого времени, въ теченіе 1645—1650 гг., Алексѣй Михаиловичъ весьма часто ходилъ на волковъ, на лисыи «осоки», и очень любилъ охоту на обложенныхъ медвѣдей. На эти охоты, веселыя и шумныя, царя обыкновенно сопровождали его полчане и стольники, все молодежь, такая же живая и подвижная, какъ и самъ Алексѣй Михаиловичъ; но иногда, желая устроить медвѣжью охоту на славу, царь звалъ съ собою на охоту и старшую дружину — бояръ. Въ 1646 году, когда Алексѣю Михаиловичу было только 17 лѣтъ, собрался онъ осѣкать медвѣдя въ одной изъ подмосковныхъ дачъ, въ селѣ Озерецкомъ, и на этого медвѣдя звалъ съ собою поохотиться и бояръ, при чемъ приглашеніе было сдѣлано имъ въ формѣ «челобитья» молодого царя къ знатнымъ боярамъ: Борису Ивановичу Морозову, Никитѣ Ивановичу Романову; князьямъ: Черкасскому, Львову, Трубецкому, Куракину, Темкину, Литвинову-Масальскому; окольничимъ: Далматову-Карпову и Собакину, и стряпчему Ртищеву. Приглашая ихъ на охоту отъ своего и своихъ полчанъ имени и указывая порядокъ предстоящей охоты, царь пишетъ въ своемъ челобитьѣ: «*пожалуйте поступитеся, о чемъ я у васъ съ своими полчаны прошю, а я всѣмъ вамъ поступался, кто о чемъ билъ челомъ*», и далѣе каждому приглашаемому боярину въ отдѣльности напоминаетъ о тѣхъ ихъ челобитьяхъ, какія онъ охотно исполнялъ для нихъ; въ концѣ «челобитья» младшая дружина царя — «*стольники, и стряпчіе и дворяне руки приложили: любо такъ быть, какъ вашъ государь и нашъ изволилъ*», и убѣдительно добавляли: «*всегда мірскихъ рѣчей слушаютъ*» [13]). Нельзя сомнѣваться, что эта охота была одна изъ самыхъ оживленныхъ и интересныхъ, такъ какъ среди приглашенныхъ бояръ были настоящіе любители ея и мастера своего дѣла, въ особенности бояринъ Морозовъ и князь Черкасскій.

Весьма характерно, что увлеченіе Алексѣя Михаиловича звѣровыми охотами относится къ его юнымъ годамъ. Въ этомъ увлеченіи отразились не сложившіеся охотничьи вкусы царя, но избытокъ мо-

лодыхъ силъ и свойственная молодости жажда сильныхъ ощущеній. Дѣйствительные охотничьи вкусы царя сложились позже, въ возрастѣ около 25 лѣтъ, когда онъ уже безповоротно весь отдается соколиной охотѣ и знаетъ и цѣнитъ только ее одну. Правда, и позднѣе встрѣчаются изрѣдка извѣстія о звѣровыхъ охотахъ царя, но число ихъ въ сравненіи съ соколиными столь ничтожно, что и въ счетъ нейдетъ, а самыя извѣстія о нихъ такъ глухи и малозначительны, что не даютъ повода считать эти охоты сколько-нибудь похожими на Озерецкую. Въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ своего царствованія Алексѣй Михаиловичъ почти исключительно тѣшился охотой съ ловчими птицами; но пора наибольшаго увлеченія, пора наиболѣе частыхъ ради нея поѣздокъ, относится къ десятилѣтію между 1657—1667 гг. [14]).

За 1657 годъ имѣются подробныя указанія объ охотахъ Алексѣя Михаиловича въ сохранившемся отрывкѣ его охотничьяго дневника. Еще въ 1650 году царь приказалъ Матюшкину «*записывать въ который день и котораго числа дождь будетъ*», и это приказаніе послужило основаніемъ къ составленію особыхъ «дневальныхъ записокъ», изъ которыхъ до насъ дошла только часть, относящаяся къ 1657 году. Время отъ времени, иногда по нѣскольку дней сряду, записки обозначаютъ, когда ходилъ государь тѣшиться на поле и въ какихъ именно поляхъ тѣшился. Съ весны до осени этого года государь тѣшился соколами, по среднему расчету, черезъ день: въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ въ дневникѣ отмѣчено 11 дней, когда онъ ходилъ въ поле, въ Маѣ — 16, въ Іюнѣ — 20, въ Іюлѣ — 18 и въ Августѣ — 9. Въ нѣкоторые дни, когда погода была особенно хороша для охоты, Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ поле по два раза въ день. Охота съ соколами производилась въ разные часы дня: иногда государь шелъ въ поле съ ранняго утра, едва только развѣтало, иногда «послѣ ранняго кушанья», т.-е. послѣ завтрака, но гораздо чаще «до и послѣ столоваго кушанья», т.-е. послѣ полудня; съ охоты

5

Коломенскій дворецъ, сооруженъ Царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ.
Воспроизведеніе офорта Гильфердинга XVIII столѣтія.

возвращался по бóльшей части къ вечеру, а иногда уже съ наступленіемъ ночи [15]).

Безъ сомнѣнія, и въ другіе годы этого десятилѣтія царь охотился столь же часто, какъ и въ 1657 году, хотя и не сохранилось дневальныхъ за эти годы записокъ. Вообще, въ этотъ періодъ для царя

было большой досадой, если въ теченіе нѣсколькихъ дней ему не удавалось позабавиться охотой съ соколами. Въ Іюлѣ 1660 года онъ въ письмѣ къ Матюшкину, между прочимъ, жаловался на подобный случай: «*Не ходилъ на поле тѣшитца Іюня съ 25 числа Іюля по 5 число, и птичій промыселъ поизмышался*». Въ годы, слѣдовавшіе за этимъ десятилѣтіемъ, вплоть до самой своей смерти, Алексѣй Михайловичъ не переставалъ любить соколиную охоту, но пошатнувшееся здоровье не всегда позволяло ему отдаваться любимой забавѣ съ беззавѣтностью прежнихъ лѣтъ. Въ послѣднія десять лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича случались перерывы въ его охотахъ на полгода, на девять мѣсяцевъ и на цѣлый годъ, когда онъ не покидалъ Москвы для соколиныхъ охотъ. Его послѣдняя, извѣстная по документамъ, поѣздка на соколиную охоту въ окрестностяхъ селъ Семеновскаго и Измайловскаго была 16 Августа 1675 г. Въ Январѣ слѣдующаго 1676 г. Алексѣй Михайловичъ тихо скончался.

Послѣ его смерти соколиная охота постепенно приходитъ въ упадокъ и отходитъ въ область преданій былыхъ невозвратныхъ временъ [16]).

Въ такомъ видѣ представляется охотничья дѣятельность двухъ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ. Благодаря ихъ заботамъ и трудамъ, охотничье дѣло, совершенно забытое въ эпоху смутъ, вновь возродилось, и въ веселыхъ окрестностяхъ Москвы попрежнему закипѣла шумная охотничья жизнь. Бо́льшая часть этихъ охотъ происходила вблизи Москвы, въ окрестностяхъ селъ, со всѣхъ сторонъ опоясывавшихъ Первопрестольную. Наиболѣе любимыми мѣстами царскихъ охотъ въ эту эпоху служили слѣдующія села:

С. *Коломенское*, расположенное по рѣкѣ Москвѣ, въ 6 верстахъ отъ Серпуховской заставы и изстари принадлежавшее къ вотчиннымъ землямъ московскихъ князей. Эта мѣстность представляла собою одну изъ самыхъ красивыхъ московскихъ окрестностей, а для соколиной охоты — одну изъ самыхъ удобныхъ, благодаря обилію въ ней залив-
5*

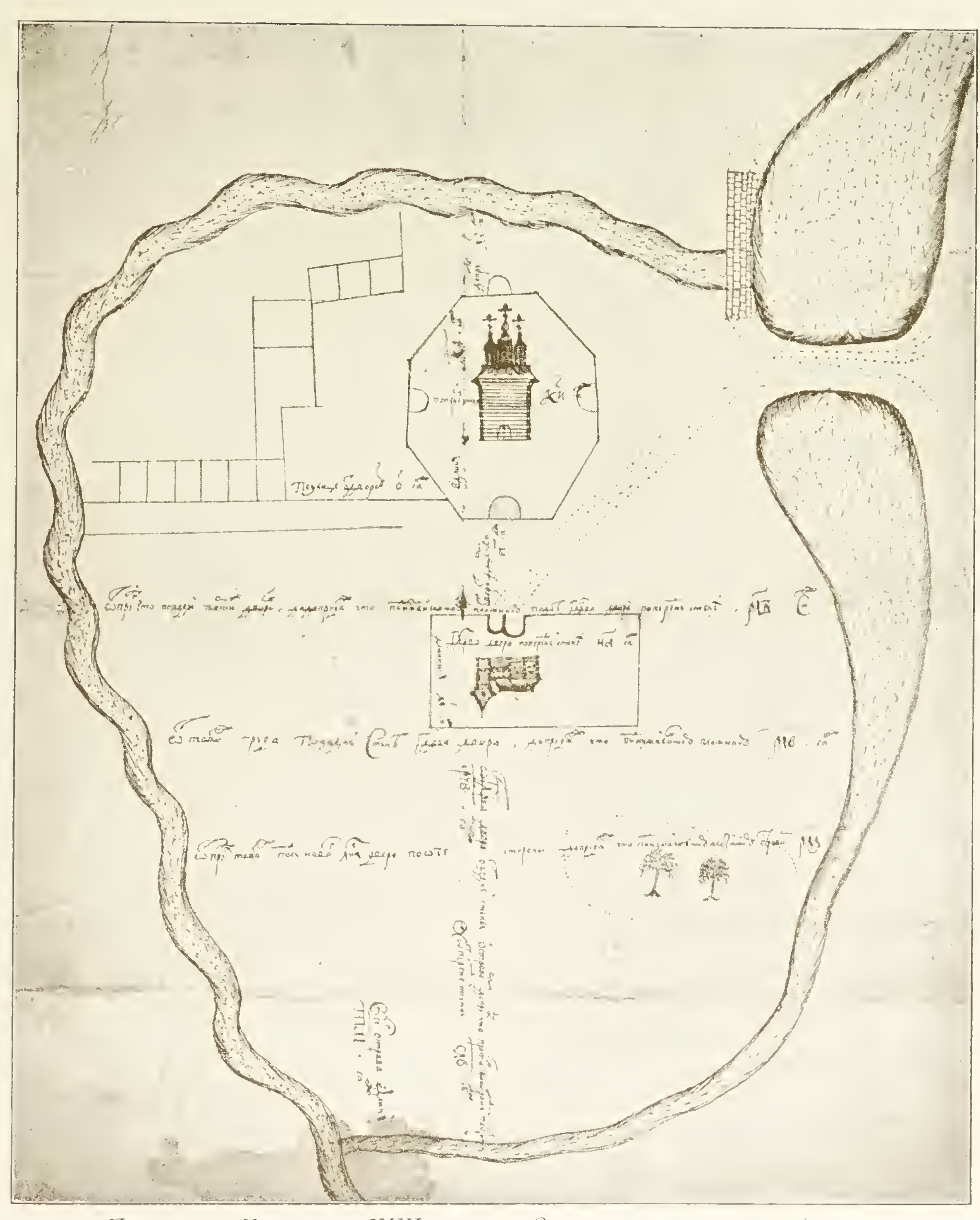
ныхъ луговъ. Во время половодья на этихъ лугахъ появлялось великое множество дичи, и раннею весною соколиныя охоты устраивались здѣсь особенно часто.

С. *Измайловское* въ охотничьемъ отношеніи представляло меньше удобствъ (хотя и здѣсь соколиныя охоты бывали нерѣдко), но зато славилось, какъ прекрасно устроенный царскій хозяйственный хуторъ, который показывали иноземцамъ, какъ достопримѣчательность. Начало Измайловскаго царскаго хозяйства относится къ 1663 году, когда Алексѣй Михаиловичъ сталъ переселять сюда крестьянъ изъ другихъ дворцовыхъ вотчинъ. Съ того времени заведена здѣсь пашня въ огромныхъ размѣрахъ, садоводство, пчеловодство и другія хозяйственныя статьи, въ томъ числѣ даже шелководство. Въ устройствѣ хуторскаго хозяйства, какъ увидимъ ниже, принимали участіе и чины сокольничья пути.

С. *Семеновское*, которое было расположено въ мѣстности нынѣшней Лефортовской улицы въ Москвѣ. Близъ этого села, на озерахъ и болотахъ, прикармливались дикіе утята, для чего при Алексѣѣ Михаиловичѣ отпускался казенный овесъ.

С. *Покровское*, иначе называвшееся (при Михаилѣ Θеодоровичѣ) Рубцовымъ, часто служило мѣстомъ соколиныхъ охотъ Михаила Θеодоровича. Здѣсь былъ знаменитый садъ, устроенный еще въ 1635 году и заботливо поддерживаемый въ царствованіе Михаила Θеодоровича, такъ какъ царское семейство обыкновенно проводило здѣсь лѣто.

С. *Хорошево*, въ семи верстахъ отъ Прѣсненской заставы, по Звенигородской дорогѣ, оправдывало свое названіе красивымъ мѣстоположеніемъ, такъ что въ народѣ ходила даже поговорка: «Хорошо Хорошёво, да не наше, а царёво». Оно изстари принадлежало роду бояръ Романовыхъ, а при Михаилѣ Θеодоровичѣ перешло въ составъ дворцовыхъ вотчинъ. Во время охотничьихъ отъѣздовъ цари часто останавливались въ существовавшемъ здѣсь деревянномъ дворцѣ и нерѣдко выѣзжали сюда на лѣтнее временное пребываніе.

Планъ села Измайлово, XVII стол. — Островъ около царныхъ дворовъ.
(Хранится въ Архивѣ Министерства Иностр. дѣлъ, въ г. Москвѣ).

По сосѣдству съ Хорошевымъ была расположена *Кунцевская мѣстность*. Кунцево въ началѣ XVII в. представляло изъ себя не-

большую деревушку, на лѣвомъ берегу рѣчки Хвилки, и принадлежало селу Хвилямъ, которое было родовою вотчиною князей Мстиславскихъ; въ срединѣ XVII вѣка оно перешло въ дворцовое вѣдомство, а послѣ женитьбы Алексѣя Михаиловича на Милославской, оно было пожаловано царскому тестю, боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому. Кунцевская мѣстность изобиловала болотами и густыми старыми лѣсами, гдѣ много водилось всякаго лѣсного звѣря: волковъ, медвѣдей, лисицъ и зайцевъ. Эта мѣстность была заповѣдною стороною и строго охранялась собственно для царскихъ охотъ, звѣриной и птичьей. Для Алексѣя Михаиловича она была особенно любезна тѣмъ, что чрезъ нее лежала дорога въ три дорогіе для него пункта: въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, къ тестю Милославскому и къ дядькѣ Морозову, не говоря уже о томъ, что Хвильскія и Хорошевскія болота, расположенныя въ этой мѣстности, сами по себѣ представляли много заманчиваго для соколинаго охотника. Ему часто приходилось здѣсь «пробовать» своихъ соколовъ, и онъ великолѣпно зналъ эту мѣстность, очень заботился о болотахъ и строго приказывалъ беречь на нихъ всякихъ птицъ, и постороннимъ сюда отнюдь не ѣздить и не травить соколами, особенно, когда нужно было «править», т.-е. учить царскихъ соколовъ. Въ Кунцевскихъ лѣсахъ Алексѣю Михаиловичу случалось не разъ охотиться на звѣрей: бывали здѣсь горячія лисьи осоки, осѣкали медвѣдей, и однажды даже объѣхали волка, что почиталось большимъ охотничьимъ искусствомъ. Словомъ, это было одно изъ любимыхъ мѣстъ Алексѣя Михаиловича, и онъ часто перебрасывалъ свои потѣхи изъ Коломенскаго прямо въ Хорошево и Кунцевскую мѣстность.

Изъ другихъ охотничьихъ мѣстностей слѣдуетъ отмѣтить село *Преображенское*, близъ Москвы, на лѣвомъ берегу рѣки Яузы; *Сокольники* или Сокольничье поле, гдѣ жили сокольники и выпашивались царскіе соколы; *Ростокино* въ 4 верстахъ отъ Москвы, по дорогѣ къ Троицкой лаврѣ; *Островъ*, дворцовое село, въ 20 верстахъ

97.
В. Васнецовъ

отъ Москвы; *Тарасовку* на Клязьмѣ, въ 24 верстахъ; *Пустынь*, дворцовое село, въ Домодѣдовской волости; *Тонинское* по Дмитровской дорогѣ, въ 33 верстахъ; *Рогачево*, близъ Троицкой лавры, въ 60 верстахъ отъ Москвы, и другія менѣе значительныя мѣстности [17]).

Охота въ мѣстностяхъ, болѣе отдаленныхъ отъ Москвы, производилась царями по бо́льшей части во время ихъ походовъ на богомолье въ чтимые монастыри: Троицкую лавру, Саввинъ-Сторожевскій монастырь, или во время ихъ поѣздокъ «для своего государева и земскаго дѣла» въ разные города, напр., въ Смоленскъ, Можайскъ, Боровскъ и т. п. [18]).

Отправляясь изъ Москвы «въ походъ» въ дальніе или ближніе монастыри или въ подмосковныя села для охотъ и лѣтняго пребыванія, государи, по заведенному порядку, поручали оберегать Москву двумъ боярамъ, одному или двумъ окольничимъ и двумъ думнымъ дьякамъ, и эти лица въ отсутствіе царя вѣдали всѣ текущія дѣла правленія [19]). Самый выѣздъ царей изъ Москвы совершался съ большою торжественностью. Впередъ обыкновенно отправлялся кто-нибудь изъ окольничихъ «пути строить и для дворовыя заимки становъ». Царя сопровождали бояре, окольничіе, думные и ближніе люди, стряпчіе, дворяне, жильцы, всѣ по особой росписи, и значительный конвой изъ воинскихъ чиновъ. Насколько была величественна общая картина царскаго выѣзда, можно судить по слѣдующему описанію. Въ Апрѣлѣ 1651 г. Алексѣй Михаиловичъ дѣлалъ выѣздъ въ село Покровское. Напередъ былъ отправленъ въ Покровское съ постельнымъ возкомъ постельничій и съ нимъ стряпчій съ ключемъ Григорій Ртищевъ, которыхъ сопровождали жильцы, въ количествѣ 300 человѣкъ, въ цвѣтномъ платьѣ, ѣхавшіе на аргамакахъ и жеребцахъ, убранныхъ ратною сбруей; жильцы были выстроены въ колонну по три въ рядъ. За ними ѣхалъ стрѣлецкій голова Михайло Зыбинъ съ сотниками стрѣлецкаго приказа и стрѣльцами на коняхъ; 300 стрѣльцовъ, также въ цвѣтномъ платьѣ и съ карабинами, ѣхали по пяти

„Золотыя ворота" въ селѣ Измайлово подъ г. Москвой
(сообщ. А. Бахрушинъ).

человѣкъ въ рядъ. За стрѣльцами ѣхало 500 рейтаровъ, построенные рейтарскимъ строемъ, имѣя во главѣ полковниковъ и иныхъ начальныхъ людей. За ними 12 человѣкъ стрѣлковъ съ долгими пищалями. Далѣе слѣдовалъ дьякъ конюшеннаго приказа Дмитрій Булгаковъ, а за нимъ конюха вели государева сѣдла́ простыхъ жеребцовъ, аргамаковъ, коней и иноходцевъ, всего 40 лошадей въ великолѣпныхъ сѣдлахъ и полномъ «большомъ» нарядѣ; за верховыми лошадьми слѣдовали двѣ перемѣны возниковъ, т.-е. упряжныхъ лошадей, въ бархатныхъ и цвѣтныхъ суконныхъ расшитыхъ чехлахъ: 6 возниковъ были темносѣрые, другіе шесть буланые. Далѣе ѣхалъ самъ царь въ аглицкой каретѣ, запряженной шестерикомъ темнокарихъ возниковъ, съ крашенымъ нѣмецкимъ перьемъ въ начёлкахъ; кучера были одѣты

въ червчатые бархатные кафтаны и собольи шапки съ нѣмецкими перьями. Съ государемъ въ каретѣ ѣхали: противъ государя бояринъ Морозовъ, по правую сторону у дверцы князь Трубецкой, по лѣвую князь Одоевскій. Впереди кареты ѣхалъ бояринъ Стрѣшневъ, подлѣ кареты справа—окольничій князь Хворостининъ. За каретой слѣдовалъ рында стольникъ князь Григорій княжъ Сунчалѣевъ сынъ Черкаской съ 12 жильцами въ цвѣтномъ платьѣ, далѣе—ясельничій, за которымъ 8 пѣшихъ конюховъ вели двухъ лошадей государева сѣдла, въ большомъ конскомъ нарядѣ и подъ нарядными большими сѣдлами, а въ рукахъ тѣ же конюхи несли нарядные сѣдельные покровцы. По обѣ стороны дороги шли 300 пѣшихъ стрѣльцовъ, въ цвѣтныхъ зипунахъ, при шпагахъ и кованыхъ батогахъ. Вблизи самой кареты шли стрѣлецкіе головы и сотники, одѣтые въ шитыхъ золотомъ бархатныхъ ферязяхъ и чюгахъ, съ саблями и оправными топорами. Въ хвостѣ этого кортежа ѣхали стольники, стряпчіе, дворяне и всякихъ чиновъ люди, по 3 въ рядъ, въ цвѣтномъ, расшитомъ золотомъ, платьѣ, на аргамакахъ и другихъ породъ хорошихъ коняхъ, въ великолѣпной сбруѣ. Шествіе замыкалъ стряпчій съ государевымъ запаснымъ возкомъ, имѣя позади себя простыхъ стряпчихъ, въ цвѣтномъ платьѣ, по 3 въ рядъ, на коняхъ [20]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда государь совершалъ выѣздъ со всей своей семьей, сопровождавшій ихъ кортежъ былъ еще значительнѣе, при чемъ въ немъ участвовало немало особъ женскаго пола, состоявшихъ при царицѣ и царевнахъ. Во время похода въ с. Преображенское, въ Октябрѣ 1674 г., Алексѣя Михаиловича сопровождали царица, царевичи и царевны. Царь ѣхалъ въ каретѣ съ царевичемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ; далѣе, въ своей каретѣ ѣхалъ царевичъ Иванъ Алексѣевичъ съ дядькой и стольниками; за нимъ ѣхала государыня въ колымагѣ, запряженной 12 цвѣтными возниками, имѣя съ собою царевича Петра Алексѣевича и меньшихъ царевенъ, съ которыми ѣхали мамки и боярскія жены; въ слѣдующей колымагѣ, также запряженной 12 цвѣтными возниками, сидѣли большія царевны

6

и при нихъ боярыни дворовыя; позади въ особыхъ колымагахъ слѣдовали верховыя боярыни, казначеи, карлицы и постельницы [21]). Во время этихъ походовъ особыя лица везли за государемъ его гардеробъ, столовыя принадлежности, шатры, палатки. На пути, при «слазкахъ», т.-е. краткихъ остановкахъ, государь иногда переодѣвался, конечно, не столько ради необходимости, сколько ради «чина», заведеннаго порядка. Обычное ѣздовое платье государя во время такихъ выѣздовъ отличалось блескомъ и роскошью: для лѣтнихъ поѣздокъ бѣлый атласный зипунъ, съ обнизью изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ; червчатая бархатная чюга, съ канительной нашивкой и жемчугомъ; шитый золотомъ по лазоревому фону кушакъ; ѣздовая ферязь изъ малиновой зуфи, съ жемчужнымъ украшеніемъ; горлатная шапка съ колпакомъ и посохъ; зимою теплый ѣздовой соболій кафтанъ, суконная ферязь на собольемъ мѣху и зипунъ изъ бѣлой тафты; шапка бархатная яркихъ цвѣтовъ [22]).

Во время поѣздокъ на охоты или дачной жизни государь приказывалъ иногда раскинуть шатры. Палатками и шатрами завѣдывалъ особый шатерничій, сопровождавшій царя въ поѣздкахъ со всѣмъ шатернымъ скарбомъ. Царскіе шатры отличались большою роскошью, которая поражала даже видавшихъ виды иноземцевъ. Англичанинъ Коллинсъ, проживішій 9 лѣтъ при дворѣ Алексѣя Михаиловича въ качествѣ врача, разсказываетъ, что у царя были 3 великолѣпныя палатки: для себя, царицы и дѣтей. Государева палатка была сдѣлана изъ золотой парчи и украшена соболями, царицына изъ серебряной и украшена горностаями, палатка князей была нѣсколько проще и скромнѣе. Царскія палатки располагались кругомъ, въ центрѣ котораго помѣщалась палатка для походной церкви. «Видъ на нихъ такъ величественъ» — говоритъ Коллинсъ — «что я не видывалъ ничего подобнаго въ этомъ родѣ. Впереди поставлены рогатки и стражи на ружейный выстрѣлъ отъ палатокъ, и никто не можетъ пройти эту ограду безъ повелѣнія, потому что царь не хочетъ, чтобы про-

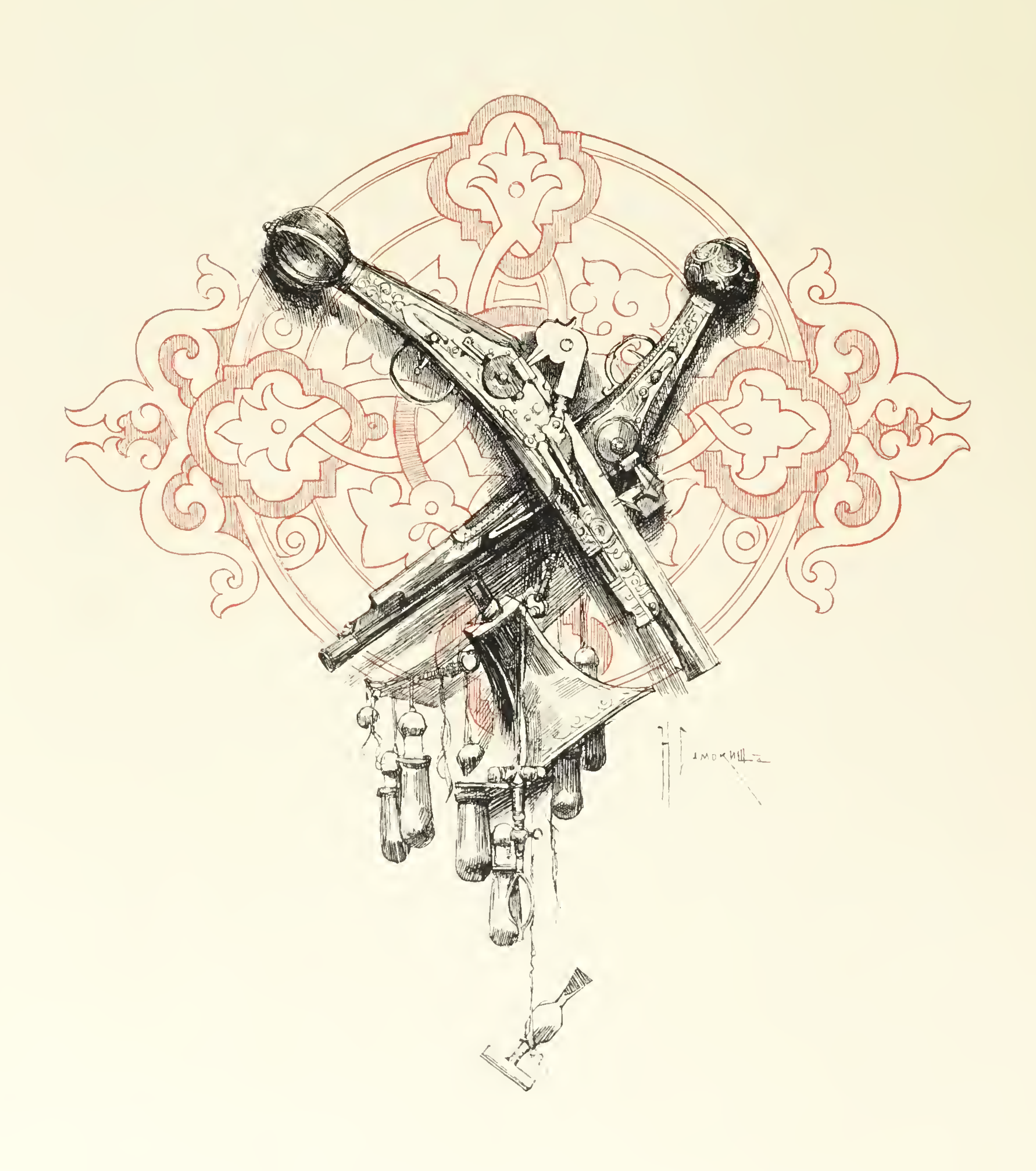
Выѣздъ боярина на охоту изъ г. Коломны въ началѣ XVII стол.
Съ современной гравюры по рисунку Н. Витзенъ.

стой народъ видѣлъ, какъ онъ забавляется» [23]). Кромѣ этихъ, видѣнныхъ Коллинсомъ, царскихъ шатровъ, у Алексѣя Михаиловича много было и другихъ, не менѣе роскошныхъ, палатокъ, и въ томъ числѣ одна, подаренная ему бухарскимъ царемъ, а другая, поднесенная турецкимъ посломъ [24]).

Обыкновенныя поѣздки царей на дѣйствительную охоту совершались съ бóльшей простотой и безъ ненужной толпы. Государя сопровождали только люди, необходимые при псовой и соколиной охотѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда охота устраивалась для развлеченія царской семьи, поѣздки опять были пышныя, многолюдныя и шумныя. На охоту ѣхали въ каретахъ и съ большими церемоніями; въ толпѣ сопровождавшихъ царскую семью бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, ближнихъ людей, стольниковъ и иныхъ чиновъ дѣйствительные охотники стушевывались; въ поѣздкѣ, ради «чина», конечно, участвовали мамы, боярыни, казначеи, кормилицы и другія женщины,

6*

служившія при царицѣ и царевнахъ [25]). При столь многолюдномъ и не совсѣмъ подходящемъ для охотъ составѣ участниковъ, эти охоты едва ли были особенно удачны, но шуму, забавъ и потѣхи бывало не мало, что, конечно, главнымъ образомъ и имѣлось въ виду при устройствѣ подобныхъ поѣздокъ.

Глава II.

Царскія охоты и потѣхи.

Условія охоты, какъ царской, такъ и народной, въ XVII в. были менѣе благопріятны, чѣмъ въ вѣка, ему предшествовавшіе. Благодаря заселенію дѣвственныхъ пространствъ, истребленію лѣсовъ, постояннымъ охотамъ, количество звѣрей постепенно уменьшалось, и Россія XVII в. не могла уже похвалиться тѣмъ разнообразіемъ породъ звѣрей и дичи, какимъ славилась древняя Русь. Нѣкоторыя породы звѣрей совсѣмъ перевелись и исчезли, другія перекочевали на востокъ, въ Сибирскія страны, менѣе людныя и для нихъ болѣе спокойныя. Къ этому времени соболь окончательно покинулъ Россію и удалился за Уральскій хребетъ, уходя все глубже и глубже на сѣверо-востокъ Сибири, вплоть до самаго Охотскаго моря. Вслѣдъ за

соболемъ отодвигаются къ востоку пугливые бобры; бобровые гоны еще существовали по мѣстамъ, но ихъ къ XVII в. уцѣлѣло очень немного и они были поставлены подъ особое покровительство законовъ: во-первыхъ, строго запрещалась хищническая охота на бобровъ при помощи капкановъ, при чемъ капканы конфисковались, а ослушники и кузнецы, починявшіе старые капканы или дѣлавшіе новые, наказывались «доправкой» (штрафомъ) и были биты кнутомъ; при троекратномъ нарушеніи закона ихъ били кнутомъ нещадно и сажали въ тюрьму, донося о нихъ самому царю [26]); во-вторыхъ, запрещалось кому бы то ни было отгонять бобровъ отъ мѣстъ, гдѣ объявятся бобровые гоны, и въ такихъ случаяхъ владѣлецъ земли, на которой объявились они, могъ искать судомъ съ виновныхъ денежнаго удовлетворенія за отпуганныхъ, похищенныхъ или побитыхъ бобровъ «по указной цѣнѣ»; но если бы бобры сами перешли на землю другого владѣльца, то онъ считался ихъ собственникомъ, а прежнему владѣльцу «до того новаго боброваго гнѣзда дѣла нѣтъ» [27]). Одинъ иностранецъ, писавшій о современной ему русской торговлѣ 1647 г., утверждалъ даже, что «въ Россіи бобровъ нѣтъ и что туда ихъ привозятъ Голландцы и Гамбуржцы» [28]). Хотя это сообщеніе совершенно невѣрно, но оно отчасти объясняется значительнымъ оскудѣніемъ бобровъ въ центральной полосѣ Россіи. Въ XVII в. бобровые гоны лишь изрѣдка встрѣчались въ сѣверо-западныхъ, бѣлорусскихъ областяхъ, въ большомъ количествѣ имѣлись на восточной границѣ, но въ срединной полосѣ совсѣмъ не попадались, и одна только Сибирь была еще очень богата бобрами всякихъ сортовъ.

Оскудѣніе звѣрей и дичи въ Россіи XVII в. было, однако, относительное только въ сравненіи съ неисчерпаемымъ богатствомъ и разнообразіемъ звѣрей въ древней Руси. Внѣ этого сравненія она все же была богата всякимъ звѣремъ, и, съ этой стороны, удивляла иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ періодъ царствованія Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича. Многіе иностранные писатели

говорятъ о богатствѣ звѣрей и птицъ въ Россіи за этотъ періодъ [29]). «Вся Россія, какъ и Ливонія», пишетъ Олеарій, «повсемѣстно, за исключеніемъ пространствъ, выжженныхъ подъ хлѣбныя поля, покрыта кустарниками и лѣсами; оттого-то тамъ бездна всякой лѣсной дичи, птицъ и звѣрей. Пернатая дичь, водящаяся тамъ въ громадномъ числѣ, не считается за рѣдкость и не цѣнится такъ высоко, какъ у насъ: тетеревовъ, разныхъ рябчиковъ, куропатокъ, дикихъ гусей и утокъ, журавлей, лебедей тоже бездна, мелкихъ же птицъ, какъ дроздовъ, жаворонковъ и пр., хоть ихъ и множество, считаютъ не стоящими того, чтобы ихъ ловить и употреблять въ пищу... Лѣса богаты всякаго рода дикими звѣрями, за исключеніемъ оленей, которыхъ тамъ или вовсе нѣтъ, или, какъ увѣряютъ нѣкоторые, встрѣчаютъ очень рѣдко. Зайцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а въ Ливоніи вездѣ, лѣтомъ сѣрые, а зимою бѣлые, какъ снѣгъ. Замѣчательно, что въ Куроніи, граничащей съ Ливоніей и отдѣляющейся отъ нея только рѣкою Двиною, зайцы и зимою остаются сѣрые. Поэтому, если поймаютъ послѣ замерзанія Двины въ Ливоніи такого зайца, его называютъ Куронскимъ перебѣжчикомъ... Кромѣ этихъ... въ Россіи водится множество хищныхъ звѣрей: медвѣдей, волковъ, рысей, тигровъ (рѣчь идетъ, вѣроятно, о тигровой рыси), лисицъ, соболей (?) и куницъ, мѣхами которыхъ Русскіе ведутъ значительную торговлю». Каждая мѣстность имѣла своихъ звѣрей, сообразно съ климатическими и другими естественными условіями, но, какъ общее правило, фауна была и многочисленнѣе, и разнообразнѣе тамъ, гдѣ мѣстность была рѣже заселена людьми. Поэтому страны, лежавшія на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи, — области Двинская, Югорская и Пермская, — особенно изобиловали дикими звѣрями и животными. Здѣсь большими стадами водились сѣверные олени, которыхъ Олеарій описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Сѣверные олени величиною и видомъ походятъ на обыкновеннаго оленя, но цвѣтомъ бѣлые и сѣроватые, имѣютъ широкія, какъ у коровы, копыта, дѣлаются легко ручными,

какъ домашній скотъ, и употребляются вмѣсто лошадей, для чего ихъ впрягаютъ въ небольшія легкія сани, похожія видомъ на полулодку или половину бота, и въ этихъ саняхъ они чрезвычайно быстро могутъ пробѣгать довольно далекія разстоянія»[30]). Восточная и юго-восточная полоса Россіи, начиная отъ южной границы Пермской области и кончая Казанью и Астраханью, изобиловала самою разнообразною дичью, а изъ звѣрей — дикими кабанами. Здѣсь цѣлыми тучами носились дикіе гуси, красныя утки, встрѣчались пеликаны, бакланы и колпицы (Platalea leucordia), попадался зобовый гусь, называвшійся «бабою» и, какъ рѣдкость, весьма интересовавшій собою иностранцевъ[31]). Олеарій такъ описываетъ внѣшній видъ «бабы»: «Зобовый гусь во многомъ похожъ на обыкновеннаго гуся, особенно лапами, короткими ногами, шеей и перомъ, но величиною превосходитъ лебедя, имѣетъ длинный въ $^3/_4$ локтя и широкій въ 2 пальца красивый клювъ съ загнутымъ крючкомъ напереди. На нижней половинѣ клюва и у горла виситъ большой, изъ тонкой съежившейся кожи, мѣшокъ, который такъ широко растягивается, что въ него можно упрятать обутую въ сапогъ ногу, или влить 5 штофовъ воды. Въ мѣшокъ этотъ птица собираетъ себѣ рыбу; горло у птицы широкое. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ птицу эту приручаютъ и употребляютъ для ловли рыбы; но въ такомъ случаѣ вокругъ шеи птицы завязываютъ особый узелъ, чтобы пойманную рыбу она не въ состояніи была проглотить, но такъ бы и принесла ее въ мѣшкѣ къ хозяину. Персы мѣшокъ этотъ употребляютъ на бубны и имъ же обтягиваютъ особый родъ гудковъ; растянутый мѣшокъ этотъ такъ же прозраченъ, какъ бычачій пузырь». Благодаря обилію дичи въ юго-восточной полосѣ, мѣстное татарское населеніе вело постоянную охоту съ соколами и орлами; подъ Астраханью у каждаго татарскаго аула легко было встрѣтить либо сокола, либо орла[32]).

Другія мѣстности, на западной и южной окраинахъ Россіи, конечно, не были совсѣмъ свободны отъ звѣрей, но, вѣроятно, осо-

Мостовая дорога Новгородской Пятины,
съ голландской гравюры начала XVII столѣтія.

бенными богатствомъ въ этомъ отношеніи не отличались; по крайней мѣрѣ, прямыхъ указаній на это за разсматриваемый періодъ не имѣется. На сѣверо-западѣ была мѣстность, по богатству и разнообразію фауны, весьма замѣчательная, именно въ Смоленской области, въ предѣлахъ Касппленскихъ и Еленскихъ лѣсовъ, расположенныхъ въ нынѣшнихъ границахъ Смоленскаго и Порѣчскаго уѣздовъ: отсюда привозили ко двору Алексѣя Михаиловича лосей, бобровъ, рысей, куницъ и дикихъ кабановъ. Въ 1666 г. мѣстный стрѣлецкій голова Даніилъ Черницовъ, по царскому приказу, долженъ былъ, «выбравъ звѣринаго промыслу охотниковъ лутчихъ людей, сколько человѣкъ пригоже, послать Смоленскаго уѣзду въ лѣса, въ которые пристойно, и убить дву лосей, а убивъ, вычистя и набивъ въ нутры и щеки снѣгу, и бобры, и рыси, и куницы, и медъ, что собралъ онъ съ стряпчимъ, прислать къ Москвѣ тотчасъ, безъ всякаго мотчанья». Исполнительный голова тотчасъ снарядилъ на охоту двухъ рейтаръ и 13 стрѣльцовъ, и они убили восемь лосей и двухъ вепрей; двухъ вепрей и двухъ лосей, опаливъ, вычистивъ и набивъ снѣгомъ, голова

7

отправилъ въ Москву, а остальныхъ шесть лосей, за неимѣніемъ ямскихъ подводъ, предусмотрительно посолилъ въ кадкахъ и спрашивалъ царскаго приказа, какое изъ этого мяса сдѣлать употребленіе, а равно просилъ распоряженія относительно лосиныхъ шкуръ и доставки мёда; на этой отпискѣ была сдѣлана помѣта, что лосиныя шкуры и мёдъ должно прислать къ Москвѣ «по просухѣ», а лосиное мясо раздать въ Смоленскѣ стрѣльцамъ и солдатамъ [33]).

Проведя отъ этого обильнаго дичью охотничьяго уголка линію по теченію Зап. Двины и другую по старой Смоленской дорогѣ къ Москвѣ, мы получимъ мѣстность, также весьма богатую въ XVII в. звѣрями. Это было пространство, тогда почти сплошь закрытое хвойнымъ, въ перемежку съ лиственнымъ, лѣсомъ, и по направленію къ устью Зап. Двины встрѣчалось множество лосей и медвѣдей, а по направленію къ Москвѣ водились въ громадномъ количествѣ лисицы, зайцы, волки и медвѣди, и путь къ Москвѣ, благодаря имъ, былъ далеко не безопасенъ [34]).

Центральныя области Россіи, съ Москвою въ срединѣ, какъ наиболѣе заселенныя, не были удобны для нѣкоторыхъ породъ звѣрей и животныхъ, по натурѣ дикихъ и пугливыхъ; встрѣчались, правда, здѣсь лоси, хотя въ ограниченномъ количествѣ, но зато здѣсь было богатство лисицъ, волковъ и медвѣдей, которые тяготѣютъ къ людскимъ поселеніямъ и хищнически кормятся на счетъ людской оплошности и неосторожности. Такъ же, какъ и теперь еще въ глухихъ деревняхъ, въ XVII в. «волки» — по сообщенію Олеарія — «зимою безбоязненно бѣгали по дворамъ и, если скотина была заперта, подкапывались подъ заборы и таскали овецъ, часто таскали и собакъ со двора, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дороги ночью были отъ нихъ весьма опасны» [35]). Олеарій записалъ нѣсколько слышанныхъ имъ разсказовъ относительно продѣлокъ волковъ и медвѣдей, но онъ самъ сознается, что они могутъ показаться неправдоподобными. Такъ, напримѣръ, ему разсказывали, какъ однажды медвѣдь схватилъ близъ

Риги женщину и продержалъ ее у себя въ берлогѣ четырнадцать дней, пока ее случайно не спасли охотники. Или еще ему разсказывали, будто медвѣди выкапываютъ человѣческіе трупы, неглубоко зарытые въ могилахъ, и пожираютъ ихъ [36]).

Таковы были естественныя условія охоты въ Россіи XVII в. Охотничьихъ звѣрей и пернатой дичи было еще очень много, но въ промысловыхъ звѣряхъ, дорогихъ пушныхъ, уже чувствовался въ самой Россіи большой недостатокъ. Въ XVII в. промысловая охота въ нѣдрахъ Россіи пришла въ упадокъ, царскіе «ловчіе пути» потеряли свое значеніе, и центромъ промысловой охоты и главнымъ источникомъ, откуда шли дорогіе мѣха въ царскую мѣховую казну, становится съ этого времени Сибирь [37]).

Инородческія племена, населявшія Сибирь и смежныя съ нею сѣверо-восточныя области Россіи, были обложены въ XVII в. особою данью, которая называлась ясакомъ и заключалась въ ежегодной доставкѣ въ царскую казну мѣховъ пушныхъ звѣрей въ опредѣленномъ количествѣ.

Ясачные народцы поставляли въ царскую казну соболей разнаго достоинства, куницъ большихъ и малыхъ, выдръ большихъ и малыхъ, бобровъ карихъ, чернокарихъ и рыжихъ, кошлоковъ (молодыхъ камчатскихъ бобровъ) черныхъ, чернобурыхъ, карихъ и рыжихъ, ярцевъ (годовалыхъ бобровъ), лисицъ черныхъ, чернобурыхъ, красныхъ, синедушчатыхъ, черногривыхъ и черночеревыхъ, горностаевъ, россомахъ, бѣлокъ, песцовъ черныхъ и голубыхъ, волковъ обыкновенныхъ и черношерстыхъ и, наконецъ, рыбій (моржевый) зубъ [38]). Кромѣ сибирскихъ инородцевъ, ясакомъ обложены были также инородцы (преимущественно татары) Казанскаго и Астраханскаго царствъ и понизовыхъ городовъ.

Сборомъ ясака и всѣми дѣлами, касавшимися его, вѣдали приказы сибирскій и Казанскаго дворца. Для оцѣнки и пріема ясака при приказѣ состояла особая комиссія, въ составѣ «головы» (т.-е.

7*

предсѣдателя) и нѣсколькихъ «товарищей» (т.-е. членовъ), называвшихся «цѣловальниками и сторожами». Всѣ эти лица избирались ежегодно торговыми людьми изъ своей среды и приносили присягу—«за вѣрою и крестнымъ цѣлованіемъ», что они не будутъ красть царской казны, мѣнять свои худые мѣха на хорошіе изъ царской казны, а оцѣнку ясачныхъ мѣховъ будутъ производить по совѣсти, безъ корысти и лицепріятія, ставя цѣну всякимъ звѣрямъ по прямой московской цѣнѣ, немногимъ дешевле рыночной [39]). Ясачные мѣха доставлялись въ приказы самими данниками только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ [40]); обыкновенно же сборъ ясака производился на мѣстѣ воеводами ясачныхъ мѣстностей, при помощи состоявшихъ при нихъ цѣловальниковъ и служилыхъ людей, и, затѣмъ, транспортъ ясака отправлялся въ Москву съ тѣми же служилыми людьми. Вслѣдствіе отдаленности ясачныхъ мѣстностей отъ Москвы, такой порядокъ сбора неминуемо велъ къ злоупотребленіямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воеводы и ихъ чиновники притѣсняли инородцевъ, брали съ нихъ ясакъ «своимъ насильствомъ не по правдѣ», требовали лишнихъ подводъ подъ ясакъ, вымогали «посулы и поминки великіе». Иногда притѣсняемые инородцы искали правды и защиты на Москвѣ и находили ихъ тамъ [41]); въ другихъ случаяхъ, будучи не въ состояніи платить ясакъ и накопившіяся недоимки, предпочитали бросать свои мѣста и убѣгали въ сосѣдніе округа, но такихъ бѣглецовъ приказывалось силою водворять на прежнихъ мѣстахъ жительства и доправлять на нихъ недоимку, по возможности сполна за всѣ недоимочные годы [42]). Инородцамъ приходилось терпѣть притѣсненія не отъ однихъ только властей; ихъ обижали также разные «сторонніе люди» и въ особенности торговые люди — мѣхопромышленники. Въ первой четверти XVII в. чюсовскіе вогуличи просили защиты у царя Михаила Θеодоровича противъ Максима Строгонова, который послалъ въ ихъ вотчины своихъ людей, татаръ и русскихъ, тайкомъ ловить соболей, куницъ, бобровъ и всякаго

звѣря, отчего вогуличамъ стало трудно выплачивать исправно свой ясакъ. По ихъ челобитной приказано было отправить въ ихъ вотчины «стрѣльцовъ и казаковъ, сколько человѣкъ пригоже», и «тѣхъ чюсовскихъ вогуличъ отъ Строгоновыхъ и стороннихъ людей отъ обидъ и насильства беречи», а ослушниковъ приводить на Верхотурье и «чинить имъ по сыску наказанье, смотря по винѣ, чтобъ отъ того насильства чюсовскіе вогуличи розно не розбрелися, и намъ бы ясачный сборъ въ томъ не залегъ» [43]). Въ половинѣ XVII в. предписывалось якутскому воеводѣ принять всѣ мѣры къ защитѣ якутовъ отъ своеволія и притѣсненій мѣхопромышленниковъ. Послѣдніе, съ самаго первозимья и до весны, своевольно ловили на земляхъ якутовъ соболей самыми хищническими способами: кулемниками (т.-е. западнями) и капканами, считая уже невыгоднымъ охотиться на соболей «обметомъ» и съ собаками [44]). Противъ такихъ хищниковъ необходимы были строгія и энергическія мѣры, потому что соболи, напуганные истребительными способами ихъ ловли, уходили на восточныя окраины Сибири, къ Охотскому морю, гдѣ туземцы еще не знали такихъ способовъ ловли и по старинѣ охотились за соболемъ съ однимъ только лукомъ въ рукахъ [45]); въ другихъ же мѣстахъ Сибири, не столь отъ Москвы отдаленныхъ, «звѣриный ловъ (благодаря этому) помѣшался», соболи ловились только средніе и плохіе, оттого цѣны на собольи мѣха поднялись, и къ концу XVII в. сказался нѣкоторый недостатокъ мѣховъ даже въ самой Сибири [46]).

Въ виду огромной важности ясака для государственной казны, Михаилъ Өеодоровичъ и Алексѣй Михаиловичъ охотно защищали отъ обидъ и притѣсненій инородцевъ, уже платившихъ ясакъ, и всѣми мѣрами стремились расширить районъ ясачныхъ областей, привлекая къ ясаку другія племена лаской и подарками, а если это не помогало, то оружіемъ. Приведемъ на этотъ счетъ крайне характерный фактъ. Въ 1639 году енисейскій воевода Веревкинъ, по царскому приказу, отправилъ изъ енисейскаго острога пятидесятника Родюкова,

со служилыми людьми, вверхъ по Тунгузкѣ рѣкѣ, подъ Ленскій волокъ, оттуда по волоку на Лену, а по ней на Чичюй и Олёкму рѣку и «въ новые иные захребтовые землицы для государева царева... ясачнаго сбору». Родюковъ посылался на смѣну другому пятидесятнику Шаламу; у послѣдняго онъ долженъ былъ принять острожекъ, ключи отъ острожка, порохъ, свинецъ, суда съ судовыми снастями и разными матеріалами и запасами, именные списки ясачниковъ и толмача. Затѣмъ, онъ долженъ былъ пригласить къ себѣ «тунгузскихъ князцей и всякихъ улусныхъ людей» и сказать, чтобы они были «на Государеву милость надежны» и подъ его «высокою рукою послушны», чтобы платили ясакъ, за что государь жалуетъ ихъ жалованьемъ и приказываетъ своимъ служилымъ людямъ оберегать ихъ землю «отъ иныхъ землицъ». Послѣ этого должно было накормить и напоить гостей «государевыми запасами довольно» и тогда уже принять ясакъ, какъ отъ старыхъ ясачныхъ людей, такъ и отъ новыхъ, впервые приносящихъ мягкую рухлядь. При этомъ ясакъ указы-

валось брать осмотрительно, «какъ мочно, чтобы имъ было не въ тягость и тѣмъ бы ихъ наперво не ожесточить и отъ государя царя высокіе руки не отогнать, а въ государевѣ бъ казнѣ въ ясачномъ сборѣ учинити прибыль». Въ видѣ ясака надлежало принимать только добрыхъ соболей, «а худыхъ соболей и вешныхъ и недособолей въ государевъ ясакъ не имати». Если же мѣстные князьки ясака платить не захотятъ, «Семейкѣ (Родюкову) съ товарыщи, прося у Бога милости, поискъ надъ ними чинити и промышляти и битца съ ними, сколько Милосердый Богъ помощи подастъ, чтобъ онѣ впредь были подъ государевою царскою высокою рукою послушны и стоятельны и въ вѣчномъ холопствѣ неотступны». Подъ страхомъ «великой опалы и жестокаго наказанья» Родюкову приказывалось употребить всѣ старанія на это дѣло. Съ нимъ отправленъ былъ, для принятія рухляди, особый цѣловальникъ и, въ качествѣ писаря, одинъ служилый человѣкъ. Экспедиція Родюкова была снабжена запасомъ пороха и свинца, по полупуду того и другого, «пудомъ мѣди зеленой въ котлахъ и тазѣхъ, пудомъ олова въ блюдѣхъ и торелѣхъ»—для обмѣна на мѣха, и различными письменными принадлежностями, между прочимъ 2 дестями бумаги [47]).

Сборъ ясака и вообще мѣховой промыселъ въ Сибири въ XVII в. доставляли правительству немало хлопотъ по упорядоченію дѣла въ интересахъ казны и по искорененію злоупотребленій, допускавшихся служилыми людьми и мѣхопромышленниками. Желая имѣть въ своей казнѣ высшіе сорта соболей, государи запрещали частнымъ лицамъ продавать и покупать мѣха соболей стоимостью за пару свыше 20 рублей или за сорочекъ свыше 300 рублей, для чего въ Сибири, на трактѣ повсюду, учреждены были заставы, гдѣ и производился досмотръ транспортируемымъ мѣхамъ, и мѣха вышеуказанной доброты отбирались въ царскую казну безденежно; впрочемъ, вывозъ дорогихъ соболей не въ видѣ мѣховъ, а въ видѣ шубъ и платья, сдѣланныхъ для собственнаго употребленія, «про себя», не запрещался [48]).

Даже покупка мѣховъ на мѣстѣ, въ самой Сибири, считалась состоявшейся лишь послѣ досмотра покупаемыхъ мѣховъ мѣстными служилыми людьми. Самимъ служилымъ людямъ сибирскимъ строго запрещена была торговля мѣхами, и лишь въ видѣ исключенія имъ дозволялось покупать мѣха только для собственной надобности,— «для большіе ихъ сибирскіе нужи», при чемъ, однако, предписывалось кому слѣдуетъ «однолично надъ ними смотрить и беречи накрѣпко, чтобъ та ихъ рухлядь, которая имъ отдать доведется, была не посулная (т.-е. не взятка) и не насильствомъ взята и не прежъ государева ясачнаго сбора была куплена» [49]). Иногда, въ видѣ исключительной мѣры, вѣроятно, по особой нуждѣ или при большомъ спросѣ на нѣкоторые мѣха, временно запрещалась частная торговля ими, и устанавливалась принудительная продажа ихъ въ казну по извѣстной цѣнѣ. Такъ, въ 1675 г. верхотурскому воеводѣ предписано было всѣ мѣха черныхъ и голубыхъ песцовъ отбирать на заставахъ у купцовъ и другихъ людей, уплачивая за мѣха ихъ стоимость [50]). Несмотря, однако, на всѣ эти стѣсненія, торговые люди умѣли найти лазейку для обхода строгихъ правилъ, входили въ сдѣлку со служилыми людьми, водившими караваны ясака на Москву, и провозили, допоры-до-времени благополучно, свои «неявленые» мѣховые товары подъ видомъ царской мѣховой казны. Въ пресѣченіе этого зла и чтобы царскому «денежному сбору истери не было», еще въ 1621 г. предписано было верхотурскимъ воеводамъ снабжать провожавшихъ караванъ служилыхъ людей подробною росписью, сколько и какихъ мѣховъ идетъ съ караваномъ, а въ проѣзжихъ грамотахъ обозначать съ точностью, какіе именно служилые люди везутъ ясакъ [51]).

Ясакъ составлялъ одну изъ самыхъ важныхъ статей государственнаго дохода въ XVII в. Катошихинъ, человѣкъ близко стоявшій къ государственнымъ дѣламъ того времени, исчислялъ доходъ отъ ясака свыше 600.000 рублей въ годъ. При слабомъ развитіи денежнаго обращенія въ Россіи XVII в., мѣховая царская казна имѣла

крупное финансовое и экономическое значеніе. Внѣшняя торговля съ греческими, персидскими и отчасти европейскими купцами производилась въ значительной степени въ обмѣнъ на мѣха. Мѣхами выдавалось государево «жалованье» людямъ всякаго чина. Мѣха, вообще, обращались, какъ деньги, и на нихъ совершались кредитныя сдѣлки, «кабалы», при чемъ мѣха, какъ деньги, давались въ долгъ съ поручительствомъ третьихъ лицъ. Въ сферѣ внѣшнихъ сношеній мѣха служили для подарковъ иностраннымъ государямъ и отпускались въ видѣ пособія на поддержку восточныхъ церквей и патріарховъ [52]). При большой свободной наличности мѣховъ въ казнѣ, но при маломъ расходѣ на государственныя нужды, мѣха поступали въ продажу и, усиливая количество предложенія, понижали рыночную цѣну мѣховъ, продававшихся частными торговцами. Въ тѣ годы, когда ловъ и привозъ звѣрей были не особенно значительны, мѣха, въ особенности собольи, или вовсе не поступали изъ казны въ продажу, или же «съ царскаго повелѣнія» продавались по цѣнѣ гораздо выше средней рыночной [53]).

Цѣна мѣховъ зависѣла отъ рѣдкости того или другого звѣря, сорта мѣха и, наконецъ, отъ степени спроса на тѣ или иные мѣха. Московскія цѣны на мѣха были выше сибирскихъ; еще въ 30-хъ годахъ XVII в. сибирскимъ воеводамъ предписано было, при пріемѣ ясака и «поминокъ», сортировать мѣха по достоинству и при этомъ цѣнить ихъ «Сибирскою прямою цѣною, а не дорогою, чтобы государевой всякой мягкой рухляди на Москвѣ по московской цѣнѣ передъ сибирскою цѣною была прибыль, а убыли бы въ цѣнѣ не было» [54]). Мѣха продавались или цѣльными, или въ видѣ отдѣльныхъ частей шкурокъ, какъ-то лапки, брюшки, душки и хвосты составляли отдѣльный товаръ. Счетъ мѣхамъ велся на пары и на сорока, какъ въ XVI в. Рыночныя цѣны на соболей колебались въ XVII в. въ весьма широкихъ размѣрахъ, въ зависимости отъ достоинства мѣха. При Михаилѣ Θеодоровичѣ средняя цѣна на соболей была 50 руб-
8

лей за сорочекъ, но за высокіе сорта платили до 200 рублей. При Алексѣѣ Михаиловичѣ цѣны были выше; въ началѣ его царствованія цѣна соболей была отъ 30 до 300 рублей, а въ концѣ за лучшихъ соболей платили до 1000 рублей за сорочекъ [55]). Бобры считались десятками, и лучшіе бобры были черные. Десятокъ бобровъ въ XVII в. продавался, по свидѣтельству Кильбургера, отъ 6 до 8 рублей; но въ продажѣ ихъ было мало, быть-можетъ, потому, что весь привозъ бобровъ изъ Сибири шелъ на потребности царскаго обихода. Сорочекъ цѣльныхъ куньихъ шкурокъ стоилъ по средней цѣнѣ около 13 рублей. Цѣны на лисьи мѣха были самыя разнообразныя, въ зависимости отъ цвѣта мѣха; мѣхъ черной лисицы, считающійся лучшимъ, цѣнился до 50 рублей. Горностаи рѣдко доставлялись въ XVII в. въ Москву, и въ продажѣ ихъ не было. Мѣха сибирскихъ обыкновенныхъ волковъ продавались дешево, копѣекъ по 90 за шкуру, но черные волки, съ мягкой и длинной шерстью, достигали цѣны въ 4 рубля за шкуру [56]). Сырыя лосиныя шкуры продавались (по большей части нѣмцамъ) отъ 3 до 4 рублей за штуку, а за выдѣланныя нѣмцами русскимъ приходилось платить въ десять разъ дороже, отъ 30 до 40 рублей. Выдѣлка лосиныхъ кожъ отчасти производилась и въ Россіи, но не русскими, а нѣмцами: въ 1634 г. была выдана девятилѣтняя привилегія нѣмцу Фимбранду на выдѣлку лосиныхъ кожъ [57]).

Значительные доходы казна извлекала изъ продажи рыбьяго зуба. Это были бивни моржей, которыхъ убивали у береговъ Новой Земли, Охотскаго моря и по рѣкамъ: Анадырю (гдѣ ихъ водилось весьма много), Ленѣ и другимъ, въ Сибири. Моржевый промыселъ наполовину былъ правительственной регаліей. Мѣстнымъ «охочимъ людямъ» позволялось бить моржей подъ условіемъ уплаты въ казну половины добытыхъ моржевыхъ костей, другая половина шла въ ихъ пользу, однако не цѣликомъ, но за вычетомъ десятой части въ видѣ десятинной пошлины съ промысла; оставшуюся на долю охотниковъ часть

Рыбная ловля,
съ современной гравюры начала XVII столѣтія.

костей они должны были продавать въ казну по указной цѣнѣ. По сообщенію Кильбургера, моржевые клыки цѣнились дороже слоновой кости, и чѣмъ болѣе кость испещрена на подобіе мрамора, тѣмъ она рѣже и дороже. Моржевая кость цѣнилась соотвѣтственно своимъ размѣрамъ. Иногда пудъ костей выходилъ изъ 2 костей, иногда изъ 3, 4 или 8. Мелкая кость заключала въ пудѣ отъ 8 до 16 костей и цѣнилась гораздо дешевле. Средняя цѣна рыбьяго зуба доходила въ XVII в. въ Сибири до 1 рубля за фунтъ, но, при обя-

8*

зательной продажѣ въ казну, за крупную кость уплачивалось отъ 15 до 20 рублей за пудъ, а за мелкую — до 12 рублей. Какъ прибыльна была охота за моржами, даже при такой низкой казенной оцѣнкѣ рыбьяго зуба, видно изъ того, что промышленники иногда за одинъ разъ добывали до 50 пудовъ моржевой кости [58]).

Въ противоположность промысловой охотѣ, постепенно въ XVII в. приходившей въ упадокъ въ самой Россіи, любительская охота, царская и частная, въ теченіе этого вѣка обнаруживаетъ большое оживленіе и быстро развивается. Возстановленная Михаиломъ Ѳеодоровичемъ послѣ разгрома смутнаго времени, она скоро достигаетъ той степени, на какой стояла въ лучшіе періоды предшествующихъ вѣковъ. Звѣровая и соколиная охоты въ оба царствованія существуютъ параллельно, но при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ перевѣсъ и преимущество были на сторонѣ звѣровой охоты, а при Алексѣѣ Михаиловичѣ соколиная охота не только первенствуетъ, но почти затмеваетъ собою охоту звѣровую.

Мы уже говорили въ началѣ очерка, въ какомъ запущеніи или, вѣрнѣе, разореніи находилась царская псарня въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Собаки, отобранныя по царскому приказу у бояръ, дворянъ и всякаго чина людей, составили ядро новой псарни, которая, затѣмъ, пополнялась приплодомъ, покупкою новыхъ собакъ, присылкою ихъ въ подарокъ отъ иностранныхъ государей или отъ русскихъ бояръ, имѣвшихъ собственныя охоты. Въ 1647 г. посланникъ англійскаго короля Карла I, Нейтингаль, привезъ Алексѣю Михаиловичу въ подарокъ собакъ въ мѣдныхъ ошейникахъ, на которыхъ было вырѣзано «Карлусъ-Король», а въ 1665 г. бояринъ Благово ударилъ царю челомъ двумя охотниками и десятью лошьими собаками, за что и получилъ цѣнный царскій подарокъ — 100 рублей денегъ [59]). Въ царской псарнѣ имѣлись разныя породы охотничьихъ собакъ: гончія, борзыя, меделянскія, ищейные кобели, особыя лошьи (лосиныя) собаки, британы (англійскіе доги) и «другихъ страшныхъ

породъ», вѣроятно, восточныхъ и кавказскихъ [60]). О численномъ составѣ царской псарни, равно какъ и о тогдашнихъ способахъ натаскиванія и пріученія собакъ къ полю, свѣдѣній не сохранилось. Царская псарня до 1636 г. помѣщалась въ Бѣломъ Царевомъ городѣ, а затѣмъ, была переведена на Старое Ваганьково, гдѣ для нея построены были новыя помѣщенія. При этомъ переводѣ всѣмъ псарямъ приказано было свозить на Старое Ваганьково и ихъ «дворишки»; но это распоряженіе очень ихъ затруднило, и они коллективно, «всѣмъ чиномъ», подали государю челобитную, что имъ «не мочно» перевозить свои дворишки, потому что «хоромишки ихъ стары и погнили»; и, ссылаясь на свою вѣрную службу, псари просили позволенія — дворишки и мѣста продавать «безпенно», что и было имъ дозволено [61]).

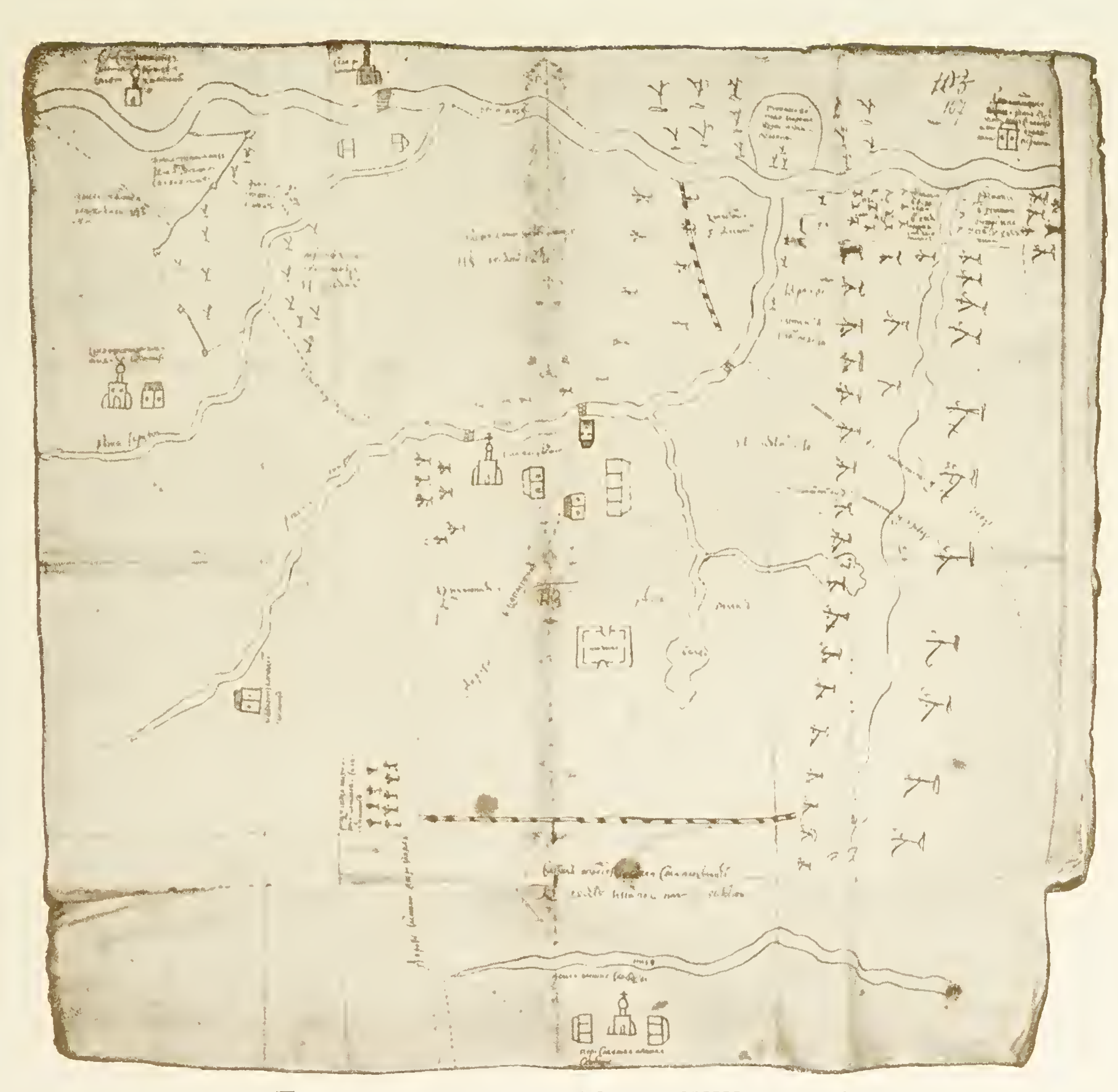
На ряду съ псарней существовали особые звѣринцы, въ которыхъ содержались охотничьи звѣри для устройства садокъ и притравливанія молодыхъ собакъ, еще не ходившихъ въ поле. Звѣринцы эти назывались волчьими дворами, потому что въ нихъ всего больше содержалось волковъ, но были также медвѣди и лисицы. Такихъ волчьихъ дворовъ въ XVII в. было много, и помѣщались они въ селахъ, близъ которыхъ въ тѣ времена часто производились царскія звѣровыя охоты. Это наводитъ на догадку, что, при неудачныхъ облавахъ и осѣкахъ находящихся на свободѣ звѣрей, устраивалась, въ видѣ утѣшенія, травля звѣрей, выпускаемыхъ изъ звѣринца. Извѣстны слѣдующіе волчьи дворы: Измайловскій, Хорошевскій, Чертановскій, Осѣевскій, въ селахъ Ермолинѣ, Дмитровскомъ и Балобановѣ. Ими завѣдывали конные псари или стремянные конюха, иногда даже сокольники [62]).

Для звѣровой охоты, какъ и для соколиной, имѣлись особыя охотничьи лошади, какъ для личнаго царскаго обихода, такъ и для большинства чиновъ охоты. Какъ и въ XVI в., охотничьи лошади добывались изъ ногайскихъ степей, отъ ногаевъ и татаръ. Пригонъ лошадей изъ Ногаи составлялъ въ Москвѣ въ XVII в. въ нѣкоторомъ

родѣ событіе и носилъ названіе Орда-Базарной станицы. Табуны пригонялись кочевниками, при непосредственномъ наблюденіи заблаговременно посылаемыхъ изъ Москвы въ степи чиновниковъ, называвшихся табунными воеводами. Каждый воевода наблюдалъ за однимъ своимъ табуномъ и не могъ вмѣшиваться въ распоряженія другихъ табунныхъ воеводъ. Общее число пригонявшихся лошадей достигало 30, 40, 50 и болѣе тысячъ ежегодно, но изъ этого числа еще въ Казани и Астрахани табунные воеводы отбирали лучшихъ лошадей про государевъ обиходъ, тысячъ 5, 6—8, и клали «пятно» (тавро) и дѣлали имъ опись. Но это еще не считалось окончательнымъ пріемомъ отобранныхъ лошадей въ казну; въ Москвѣ изъ «запятнанныхъ» лошадей производился ясельничимъ новый отборъ самыхъ лучшихъ изъ нихъ — въ количествѣ по царскому указанію — для самого государя, для патріарха и для Троице-Сергіева монастыря. Остальныя лошади поступали въ общую продажу. Татары и ногаи, пригонявшіе табуны въ Москву, — ихъ иногда пріѣзжало до 200 человѣкъ, — при отъѣздѣ бывали на пріемѣ у государя, послѣ котораго имъ предлагался «столъ на царскомъ дворѣ довольный»; на пріемѣ у государя въ отношеніи ихъ соблюдался этикетъ такой же, что съ крымскими и калмыцкими послами, да и подарки дѣлались имъ того же достоинства [63]).

Цѣны на лошадей ногайскихъ въ XVII в. стояли слѣдующія: при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ за жеребна платили 8 руб., за мерина половину, за кобылу 6 руб., за простую табунную 3 руб., за жеребенка ногайскаго 3 руб. и простого 1 ½ руб.; при Алексѣѣ Михаиловичѣ средственный татарскій конь стоилъ отъ 5 до 15 рублей, а боярскія лошади, аргамаки,—значительно дороже; грузинскіе аргамаки въ началѣ XVII в. стоили отъ 30 до 65 руб., а боярскіе мерины —отъ 12 до 16 руб. [64]).

Не обходилось дѣло безъ злоупотребленій и въ торговлѣ ногайскими лошадьми. Въ подрывъ царскимъ конюшнямъ дѣйствовали

Планъ мѣстности около Москвы XVII столѣтія.
Села: Останкино, Ростокино, Алексѣевское, — мѣста охотъ Царя Алексѣя Михайловича.

воеводы и служилые люди казанскіе и астраханскіе, а равно московскіе бояре, окольничіе, дворяне и торговые люди. Тайкомъ, безъ проѣзжихъ грамотъ, они посылали съ толмачами своихъ людей къ мурзамъ и по улусамъ, скупали по дешевой цѣнѣ самыхъ лучшихъ аргамаковъ и жеребятъ и контрабандой переправляли ихъ изъ Понизовья въ вотчины и помѣстья, отчасти для личнаго употребленія, но больше для корыстнаго торга. Вслѣдствіе этого на Москву въ

табунахъ пригонялись «клячи самые худые и жеребята малые, которыхъ ужъ въ Астрахани никто за худобою не купитъ, и изъ тѣхъ лошадей на государеву конюшню лошадей выбирати не изъ чего». Противъ такихъ злоупотребленій еще въ 1625 г. былъ данъ астраханскимъ воеводамъ строгій наказъ: слѣдить, чтобы частныхъ закупокъ лошадей у мурзъ и по улусамъ отнюдь не производилось; дозволять покупку лошадей только станичникамъ, посылаемымъ съ государевымъ дѣломъ къ Москвѣ, но и то не болѣе одной-двухъ и только при крайней нуждѣ — трехъ; а астраханскимъ служилымъ людямъ и обывателямъ дозволять покупку лошадей только для себя, а не для продажи, и требовать при этомъ явки и записи въ таможенныя книги; самимъ воеводамъ абсолютно воспрещалась всякая покупка лошадей, даже для своей надобности, исключая пріобрѣтенія лошадей для служебной надобности; наконецъ, имъ предписывалось всѣми мѣрами и обѣщаніемъ царскихъ милостей склонять ногаевъ и татаръ къ тому, чтобы они лучшихъ лошадей не продавали на мѣстѣ, а пригоняли въ Москву [65]).

Быть можетъ, въ связи съ подобными же злоупотребленіями стоятъ заботы Алексѣя Михаиловича о развитіи коннозаводскаго дѣла, заботы, хорошо оттѣненныя слѣдующимъ сообщеніемъ: 1675 г., Марта 25-го, послѣ всенощнаго, ясельничій Вышеславцевъ докладывалъ: «которыхъ Великій Государь укажетъ жеребцовъ и къ которымъ кобылицамъ припущать» [66]).

Что касается вооруженія охотниковъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михаиловичѣ, то въ этомъ отношеніи XVII в. не представляетъ большой разницы въ сравненіи съ XVI вѣкомъ. Техника оружейнаго дѣла къ этому времени не успѣла еще настолько развиться и усовершенствоваться, чтобы изобрѣсти для охоты особое оружіе, отличное отъ воинскаго. Въ XVII в. охотникъ шелъ на звѣря съ такимъ же оружіемъ, съ какимъ воинъ выступалъ на битву съ непріятелемъ. Для охоты употреблялось какъ холодное (преимуще-

ственно колющее), такъ и огнестрѣльное оружіе. Лукъ и стрѣлы попрежнему были въ большомъ ходу, предпочтительно восточнаго производства: бухарскіе, едринскіе, крымскіе, мешетецкіе (грузинскіе), турскіе и черкасскіе, но были и мѣстные, московскіе. Части лука носили слѣдующія названія: все древко лука — *кибить;* каждая половина кибити — *рогъ;* нижняя сторона рога — *подзоръ;* верхнія накладки подлѣ оконечностей роговъ — *мадяны;* двѣ костяныя вставки съ низу роговъ — *кости;* черезъ послѣднія проходила *тетива*. Налучіе, влагалище лука, именовалось *лубьемъ саадачнымъ*, дѣлалось изъ кожи или сафьяна и обтягивалось атласомъ, бархатомъ или парчей; вышивалось золотомъ, серебромъ и шелками, украшалось каймами. Стрѣлы для лука были тростяныя, камышовыя, березовыя, яблоновыя, кедровыя и чипрасовыя (кипарисовыя). На одномъ концѣ стрѣлы придѣлывалось обыкновенно острое желѣзцо или *накосточекъ*, на другомъ —*ушко* или вырѣзка и перье. Желѣзцо или копейцо дѣлалось дву-трех- или четырехграннымъ, гладкимъ, желобчатымъ, съ врѣзными или вырѣзными украшеніями. Перье было орловое, кречатье, лебяжье и пр. Ушки изготовлялись изъ рыбьяго зуба и другой кости и нерѣдко убирались драгоцѣнными каменьями. Подъ перьемъ переливалось золотомъ или серебромъ. Полный приборъ вооруженія коннаго воина (или охотника) именовался *саадакомъ*. Особый родъ лука назывался самострѣломъ: это стальной лукъ, вдѣланный въ деревянную *соху* (прикладъ) съ *полосою* (ложею); тетива у самострѣла дѣлалась всегда толстою и спускалась особымъ воротомъ, называвшимся *коловратомъ самострѣльнымъ*.

Кромѣ лука со стрѣлами, охотники вооружались *копьями, протозанами, вилами и рогатинами. Протозаномъ* называлось оружіе, состоявшее изъ длиннаго древка, съ широкимъ глухимъ или прорѣзнымъ копьемъ на концѣ, украшенное кистью. Это было обыкновенное оружіе сокольниковъ, наряжавшихся въ парадъ при встрѣчахъ или проводахъ иностранныхъ пословъ, врядъ ли удобное для самой охоты. *Вилы*

9

были желѣзныя и деревянныя и обыкновенно употреблялись для медвѣжьяго боя на домашней царской потѣхѣ. *Рогатиной* называлось широкое, плоское, на обѣ стороны острое копье, насаженное посредствомъ *тулеи* (трубки) на *скепище* или короткое *ратовище*. Охотничьи рогатины, съ которыми ходили на медвѣдя, имѣли въ старину, подобно нынѣшнимъ, отроги у тульи. Изъ огнестрѣльнаго оружія употреблялись *пищали, самопалы, карабины и пистоли*. Нѣкоторыя части ихъ изготовлялись въ самой Россіи; такъ, замки и станки были иногда «русскаго дѣла» или «новгородскаго дѣла», другія части, а иногда и все оно, были польскаго дѣла, датскаго, курляндскаго. При Алексѣѣ Михаиловичѣ стволы и замки преимущественно употреблялись шкоцкіе (шотландскіе). Составными частями пищали были: деревянный *станокъ* съ *прикладомъ* и желѣзный *стволъ*, прикрѣпленный къ станку *обоймицами* или *шурупами*. Станокъ это то же, что ложа; мѣсто прикрѣпленія ствола къ станку называлось *логалище*; отверстіе, куда всыпалось *зелье* (порохъ), называлось *устьемъ*; часть ствола у устья именовалась *дуломъ*, противоположная часть — *казной*, а расположенная между ними — *срединой*. Зарядъ пищали воспламенялся посредствомъ пальника или фитиля. Огниво съ фитилемъ приводилось въ движеніе посредствомъ *спуска*; впрочемъ, уже въ началѣ XVII в., при Михаилѣ Θеодоровичѣ, появились замки съ коловоротомъ или съ колесомъ («замокъ колесной»). Были пищали винтованныя, преимущественно польскаго дѣла. Пищаль съ замкомъ и огнивомъ называлась *самопаломъ*. Охотники вооружались также карабинами солнстрами и пистолями солнстрами съ колесными замками датскаго и курляндскаго дѣла. Пищали, карабины и пистоли заключались въ особые чехлы, называвшіеся *ольстрами*. Царское оружіе изготовлялось въ Оружейной палатѣ, или, точнѣе, здѣсь производилась сборка частей, частью выписанныхъ изъ-за моря (Шотландіи), частью сдѣланныхъ дома, въ Россіи. Оно отличалось высокимъ достоинствомъ матеріала, богатствомъ и роскошью украшеній. Станки были изъ кипарисоваго дерева,

или яблоновые и кленовые, съ вызолоченной оправой изъ желѣза или серебра. Стволы были или гладкіе, или винтованные на 4, 6, 7 и 8 винтовокъ; они украшались богатыми инкрустаціями изъ золота и серебра съ финифтью. *Ольстры* для царскаго оружія шились или изъ краснаго бархата съ золотыми галунами, или изъ сукна съ золотыми и серебряными галунами. *Царскій протозанъ* былъ рѣзной съ позолотою; копье калмыцкое изъ краснаго желѣза, по мѣстамъ золоченое. *Царскій лукъ* былъ расписанъ однимъ золотомъ по красному фону, или золотомъ и серебромъ; къ луку присоединялось нѣсколько гнѣздъ томаровъ и срѣзней. Кромѣ того, къ царскому оружію принадлежали ножевые ставики, на 6 ножей каждый, и большой рогъ [67]).

Изъ принадлежностей звѣровой охоты царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича упоминаются *своры, ошейники собакъ, трещотки и фурмы. Парадныя своры* были роскошны: онѣ дѣлались изъ шелка, плетенаго съ золотыми или серебряными нитями; кисти къ нимъ также были изъ золотыхъ или серебряныхъ нитей; «ворворки» или подвижные шарики надъ кистями обшивались золотой и серебряной канителью и украшались иногда жемчугомъ. Ошейники употреблялись «гзовые ярнные» (т.-е. изъ козловой кожи) и дѣлались въ Оружейной палатѣ; «плащи» для нихъ, по четыре на каждый ошейникъ, выковывались или изъ литой зеленой мѣди и золотились, или изъ

9*

Н. Самокишъ

серебра. Употребленіе *трещотокъ* было то же, что и нынѣ; но для чего служили *фурмы,* — сказать трудно, потому что нѣтъ для этого никакихъ указаній, а самое названіе, обозначающее «пустой внутри желѣзный конусъ», не оставляетъ мѣста даже для догадокъ [68]).

Къ числу охотничьихъ принадлежностей должно отнести также уборы охотничьихъ лошадей. Царскіе охотники въ парадныхъ случаяхъ выѣзжали на богато убранныхъ коняхъ. Еще бо́льшею роскошью и богатствомъ, конечно, отличались уборы коней государевыхъ. Охотничья сбруя царскихъ коней хранилась конными псарями. Деревянный сѣдельный приборъ назывался арчакомъ. Сѣдла были обыкновенно высокія съ короткими стременами, нерѣдко окованныя золотомъ и серебромъ и украшенныя драгоцѣнными каменьями. Сохранилось описаніе одного такого царскаго сѣдла: оно было расшито волоченымъ золотомъ, подпруги — пряденымъ золотомъ и серебромъ, стремена желѣзныя высеребренныя, войлокъ опушенъ по краямъ бархатомъ, а по всей поверхности обшитъ дорогимъ алымъ сукномъ, съ плетеными кружевами. У сѣдла привѣшивался особый кусокъ кожи, четыреугольнаго вида, называвшійся *табенекъ* и служившій для защиты ноги отъ тренія о стремянной ремень. Сѣдла покрывались барсовыми шкурами и различными покровцами, которые шились изъ самыхъ дорогихъ матерій: бархата, атласа и «объяри» (шелковой узорчатой ткани съ золотыми и серебряными струями), обшивались золотыми и серебряными галунами и бахромой, подбивались красной тафтой и украшались иногда серебрянымъ кружевомъ двухвершковой ширины или золотымъ. Парадныя узды были серебряныя и вызолоченныя мѣдныя. Поверхъ узды на лошадиную голову клался особый приборъ, ее закрывавшій, называвшійся *ухватомъ* и дѣлавшійся обыкновенно изъ шелка съ кистями и ворворками. На парадныхъ уборахъ повода замѣнялись изящными цѣпями. Кольца этихъ цѣпей состояли изъ серебряныхъ пластинокъ, шириною болѣе 2 дюймовъ и въ толщину не болѣе спинки ножа, и были такъ велики, что въ нихъ

свободно можно было продѣть руку; при малѣйшемъ движеніи, эти богатыя цѣпи издавали громкій звукъ. Цѣпи изъ серебра раздѣлялись на поводныя и гремячія. Первыя висѣли отъ удилъ до передней сѣдельной луки, въ видѣ поводьевъ, а вторыя, сдѣланныя изъ дутыхъ погремушекъ, прикрѣплялись у той же луки и висѣли иногда ниже живота лошади. Подъ шеей лошади, на шнуркѣ или цѣпочкѣ, привѣшивалась одна или нѣсколько кистей, называвшихся *наузами* и изготовлявшихся изъ шелка, пряденаго золота и серебра, съ ворворками шелковыми, золотыми и жемчужными. Спина, бока и грудь лошади закрывались *чалдыремъ* изъ металлическихъ бляхъ, набранныхъ на бархатѣ. У копытъ прикрѣплялись особыя украшенія, *острои*, въ видѣ шпоръ съ бубенчиками, словомъ, уборъ царскаго коня былъ чудомъ роскоши, отличаясь замѣчательнымъ богатствомъ, блестя и переливаясь драгоцѣнными каменьями: жемчугомъ, яхонтами, изумрудами и бирюзой [69]).

Переходя къ вопросу о способахъ тогдашней звѣровой охоты, мы испытываемъ большое затрудненіе вслѣдствіе скудости сохранившихся на этотъ счетъ свѣдѣній. Съ положительностью, впрочемъ, можно утверждать, что основнымъ способомъ охоты на звѣря въ XVII в. была травля его собаками разныхъ породъ. Она, однако, не устраняла собою и другихъ способовъ, въ родѣ ловли тенетами и разными снарядами, а также и охоты съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. «Главное удовольствіе русскихъ состоитъ въ охотѣ» — говоритъ одинъ современный иностранецъ — «звѣрей слѣдятъ въ лѣсахъ по тропѣ и травятъ выучеными собаками; впрочемъ, иногда стрѣляютъ и изъ самопаловъ» [70]). Звѣровая охота велась главнымъ образомъ на медвѣдей, волковъ, лисицъ и лосей.

Медвѣдей отыскивали по лѣсамъ, окладывали въ осоку, а затѣмъ, ловили ихъ тенетами, или травили собаками, преимущественно бульдогами. Царскія охоты на медвѣдей, извѣстныя по современнымъ документамъ, производились въ окрестностяхъ дорогъ Звенигород-

Самая организація звѣровыхъ охотъ въ XVII в. и ихъ церемоніальная сторона остаются для насъ неизвѣстными. Но, безъ сомнѣнія, существовалъ какой-либо опредѣленный порядокъ для выѣзда псовыхъ охотъ въ поле, для размѣщенія ихъ по мѣстности и для ихъ дѣйствій во время самой охоты: иначе была бы невозможна сколько-нибудь порядочная охота. Это темное мѣсто до нѣкоторой степени освѣщается лишь однимъ любопытнымъ документомъ, не такъ давно найденнымъ въ частномъ фамильномъ архивѣ графа Панина. Документъ этотъ называется «Регулъ (уставъ), принадлежащій до псовой охоты»; составленъ былъ въ 1635 г. стольникомъ, рижскимъ нѣмцемъ, Христіаномъ Ольгердовичемъ Фонлессинымъ на нѣмецкомъ языкѣ; въ царствованіе Алексѣя Михаиловича былъ переведенъ на русскій языкъ (крайне дурно даже для того времени) смоленскимъ шляхтичемъ Аркадіемъ Михайловичемъ Станкевичемъ, и, какъ значится въ переводѣ, былъ поднесенъ Фонлессинымъ царю Алексѣю Михаиловичу. Точно ли онъ былъ поднесенъ царю, и если это такъ, то былъ ли принятъ въ руководство для царскихъ охотъ, — рѣшить это весьма трудно, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ. «Регулъ» состоитъ изъ посвященія Алексѣю Михаиловичу и 40 главъ текста. Поднося свой трудъ государю, Фонлессинъ говоритъ, что всю свою мысль онъ устремилъ на то, чтобы начертать «совершенные порядки» для псовыхъ охотъ, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій надъ псовыми охотами во многихъ государствахъ. «Ваше Величество! живу въ свѣтѣ 63 года, а веселости ни въ какихъ забавахъ не нахожу, кромѣ псовъ», прибавляетъ онъ, выражая надежду, что его замѣчанія относительно охотъ «полюбятся» и государю, и всему обществу. Поводъ и цѣль составленія «Регула» болѣе опредѣленно выясняются имъ въ гл. XI, носящей заглавіе «О древнемъ пересмѣшникѣ». Здѣсь Фонлессинъ прямо указываетъ, что «въ псовыхъ охотахъ въ Россіи имъ усмотрѣны *бездѣльные порядки*», которые онъ и хотѣлъ бы устранить, при помощи своего «Регула», дабы псовая

ской, Можайской и Боровской, близъ Саввина-Сторожевскаго монастыря, въ окрестностяхъ селъ: Пушкина, Крылатскаго, Мытищей, Сукова и Озерецкаго [71]).

Волковъ объѣзжали, сочили или окладывали, устраивали на нихъ облавы и травили собаками, иногда устраивали привады, прикармливали, для чего покупалось мясо. Олеарій, а еще раньше Герберштейнъ, и за ними Рейтенфельсъ и Стрейсъ, разсказываютъ, что въ юго-восточной полосѣ Россіи, близъ Самары и Астрахани, волковъ ловили при посредствѣ особаго плода, до котораго они большіе будто бы охотники; плодъ этотъ, называемый иностранцами boranez, рѣдкій видъ дыни или скорѣе тыквы, формою въ видѣ ягненка и покрытый какъ бы шерстью въ родѣ мерлушки. Извѣстныя царскія охоты на волковъ происходили въ окрестностяхъ дорогъ Звенигородской, Можайской и Боровской близъ селъ: Хорошева, Рождественскаго, Острова Бѣлаго, Дмитровскаго, Павловскаго, по рѣкѣ Выхонкѣ и въ Домодѣдовской волости [72]).

Лосей окладывали въ осокахъ; извѣстны лосьи осоки царей подъ селами Коломенскимъ и Голенищевымъ [73]). Охота за лосями, которую особенно жаловалъ Михаилъ Θеодоровичъ, состояла въ томъ, что ихъ выслѣживали, осочили, травили особыми лосиными собаками, или ловили живьемъ, или стрѣляли, вѣроятно, въ погонку, когда лосямъ удавалось прорваться сквозь цѣпь охотниковъ. Охота на лосей производилась въ Домодѣдовской волости, но также и въ другихъ мѣстахъ, въ документахъ не поименованныхъ; имѣлись особые заповѣдные лѣса (напр., въ Шацкомъ уѣздѣ), гдѣ съ особенною строгостію запрещалось бить лосей [74]).

Кромѣ указанныхъ мѣстностей, царскія ловчія охоты, — на какого звѣря — неизвѣстно, — производились въ Братѣевскомъ осокѣ, близъ села Семеновскаго и въ Кашевской мѣстности, въ пустошахъ села Хвалин: Вешино, Щепечено, Шалыгино, Игнатьево, Матрешино, Якимово, Коренево, Петройково и въ заповѣдной Сокольничьей рощѣ [75]).

Самая организація звѣровыхъ охотъ въ XVII в. и ихъ церемоніальная сторона остаются для насъ неизвѣстными. Но, безъ сомнѣнія, существовалъ какой-либо опредѣленный порядокъ для выѣзда псовыхъ охотъ въ поле, для размѣщенія ихъ по мѣстности и для ихъ дѣйствій во время самой охоты: иначе была бы невозможна сколько-нибудь порядочная охота. Это темное мѣсто до нѣкоторой степени освѣщается лишь однимъ любопытнымъ документомъ, не такъ давно найденнымъ въ частномъ фамильномъ архивѣ графа Панина. Документъ этотъ называется «Регулъ (уставъ), принадлежащій до псовой охоты»; составленъ былъ въ 1635 г. стольникомъ, рижскимъ нѣмцемъ, Христіаномъ Ольгердовичемъ Фонлессинымъ на нѣмецкомъ языкѣ; въ царствованіе Алексѣя Михаиловича былъ переведенъ на русскій языкъ (крайне дурно даже для того времени) смоленскимъ шляхтичемъ Аркадіемъ Михайловичемъ Станкевичемъ, и, какъ значится въ переводѣ, былъ поднесенъ Фонлессинымъ царю Алексѣю Михаиловичу. Точно ли онъ былъ поднесенъ царю, и если это такъ, то былъ ли принятъ въ руководство для царскихъ охотъ, — рѣшить это весьма трудно, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ. «Регулъ» состоитъ изъ посвященія Алексѣю Михаиловичу и 40 главъ текста. Подносся свой трудъ государю, Фонлессинъ говоритъ, что всю свою мысль онъ устремилъ на то, чтобы начертать «совершенные порядки» для псовыхъ охотъ, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій надъ псовыми охотами во многихъ государствахъ. «Ваше Величество! живу въ свѣтѣ 63 года, а веселости ни въ какихъ забавахъ не нахожу, кромѣ псовъ», прибавляетъ онъ, выражая надежду, что его замѣчанія относительно охотъ «полюбятся» и государю, и всему обществу. Поводъ и цѣль составленія «Регула» болѣе опредѣленно выясняются имъ въ гл. XI, носящей заглавіе «О древнемъ пересмѣшникѣ». Здѣсь Фонлессинъ прямо указываетъ, что «въ псовыхъ охотахъ въ Россіи имъ усмотрѣны *бездѣльные порядки*», которые онъ и хотѣлъ бы устранить, при помощи своего «Регула», дабы псовая

охота «возобновилась къ веселости и въ забаву Россійскому дворянству». Страсть къ охотѣ онъ считаетъ страстью благородною и защищаетъ охотниковъ отъ нареканій «древняго Епикура или пересмѣшника глупаго», который будто бы сравнивалъ ихъ съ «разбойниками, рыщущими по лѣсамъ и степямъ», — защищаетъ, однако, крайне своеобразно, но энергично: «не разсудилъ онъ о себѣ, что есть еллинскій болванъ» — вотъ его отвѣтъ Епикуру. Отсылая читателя для ближайшаго ознакомленія къ самому тексту «Регула», укажемъ здѣсь только общее содержаніе его. Первыя шесть главъ «Регула» трактуютъ о ловчемъ и необходимыхъ для него качествахъ и знаніяхъ; первое условіе для ловчаго — врожденная страсть къ охотѣ, затѣмъ, онъ долженъ быть грамотенъ, «остропамятенъ», проворенъ, расторопенъ и крайне наблюдателенъ въ отношеніи собакъ и звѣрей; строгъ въ отношеніи команды и, главное, долженъ твердо знать

порядки и время охоты. Седьмая глава посвящена названіямъ статей борзыхъ и гончихъ собакъ на охотничьемъ жаргонѣ. Восьмая глава касается самого владѣльца охоты и рекомендуетъ ему «въ полѣ быть не строгимъ, какъ ловчаго, такъ и охотниковъ, ни гнѣвомъ, ни побоями не наказывать», а, въ случаѣ ихъ вины, поступать съ ними по «Регулу». Двѣ слѣдующія главы устанавливаютъ порядокъ отвѣтственности и наказанія какъ простыхъ охотниковъ, такъ и самого ловчаго: за нарушеніе охотниками правилъ «Регула» во время охоты полагается выговоръ ловчему, какъ за недосмотръ; при троекратномъ нарушеніи правилъ, провинившійся охотникъ долженъ быть приведенъ на лобное мѣсто, гдѣ кормятъ собакъ, и здѣсь получить «25 ударовъ палкой въ позитурѣ», что, впрочемъ, охотничьей чести его не лишало; ловчій за троекратную досаду господину долженъ быть наказанъ «въ два арапника» передъ всей охотничьей командой; въ случаѣ кражи запасовъ, намѣренной порчи охотничьихъ принадлежностей или отчужденія хозяйскихъ собакъ, провинившійся псарь или наварщикъ въ первый разъ подвергался «духовному увѣщанію» ловчаго наединѣ, и если признавался и возвращалъ краденое, то не считался за вора, а только за «малосмысленнаго» человѣка; во второй разъ — заключался на сутки «въ рогатки» и, по выпускѣ, получалъ 25 ударовъ палкой, но все-таки оставался въ составѣ охотничьей команды; въ третій разъ — виноватаго, въ присутствіи самого господина и всей команды, полагалось пороть въ два арапника, сколько разсудитъ господинъ, затѣмъ, сажали на мѣсяцъ въ домовую тюрьму и исключали изъ числа охотниковъ. Семь главъ, съ XII по XIX, отведены въ «Регулѣ» собакамъ разныхъ породъ и назначеній и умѣнью распознавать ихъ достоинства, а послѣднія двадцать главъ «Регула» исключительно относятся къ собаководству, собачьей педагогикѣ и ветеринаріи. Въ отношеніи ухода за собаками и воспитанія охотничьихъ щенковъ замѣчанія Фонлессина, вѣроятно, и для современныхъ охотъ не потеряли еще своего значенія, но зато многіе его рецепты способны

10

привести въ ужасъ современнаго ветеринара. Заканчивая рѣчь объ этомъ интересномъ «Регулѣ», отмѣтимъ, какимъ представляется автору его идеальный охотникъ: «похвальный охотникъ — кобель рѣзовъ, самъ на конѣ бодръ, арапникъ на рукѣ, ножъ на бедрѣ, ѣдетъ — не робѣетъ» на любого звѣря [76]).

О царской соколиной охотѣ въ XVII в. мы можемъ говорить съ гораздо бо́льшею основательностью и подробностью, чѣмъ объ охотѣ звѣровой. Такъ какъ соколиная охота нынѣ почти забыта, и о ней знаютъ только по «преданьямъ старины глубокой», то представляется столько же интереснымъ, сколько и необходимымъ, возстановить, съ возможной полнотой, картину старинной «красной и славной птичьей потѣхи».

Почти всѣ, безъ исключенія, ловчія птицы соколиной охоты царей Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михаиловича принадлежали къ породѣ благородныхъ соколовъ, которымъ Бремъ отводитъ первое мѣсто между всѣми хищными птицами. «Умственныя способности ихъ развиты совершенно параллельно съ физическими. По характеру своему они принадлежатъ къ самымъ страшнымъ хищникамъ, но человѣкъ прощаетъ вредъ, причиняемый ими, ради того удивленія, которое внушаетъ ему вся жизнь этихъ птицъ. Сила, ловкость, отвага, жажда охоты, благородный видъ, почти, можно сказать, благородство мыслей, вотъ постоянныя свойства ихъ, очевидныя для каждаго.... Всѣ благородные соколы способны къ быстрому движенію, ихъ полетъ замѣчателенъ: онъ быстръ, продолжителенъ и въ высшей степени ловокъ. Соколъ необыкновенно скоро пролетаетъ огромныя пространства и, при нападеніи, низвергается съ высоты, иногда очень значительной, такъ быстро, что глазъ не въ состояніи различить его фигуры...

Виды соколовъ характеризуются различнымъ полетомъ. У настоящихъ благородныхъ соколовъ онъ отличается быстро слѣдующими одинъ за другимъ ударами крыльевъ, которые нерѣдко прерываются кратковременнымъ пареніемъ; другіе же летаютъ медленнѣе, чаще

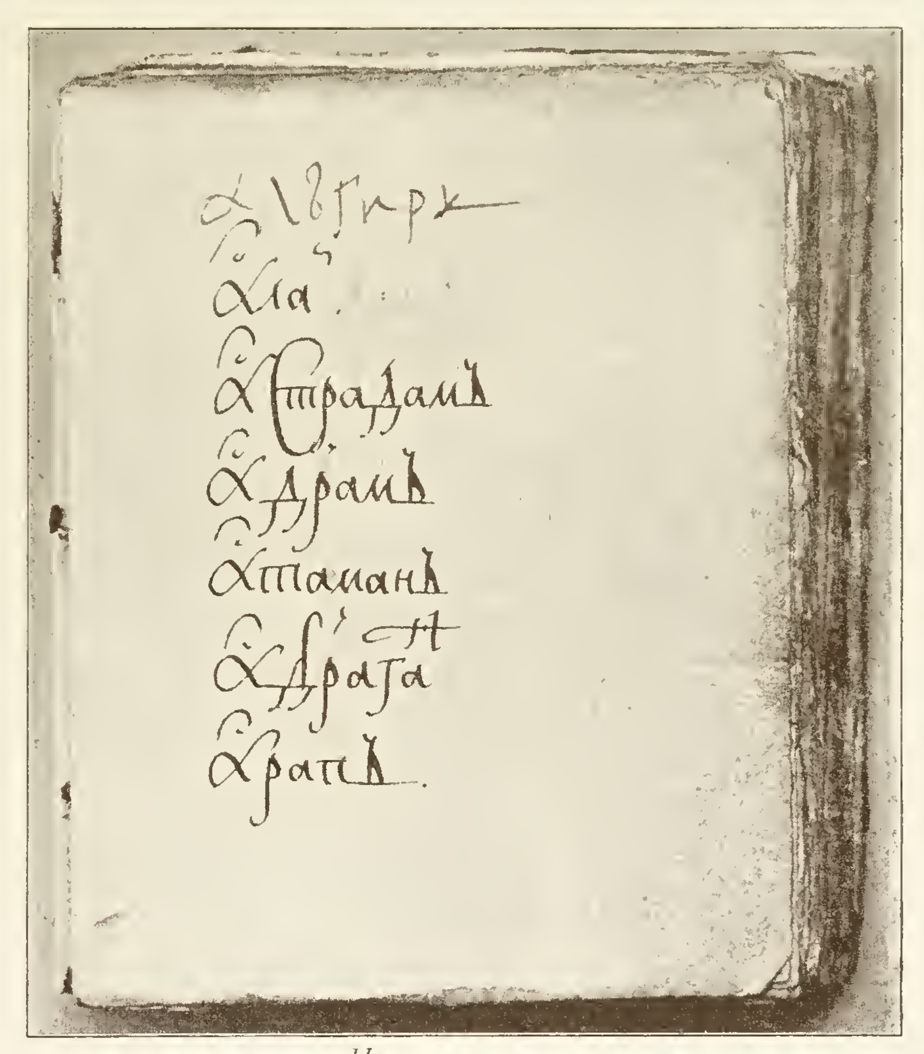
парятъ и долгое время держатся на одномъ мѣстѣ, вслѣдствіе особыхъ движеній, похожихъ на дрожаніе—трепещутся, какъ говорятъ орнитологи. Держатся обыкновенно благородные соколы на высотѣ отъ двухсотъ до четырехсотъ футъ.... Благороднѣйшихъ членовъ семейства благородныхъ соколовъ представляютъ кречеты (Hierofalco), живущіе въ самыхъ сѣверныхъ странахъ земного шара. Они отличаются очень значительной величиной, большой силой, сравнительно сильнымъ загнутымъ дугою клювомъ, плюснами, покрытыми до двухъ третей перьями, и хвостомъ, длина котораго, сравнительно съ крыльями, весьма значительна» [77]). Кречетъ достигаетъ въ величину до двухъ футовъ, и онъ очень красивъ, особенно потому, что чудесные черные сокольи глаза его кажутся еще чернѣе и блещутъ еще ярче отъ бѣлаго цвѣта его перьевъ [78]). Вполнѣ понятно, что именно кречеты занимали первое мѣсто въ царской соколиной охотѣ и изъ нихъ — лучшіе экземпляры лучшихъ видовъ. Коллинсъ говоритъ, что на царской кречатнѣ Алексѣя Михаиловича были лучшіе въ свѣтѣ кречеты, привозившіеся изъ Сибири [79]). Тамъ во множествѣ были и дикомыты, и молодики. Дикомыты — это кречеты, помытившіеся или перелинявшіе еще на волѣ, въ дикомъ состояніи; они трудно вынашивались, и потому имъ предпочитались молодики, которые въ свою очередь дѣлились на двѣ категоріи: гнѣздарей, т.-е. взятыхъ еще дѣтенышами прямо изъ гнѣзда, и слетковъ («перелетныхъ»), т.-е. пойманныхъ въ томъ уже періодѣ, когда они покинули гнѣзда и свободно летали вмѣстѣ со старыми. Царскіе кречеты отличались яркимъ опереніемъ: были кречеты красные, подкрасные, крапленые и цвѣтные. Красные кречеты были самыми лучшими ловчими птицами и самыми дорогими, въ особенности самки. Вообще самки ловчихъ птицъ цѣнились дороже самцовъ, потому что онѣ крупнѣе и сильнѣе самцовъ, называвшихся челигами, но зато послѣдніе, уступая самкамъ въ силѣ, превосходятъ ихъ въ рѣзвости полета. Кромѣ кречетовъ, въ соколиной охотѣ Алексѣя Михаиловича были еще дермлиги, кобчики, ястребы и, какъ кажется, орлы.

10*

«Дермлиги», нужно думать, представляли собою одну изъ многихъ разновидностей соколиной породы. Извѣстный русскій охотникъ и писатель, покойный С. Т. Аксаковъ, отожествлялъ «дермлиговъ» съ извѣстными стариннымъ охотникамъ «дербниками» или «дробниками». По словамъ старыхъ охотниковъ, дербникъ бываетъ очень малъ, не болѣе кобчика, и соединяетъ въ себѣ свойства ястреба и сокола, т.-е. бьетъ птицу сверху и ловитъ въ угонъ; на травлю въ старину пускали всегда двухъ дербниковъ за разъ и травили ими мелкую птицу, и самая веселая охота была напускать ихъ на жаворонка, когда жаворонокъ самъ поднимается высоко отъ земли: одинъ дербникъ бьетъ его сверху внизъ, а другой, не допуская садиться, подбиваетъ снизу вверхъ, — зрѣлище для охотника восхитительное, и, вѣроятно, къ нему именно относится выраженіе «Урядника»: «Угодительна и потѣшна дермлигова *перелазка* и добыча». «Кобцы» или кобчики также разновидность сокола, птица небольшая, но очень красивая, съ быстрымъ, ловкимъ и легкимъ полетомъ. Кобчикъ бьетъ сверху, черкаетъ, какъ соколъ, и процессъ его охоты за пташками хорошъ, изященъ и увлекателенъ, или — по выраженію «Урядника» — «добровиденъ». Кобчикъ загадочная птица: на волѣ ловитъ чудесно, пойманный, скоро дѣлается ручнымъ, но ручной ничего не ловитъ; однако, охотники царя Алексѣя Михаиловича знали секретъ, какъ заставить ручного кобчика ловить не хуже дикаго. Какіе виды ястребовъ имѣлись въ царской соколиной охотѣ, точно неизвѣстно; были, между прочимъ, ястребы бѣлые. Что же касается орловъ, то ихъ лишь предположительно можно включать въ число ловчихъ птицъ царской кречатни, на томъ основаніи, что въ документахъ, на ряду съ прочими птичьими нарядами, упоминаются «орловые клобучки» [80]).

Птичій составъ царской кречатни возобновлялся и пополнялся ежегодно новыми экземплярами кречетовъ и челиговъ. Ловля и доставка ихъ попрежнему лежали на обязанности профессіональныхъ помытчиковъ, и особыя права послѣднихъ остаются почти тѣ же,

что и раньше, хотя въ отношеніи повинностей они теперь пользовались меньшими сравнительно льготами, чѣмъ въ прежнія царствованія. Кромѣ этихъ постоянныхъ помытчиковъ, ловлею птицъ для царской кречатни занимались также и частныя лица, называвшіяся «охочими помытчиками». Такъ, съ сѣвера птицъ иногда доставляли самоѣды; съ Кольскаго острова — расквартированные на немъ стрѣльцы; изъ внутреннихъ мѣстностей — простые крестьяне, которымъ посчастливилось поймать сокола или кречета; изъ Сибири—татары и различные служилые люди. Помимо этого, по временамъ изъ Москвы посылались во внутреннія области для ловли соколовъ и кречетовъ опытные царскіе сокольники: въ царствованіе Алексѣя Михаиловича такія порученія не разъ съ успѣхомъ выполнялъ сокольникъ Аникѣй Сидоровъ [81]). Прекраснымъ составомъ ловчихъ птицъ царская кречатня обязана была, конечно, не этимъ случайнымъ «охочимъ помытчикамъ», но постояннымъ, которые систематически вели изъ года въ годъ ловлю кречетовъ и соколовъ по способамъ, завѣщаннымъ дѣдами и отцами.

Имена соколовъ.

(Записная книжка Царя Алексѣя Михаиловича).

Организованная ловля этихъ птицъ попрежнему производилась двинскими помытчиками по морскому берегу и по рѣкамъ, по Тіунскому берегу, Терской сторонѣ и на Канинномъ Носу. Въ XVII в., вслѣдствіе исключительнаго значенія соколиной охоты при дворѣ Алексѣя Михаиловича, одни двинскіе помытчики уже не могли сполна снабжать царскую кречатню нужнымъ количествомъ птицъ, и потому была организована на началахъ оброка ловля соколовъ въ далекой Сибири, изстари славившейся лучшими породами ловчихъ птицъ. Въ роли, повидимому, постоянныхъ помытчиковъ въ XVII в. упоминаются еще помытчики ростовскіе, Ярославской губерніи, но, за скудостью извѣстій о нихъ, они остаются какъ бы въ тѣни, и можно думать, что, по количеству и качеству доставляемыхъ ими птицъ, они оставались далеко позади своихъ двинскихъ или сибирскихъ собратьевъ по промыслу.

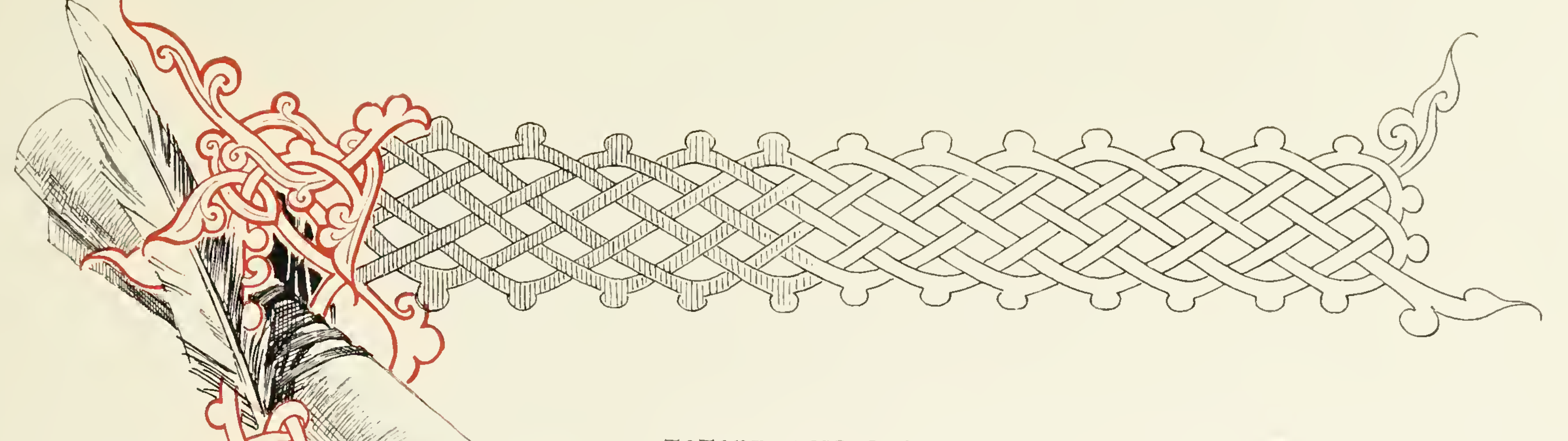
Двинскіе помытчики производили ловлю соколовъ и кречетовъ артелями, человѣкъ по сорокъ и болѣе, при чемъ въ составъ артели входили какъ оброчные общинники, такъ и сторонніе общинѣ люди, ею нанятые и называвшіеся «кормленщиками». Этимъ наймитамъ оброчные помытчики давали кормъ и платили деньгами, что обходилось общинѣ свыше 700 рублей ежегодно.

Между тѣмъ, экономическое положеніе двинскихъ помытчиковъ къ XVII в. значительно измѣнилось къ худшему, такъ какъ они, почти наравнѣ съ тяглыми, городскими и посадскими людьми, были обременены податями и повинностями. По челобитной 1635 года ихъ матеріальное положеніе представляется въ такомъ видѣ. Община номинально состояла изъ 8 сохъ (тяголъ, надѣловъ), но изъ этихъ восьми сохъ къ 1635 г. 1 ½ сохи успѣли «запустѣть», и такимъ образомъ податное бремя каждой отдѣльной сохи сильно увеличилось, такъ какъ наличныя 6 ½ сохъ несли повинности и платили подать за восемь номинальныхъ сохъ, записанныхъ въ писцовыя книги. Съ общины взимались въ казну всякіе денежные сборы и подати:

данныя, оброчныя, подымныя, пятинныя и солдатскія деньги, и она исполняла разныя натуральныя повинности, въ родѣ посошной, даточной и воинской службы. Кромѣ того, благодаря близости къ сѣверному порту, община помытчиковъ ежегодно несла крупные расходы по исполненію слѣдующихъ повинностей: на наемъ людей для доставки хлѣбныхъ запасовъ, вина и стрѣльцовъ въ Кольскій острогъ (крѣпость) — свыше 1500 р.; на снаряженіе мелкихъ судовъ, назначавшихся для потребностей корабельныхъ лоцмановъ и для перевозки стрѣльцовъ въ Мезень, Кевролу, Пустоозеро и Кандалажскій монастырь — свыше 500 р.; на устройство и снаряженіе сторожевыхъ судовъ для корабельной пристани — 400 р.; на снаряженіе судовъ для перевозки казеннаго отпускного товара — свыше 6000 р.; прибавляя сюда 700 р., ежегодно затрачивавшихся помытчиками на организацію ловли кречетовъ, мы получимъ 9100 р., — ежегодный денежный расходъ помытчиковъ помимо общихъ податей и повинностей, причемъ на каждую соху (изъ наличныхъ 6 ½) приходится 1400 р. Въ 1634 г., сверхъ всѣхъ этихъ ординарныхъ расходовъ, помытчикамъ пришлось экстренно затратить 685 р. на перевозку въ амбары пушекъ и ядеръ, привезенныхъ на корабляхъ изъ Голландіи [82]). При такомъ обиліи повинностей и податей, трудно было общинѣ помытчиковъ быть исправной во всѣхъ отношеніяхъ, и безъ сомнѣнія здѣсь нужно искать причинъ, которыми объяснялась нѣкоторая неурядица въ ловлѣ кречетовъ къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича. Въ началѣ этого царствованія количество кречетовъ и соколовъ, доставлявшихся двинскими помытчиками, достигало ста и болѣе экземпляровъ, къ концу же царствованія доставка уменьшилась на половину, да и это количество помытчики доставляли лишь послѣ грозныхъ, понудительныхъ царскихъ грамотъ. Отчасти сократился самый уловъ птицъ, потому что помытчики предпочитали ему другіе промыслы, менѣе трудные, но болѣе вѣрные; съ другой стороны, изъ пойманныхъ соколовъ они воровски лучшихъ и дорогихъ отбывали

на сторону за деньги или за подарки, и соколы, вмѣсто царской кречатни, направлялись «за море въ иныя земли». Вслѣдствіе этого на царской кречатнѣ сказывался большой недостатокъ въ лучшихъ видахъ кречетовъ, — красныхъ, подкрасныхъ и крапленыхъ, — не съ чѣмъ было ѣздить государю на потѣхи въ «проѣзжее поле», и нечего было посылать въ поминкахъ съ послами въ Царьградъ, Кизилбашъ, Крымъ и другія государства. Поэтому еще въ 1632 г. строгою царскою грамотою помытчикамъ приказывалось, подъ страхомъ денежныхъ взысканій («доправокъ»), попрежнему доставлять на кречатню каждый годъ по 100—105—106 кречетовъ красныхъ, подкрасныхъ, крапленыхъ и сѣрыхъ большихъ кречетовъ, при этомъ ставилось имъ на видъ, что если они «учнутъ воровати нашимъ дѣломъ, птичьимъ промысломъ промышлять оплошно или лучшими птицами корыстоваться, и про то ихъ воровство сыщется», то быть имъ «въ великой опалѣ и казни».

Въ Сибири ловля кречетовъ и соколовъ была организована при Алексѣѣ Михайловичѣ, приблизительно около 1652 г. Ловля производилась въ мѣстностяхъ, лежащихъ близъ Тобольска и Тюмени, и расположенныхъ въ волостяхъ, заселенныхъ преимущественно инородцами — татарами. И первое время помытчиками были почти исключительно татары, которымъ велѣно было добывать, взамѣнъ ясака, кречетовъ и соколовъ на великихъ государей. Впослѣдствіи составъ сибирскихъ помытчиковъ сталъ крайне разнообразнымъ: ловлею птицъ, кромѣ татаръ, занимались пѣшіе и конные казаки, казаческія дѣти, посадскіе люди, пашенные и оброчные люди, охочіе русскіе люди и, наконецъ, «гулящіе» люди. Весь этотъ разнообразный людъ записывался «верстался» въ помытчики, разумѣется, изъ желанія воспользоваться льготами, какія давалъ этотъ промыселъ, и потому неудивительно, что среди сибирскихъ помытчиковъ было довольно людей, для прямого дѣла лишнихъ и ненужныхъ; ихъ впослѣдствіи предписано было обращать «въ прежніе чины», если они были русскіе, а

татаръ вновь привлекать къ ясачному платежу. Позже, около 70-хъ годовъ XVII столѣтія, уже вполнѣ выяснилась пригодность однихъ и непригодность другихъ лицъ изъ указанныхъ категорій, и по каждой волости былъ составленъ списокъ людей, полезныхъ для промысла, съ точнымъ указаніемъ числа помытчиковъ изъ казачьихъ дѣтей, служилыхъ и посадскихъ людей, татаръ, крестьянъ и гулящихъ людей. Для устройства кречатьей ловли въ Сибири въ 1653 г. были посланы изъ Москвы лучшіе царскіе сокольники Михѣй Тоболинъ и Игнатій Келынъ съ товарищами. Количество птицъ, доставлявшихся изъ сибирскихъ городовъ, вначалѣ было незначительно: сибирскіе города, гдѣ организована была кречатья ловля, обязывались ежегодно доставлять по 10 сѣрыхъ кречетовъ да по 15 кречатьихъ челиговъ, а «кречетовъ красныхъ что дастъ Богъ уловлено будетъ»; къ концу царствованія Алексѣя Михаиловича норма доставки сильно повысилась, такъ какъ сѣрыхъ кречетовъ и кречатьихъ челиговъ отъ сибирскихъ городовъ требовалось уже по 30 штукъ, а относительно кречетовъ красныхъ и вообще цвѣтныхъ осталась въ силѣ та же оговорка «что дастъ Богъ уловлено будетъ» [83]).

Ловля соколовъ сопряжена была съ большою трудностью и великими опасностями, и потому требовала отъ ловцовъ большой опытности и снаровки. Молодыхъ соколовъ старались доставать прямо изъ гнѣзда, пока они еще не покинули его окончательно;

11

но сокольи гнѣзда обыкновенно ютятся на вершинахъ неприступныхъ скалъ, и, кромѣ того, смѣльчаку угрожаетъ здѣсь опасность отъ самки, которая защищаетъ дѣтенышей съ неимовѣрной яростью. Молодиковъ, уже отлетѣвшихъ отъ гнѣзда, ловили при помощи различныхъ снастей и живой приманки, обыкновенно голубя. У Брема мы находимъ описаніе современнаго способа ловли соколовъ, но онъ едва ли многимъ отличается отъ старинназо. Обыкновенно «сокольникъ садится, спрятавшись, на открытомъ полѣ и держитъ шнурокъ, длина котораго около 100 шаговъ, а къ другому концу шнурка привязывается живой голубь, который, впрочемъ, можетъ совершенно свободно двигаться по землѣ. На разстояніи сорока шаговъ отъ сокольника шнурокъ проходитъ черезъ кольцо, подлѣ котораго лежитъ подъемная сѣтка, и отъ нея другой шнурокъ идетъ тоже къ сокольнику. Лишь приблизится соколъ, — шнуръ ослабляютъ, вслѣдствіе чего голубь взлетаетъ, и соколъ его схватываетъ. Въ этотъ моментъ сокольникъ медленно начинаетъ притягивать къ себѣ голубя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вцѣпившагося въ него сокола — къ кольцу, гдѣ ихъ обоихъ мгновенно покрываетъ сѣткой. Очень важно при этой охотѣ знать, когда соколъ появится въ мѣстности, и для этой цѣли охотникъ беретъ себѣ усерднаго и зоркаго помощника, а именно сѣраго сорокопута, который открываетъ сокола на очень большомъ разстояніи. Сорокопута привязываютъ недалеко отъ голубя, и при появленіи сокола онъ начинаетъ издавать сильный далеко раздающійся крикъ. Подлѣ того мѣста, гдѣ привязана эта птица, выкапывается яма, въ которую сорокопутъ можетъ въ случаѣ надобности спрятаться». Въ XVII в. соколовъ также ловили, по свидѣтельству Катошихина, при помощи сѣтей и голубей, а равно и другихъ снастей. Принадлежности этой ловли состояли изъ *помчей*, *поножей*, *гвоздей съ силками*, *опрометовъ*, *кутней простыхъ и четыреугольныхъ*, *тайниковъ голубиныхъ — большихъ, среднихъ и малыхъ — и тайниковъ воробьиныхъ*. *Помчи* — это ловушки или западни; *поножи* — силки и пленки, въ

которыхъ птица запутывалась ногами; *гвозди съ сильями* вбивались, вѣроятно, въ деревья, на которыя, по наблюденіямъ, съ особою охотою присаживались ловчія птицы, или вблизи гнѣздъ этихъ птицъ; *кутни* представляли собою сѣть на обручѣ и подъ нею клѣтка съ пташкой, сѣть снабжалась сторожкомъ; *тайники* — тоже сѣти, на двухъ шестикахъ, иногда о двухъ полотнахъ, накладываемыхъ на встрѣчу другъ другу; что же касается *опрометовъ*, то можно думать, что это — снасть, по устройству весьма близкая къ той, о которой Бремъ говоритъ въ вышеприведенномъ описаніи ловли соколовъ. Всѣ перечисленныя снасти для ловли соколовъ отличаются простотою, но ловецъ полагался не на нихъ, а на свою смѣтливость, терпѣніе и знаніе мѣстъ, особо удобныхъ для ловли соколовъ.

Пойманные соколы и кречеты, до отправки ихъ въ Москву, оставались на рукахъ и попеченіи помытчиковъ, при чемъ деньги на кормъ ихъ отпускались изъ казны чрезъ мѣстныхъ воеводъ и другихъ служилыхъ людей. Помытчики обязывались беречь пойманныхъ птицъ и докладывать воеводамъ въ положенные сроки о здоровьѣ государевыхъ кречетовъ и соколовъ. Иногда помытчики же и вынашивали соколовъ и отправляли ихъ на Москву уже готовыми къ охотѣ, но это случалось рѣдко, въ тѣхъ случаяхъ, когда по какимъ-либо причинамъ перевозка пойманныхъ птицъ въ Москву очень замедлялась. Обыкновенно же доставка птицъ производилась по зимнему первопутку, который устанавливался въ промежутокъ времени отъ праздника Покрова до Введенія; если же санный путь, по причинѣ оттепелей, къ этому времени не устанавливался, перевозка оттягивалась иногда до самаго Рождества. Чтобы птицы въ дорогѣ не поломали перьевъ, не побились и вообще не захворали, ихъ везли съ большими предосторожностями, въ возкахъ или въ особыхъ, прикрѣпленныхъ къ санямъ, ящикахъ, которые внутри обивались войлоками и рогожами. Помытчикамъ, сопровождавшимъ птицъ, внушалось, подъ угрозою нещаднаго наказанія, смотрѣть за птицами «неоплошно»,

11*

кормить ихъ во-время, не позволять ямщикамъ ѣхать скоро, небережно осматривать ящики и безъ осторожности поднимать и опускать сани. Сами помытчики во время пути должны были воздерживаться отъ пьянства и другихъ соблазновъ. Зимою, въ Декабрѣ 1662 г. направлялся изъ Сибири на Москву транспортъ съ кречетами для царской охоты, и вотъ какого рода наказъ былъ данъ стоявшему во главѣ транспорта боярскому сыну Елизару Гаврилову: «А ѣдучи ему Елизару дорогою, самому беречись отъ пьянства накрѣпко и служилымъ людямъ и помытчикамъ пьяного питья и табаку пить и зернью играть и никакимъ воровствомъ воровать отнюдь не давать, отъ всякого пьяного питья и отъ табаку и отъ зерни и отъ всякого воровства и отъ блядни унимать болшимъ твердымъ подкрѣпленіемъ, чтобъ ихъ служилыхъ людей и помытчиковъ нерадѣніемъ и пьянствомъ и и отъ нечистыхъ и скаредныхъ людей надъ птицами великого государя, надъ кречетами, какое дурно не учинилось, и отъ пьяныхъ и нечистыхъ людей кречаты бъ не померли». Чтобы предупредить случаи подмѣны лучшихъ птицъ на худшихъ, а также и возможное отчужденіе царскихъ соколовъ, приказывалось, при отправкѣ ихъ, снабжать помытчиковъ особою «отпискою», въ которой точно обозначалось, сколько и какихъ кречетовъ, и съ кѣмъ именно отправленныхъ препровождается на Москву. Кромѣ того, помытчикамъ вручалась проѣзжая царская грамота, за государевыми красными печатями, по которой съ помытчиковъ, везшихъ птицъ, на внутреннихъ таможняхъ не взимали никакихъ налоговъ, а птицамъ отпускался кормъ и давались подводы воеводами и населеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ караванъ дѣлалъ остановки. Казалось бы, этимъ вполнѣ обезпечивалась безпрепятственная и немедленная доставка государевыхъ птицъ въ Москву, но на дѣлѣ, однако, случались задержки, и возникали большія недоразумѣнія. Такъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, при проѣздѣ двинскихъ помытчиковъ съ кречетами черезъ Важскій уѣздъ, важскіе «земскіе судейки и сотскіе и волостные крестьяне....

Церковь села Коломенскаго.

птицамъ корму и подводъ черезъ Важской уѣздъ до Вологды не дали и Потапу Петрову, царскому сокольнику, завѣдывавшему перевозкой птицъ въ этотъ разъ, оказали невѣжливо и говорили, что имъ и впредъ подорожныхъ.... не слушать и никому по подорожнымъ подводъ не давать и его Потапа били и.... держанаго кречета съ руки сбили.... и Великаго Государя проѣзжей грамоты что за красными печатми не послушали, во всемъ отказали». Вѣроятно, дѣло здѣсь заключалось не въ одномъ своеволіи и озорствѣ важскихъ крестьянъ, но и проѣзжавшіе помытчики были не безъ грѣха, особенно если принять во вниманіе, что во время длиннаго пути они не всегда

вели себя чинно, предавались разгулу и, вѣроятно, наносили обиды мѣстному населенію, вслѣдствіе чего и возникали ссоры и побоища. Случаи, подобные отмѣченному, бывали и на сибирскихъ дорогахъ при перевозкѣ сибирскихъ соколовъ, и это послужило поводомъ для окружной грамоты сибирскимъ воеводамъ, отправленной въ 1662 г. Въ ней строго приказывалось сибирскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ городовъ «отъ Москвы по дорогамъ до Сибирскихъ городовъ, до Верхотурья и до Тобольска» — «помытчикамъ подъ птицы давать подводы, сколько надобно, и отпущать ихъ къ Москвѣ тотчасъ безъ задержанія; а будетъ воеводы... и приказные люди учнутъ имъ кречатьимъ помытчикамъ со птицы чинить задержаніе, и оттого птицамъ учинится какая поруха, и тѣмъ отъ... Великаго Государя за то быть въ великой опалѣ и въ наказаньѣ, и помѣстья ихъ и вотчины отписаны будутъ на... Великого Государя» [84]). Доставленныхъ въ Москву соколовъ и кречетовъ помытчики объявляли при отпискѣ: двинскіе — въ новгородской чети, а сибирскіе — въ сибирскомъ приказѣ, послѣ чего птицы поступали на кречатню.

Государевыхъ кречатенъ было двѣ, и обѣ онѣ помѣщались на потѣшныхъ дворахъ: одна въ с. Семеновскомъ, другая въ с. Коломенскомъ. Коломенская кречатня устроена была позже Семеновской, по всей вѣроятности, въ 1650 г., когда Алексѣй Михайловичъ письмомъ, отъ 11 Іюня, изъ Калязина монастыря приказывалъ Матюшкину купить «сушило» такое же, какъ и въ Семеновскомъ, и поставить его въ Коломенскомъ, перенесть сюда же чуланы и перевезти изъ Семеновскаго половину всякихъ запасовъ. «Сушило», какъ догадываются изслѣдователи, представляло собою мѣсто, раздѣленное на чуланчики, гдѣ на особыхъ колодкахъ сидѣли ловчія птицы. Помѣщенія кречатни отапливались. Входъ на царскія кречатни постороннимъ лицамъ не дозволялся, и вообще кречатни представляли изъ себя какъ бы особый мірокъ, для простыхъ смертныхъ недоступный и зорко охранявшійся людьми, его составлявшими. Въ 1657 г., въ

ожиданіи «дурной болѣзни» (чумы), Алексѣй Михайловичъ, безпокоясь за цѣлость птицъ и здоровье сокольниковъ, приказалъ заблаговременно П. С. Хомякову «запасовъ всякихъ наготовить изъ здоровыхъ мѣстъ... а для опасенья пріискать мѣсто или два въ лѣсу, гдѣ-бъ близко воды, и тѣ мѣста осѣчь»; въ случаѣ, если на потѣшномъ дворѣ на людяхъ объявится «дурная болѣзнь», больныхъ приказывалось оставить на потѣшномъ дворѣ и при нихъ для ухода двухъ здоровыхъ, а остальныхъ здоровыхъ сокольниковъ съ птицами перевести на пріисканное мѣсто, гдѣ они во время эпидеміи должны были «жить съ великимъ береженьемъ», оградивъ себя крѣпкими заставами, чтобы ни отъ нихъ, ни къ нимъ никто отнюдь и ни за какимъ дѣломъ не ѣздилъ и не ходилъ. Впрочемъ, и въ благополучное время кречатня была вполнѣ изолирована отъ остального міра и жила своею жизнью, своеобразной и не лишенной для посторонниxъ нѣкоторой таинственности: здѣсь царили свои порядки, обычаи, нравы и былъ свой языкъ.

На царскихъ кречатняхъ господствовала суровая дисциплина, и всякій недосмотръ и упущенія наказывались весьма строго, какъ можно судить по слѣдующему любопытному случаю. Однажды сокольникъ, Иванъ Ярышкинъ, находясь на кречатнѣ, былъ позванъ другимъ сокольникомъ, Алешкой Камчатовымъ, къ окну, при чемъ послѣдній обратился къ нему съ просьбою передать ему его, Алешкины, штаны. Ярышкинъ просимые штаны нашелъ, но полѣнился выйти въ дверь, передалъ штаны черезъ окно и, по разсѣянности, забылъ запереть оконную раму. Рама вскорѣ свалилась и сильно зашибла находившагося у окна сибирскаго кречета Мальца. Объ увѣчьѣ кречета было доложено Матюшкину, который, узнавъ, что кречетъ былъ зашибленъ рамой, сталъ допытываться, «хто тое окончину оторвалъ внутри». «Видоки» — свидѣтели случая — указали на Ярышкина, но онъ, было, въ томъ заперся, однако, уличенный свидѣтелями, сознался въ своей винѣ, и, по приказанію Матюшкина, его «били ба-

Соколиная башня въ селѣ Коломенскомъ, сохранившаяся понынѣ (сообщ. А. Бахрушинымъ).

тогами, чтобъ вставливалъ окончину крѣпко и кречатовъ государевыхъ берегъ». По докладѣ объ этомъ случаѣ государю, Ярышкина снова били батогами и «били больно, чтобъ и инымъ впредь птицъ бить неповадно было». Вообще береженье царскихъ птицъ требовалось, да и на дѣлѣ было, самое тщательное; постороннему человѣку немыслимо было проникнуть за ограду кречатни или освѣдомиться относительно царскихъ птицъ. Эта таинственность сильно интриговала иностранцевъ, и одинъ изъ товарищей австрійскаго посла, барона Майерберга, въ теченіе цѣлаго полугода тщетно добивался возможности увидать хоть одного царскаго кречета и срисовать его; только

благодаря крайней любезности самого государя Алексѣя Михаиловича, посольству предоставлена была возможность полюбоваться царскими кречетами и дано было позволеніе срисовать ихъ. Майербергъ подробно и весьма любопытно разсказываетъ объ этомъ случаѣ. Послѣ долгихъ и всегда тщетныхъ попытокъ добиться разрѣшенія видѣть царскихъ кречетовъ, когда уже это желаніе успѣло поостыть и почти изгладиться, «вдругъ» — говоритъ онъ — «въ самое воскресенье на масляной недѣлѣ совершенно неожиданно представилось намъ зрѣлище ряженыхъ. Мы сидѣли еще за обѣдомъ съ собесѣдниками, когда нашъ благородный приставъ, принявъ на себя важную осанку, будто хочетъ заняться съ нами дѣломъ великой важности, просилъ насъ войти во внутренній покой и выслушать, что онъ намъ скажетъ. Когда мы вошли туда, тамъ главный начальникъ охоты великаго князя (это былъ, безъ сомнѣнія, Матюшкинъ) и шесть сокольниковъ, одѣтые въ дорогіе кафтаны изъ великокняжеской казны, держали каждый по кречету въ правой рукѣ, на которой надѣты были рукавицы съ новою золотою бахромою. Кречеты были въ новыхъ колпачкахъ изъ великолѣпной ткани и съ длинными золотыми веревочками на лѣвыхъ берцахъ, а у самаго лучшаго изъ нихъ, бѣлаго цвѣта съ крапинами, какъ у аиста, правое берцо облегало золотое кольцо съ рубинами значительной величины. Тогда приставъ, снявъ шапку и вынувъ изъ-за пазухи свитокъ, объяснилъ поводъ этого посольства, между тѣмъ какъ мы слушали его стоя: «Великій князь и царь Алексѣй Михаиловичъ (по обыкновенію онъ пересказалъ въ подробности весь титулъ царя), узнавъ о вашемъ желаніи видѣть которую-нибудь изъ его птицъ, прислалъ посмотрѣть вамъ шесть кречетовъ изъ расположенія къ своему любезному брату, цезарю Римскому, Леопольду». Такая потраченная попусту торжественность и пышность обстановки располагала къ смѣху, и духъ, затронутый забавною картиною этого пустого чванства, разразился бы хохотомъ, если бы, сдерживаясь уваженіемъ лица, показывавшаго это зрѣлище, къ высокому званію

12

пославшаго его, мы не подавили въ себѣ возбужденнаго расположенія къ смѣху. Итакъ, обратившись съ важнымъ видомъ къ приставу, мы очень расхваливали птицъ въ напыщенныхъ выраженіяхъ, и, будто увлекшись удивленіемъ къ большому росту ихъ, освѣдомились, въ какихъ краяхъ онѣ водятся. — «Въ областяхъ Великаго Государя», отвѣчалъ онъ сухо, положивъ себѣ на уста перстъ Гарпократа, чтобы не выболтать государевой тайны. Поблагодаривъ за то, что великій князь удостоилъ насъ такого особаго почета, мы изъявили одобреніе дѣйствующимъ лицамъ этой комедіи самымъ пріятнымъ для нихъ образомъ, т.-е. сдѣлали имъ подарки и отпустили ихъ». Ироническій тонъ этого разсказа, съ оттѣнкомъ плохо скрытаго раздраженія, показываетъ, что австрійское посольство было задѣто и досадовало на столь нескорое удовлетвореніе его просьбы; смѣшного же въ обстановкѣ этой церемоніи не было ничего, въ особенности для пословъ, привычныхъ къ условностямъ тогдашняго этикета. Думается даже, что усилія, употреблявшіяся посольствомъ на полученіе права посмотрѣть царскихъ птицъ, дѣлались ими не столько ради самого желанія видѣть ловчихъ птицъ, сколько въ видѣ дипломатическаго способа опредѣлить степень расположенія русскаго царя къ Леопольду. Птицъ съ царской кречатни послы легко могли бы посмотрѣть у нѣкоторыхъ важныхъ бояръ.

Хотя вообще ловчія птицы составляли «государеву заповѣдь» [85]), и продавать ихъ частнымъ лицамъ воспрещалось весьма строго, однако, бояре нерѣдко имѣли собственную соколиную охоту, и случалось, что государь жаловалъ бояръ, находившихся въ особой милости, лучшими кречетами со своей кречатни.

Лѣтъ за шесть до описаннаго случая, бывшаго въ 1662 году, князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому были пожалованы Алексѣемъ Михайловичемъ съ собственной кречатни четыре кречета. У этого князя, подобно боярину Морозову, была, повидимому, собственная соколиная охота въ его имѣніи Вешняковѣ, въ шести верстахъ отъ Москвы [86]).

Уходъ за ловчими птицами заключался въ кормленіи ихъ, въ лѣченіи заболѣвавшихъ, но главнымъ образомъ — въ «вынашиваніи», т.-е. систематическомъ пріученіи дикихъ птицъ къ охотѣ.

Въ отношеніи корма ловчія птицы требовали особенной заботливости. Кормили ихъ въ «уреченное время», т.-е. въ опредѣленные часы, и непремѣнно самымъ доброкачественнымъ, т.-е. свѣжимъ и здоровымъ мясомъ — говяжьимъ, бараньимъ, но преимущественно голубинымъ. Для этой цѣли при кречатнѣ имѣлся особый голубиный дворъ, на которомъ содержались свыше ста тысячъ паръ голубей. Голуби собирались сюда со всего государства отъ крестьянъ, несшихъ голубиную повинность; но этого безплатно поставляемаго количества голубей не хватало, и приходилось, сверхъ того, прикупать за деньги, какъ и другое мясо на кормъ птицамъ. Въ документахъ того времени попадаются случайныя отмѣтки о денежныхъ выдачахъ на покупку мяса для птицъ: такъ, въ 1665 г. въ два раза было выдано 30 р., въ 1666 г. также въ два раза 250 р., въ 1668 г. одна выдача на сумму 20 р. и въ 1669 г. три выдачи на сумму 222 рубля, 17 алтынъ и 2 деньги. Эти цифры, взятыя сами по себѣ, ничего не могутъ разъяснить намъ относительно средняго годового расхода на содержаніе птицъ. Только отчасти вопросъ освѣщается слѣдующими данными. Птицамъ, остававшимся временно до отправки въ Москву на рукахъ у двинскихъ (кречатниковъ) помытчиковъ, какъ равно и во время слѣдованія ихъ въ Москву, отпускалось на кормъ по двѣ деньги въ сутки на каждую птицу; но трудно рѣшить, отпускался ли перевозимымъ птицамъ усиленный паекъ, или одинаковый съ тѣмъ, какой полагался для птицъ, содержащихся на кречатнѣ. Если вѣрно послѣднее, то содержаніе каждой птицы на кречатнѣ должно было обходиться въ годъ 730 денегъ, что на наши деньги составило бы сумму 20—25 рублей; а какъ, по свидѣтельству Катошихина, на кречатняхъ бывало до трехъ тысячъ ловчихъ птицъ, то, слѣдовательно, ежегодный расходъ только на одинъ кормъ птицамъ могъ достигать

12*

крупной суммы 75,000 рублей, и едва ли бы былъ подъ силу тогдашнему бюджету, если бы не существовало голубиной повинности, т.-е. безплатной поставки голубей крестьянами [87]). Такъ напр., имѣется документъ, что въ 1660 году сокольникъ Ѳома Дорофѣевъ привезъ 200 гнѣздъ голубей изъ Данкова (Госуд. Арх., № 173, разр. XXVII).

Заболѣванія ловчихъ птицъ доставляли сокольникамъ много хлопотъ и безпокойства, связаннаго съ опасеніемъ, что болѣзнь птицы будетъ объяснена недосмотромъ или небрежностью со стороны сокольника, которому порученъ уходъ за нею. А заболѣвали кречеты и соколы нерѣдко. Болѣзни ихъ зависѣли и отъ несвойственнаго ихъ природѣ московскаго умѣреннаго климата, и отъ состоянія неволи, съ которою онѣ, вольныя птицы, свыкались нелегко. Наиболѣе частыя формы заболѣваній были: страданія печени, разстройство пищеварительныхъ органовъ, болѣзнь пупа и глазныя болѣзни, кончавшіяся иногда полной слѣпотою [88]). Лѣчили птицъ домашними способами, и, очевидно, среди сокольниковъ были своего рода знахари.

Чѣмъ и какъ лѣчили, сказать трудно, но, всего вѣроятнѣе, разными цѣлебными травами, о сборѣ которыхъ Алексѣй Михаиловичъ часто дѣлаетъ распоряженія въ перепискѣ съ Матюшкинымъ. Въ случаѣ смерти любимыхъ царскихъ кречетовъ всѣмъ служащимъ при кречатнѣ угрожалъ царскій гнѣвъ и великая немилость, а сокольниковъ за это нещадно пороли кнутомъ [89]).

Мы уже говорили въ I выпускѣ «Исторіи охоты», что «вынашиваніе» ловчихъ птицъ составляло трудъ крайне серьёзный и крайне безпокойный. Когда вынашивались птицы, всѣмъ на кречатнѣ, начиная съ рядовыхъ сокольниковъ и кончая сокольничимъ, приходилось увеличивать свою бдительность до крайней степени напряженія, приходилось жертвовать не только отдыхомъ, но даже сномъ. Вынашиваніе птицъ начиналось «держаньемъ». «Держать» сокола или кречета значило не давать птицѣ въ теченіе нѣкотораго времени спать, и

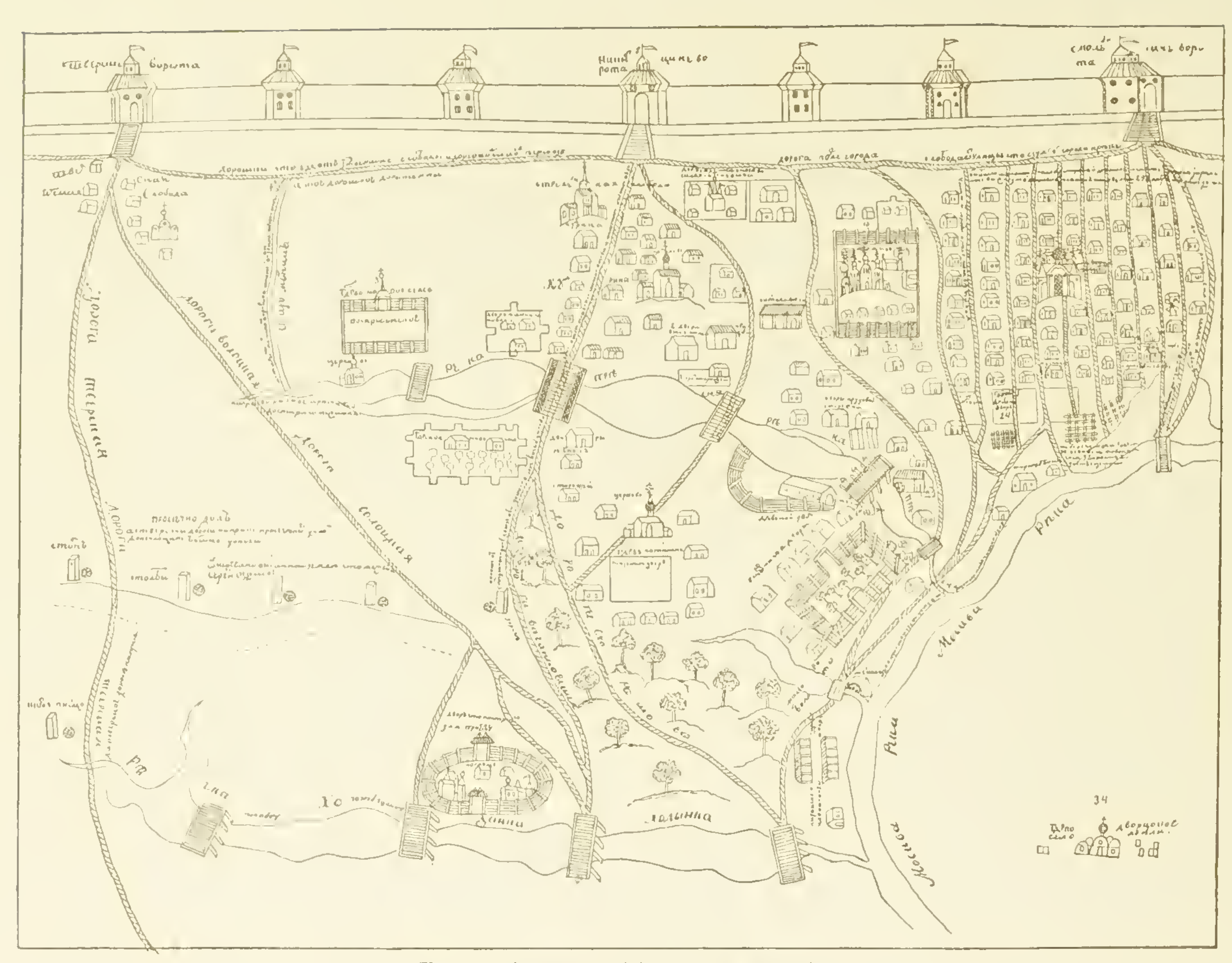
этотъ промежутокъ времени колебался отъ трехъ до четырехъ сутокъ. Утомленный продолжительной безсонницей, соколъ впадаетъ въ состояніе безпамятства и изъ дикой и непокорной птицы становится ручною и повинуется уже волѣ «держащаго» его сокольника. Если во время «держанья» дать птицѣ заснуть хоть на короткій срокъ, то этимъ можно испортить все дѣло, и предшествующій трудъ «держанья» становится потраченнымъ попусту. Поэтому «держанье» обыкновенно поручалось самымъ надежнымъ сокольникамъ, уже испытаннымъ ранѣе со стороны ихъ серьёзнаго отношенія къ дѣлу. За сокольниками, занятыми «держаньемъ» кречетовъ, бдительно наблюдали начальные сокольники, а за тѣми и другими вмѣстѣ зорко слѣдилъ неусыпный глазъ Матюшкина, или, въ его отсутствіе, подсокольничій Петръ

Семеновичъ Хомяковъ. Иногда «держанье» соколовъ поручалось даже стольникамъ государевымъ, на которыхъ царь могъ положиться болѣе, чѣмъ на простыхъ сокольниковъ. Когда дикая птица была укрощена и приведена въ полную покорность человѣку, приступали къ дальнѣйшимъ пріемамъ вынашиванія. Эти пріемы почти не отличаются отъ нынѣ практикуемыхъ. Мы опишемъ ихъ, руководствуясь разсказомъ Брема и сопоставляя его разсказъ съ данными, заключающимися въ перепискѣ царя Алексѣя Михайловича съ Матюшкинымъ, Голохвастовымъ и Хомяковымъ.

По Брему, обученіе сокола, вѣрнѣе сказать «держанье», начинается съ того, что голову птицы покрываютъ колпачкомъ («клобучкомъ», по терминологіи XVII в.), на ноги надѣваютъ кожаныя путы («обносцы») и оставляютъ безъ пищи и сна 24 часа, послѣ чего сажаютъ на кулакъ, снимаютъ колпачекъ и кормятъ какой-нибудь птицей. Въ XVII в. это называлось «клобучечить» сокола. Но какъ теперь, такъ и тогда не всѣ ловчія птицы скоро приручались подъ гнетомъ «клобучка»; о птицахъ, долго или совсѣмъ не уступавшихъ «клобучеченью», говорили, что онѣ «къ клобучку жестоки»; напротивъ, о тѣхъ, вѣроятно, молодыхъ птицахъ, которыя скоро поддавались дѣйствію «клобучка», употреблялось выраженіе: «къ клобучку смирны». Упрямые экземпляры соколовъ послѣ перваго опыта клобучеченья отказывались даже отъ корма, но въ отношеніи ихъ клобучеченье повторялось безъ всякаго милосердія вновь и на вторыя, и на третьи сутки. Лишь немногіе соколы стойко выдерживали эту пытку, истощая всякое терпѣніе сокольниковъ. Такихъ непокорныхъ птицъ приходилось приручать, долго вынашивая на рукахъ безъ колпачка. Какъ только птица была «исклобучечена», ее начинали «вабить». «Вабить» на старинномъ языкѣ вообще значило звать; въ примѣненіи къ соколиной охотѣ «вабить» означало приманивать птицу къ корму, заставляя ее пролетать извѣстное разстояніе. Сокола сажали на спинку стула, а въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ стула

становился сокольникъ съ «вабиломъ» въ рукахъ. «Вабило» — это или кусокъ мяса, или убитая птица, или птица живая, но со связанными крыльями. Приманивая сокола «вабиломъ», сокольникъ постепенно увеличивалъ разстояніе отъ спинки стула до своего кулака, на который долженъ былъ сѣсть соколъ, чтобы заслужить себѣ кормъ [90]). Когда соколъ привыкалъ, по волѣ охотника, пролетать до «вабила» съ тридцать и болѣе саженей, обученіе его изъ кречатни переносилось въ поле, но, чтобы соколъ не улетѣлъ, въ полѣ на первыхъ порахъ его «вабили съ вервью», т.-е. держа его на длинномъ шнуркѣ, привязанномъ къ путамъ или «обносцамъ». При упражненіяхъ на открытомъ мѣстѣ, въ полѣ или на лугу, сокольникъ становится такъ, чтобы соколу приходилось летать противъ вѣтра, потому что по вѣтру соколъ летаетъ неохотно. Каждый разъ послѣ такихъ упражненій птицѣ даютъ пищу на кулакѣ, а затѣмъ, носятъ до вечера и цѣлую ночь качаютъ ее въ кольцѣ, не давая заснуть; на четвертыя сутки соколу даютъ немного отдохнуть въ теченіе ночи, а на слѣдующее утро приступаютъ къ новымъ упражненіямъ: его свободно сажаютъ на землю безъ шнурка, но зато въ длинныхъ путахъ, и онъ вновь долженъ взлетать на кулакъ сокольника для полученія корма; если онъ пролетитъ мимо, за нимъ ходятъ и приманиваютъ его «вабиломъ», пока онъ не сядетъ на кулакѣ. Потомъ сокола «вабили къ лошади», т.-е. пріучали его взлетать на кулакъ сокольника, сидящаго на лошади. Въ результатѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ упражненій получалось то, что соколъ совершенно переставалъ бояться людей, лошадей и собакъ. Вслѣдъ за этимъ начинались уже иныя упражненія, подготовлявшія сокола къ охотѣ за птицами. Для этого подбрасывали въ воздухѣ мертвую птицу и пускали привязаннаго на длинномъ шнуркѣ сокола, дозволяя ему на первый разъ клюнуть мертвую птицу, но впослѣдствіи вабило быстро отнималось, и соколъ получалъ птицу на кулакѣ. Затѣмъ, вабиломъ служили живыя птицы съ обрѣзанными или свя-

Планъ Москвы XVII столѣтія.
(Хранится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ г. Москвѣ).

занными крыльями: голуби, грачи, вороны и осорьи или болотные коршуны [91]). При вабленіи на живую птицу, соколу позволяли только «загрызть» ее, т.-е. убить, а пищу опять-таки давали съ кулака. Дальше, въ порядкѣ упражненій слѣдовалъ «выпускъ» или «напускъ»: предъ соколомъ пускали живую несвязанную птицу и, освободивъ его отъ клобучка, позволяли летѣть за ней. Если соколъ, не разсчитавъ удара, промахнется и не убьетъ пущенной птицы, его приманиваютъ назадъ живою птицей со связанными или укороченными крыльями. «Выпускъ» соколовъ на живыхъ птицъ, пущенныхъ свободно, былъ рѣшительнымъ моментомъ въ дѣлѣ пріученія соколовъ къ охотѣ; совершался «выпускъ» съ большою осмотрительностью и не иначе, какъ по личнымъ указаніямъ самого

царя Алексѣя Михаиловича. Такъ, въ письмѣ своемъ изъ Калязина монастыря, отъ 11 Іюня 1650 г., царь, между прочимъ, пишетъ Матюшкину: «и впредъ живое класть въ вабило... а пускать безъ нашего указа не смѣете» (письмо VI). За «выпускъ» ловчихъ птицъ безъ его вѣдома виновные наказывались жестоко: въ 1656 г. посланный изъ Смоленска въ Москву съ кречатьимъ челигомъ Алешка Багачъ дорогою вздумалъ напускать челига на птицъ и «потерялъ» его; государь приказалъ, чрезъ Хомякова, Алешку «бить кнутомъ, привязавъ къ кольцу, да посадить его на шесть недѣль на цѣпь за то, почему онъ безъ государева указа, дорогою ѣдучи, челига напускалъ на птицъ, чтобъ на то смотря дуровать инымъ было неповадно». Одновременно съ «выпускомъ» соколовъ пріучали возвращаться къ охотнику съ пойманною добычею, что на языкѣ XVII в. называлось «ворочать» сокола. Подготовка соколовъ къ охотѣ заканчивалась пріученіемъ ихъ къ борьбѣ съ сильными и хищными птицами: цаплями, осорьями, коршаками, орлаками и сарычами. При кречатнѣ всегда содержалось большое количество этихъ птицъ, которыхъ частію покупали, а частію ловили сокольники или солдаты во время походовъ. И въ этихъ упражненіяхъ соблюдалась строгая постепенность, тѣмъ болѣе нужная, что борьба съ этими хищниками труднѣе и мудренѣе, нежели съ любою другою птицею. Для того, чтобы облегчить кречету первую борьбу съ коршакомъ, послѣдняго ослѣпляли; слѣпой коршакъ не могъ увернуться отъ удара кречета, и борьба рѣшалась съ одной ставки. Слѣдующія упражненія велись уже съ коршакомъ, такъ сказать, на равныхъ условіяхъ для обѣихъ борющихся птицъ; при этомъ сокольники старались довести число ставокъ до пяти-шести, но не болѣе, такъ какъ пріученіе сокола къ бо́льшему числу ставокъ велось, повидимому, подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ самого царя. Въ отсутствіе Алексѣя Михаиловича упражненія съ хищниками совершались на молодыхъ и не особенно сильныхъ и рѣзвыхъ

13

экземплярахъ, а лучшія изъ этихъ птицъ приберегались для «выпусковъ», лично производившихся царемъ [92]). При упражненіяхъ съ цаплями и журавлями клювъ этихъ птицъ, опасный по своей остротѣ, обыкновенно вставляется въ особый футляръ, а шея птицы обертывается мягкою кожею, для того чтобы соколъ не могъ задушить птицы сразу; при выпускѣ на цаплю соколъ поднимается, какъ можно выше, чтобы сдѣлать ударъ сильнѣй, но цапля также поднимается все выше и выше и съ необыкновенной быстротой направляетъ противъ сокола свой клювъ въ расчетѣ, что соколъ на него наткнется, и если клювъ не заключенъ въ футляръ, то шансы побѣды не всегда на сторонѣ сокола. Какъ пріучали сокола въ охотѣ Алексѣя Михайловича къ борьбѣ съ цаплями, и какія для этого дѣлались приспособленія, не знаемъ. При напускѣ соколовъ на дикихъ птицъ, наблюдалось, чтобы соколы не «взыгрывали» и далеко не отлетали; излишнюю рѣзвость и непослушаніе соколовъ умѣряли діэтой и «держаньемъ»; государь строго приказывалъ — соколамъ и кречетамъ «разметоватца не давать, а доходить скверпами (падаль) да водяниною (сильно вымоченное въ водѣ мясо) да держаньемъ»: отъ плохого питанія птица худѣла и теряла часть силы и рѣзвости, а отъ держанья вновь становилась послушнѣй и «вѣжливѣй». Выношенныхъ соколовъ, чтобы они «не засидѣлись и не забыли добычу», старались упражнять въ охотѣ возможно чаще. Въ особенности это нужно было для соколовъ молодыхъ, легко «забывающихъ добычу» [93]); Алексѣй Михайловичъ наказывалъ сокольникамъ почаще «челиговъ напускать на дикое, чтобы молодежь (т.-е. молодыя птицы) не остербла», т.-е. не переросла, потому что только въ молодомъ возрастѣ самцы (челиги) легко поддаются вынашиванію. Для вящшаго успѣха, при вынашиваніи молодыхъ соколовъ и при охотѣ съ ними, къ нимъ присоединяли иногда выношеннаго стараго кречета, опытнаго въ охотѣ, мастера своего дѣла, чтобы молодёжь могла перенять отъ него лучшіе пріемы охоты [94]).

Когда такимъ образомъ кречеты были выношены и вполнѣ подготовлены, ихъ брали на настоящую охоту, и часто самъ царь «пробовалъ» вновь выношенныхъ кречетовъ, наблюдая за ихъ первыми подвигами, отмѣчая число ихъ ставокъ и восторгаясь тѣми изъ нихъ, которые оказывались подающими большія надежды. Удаль кречетовъ познавалась ставками. Ставкою называется взлетъ сокола на высоту, откуда онъ стремглавъ кидается на свою добычу и если не попадетъ, то взлетаетъ въ другой и въ третій разъ, пока, ринувшись съ высоты, ни «заразитъ» (поразитъ) птицу. Лучшіе кречеты какъ бы играютъ со своей добычей, не бьютъ ее со второй или третьей ставки, а дѣлаютъ ихъ цѣлыми десятками. Чѣмъ крутѣй ставки, чѣмъ выше верхъ, на который вздымается соколъ, чѣмъ стремительнѣй ударъ его, тѣмъ больше прелесть соколиной охоты. Соколъ необыкновенно красивъ, когда онъ съ поразительной, почти неуловимой для глазъ быстротой «падаетъ» на добычу. Соколиная охота по преимуществу благородная охота. Тутъ дѣло идетъ не о добычѣ, не о числѣ затравленныхъ гусей или утокъ, тутъ охотники наслаждаются рѣзвостью и красотою соколинаго полета, силой удара и «верхами», до которыхъ всходитъ соколъ. У каждаго сокола есть свой «верхъ», своя обычная высота, на которую онъ обязательно всходитъ прежде чѣмъ броситься на добычу. Соколы съ «великимъ верхомъ» поднимаются въ поднебесьѣ такъ высоко, что для простого глаза кажутся едва примѣтной точкой, и чтобы не упустить его изъ глазъ, нужно напрягать зрѣніе до крайней степени. Алексѣй Михаиловичъ особенно любилъ и цѣнилъ такихъ кречетовъ и съ наслажденіемъ истиннаго знатока любовался ими, когда, едва развернувъ крылья, легкими и изящными взмахами, соколы взбирались все выше и выше, купаясь и какъ бы утопая въ воздухѣ.

При охотѣ съ соколами на «чернь» (галокъ, воронъ и грачей) и на другихъ птицъ, соколамъ позволяли бить птицу «въ угонъ» и «въ подлетъ», т.-е. не дѣлая ставокъ и не достигая верховъ. На

13*

дикихъ утокъ соколиная охота производилась «на водахъ» и обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ:

Когда царская охота приближалась къ водамъ, гдѣ предполагались дикія утки, сокольники съ ловчими птицами отправлялись на другую, противоположную отъ царя, сторону и съ такимъ расчетомъ, чтобы стать противъ вѣтра и лицомъ къ водѣ. Мѣсто для царя, «гдѣ пристойно ему у воды стоять», конечно, заранѣе намѣчалось распорядителемъ охоты. Сокольники спускали одного изъ соколовъ — «откидывали» его, а сами садились на лошадей. Тогда царь подходилъ къ водѣ ближе, «чтобы мочно было видѣть». Какъ только соколъ «сталъ въ лету», т.-е. достигъ своего верха, къ царю пріѣзжалъ сокольникъ и докладывалъ, что «соколъ сталъ въ лету и ждетъ убою», и спрашивалъ государя, не будетъ ли приказано «гнать», т.-е. такъ или иначе спугивать дичь съ воды и заставить ее летѣть. Дичь спугивали съ мѣста или при помощи *тулумбаса* — бубна, по которому ударяли *вощагой* — короткой палкой съ прикрѣпленнымъ къ ней на толстомъ ремнѣ деревяннымъ шаромъ, или же при помощи особыхъ манковъ и дудочекъ. Какъ только дичь была на виду, пускали сокола, и государь подвигался къ водѣ еще ближе, чтобы «видѣть было гораздо» всѣ подробности красной охоты. Когда утка была поймана, сокольникъ докладывалъ царю, жива ли она, и спрашивалъ, не слѣдуетъ ли ее отдать соколу «потѣшиться», или нужно отнять ее у сокола. Если на водѣ еще оставались утки, то спускали второго сокола, потомъ третьяго, а если утки поднимались и улетали сразу всѣ, то или прекращали охоту, или переходили къ другимъ мѣстамъ. По окончаніи охоты ловчихъ птицъ кормили тутъ же, на полѣ или у воды, «мало чтобы сыты были»; затѣмъ, царю подносили особо отличившагося сокола вмѣстѣ съ добычей, и государь любовался удальцомъ-соколомъ и ласкалъ его. При травлѣ гусей, сокольники настораживали все свое вниманіе, такъ какъ эта охота не безопасна для сокола: когда соколъ вы-

шибетъ одного гуся изъ стаи и опустится на него, или свалится съ нимъ на землю, то вся стая гусей бросается къ погибающему товарищу, и если сокольникъ не подоспѣетъ, то гуси крыльями и носами не только изуродуютъ, но даже забьютъ сокола до смерти. Во время охоты съ соколами случались иногда досадныя для охотника приключенія: бывало такъ, что кречетъ, добывъ птицу, «учнетъ валяться съ ней на землѣ» и, сильно насытившись, станетъ уже неспособнымъ на этотъ день къ дальнѣйшей охотѣ; другой, своенравный и отбойчивый, взмоетъ и «утечетъ», и искать его приходилось далеко отъ мѣста охоты, разсылая во всѣ стороны конныхъ сокольниковъ и гонцовъ; но еще обиднѣе было для охотничьяго сердца, когда соколъ «не слѣзалъ», т.-е. былъ не въ силахъ сдѣлать сильный ударъ сверху. Въ предупрежденіе этихъ досадныхъ случайностей соколовъ наканунѣ охоты тщательно къ ней подготовляли; осматривали ихъ и убѣждались, здоровы ли они и «смѣтали-ли», т.-е. скинули ли погадку, и тѣхъ, которые погадки не скинули, на охоту, какъ недостаточно здоровыхъ, не брали. Сильныхъ и рѣзвыхъ кречетовъ кормили вполсыта, чтобъ они не взыграли, а утомленныхъ вынашиваніемъ или отъ природы

не сильныхъ кормили досыта, а иначе они могли бы осрамиться — «не слѣзть». Предъ большими и торжественными царскими охотами въ теченіе нѣсколькихъ дней устраивались пробныя охоты съ соколами, при чемъ участвовала вся соколиная охота въ полномъ составѣ [95]).

Большія и торжественныя соколиныя охоты отличались особеннымъ блескомъ и роскошью, потому что какъ охотники, такъ и ловчія птицы наряжались въ парадныя одежды и уборы. Для ловчихъ птицъ имѣлся свой нарядъ: для обыкновенныхъ охотъ употреблялся нарядъ «полевой» изъ хорошихъ, но простыхъ матерій и безъ особыхъ украшеній; напротивъ, нарядъ парадный изготовлялся изъ дорогихъ матерій, шелка и бархата, а украшенія къ нему были изъ золота, серебра, жемчуга и другихъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. Кромѣ случаевъ большихъ царскихъ охотъ, ловчія птицы убирались въ парадный нарядъ при посылкѣ ихъ въ подарокъ иноземнымъ властелинамъ, и въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ родѣ описаннаго Майербергомъ предъявленія кречетовъ иностранцамъ для обозрѣнія.

Составными частями наряда царскихъ ловчихъ птицъ описываемой эпохи были слѣдующія принадлежности: *клобучекъ, нагрудникъ, нахвостникъ, обножи* (иначе называвшіяся обносцами, ногавками, опутами или опутинами), *сильца, должикъ* и *колокольцы.*

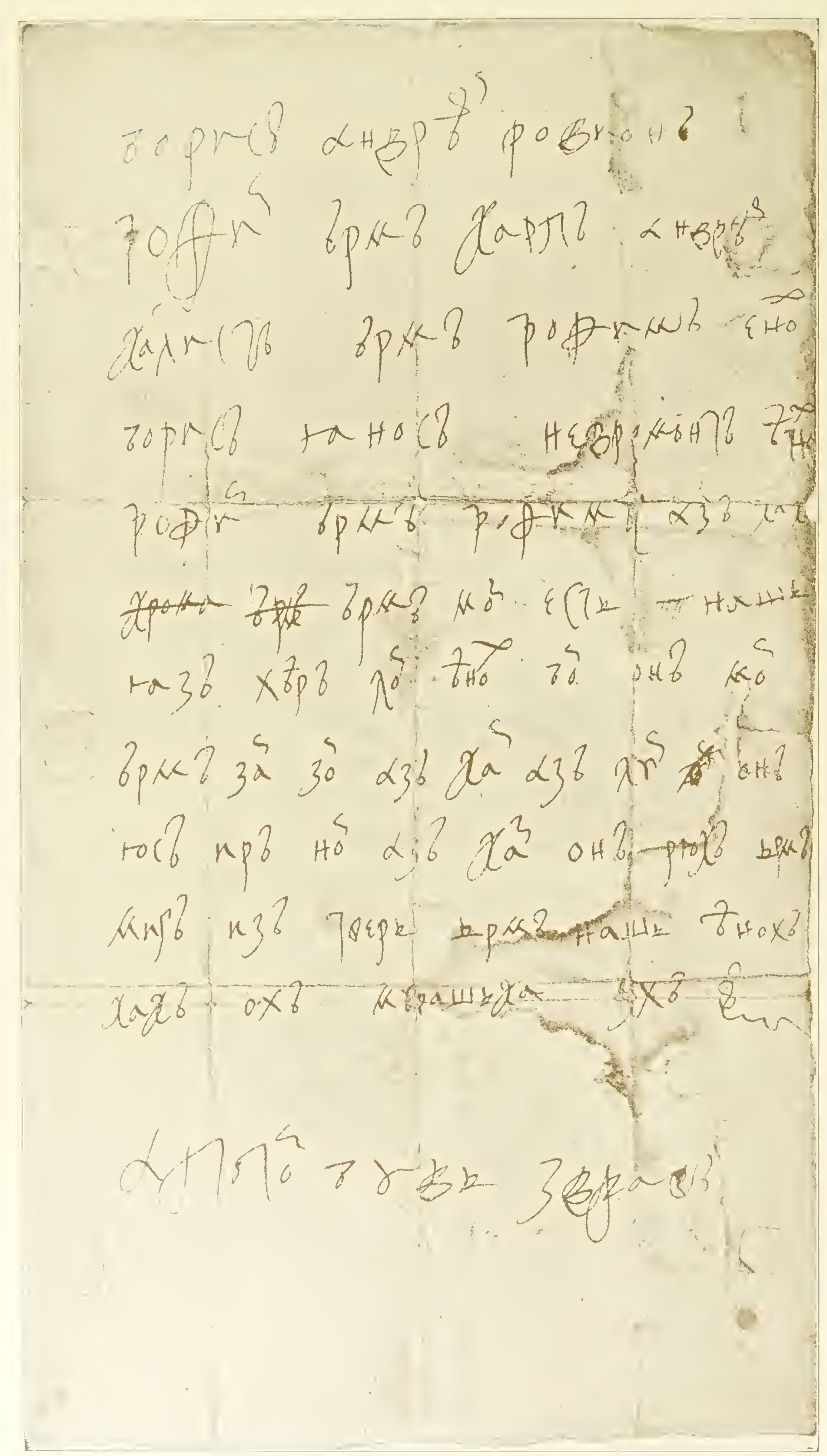
Назначеніе *клобучка* — закрывать птицѣ глаза. Это былъ колпачекъ, надѣвавшійся черезъ голову и затягивавшійся сзади ремешкомъ, при чемъ для клюва птицы оставлялось отверстіе. Собственно глаза закрывались у ловчей птицы тою специальною подвижною частью клобучка, которая именовалась *совкою.* Клобучки изготовлялись изъ бархата червчатаго, низаннаго жемчугомъ; иногда между жемчугомъ «процвѣчивалось» шелками зеленымъ и лазоревымъ; дѣлались клобучки и изъ атласа; были также клобучки «гзовые», т.-е. сафьянные, шитые золотомъ и серебромъ. Атласъ и бархатъ на клобучки шелъ дорогой венецейскій, персидскій и турецкій, золотнаго цвѣта,

иногда совершенно бѣлый, или же алый; на бархатномъ полѣ вышивались тканью изъ золота и серебра различныя травы и репьи, при чемъ иногда репьи вышивались серебромъ, а травы цвѣтнымъ шелкомъ. На подкладку къ клобучкамъ шла камка червчатая и червчатая тафта или иногда мелкотравчатая камка. Для стачки клобучковъ употреблялось пряденое золото и серебро и различные шелка. «Отыкались» клобучки цѣвками (моточками) золота. Непремѣнною принадлежностью клобучка являлись «задережки» — завязки клобучка; задережки были золотныя, въ видѣ шнурка, тканнаго изъ золота и серебра съ шелками; въ полевыхъ клобучкахъ задережки дѣлались простыя ременныя.

Нагрудники и нахвостники, какъ показываютъ самыя названія, были наряды, покрывавшіе грудь и хвостъ ловчихъ птицъ. Для охотъ эти части наряда не имѣли никакого значенія, но онѣ служили для украшенія птицъ и, подобно клобучкамъ, дѣлались изъ дорогого бархата, низаннаго жемчугомъ «въ перье», т.-е. перистообразнымъ узоромъ; на подкладку ихъ шла также червчатая камка.

Обносцы, о значеніи которыхъ было говорено уже, представляли собою онучки, шириною въ большой палецъ, которыми обертывались просторно, въ однурядь, ноги ловчей птицы. Полевыя онучки дѣлались кожаныя или суконныя и подшивались тонкимъ и легкимъ сукон-цемъ, а парадныя приготовлялись изъ дорогого бархата яркихъ цвѣтовъ или изъ шелка и атласа; по яркому желтому, рудожелтому или голубому фону вышивались золотомъ и серебромъ и низались жемчугомъ; сафьянныя обножи имѣли шитье изъ волоченаго золота; подкладка обносцевъ, по большей части, дѣлалась бархатная или изъ червчатой тафты.

«*Сильце*», по всей вѣроятности, было шнурочекъ или тесемочка, повязывавшіеся поверхъ обножей; оно служило для прикрѣпленія кольца, черезъ которое продѣвался должикъ. *Должикъ* же — это тонкій ремень или шнурокъ, длиною въ полсажени и болѣе, наглухо

Собственноручное тарабарское письмо Царя Алексѣя Михаиловича къ стольнику и московскому ловчему А. И. Матюшкину.

однимъ концомъ пришитый къ охотничьей рукавицѣ, другой его конецъ продѣвался черезъ колечко у обножей и держался въ рукахъ сокольникомъ: когда нужно было птицу спускать съ руки, «откидывать», сокольникъ выпускалъ изъ рукъ свободный конецъ должика, и птица освобождалась сама, какъ бы сдергиваясь съ должика. Чтобы удобнѣе было продѣвать должикъ черезъ колечко, онъ снабжался металлическими наконечниками. Должики изготовлялись изъ шелковъ и пряденаго золота и плелись въ видѣ шнура; конецъ, которымъ должикъ прикрѣплялся къ рукавицѣ сокольника, снабжался *кляпышкомъ*, т.-е. запонкой или застежкой, а на свободномъ концѣ наконечникъ дѣлался изъ кованаго золота или серебра. Сильца также плелись изъ золота пряденаго и шелковъ, а колечки ихъ были или чистаго серебра, или чистаго золота, или серебряныя вызолоченыя. *Колокольцы* дѣлались или изъ серебра, или изъ мѣди. Колокольцы привязывались къ хвосту птицы, именно къ среднему перу хвоста, или же прикрѣплялись у обножей. По звуку колокольца, имѣвшаго видъ бубенчика, охотникъ могъ слышать, куда отлетѣла птица или гдѣ, спустившись, она запропала. Колокольцы при охотѣ съ соколами были положительно необходимы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда кречетъ, нападая съ высоты на дичь, дѣлаетъ ударъ не перпендикулярный, а наклонный; въ такомъ случаѣ онъ сваливается съ добычей за полверсты отъ охотника и болѣе, и колоколецъ помогаетъ охотнику скоро найти сокола, даже если онъ упадетъ съ дичью въ густую и высокую траву.

Клобучекъ, обносцы и нагрудникъ украшались, сверхъ того, кистями кручеными изъ пряденаго золота или серебра и разноцвѣтныхъ шелковъ; головки кистей, называвшіяся «*вошолками*», низались жемчугомъ по червчатому атласу, точно такъ же какъ и «*ворворки*» кисти или подвижные шарики на шнуркѣ надъ вотолкою кисти. Должикъ, обножи, нагрудникъ и нахвостникъ снабжались кляпышками, которые употреблялись вмѣсто пуговицъ или запонъ. Кляпышки

14

обнизывались очень мелкимъ жемчугомъ, а обшивались пряденымъ золотомъ или серебромъ.

Всѣ указанные наряды ловчихъ птицъ изготовлялись спеціальными мастерами въ Государевой Мастерской палатѣ; цѣнность наряда согласовалась съ достоинствомъ птицы, для которой онъ предназначался, и обыкновенно кречеты — царскіе любимцы — блистали золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями и переливали всѣми цвѣтами радуги. Относительно колокольцовъ слѣдуетъ сказать, что, въ Москвѣ, повидимому, ихъ не дѣлали, а выписывали изъ чужихъ краевъ. Въ 1658 году Виленскому воеводѣ кн. Шаховскому приказано было купить въ Вильнѣ 2000 мѣдныхъ колокольцовъ и выслать въ Москву «не замотчавъ», а если готовыхъ въ продажѣ не окажется, приказать сдѣлать по образцамъ, присланнымъ съ Москвы. Воевода созвалъ въ съѣзжую избу виленскихъ купцовъ, показалъ имъ образцы и спросилъ ихъ, есть ли у нихъ такіе колокольцы, и есть ли въ Вильнѣ мастера, умѣющіе ихъ дѣлать? Купцы отвѣчали, что ни колокольцовъ нѣтъ у нихъ, ни мастеровъ въ Вильнѣ такихъ нѣтъ, «а привозили де прежъ сего такіе колокольцы изъ Королевца (нынѣ Кенигсбергъ) и то небольшое». Воевода тотчасъ же отправилъ человѣка въ Королевецъ, и тотъ закупилъ тамъ 1818 разныхъ колокольцовъ, примѣняясь къ присланнымъ образцамъ; купленные колокольцы немедленно были препровождены въ Москву.

Заканчивая рѣчь о птичьихъ нарядахъ, интересно отмѣтить то обстоятельство, что ястребьи наряды почему-то никогда не украшались жемчугомъ, который столь щедро низался по нарядамъ другихъ птицъ ловчихъ [96]).

Цѣнность нарадныхъ птичьихъ нарядовъ, въ особенности когда они украшались драгоцѣнными каменьями, была, вѣроятно, очень высока. Если прибавить къ этому, что сами птицы и ихъ содержаніе стоили дорого, что много расходовъ требовалъ штатъ служащихъ при соколиной охотѣ, что на это удовольствіе приходилось затрачивать

массу напряженнаго труда, хлопотъ и безпокойства, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему послѣ Алексѣя Михаиловича соколиная охота пришла въ упадокъ и въ полное почти забвеніе. Нужна была исключительная страсть къ соколиной охотѣ, чтобы поставить и обставить ее съ такою роскошью, блескомъ и великолѣпіемъ, съ такимъ удивительнымъ знаніемъ всѣхъ подробностей, какъ это было при Алексѣѣ Михаиловичѣ, но такой страсти у преемниковъ его не было, и время «славной и красной птичьей потѣхи» прошло и кануло въ вѣчность съ кончиной «тишайшаго» царя, великаго охотника [97]).

Съ кончиной Алексѣя Михаиловича, на ряду съ соколиной охотой, постепенно приходятъ въ упадокъ и царскія звѣровыя потѣхи. Это было время ихъ послѣдняго расцвѣта. Возстановленныя Михаиломъ Θеодоровичемъ въ 1619 году, когда по его указу отбирались, какъ мы знаемъ, медвѣди у частныхъ лицъ въ сѣверной «медвѣжьей» сторонѣ, медвѣжьи потѣхи за весь разсматриваемый періодъ устраивались весьма часто, то какъ самостоятельное развлеченіе, то въ видѣ прибавленія къ охотѣ, для которой онѣ иногда служили какъ бы заключеніемъ. Характеръ и формы звѣровыхъ потѣхъ остаются тѣ же, что и въ предшествовавшіе вѣка. На двухъ потѣшныхъ дворахъ, находившихся въ с. Коломенскомъ и въ с. Семеновскомъ, а равно и въ Измайловскомъ звѣринцѣ, содержалось большое число медвѣдей «дворныхъ», т.-е. прирученныхъ и выдрессированныхъ, гонныхъ и дикихъ; кромѣ того, для потѣхъ, по главнымъ образомъ для травли и боевъ, медвѣди поставлялись прямо изъ лѣса. Медвѣжьи увеселенія устраивались обыкновенно въ Кремлѣ «на дворцѣ», т.-е. гдѣ-либо на нижнемъ подъ горою, или на заднемъ государевомъ дворѣ близъ палатъ патріарха. Иногда государи тѣшились на псарномъ дворѣ, гдѣ удобно было травить медвѣдей собаками. По временамъ медвѣжьи потѣхи справлялись въ загородныхъ дворцахъ, а во время царскихъ походовъ — довольно часто въ селахъ: Покровскомъ-Рубцовѣ, въ Хорошевѣ и въ Тонинскомъ.

14*

Въ документахъ этого времени мы не находимъ прямыхъ указаній на то, устраивалась ли для царей медвѣжья «потѣха» въ собственномъ смыслѣ, т.-е. представленіе, дававшееся поводчиками съ учеными медвѣдями и сопровождавшееся шутками, прибаутками и притчами, по бо́льшей части, нескромнаго, а иногда и прямо непристойнаго содержанія. Быть-можетъ, къ этому времени вкусъ къ подобнымъ представленіямъ успѣлъ пройти и исчезнуть, по крайней мѣрѣ, у самихъ государей. Зато другіе виды медвѣжьей потѣхи — борьба, бои съ дикими медвѣдями и травля ихъ собаками — были очень любимы обоими первыми царями изъ дома Романовыхъ. Борьба устраивалась обыкновенно съ медвѣдями «дворными»; устраивалась съ ними и иная потѣха: ихъ «дразнили», бѣгая предъ ихъ глазами и безпокоя ихъ барабаннымъ боемъ; раздразненный медвѣдь старался настигнуть и, такъ сказать, поучить тревожащаго его охотника, а тотъ ловко отъ него увертывался. Впрочемъ, исходъ борьбы и указанной потѣхи часто былъ не въ пользу охотниковъ побороться съ медвѣдемъ; медвѣди частенько драли смѣльчакамъ зипуны, кафтаны и штаны; нерѣдко изъянъ былъ и еще существеннѣй: медвѣди «ломали» и «мяли» смѣльчаковъ, «изъѣдали» имъ руки и головы, «выламывали зубы», портили губы и глаза, словомъ, наносили имъ нешуточныя поврежденія; но нужно сказать, что въ документахъ этого времени мы не встрѣчаемъ ни одного случая медвѣжьей потѣхи со смертельнымъ исходомъ борьбы для участвовавшихъ въ ней лицъ. Еще опаснѣе были, по возможнымъ послѣдствіямъ, бои съ медвѣдями. Они устраивались почти исключительно съ дикими медвѣдями, или съ мало обжившимися на потѣшныхъ дворахъ, или же со взятыми прямо изъ лѣса. Бойцы выступали противъ медвѣдей съ одними вилами, какъ и прежде, и нужно было много имѣть силы, самообладанія и ловкости, чтобы, не упустивъ лучшаго момента, посадить звѣря на вилы. Это была борьба прямо-таки страшная, это было зрѣлище, которое могли выносить только надежные нервы людей XVII вѣка.

Письма Царя Алексѣя Михаиловича къ стольнику А. И. Матюшкину.

Травили дикихъ медвѣдей собаками крупныхъ породъ — волкодавами и «британами», т.-е. бульдогами. Каждый годъ на масляной недѣлѣ устраивалась травля и медвѣжья потѣха для всенароднаго увеселенія на Москвѣ рѣкѣ, на льду [98]). Впрочемъ, въ этомъ случаѣ травили и другихъ звѣрей: волковъ и лисицъ. Рейтенфельсъ, самъ видѣвшій это зрѣлище, отзывается о немъ, какъ объ очень забавномъ: собаки и медвѣди не могли крѣпко держаться на ногахъ, скользили и падали на ледъ, къ большому удовольствію глазѣвшей толпы народа.

Сколько можно судить по документамъ, — постоянныхъ, такъ сказать, штатныхъ бойцовъ и борцовъ съ медвѣдями при потѣшныхъ дворахъ государевыхъ не было. Боролись и бились съ ними добровольцы, большею частію, правда, принадлежавшіе къ чинамъ охоты. Кто чувствовалъ въ себѣ силу, удаль и задоръ, тотъ и шелъ помѣряться съ медвѣдемъ, снискать себѣ царское вниманіе и лестную молву въ народѣ. Однихъ манило на борьбу корыстное желаніе получить обычную награду, другихъ влекло къ ней желаніе славы и успѣха, а третьихъ — просто богатырская сила и молодецкая удаль, не вѣдающая страха, не боящаяся смерти, потому что на міру — на глазахъ царя и народа — иному смѣльчаку и смерть красна. Вотъ почему въ ряду бойцовъ и борцовъ мы встрѣчаемъ въ этотъ періодъ людей различнаго положенія. Бились и боролись съ медвѣдями: князья (Гундуровъ), боярскіе сыны, жильцы; чины охотъ царскихъ — звѣровщики, псовники, пѣшіе и конные псари, охотники ловчаго пути, птичьи стрѣлки; царская прислуга — конюхи, постельные истопники и сторожа, подключники; выходили на бой стрѣльцы; частные и, можетъ-быть, случайно попавшіе въ Москву люди — какіе-то нижегородецъ и черкашенинъ (малороссъ); люди боярскіе: Морозова, кн. Черкасскаго и ловчаго Леонтьева, при чемъ среди этихъ борцовъ одинъ былъ слѣпой — человѣкъ кн. Черкасскаго, по имени Андрей; наконецъ, въ ряду борцовъ и бойцовъ упоминается также одинъ заѣзжій самоѣдъ съ Канина Носа [99]).

Бойцы и борцы съ медвѣдями получали изъ казны обычную награду, въ видѣ англійскихъ суконъ и другихъ матерій на платье. Размѣръ и цѣнность этихъ наградъ оставались прежніе и колебались отъ 2 до 3 рублей, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ стоимость подарковъ достигала 8—11 рублей. Если смѣльчаковъ не устрашала опасность и не смущала ничтожность награды, то нужно согласиться, что эти, дикія по нашимъ понятіямъ, забавы были во вкусѣ своего времени и отвѣчали уровню умственнаго и эстетическаго развитія тогдашняго общества. За это говоритъ и тотъ фактъ, что существовала особая профессія медвѣжьихъ поводчиковъ, ходившихъ по городамъ и забавлявшихъ простой народъ медвѣжьей выучкой и прибаутками, безъ сомнѣнія, скабрезнаго содержанія, такъ какъ отъ 1657 г. дошла до насъ грамота Ростовскаго митрополита Іоны, въ которой онъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, запрещаетъ своей паствѣ принимать въ свои дома поводчиковъ съ медвѣдями [100]).

Помимо медвѣжьей потѣхи, для государей устраивалась также потѣха львиная. Львы, какъ мы знаемъ изъ I т., впервые появились при дворѣ русскихъ государей при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, и, вѣроятно, тогда же былъ устроенъ для нихъ особый львиный дворъ, находившійся, какъ говоритъ Забѣлинъ, у Китай-Городской стѣны, гдѣ теперь губернскія присутственныя мѣста. Извѣстны за этотъ періодъ два случая львиной потѣхи: въ 1618 г. тѣшилъ государя Михаила Ѳеодоровича дрессированнымъ львомъ, вывезеннымъ изъ Кизильбашъ (т.-е. Персіи), рязанецъ Гришка Ивановъ, а въ 1648 г. при Алексѣѣ Михаиловичѣ со львомъ выходилъ на медвѣжьей потѣхѣ звѣровщикъ Сила Зерцаловъ [101]).

При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ появилась и другая рѣдкая потѣха: приведены были слоны, которыми и тѣшилъ государя въ 1625 и 1626 гг. арапъ Тчанъ Ивраимовъ. Дальнѣйшая судьба этихъ слоновъ неизвѣстна [102]).

Кромѣ того, иногда устраивались для царскаго удовольствія бѣга сѣверныхъ оленей, на которыхъ ѣздили самоѣды, пригонявшіе ихъ въ Москву, какъ кажется, въ видѣ обычной дани царю отъ самоѣдскаго населенія. Бѣга происходили на царскомъ дворѣ, тамъ же, гдѣ и медвѣжьи потѣхи [103]).

Глава III.

Внутреннее устройство царскихъ охотъ въ XVII вѣкѣ.

По внутреннему устройству царская охота при царяхъ Михаилѣ Θеодоровичѣ и Алексѣѣ Михаиловичѣ распадалась, какъ и прежде, на два большіе отдѣла, сохранившіе за собой старинное названіе путей — сокольничьяго и ловчаго. Несмотря на огромную важность, какую охота имѣла въ обиходѣ тогдашней жизни, для исключительнаго завѣдыванія дѣлами царскихъ охотъ не существовало спеціальнаго органа или особаго учрежденія. При Михаилѣ Θеодоровичѣ вся царская охота состояла при конюшенномъ приказѣ,

а дѣла, касавшіяся личнаго состава царскихъ охотъ, вѣдались приказомъ Большого дворца. При Алексѣѣ Михаиловичѣ, съ учрежденіемъ приказа Тайныхъ Дѣлъ, завѣдываніе дѣлами охоты распредѣлилось между нѣсколькими приказами. Любимая государева лѣтняя потѣха, т.-е. соколиная охота, вся цѣликомъ перешла въ вѣдѣніе приказа Тайныхъ Дѣлъ, гдѣ сосредоточены были и разбирались, подъ личнымъ руководствомъ самого царя, государственныя дѣла первой важности и дѣла, касавшіяся лично особы государя. Зимняя потѣха, т.-е. звѣровая охота, вѣдалась попрежнему Конюшеннымъ приказомъ. Охота промысловая, связанная съ ясакомъ, состояла въ завѣдываніи двухъ приказовъ: Сибирскаго и Казанскаго дворца [104]).

Непосредственное завѣдываніе царскими охотами, въ административномъ и техническомъ отношеніяхъ, исключая хозяйственнаго, возлагалось на особыхъ лицъ, избиравшихся лично государями изъ среды людей, къ нимъ приближенныхъ и пользовавшихся полнымъ царскимъ довѣріемъ. Приблизительно до 1620—1621 г. каждый изъ двухъ отдѣловъ царской охоты имѣлъ своего отдѣльнаго начальника и руководителя: птичьею охотою завѣдывалъ сокольничій съ помощникомъ, называвшимся подсокольничимъ, а звѣровою охотою распоряжался ловчій московскаго пути. Послѣ 1620 г. обѣ эти должности замѣщаются однимъ лицомъ — ловчимъ московскаго пути, и званіе сокольничаго упраздняется, хотя должность и званіе подсокольничаго продолжаютъ существовать и послѣ этихъ перемѣнъ. Мы знаемъ, что и въ прежнія времена относительно двоеначалія въ области охотъ существовало колебаніе, и должности сокольничаго и ловчаго то разъединялись, то вновь сливались, что, должно полагать, вносило нѣкоторый безпорядокъ въ управленіе охотами, лишая распоряженія по охотѣ должнаго единства и согласованности, и, вѣроятно, порождало обычные по тѣмъ временамъ раздоры и споры мѣстничества. Ближайшіе поводы къ упраздненію должности сокольничаго остаются, впрочемъ, неизвѣстными. Пока въ области управленія царской охотой

существовало двоеначаліе, соколиною охотою съ 1613 до 1621 г. завѣдывалъ думный дворянинъ Гаврила Григорьевичъ Пушкинъ [105]), а звѣровою — Григорій Григорьевичъ Маматовъ. Въ современныхъ документахъ Маматовъ неизмѣнно называется «Тверскимъ ловчимъ», но уже съ 1618 г. фактически завѣдываетъ царскими звѣровыми охотами въ московскомъ пути, устраиваетъ ихъ и сопровождаетъ царя Михаила Ѳеодоровича въ его охотничьихъ поѣздкахъ и богомольныхъ «походахъ», словомъ, дѣйствуетъ, какъ настоящій московскій ловчій. Намъ думается, что, устраивая свою охоту по старинѣ, какъ прежде водилось, Михаилъ Ѳеодоровичъ имѣлъ намѣреніе возстановить и должности провинціальныхъ ловчихъ и въ этихъ видахъ назначилъ Маматова ловчимъ тверского пути. Но до смутнаго времени у провинціальныхъ ловчихъ было и прямое дѣло, и дѣйствительныя права: они завѣдывали промысловою охотою на царскихъ угодьяхъ въ томъ или другомъ «пути», устраивали зимнюю потѣху для царей, когда послѣдніе пріѣзжали въ ихъ «путь», и за это получали во владѣніе слободы, деревни и пустоши. Къ началу XVII в. промысловыя царскія охоты приходятъ въ упадокъ сначала отъ внутреннихъ, естественныхъ причинъ, а затѣмъ, смутное время еще сильнѣе разстроило ихъ и свело на нѣтъ, какъ это и обнаружилось при назначеніи Маматова въ тверскіе ловчіе. Въ 1618 г., вскорѣ послѣ своего назначенія въ ловчіе тверского пути, Маматовъ билъ государю челомъ, «что тверская псарская слободка отъ ли . . . . (литовскаго) . . . . разоренья и отъ пожару . . . . (въ конецъ) . . . . . . запустѣла, а деревни въ раздачѣ, а пустоши заросли лѣсомъ», почему онъ и просилъ государя пожаловать ему, вмѣсто пустошей и деревень, которыми владѣли прежніе тверскіе ловчіе, кашинскую псарскую слободку. Челобитье его было уважено [106]); однако, сохраняя за собой званіе тверского ловчаго, Маматовъ на самомъ дѣлѣ остался ловчимъ московскаго пути. Фактъ этотъ указываетъ, что въ XVII в. уже не было дѣйствительной нужды въ мѣстныхъ органахъ и учрежденіяхъ по завѣдыванію царскими

15*

охотами въ провинціи; да и въ документахъ нѣтъ указаній на существованіе подобныхъ учрежденій. Весьма вѣроятно, что дѣла, касавшіяся царскихъ охотъ въ провинціи, вошли постепенно въ кругъ общихъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ мѣстнымъ административнымъ властямъ.

Въ качествѣ московскаго ловчаго Маматовъ дѣйствовалъ приблизительно до 1621—1622 г. Послѣ этого времени, до 1635 г. включительно, должность ловчаго оставалась, повидимому, незамѣщенной, а царскими охотами завѣдывалъ одинъ изъ чиновъ ловчаго пути, Тимоѳей Ивановичъ Усовъ; какую онъ занималъ должность въ охотничьей іерархіи, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ это былъ не рядовой охотникъ, а, по меньшей мѣрѣ, начальный [107]). Въ 1635 г. въ московскіе ловчіе «сказанъ» Иванъ Ѳеодоровичъ Леонтьевъ [108]); въ 1649 г. преемникомъ ему былъ назначенъ Аѳанасій Сафонтьевичъ Заболоцкій, ходившій въ ловчихъ до 1655 г. [109]). Съ 1655 г. и до конца разсматриваемаго періода должность ловчаго съ честью занималъ достопамятный въ исторіи охоты стольникъ и другъ царя, бояринъ Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ [110]). Ближайшими помощниками Матюшкина, какъ уже говорено, были: Петръ Семеновичъ Хомяковъ, занимавшій должность подсокольничаго, и стольникъ Василій Яковлевичъ Голохвастовъ. Занималъ ли Голохвастовъ какое-либо офиціальное положеніе при охотѣ, сказать съ увѣренностью не беремся, хотя можно предполагать, что онъ былъ начальникомъ семеновскаго потѣшнаго двора; во всякомъ случаѣ роль и вліяніе Голохвастова въ области царской охоты были почти такъ же значительны, какъ и боярина Матюшкина: ему самимъ царемъ сообщались сдѣланныя Матюшкину царскія распоряженія по охотѣ [111]).

Въ непосредственномъ распоряженіи ловчаго и въ полномъ ему подчиненіи состоялъ многочисленный служебный персоналъ звѣровой и птичьей охотъ и прочія лица, по занятіямъ связанныя съ охотою. По отдѣлу звѣровыхъ охотъ упоминаются слѣдующіе чины: *охотники ловчаго пути, псовники, псари конные и пѣшіе, выжлятники, приказчики*

борзыхъ собакъ (приказчики псарные), корытные приказчики, наварщики, звѣровые охотники, звѣровщики, медвѣдчики и слоновщики. По отдѣлу птичьей охоты: *сокольники ловчіе, кречетники, сокольники, ястребники, помытчики, птичьи стрѣлки,* наконецъ, *«состоящіе при кречатнѣ»* и *клобучечные мастера при кречатнѣ.*

Кромѣ указанныхъ чиновъ, къ составу служившихъ при царской охотѣ принадлежали *охотничьи сторожа* и *конюхи* разныхъ наименованій, какъ-то: *стремянные,* на обязанности которыхъ лежало подводить царю и принимать изъ-подъ него коня, *задворные,* завѣдывавшіе провіантомъ лошадей, и *стряпчіе,* на которыхъ лежалъ уходъ за лошадьми, каретами, санями и сбруей. Затѣмъ, къ составу администраціи царскихъ охотъ принадлежали также *подъячій* и *лѣкарь потѣшнаго двора;* послѣдній съ окладомъ содержанія по 5 руб. въ мѣсяцъ. Въ числѣ чиновъ ловчаго пути имѣлись *трубники* и *сурначеи* и *накрачеи,* прямое свидѣтельство о которыхъ относится къ 1630 г. (Дворц. Раз., т. II, стр. 135, 137 и 200).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ административномъ и техническомъ отношеніяхъ царская охота XVII в. была организована прочно и цѣлесо-

образно; но возстановить всѣ подробности этой организаціи, по отрывочности и скудности данныхъ, нѣтъ возможности. Разбираясь въ тѣхъ данныхъ, которыя сохранились относительно организаціи охотъ въ различныхъ документахъ, можно усмотрѣть двѣ главныя черты, характеризующія старинную организацію охотъ. Во-первыхъ, какъ и всякое сложное дѣло, она возникла не вдругъ, но развивалась постепенно, и, по мѣрѣ нужды, въ видахъ раздѣленія труда и успѣшности всего охотничьяго дѣла, въ составѣ царскихъ охотъ возстановлялись старыя и образовывались новыя должности; для примѣра отмѣтимъ, что псарные и корытные приказчики появляются не ранѣе 1620 г., наварщики — съ 1644, а выжлятники и еще позднѣе — съ 1663 года. Во-вторыхъ, въ тогдашней организаціи охотъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, когда во главѣ ея стоялъ и властвовалъ единолично ловчій, строго было проведено начало іерархическаго подчиненія: служившіе дѣлились на начальныхъ и рядовыхъ; послѣдніе подчинены были и дѣйствовали по указанію первыхъ, а первые руководились непосредственными распоряженіями ловчаго; сообразно съ этимъ, распредѣлялась и служебная отвѣтственность, и при упущеніяхъ сильнѣе платился тотъ, кто выше былъ поставленъ, у кого больше было власти и правъ. При многочисленности личнаго состава охотъ и при довольно сложномъ раздѣленіи занятій въ охотничьемъ обиходѣ, такой порядокъ былъ и естественъ, и цѣлесообразенъ.

Всѣ лица, состоявшія при царской охотѣ, какъ бы ни было незначительно ихъ положеніе, считались на дѣйствительной царской службѣ. Ихъ занятія были не вольнымъ заработкомъ, но именно царской отвѣтственной службой. Ихъ принимали на службу по присягѣ — «крестоцѣлованью», — а въ отпускъ увольняли по очереди. (Письмо Матюшкина къ царю Алексѣю Михаиловичу отъ 1650 года, читаемъ . . . . «А сокольникъ новой, Мишка Семеновъ, креста . . . . не цѣловалъ» (чт. въ общ. истор. и древн. росс. годъ 3, № 5, стр. 139). Приводились къ присягѣ даже конюха, и вотъ что гласитъ «припись

къ кресто цѣловальной записи конюхомъ стремяннымъ»: «а что пожаловалъ Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Росіи, велѣлъ мнѣ, имракъ (имя рекъ), быти на своей государевой конюшнѣ и въ стремянныхъ конюхахъ, и мнѣ Государева, Царева и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Росіи здоровья во всемъ оберегати, и зелья и коренья лихаго въ ихъ государскія сѣдла, и въ узды, и въ войлоки, и въ рукавки, и въ наузы, и въ кутазы, и въ возки, и въ сани, и въ полсть санную, и въ коверъ, и въ попонку, и во всякой ихъ Государской конюшенной нарядъ, и въ гриву и въ хвостъ у аргамака, и у коня, и у мерина, и у иноходца, самому не положити и мимо себя никому положити не велѣти» [112]). Черезъ извѣстные промежутки времени, посвященнаго службѣ, чины охоты пользовались правомъ отпуска, который характерно назывался тогда «пущеніемъ въ гулящую». Дабы не было ущерба дѣлу, отпускомъ пользовались по заранѣе установленной очереди, и, какъ кажется, на срокъ не свыше одного мѣсяца [113]). Персоналъ царскихъ охотъ представлялъ собою довольно замкнутую среду и пополнялся новыми членами изъ среды молодёжи, принадлежавшей къ семьямъ служащихъ охотниковъ; въ тѣ времена, впрочемъ, почти всякое занятіе было наслѣдственнымъ, и сыновья обычно продолжали занятія своихъ отцовъ, и вотъ почему, на протяженіи всего разсматриваемаго періода, въ спискѣ царскихъ охотниковъ много встрѣчается лицъ съ однимъ и тѣмъ же прозвищемъ или фамиліей. Въ исключительныхъ случаяхъ въ составъ царскихъ охотъ принимались охотники, ранѣе служившіе въ частныхъ, боярскихъ охотахъ: въ 1666 г. приняты были на службу три конныхъ псаря и одинъ пѣшій, бывшіе до того времени въ составѣ охоты князя Черкасскаго, и, вѣроятно, то были мастера своего дѣла, потому что ихъ не только приняли, но даже наградили за приходъ [114]).

Что касается обязанностей, лежавшихъ на отдѣльныхъ чинахъ охоты, то онѣ явствуютъ уже изъ самыхъ названій. Въ этомъ отношеніи по отдѣлу звѣровой охоты свѣдѣній и подробностей имѣется

гораздо меньше, чѣмъ относительно охоты соколиной. Изъ второстепенныхъ чиновъ звѣровой охоты первое мѣсто, безъ сомнѣнія принадлежало *псовнику*. Въ дѣлѣ устройства звѣровыхъ охотъ,— были ли то «лосиныя осоки», или «окладъ волковъ», или охота за медвѣдями, — псовникъ былъ главнымъ помощникомъ ловчаго; псовникъ заранѣе изслѣдовалъ мѣста предполагаемой охоты, сыскивалъ звѣря и все подготовлялъ для вящшаго успѣха охоты. Должность эта, какъ кажется, замѣщалась людьми не простого происхожденія, но дворянскаго, такъ какъ въ документахъ они именуются съ отечествомъ: Василій Ѳедоровичъ Усовъ, Степанъ Прокофьевичъ Ябедниковъ. За устройство звѣровыхъ охотъ и личное участіе въ нихъ псовники награждались шелковыми матеріями или англійскими сукнами, отъ 4½ до 5 аршинъ, при чемъ цѣна шелковыхъ матерій доходила до 26 алтынъ съ деньгою, суконъ — свыше рубля [115])

За псовникомъ стояли *охотники ловчаго пути*. Обязанности ихъ, сколько можно судить, были существенно тѣ же, что и нынѣшнихъ вабельщиковъ. Они окладывали звѣря въ осокъ, производили звѣровыя облавы и принимали самое дѣятельное участіе въ ловлѣ лосей и медвѣдей. Повидимому, существовалъ опредѣленный штатъ для этихъ чиновъ охоты, потому что число ихъ съ постоянствомъ колеблется отъ 14 до 20 человѣкъ. Въ награду охотники ловчаго пути получали или англійскія сукна, или сукна настрафилевыя, по добротѣ уступавшія англійскимъ. Во всякомъ случаѣ стоимость награды охотникамъ ловчаго пути почти приближалась къ стоимости наградъ, выдававшихся псовникамъ [116]).

Псари конные и пѣшіе составляли самую многочисленную группу въ составѣ чиновъ царской охоты: число конныхъ псарей доходило до 70, пѣшихъ до 30. Для ухода за собаками и натаскиванія ихъ изъ среды псарей назначались особые *выжлятники*, завѣдывавшіе гончими собаками; борзыми собаками завѣдывали *приказчики борзыхъ собакъ*; *кормовые приказчики* вѣдали кормъ собакъ; наконецъ *навадчики* пор-

В. Васнецовъ
97.

скали въ лѣсу во время самыхъ охотъ. Судя по числу псарей, можно думать, что въ XVII в. царская псарня была чрезвычайно богата собаками. Конные и пѣшіе псари получали награду не за каждый отдѣльный охотничій походъ государей, но однажды за цѣлый рядъ охотъ, происходившихъ въ теченіе года. Имъ выдавалось по портищу (кусокъ) сукна, отъ 4 до 5 аршинъ, средняго достоинства, цѣною отъ 1 р. 20 алтынъ до 2 руб. съ полтиной [117]).

Звѣровщики, медвѣдчики, звѣровые охотники и конные и пѣшіе псари, помимо настоящихъ охотъ, принимали самое дѣятельное участіе въ медвѣжьихъ потѣхахъ, травляхъ и бояхъ, и нѣкоторые изъ нихъ на этомъ поприщѣ составили себѣ имя и славу. При царѣ Михаилѣ, особенно знаменитъ былъ пѣшій псарь Кондратій Корчминъ. Въ 1616 году, въ Ноябрѣ, на большой потѣхѣ на дворцѣ, вмѣстѣ съ семью товарищами, такими же псарями, Корчминъ бился съ медвѣдями, и они на немъ зипунъ изодрали; а въ Декабрѣ на потѣхѣ его медвѣдь измялъ и платье на немъ ободралъ. Черезъ годъ, 1618 г. въ Январѣ, онъ опять потѣшалъ царя медвѣжьимъ боемъ; въ Февралѣ

16

1620 г. опять на потѣхѣ бился съ медвѣдемъ. Въ томъ же году, Сентября 11-го, вмѣстѣ съ товарищемъ, тоже псаремъ, тѣшилъ государя на старомъ царевѣ борисовскомъ дворѣ дворными медвѣдями-гонцами. На этой потѣхѣ медвѣдь ему изъѣлъ руку, а товарищу его — голову. Въ Январѣ 1621 г. онъ снова на потѣхѣ съ четырьмя товарищами-псарями; всѣ они бились съ дикими медвѣдями вилами. Въ Февралѣ того же года, на мясной недѣлѣ въ середу, какъ государь тѣшился гончими и дикими медвѣдями, былъ на потѣхѣ и Корчминъ въ девятеромъ съ товарищами; медвѣди драли на нихъ кафтаны. Въ 1622 году, Февраля 28-го, на масленой недѣлѣ въ четвергъ, Корчминъ опять съ братомъ Иваномъ и тремя товарищами-псарями былъ на потѣхѣ, бился съ медвѣдями вилами. Въ Іюнѣ 1625 г. онъ тѣшилъ царя тою же потѣхою въ селѣ Рубцовѣ. Въ Ноябрѣ 1628 года бился съ дикимъ медвѣдемъ вилами и медвѣдя вилами поставилъ, да онъ же въ селѣ Рубцовѣ предъ государемъ на потѣхѣ убилъ медвѣдя рогатиною, за что и получилъ награду съ прибавкою: 5 аршинъ тафты и 4 аршина сукна. Такимъ образомъ Корчминъ увеселялъ государя, т.-е. ходилъ на медвѣдя въ теченіе десяти лѣтъ, а можетъ-быть и больше, такъ какъ не сохранилось полныхъ погодныхъ записокъ объ этой потѣхѣ.

Другой герой этой потѣхи, конный псарь Алексѣй Меркульевъ, ходилъ на медвѣдя въ теченіе двадцати лѣтъ слишкомъ, съ 1630 г. до 1651 г. Третій псарь Петръ Молчановъ станвалъ на потѣхѣ болѣе тридцати лѣтъ, съ 1620 по 1651 г.; четвертый — Осипъ Молчановъ около 25 лѣтъ. Многіе другіе конные и пѣшіе псари также не по разу, а много разъ тѣшили государей медвѣжьими боями. Подвигъ медвѣжьяго поля становился иногда достояніемъ цѣлаго рода: таковы были указанные выше псари царя Михаила: Петръ и Осипъ Молчановы, можетъ-быть, отецъ и сынъ или братья; при царѣ Алексѣѣ отличались на медвѣжьихъ бояхъ сыновья Осипа Молчанова: Матвѣй и Иванъ, а также ихъ родственники: Михаилъ, Любимъ и Ѳаддей

Молчановы. Славна была также и семья Озорныхъ: отецъ Богданъ Озорной потѣшалъ царя Михаила, а сыновья его, Никифоръ и Яковъ, —царя Алексѣя Михаиловича [118]).

Внутреннее устройство соколиной охоты въ царствованіе Алексѣя Михаиловича представляется въ слѣдующемъ видѣ: всѣ ловчія птицы, находившіяся на царскихъ кречатняхъ, распредѣлены были по «статьямъ». Сколько было такихъ «статей» или отдѣловъ, и сколько птицъ приходилось на каждую статью, объ этомъ судить невозможно, за отсутствіемъ въ документахъ указаній. Во главѣ «статьи» стоялъ «*начальный*» сокольникъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи котораго находилось извѣстное число «*рядовыхъ*» *сокольниковъ, кречетниковъ* и *ястребниковъ*. Начальному сокольнику такимъ образомъ ввѣрялись здоровье и цѣлость государевыхъ птицъ, поэтому должность начальнаго сокольника была и почетна, и отвѣтственна; поставленіе сокольниковъ въ «начальные» сопровождалось торжественной церемоніей, установленной «*урядникомъ сокольничья пути*».

«Урядникъ сокольничья пути» написанъ, если не самимъ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, то по его, безъ сомнѣнія, мысли и подъ его редакціей, кѣмъ-либо изъ стоявшихъ во главѣ соколиной охоты; составленъ онъ по случаю пожалованія въ начальные сокольники рядового сокольника Ивана Ярыжкина, но впослѣдствіи, какъ установившійся обрядъ, примѣнялся при каждомъ новомъ назначеніи изъ рядовыхъ въ начальные сокольники. Заимствуя изложеніе «чина» у Забѣлина, опишемъ подробно порядокъ этой любопытной церемоніи.

Прежде всего наряжали, т.-е. убирали, переднюю избу сокольничья пути, т.-е. сокольничаго потѣшнаго дворца, въ которой на первомъ мѣстѣ, въ переднемъ углу, вѣроятно, на лавкѣ, устраивали мѣсто для государя: постилали на лавкѣ коверъ, на которомъ клали сголовье, подушку изъ пуха дикихъ утокъ, для царскаго сѣдалища. Противъ царскаго мѣста, среди избы, устраивали мѣсто для посвященія въ начальные сокольники. Оно называлось *поляново;* подразумѣ-

16*

вали подъ этимъ словомъ поле—главное поприще дѣятельности возводимаго въ начальные сокольники. Поле это устраивалось такимъ образомъ: клали на полъ сѣна и накрывали попоною; по угламъ ставили четыре стула для птицъ. На стулья сажали двухъ кречетовъ, самку и самца, и двухъ соколовъ, также самку и самца. Позади «полянова уряжали столъ», на которомъ раскладывали нарядъ птичій:

клобучки, колокольцы, обножцы и должики,—и нарядъ сокольника: шапку горностайную, рукавицу съ притчами, перевязь (черезъ плечо) съ небольшою бархатною сумкою, шитою золотомъ, въ видѣ райской птицы гамаюна, въ которой хранилось письмо, а въ немъ писано «уставленіе, укрѣпленіе, обѣщаніе нововыборнаго», наконецъ, вабило, вашагу, рогъ и полотенце. Около стола стояли чинно рядовые сокольники и держали птицъ; другіе стояли безъ птицъ подлѣ лавокъ; всѣ были одѣты въ лучшія платья.

Урядивъ и устроивъ все по чину, одѣвали нововыборнаго въ новый цвѣтной кафтанъ, жалованный государемъ по случаю торжества, и въ желтые сапоги. Въ этомъ первоначальномъ нарядѣ онъ выходилъ до времени въ другую избу. Когда все было готово, государь входилъ въ избу и садился на своемъ государевомъ мѣстѣ.

Мало повременя, подсокольничій бережно подступалъ къ государю и докладывалъ слѣдующими словами: «*Время ли, государь, образцу и чину быть*»? — «*Время. Объявляй образецъ и чинъ*», отвѣтствовалъ государь. Подсокольничій приказывалъ поднести къ себѣ челига и, «мало понорова», объявлялъ начальнымъ сокольникамъ: «*Начальные! время наряду и часъ красоты*». Тогда сокольники церемоніально наряжали птицу, клали на нее обножцы и должикъ, колокольцы и клобучекъ, а затѣмъ, наряжали въ большой нарядъ, по чину, и остальныхъ птицъ, которыя отдавались въ вѣдѣніе новаго начальнаго сокольника. Снова подсокольничій чинно подступалъ къ государю и докладывалъ: «*Время ли, государь, пріимать и по нововыборнаго посылать и украшеніе уставлять*»? — «*Время*», отвѣтствовалъ государь: «*пріимай и посылай и уставляй*». Возвратясь на свое мѣсто, подсокольничій требовалъ рукавицу, «вздѣвалъ ее тихо и стройно». Потомъ, «поправяся и поучиняся и перекрестя лицо свое, поднималъ челига премудровато и образцовато; подступалъ къ государю благочинно, смирно, урядно; становился поодаль человѣчно, тихо, бережно, весело и кречета держалъ честно, явно, опасно, стройно, подправительно, подъявительно къ вѣдѣнію человѣческому и ко красотѣ кречатей». Постоявъ мало, онъ посылалъ по нововыборнаго перваго рядового сокольника, молвивъ: «*по государеву указу зови нововыборнаго къ государской милости; се время чести и части его быти, и часъ приблизился его веселію, чтобъ шелъ не мышкавъ*». Посланный отправлялся въ другую избу, гдѣ ожидалъ нововыборный, и передавалъ ему «честныя рѣчи» подсокольничаго, на которыя поставляемый отвѣчалъ: «*Готовъ идти къ государской милости, и не по моей мѣрѣ такая его государская милость ко мнѣ убогому, холопу его государеву: и иду за тобою тотчасъ*». Посланный шелъ впередъ одинъ и докладывалъ, что нововыборный идетъ тотчасъ. Мало понорова, нововыборный подходилъ къ дверямъ передней избы, здѣсь останавливался и посылалъ своего поддатня сказать подсокольничему, что онъ, нововыборный, пришелъ. По

приказу подсокольничаго, нововыборный входилъ въ избу по чину, въ сопровожденіи двухъ старыхъ рядовыхъ сокольниковъ; войдя и ставъ рядомъ, они молились и, затѣмъ, ожидали рѣчи подъячаго. Соколиный подъячій по чину докладывалъ, что нововыборный великому государю челомъ бьетъ. И нововыборный съ товарищами кланялся государю до земли. Затѣмъ, два старыхъ сокольника, по возгласу подсокольничаго, брали нововыборнаго подъ руки и ставили на поляново среди четырехъ птицъ; взявъ отъ него шапку, кушакъ и рукавицы, они отступали въ сторону и становились по бокамъ стола съ нарядами.

Тогда начальные сокольники брали со стола нарядъ: одинъ — шапку горностайную, другой — рукавицу съ притчами, третій — перевязь съ сумкой, четвертый — тесьму золотую, а остальной нарядъ брали на руки поддатни нововыборнаго: одинъ держалъ вабило, другой — ващагу, третій — рогъ и четвертый — полотенце. Вслѣдъ за этимъ, мало подождавъ, подсокольничій докладывалъ: «*Время ли, государь, мѣрѣ и чести и укрѣпленію быть*»? — «*Время, укрѣпляй*». — Отходя на прежнее мѣсто, подсокольничій возглашалъ: «*Начальные! время мѣрѣ и чести и удивленію быть*». Сокольники подступали къ нововыборному и обряжали его. Одинъ, начиная съ младшаго, опоясывалъ тесьмою, другой надѣвалъ перевязь, третій рукавицу съ притчами, а старшій, стоя у наряда, держалъ шапку до указа. Потомъ подступали подначальные нововыборнаго и обряжали его въ остальной нарядъ: къ лѣвому боку прицѣпляли за кольцо вабило, на правый — также за кольцо, ващагу и серебряный рогъ и, наконецъ, привѣшивали полотенце.

Послѣ небольшой паузы, подсокольничій кликалъ подъячаго, который, подступя къ нововыборному и вынувъ изъ сумки — гамаюна письмо, читалъ его громогласно и торжественно. Въ этомъ письмѣ излагались обстоятельства пожалованія, обозначались даруемыя нововыборному награды, и въ заключеніе, въ видѣ наказа, объяснялось.

какими добрыми качествами долженъ обладать пожалованный начальный сокольникъ и какъ долженъ исполнять свои новыя обязанности. Здѣсь изображался идеалъ премудраго, доброхвальнаго, достовѣрнаго охотника, и выражалось обѣщаніе и послушаніе его доброе. Вслѣдъ за симъ, представлялась и отрицательная сторона, всякое дурно, къ которому могъ уклониться онъ, и которое необходимо влекло за собой неумолимый судъ и казнь, точно также, какъ первое вело къ царской милости и жалованью. Но, чтобы нововыборный могъ нагляднѣе себѣ представить и тверже запечатлѣть въ памяти, что̀ добро и что̀ зло, и то, и другое изображено было притчами на рукавицѣ, на которую, въ концѣ рѣчи, предлагалось ему смотрѣть. Притча— это символическій рисунокъ; на рукавицѣ такія притчи могли быть вышиты шелками или золотомъ, или же расписаны красками по матеріи. Не трудно догадаться, какого рода и какого содержанія были притчи на этой рукавицѣ. Безъ сомнѣнія, здѣсь были изображены въ лицахъ не только болѣе существенные обряды пожалованія, но и самые предметы награды. Это было явное, въ лицахъ изображенное, добро, которое могъ получить новоизбранный за честную и вѣрную службу.

Точно также были изображены путы желѣзные, и въ лицахъ—тюрьма, ссылка и казнь безпощадная,—зло, котораго долженъ ожидать сокольникъ за дурное поведеніе и за дурныя качества. Смотря на эти изображенія, сокольникъ сильнѣе чувствовалъ и глубже проникался содержаніемъ рѣчи, излагавшей его обязанности въ слѣдующемъ видѣ: *„И тебѣ бы, видя нашу государеву такую премногую и прещедрую къ себѣ милость, во всемъ добра хотѣть отъ всея души своея, и служить и работать вѣрою и правдою, и тщить насъ, великаго государя, отъ всего сердца своего, до кончины живота своего, и во всемъ нашемъ государевѣ повелѣніи быть готову съ радостью, и во всякой правдѣ быть постоянну и тверду и однословну, и отъ всякаго дурна быть чисту, и за нашею государевою охотою ходить прилежно и безскучно, съ радостію и охотою, и подначальныхъ своихъ сокольниковъ любить какъ себя, и отъ всякой дурости унимать ихъ безъ всякія хитрости, и имъ не потакать, и во всякомъ ихъ плутовствѣ и неистовомъ дѣлѣ не покрывать, и быть къ нимъ любительну и грозну, и во всякомъ непослушаніи ихъ себѣ извѣщать на нихъ подсокольничему. И будетъ по сему нашему государеву указу вся сія исправиши съ радостію, и ты отъ насъ, великаго государя, наипаче пожалованъ будешь. А будешь учнешь быти не охочъ, и не радѣтенъ, и во всякомъ нашемъ государевѣ дѣлѣ непослушливъ, лѣнивъ, пьянъ, дуренъ, безобразенъ, и къ подсокольничему и ко всей братьѣ къ начальнымъ сокольникамъ непокоренъ, злословенъ, злоязыченъ, клеветливъ, наносливъ, переговорчивъ, и всякаго дурна исполненъ, и тебѣ не токмо связану быть путы желѣзными или подписану за третью вину, безо всякія пощады, быть сослану на Лену. И будешь хочешь добра найти или зла, смотри на рукавицу, и тамъ явнаго всякаго добра и зла насмотриться, и радоватися начнешь и сумнѣватися* (обдумывать свои поступки) *станешь. И тебѣ бы, видя нашу государеву милость къ себѣ, намъ великому государю работать безъ всякаго збойства* (не уклоняясь отъ того, что должно) *и лукавства: а милость наша государева съ тобою да умножится“.*

17

Послѣ этой рѣчи, поклонившись государю до земли, новопожалованный сокольникъ говорилъ въ отвѣтъ свою рѣчь такого содержанія: «*Готовъ тебѣ, великому государю, служить вѣрою и правдою, и обѣщаюся во всякой правдѣ постояненъ и од464словенъ быть, и тебя, великаго государя, тѣшить, и ѣздить, и радѣть и ходить за твоея государевою охотою, до кончины живота своего, кромѣ всякія хитрости*». Исправя эту рѣчь, новопожалованный кланялся государю до земли дважды, а подъячій, свертѣвъ письмо, клалъ его въ сумку—гамаюнъ.

Теперь наступалъ самый торжественный моментъ обряда, на что указываетъ уже одно употребленіе условнаго, таинственнаго языка. Подсокольничій докладывалъ государю: «*Врели горь сотьло*», т.-е., съ пропускомъ нѣкоторыхъ слоговъ въ словахъ, говорилъ: «*Вре*(мя) *ли, го*(суда)*рь, со*(верш)*ить* (дѣ)*ло*»? — «*Сшай даръ*», отвѣчалъ государь: «*С*(овер)*шай даръ*». Подсокольничій подходилъ къ новопожалованному весело и дерзостно и провозглашалъ: «*Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, указалъ тебѣ свою государеву охоту отдать челига кречатья и иныя птицы; и тебѣ бы ходить за его государевою охотою прилежно, съ радостью отъ всего сердца своего, и хранить его государеву охоту, яко зѣницу ока, безо всякія лѣности, со всякимъ опасеніемъ, и его государя тѣшить до кончины живота своего безо всякія хитрости*». Съ послѣдними словами подсокольничій отдавалъ новопожалованному кречета. Тотъ принималъ кречета «образцовато, красовато, бережно; держалъ его честно, смѣло, весело, подправительно, подъявительно къ видѣнію человѣческому и къ красотѣ кречатьей; стоялъ урядно, радостно, уповательно, удивительно»; и, принявъ кречета, не кланялся, доколѣ не положатъ шапку, потому что шапкою вѣнчалось все дѣло. Мало погодя, подсокольничій снова возглашалъ, обращаясь къ старшему начальному сокольнику: «*Первый начальный* (такой-то)! *Закрыляй государеву милость*». И начальный сокольникъ возлагалъ на пожалованнаго горностайную шапку, которую тотъ сейчасъ же и

К. Лебедевъ. 96.

снималъ, потому что начальный, надѣвая на него шапку, провозглашалъ слѣдующую рѣчь: «*Бей челомъ государю, на его государской премногой милости и памятуй его государеву такую неизреченную и премногую милость до кончины живота своего и обѣщанія не позабывай, и послушанія своего не отбывай* (не оставляй), *и нашего совѣта не отметай*». Выслушавъ эту рѣчь, новопожалованный трижды кланялся государю до земли. Потомъ ему подносили по очереди трехъ остальныхъ птицъ, которыхъ онъ, мало подержавъ на рукѣ, возвращалъ своимъ поддатнямъ. Когда церемонія пріема птицъ оканчивалась, новопожалованный снова билъ челомъ государю. Тогда старшій изъ начальныхъ сокольниковъ бралъ его за руку и ставилъ на начальномъ мѣстѣ, т.-е. ставилъ на первое мѣсто въ ряду сокольниковъ статьи, вручаемой новопожалованному. Здѣсь новопожалованному здравствовали, поздравляли его въ государской милости, подсокольничій и всѣ начальные и рядовые сокольники. Послѣ этого, подъячій, по государеву указу, приглашалъ всѣхъ участниковъ торжества къ столу — «наслаждаться по его государской милости». Этимъ чинъ поставленія въ начальные и заканчивался; государь шелъ въ свои хоромы, провожаемый до воротъ сокольниками, которые на прощаньѣ снова били ему челомъ. Затѣмъ, начиналось уже пиршество, но опять по чину и обряду. Передъ обѣдомъ сокольники снимали съ птицъ большіе наряды и клали на нихъ наряды меньшіе, перемѣняли сами платье и, затѣмъ, кормили соколовъ живымъ мясомъ. Столъ накрывался въ той же избѣ, гдѣ происходилъ чинъ. На столѣ, между прочимъ, клали меньшій кречатій нарядъ, четыре (червонца) золотыхъ, восемь ефимковъ и три «щдороги», значеніе которыхъ опредѣлить довольно трудно, можетъ-быть, это были три полотнища тканой матеріи. Вещи эти полагались на столъ для чина, какъ особый видъ царскаго жалованья: государь повелѣвалъ положить ихъ на столъ, жалуючи нововыборнаго. Неизвѣстно также, съ какою цѣлью стояли у стола поддатни новопожалованнаго, одинъ съ «древомъ», другой съ «ляс-

17*

ками и съ путами золотыми». Третій поддатень становился возлѣ новопожалованнаго и служилъ ему. За столъ шли и садились съ извѣстными церемоніями, при чемъ новопожалованный садился на второе мѣсто, по лѣвую руку подсокольничаго. «Кречетъ-честникъ» также присутствовалъ за обѣдомъ; его держали противъ новопожалованнаго; въ началѣ обѣда на немъ перемѣняли нарядъ также по чину, по статьямъ, при чемъ одѣвалъ кречета уже самъ новопожалованный, а поддатни только подавали части кречатьяго наряда. Перемѣнивъ на кречетѣ нарядъ, новопожалованный возглашалъ, обращаясь къ поддатню: «*Дрыганса*», т.-е., вѣроятно, «*д*(ай) (к)*ры*(ло) *г*(олуби)*на*(го) (мя)*са*», потому что поддатень, вслѣдъ затѣмъ, подавалъ крыло голубя, которымъ новопожалованный кормилъ челига-честника. Потомъ начинался пиръ, прерываемый рѣчами по чину. Но подробности о пирѣ, рѣчахъ и церемоніяхъ во время пира до насъ, къ сожалѣнію, не дошли [119]). Такова была церемонія поставленія въ начальные. Самый чинъ, составленный, безъ сомнѣнія, подъ сильнымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, казалось, былъ разсчитанъ на то, чтобы произвести на всѣхъ присутствующихъ неизгладимое впечатлѣніе, что вѣрная служба царю не пропадаетъ, а награждается во-очію всѣхъ и самымъ торжественнымъ образомъ. Здѣсь заключалось громадное воспитательное значеніе церемоніи, для насъ не столь уже понятной и ясной.

Кромѣ начальныхъ и рядовыхъ сокольниковъ, въ составѣ соколиной охоты были еще «*сокольники ловчіе*». Ловчій сокольникъ привозилъ ловчихъ птицъ изъ разныхъ краевъ государства и наблюдалъ и руководилъ помытчиковъ при ловлѣ ими соколовъ. Мы знаемъ, что птицъ, ловившихся на сѣверѣ, отвозили на Москву не всѣхъ сразу, оставляя часть улова въ Холмогорахъ. За оставленными здѣсь соколами обыкновенно «смотрѣли и всякое береженіе дѣлали» посылавшіеся изъ Москвы ловчіе сокольники. Среди этой группы сокольниковъ, при Алексѣѣ Михаиловичѣ, пользовался извѣстностью,

какъ энергичный ловчій сокольникъ, туленинъ (тулякъ) Алексѣй Сидоровъ, которому приходилось промышлять соколами въ центральной Россіи и на Украйнѣ [120]).

На обязанности *птичьихъ стрѣлковъ,* принадлежавшихъ также къ соколиной охотѣ, лежало «добывати про государевъ обиходъ всякія птицы, которыя ему, государю, подаются въ столовое кушанье». Такъ какъ въ дичи иногда встрѣчалась экстренная надобность, то лучшіе стрѣлки въ такихъ случаяхъ командировались «для птичьяго промысла наскоро». Во время ближнихъ походовъ государей птичьи стрѣлки тѣшили ихъ птичьею стрѣльбою. Для надобностей птичьей стрѣльбы имъ отъ времени до времени отпускалось изъ ружейнаго приказа по одному фунту пороху и по два свинцу на каждаго стрѣлка [121]).

«*Состоявшіе при кречатнѣ*» не входили въ постоянный составъ царской охоты и назначались вообще «для береженья и кормки кречетовъ и чегликовъ кречатьихъ». Нужно думать, что съ этимъ званіемъ соединялись какія-нибудь права, хотя бы въ будущемъ, и, быть-можетъ, при освобождающихся вакансіяхъ штатныхъ чиновъ соколиной охоты, таковыя замѣщались «состоящими при кречатнѣ»[122]).

При кречатнѣ, наконецъ, состоялъ собственный клобучечный мастеръ. Онъ, по всей вѣроятности, дѣлалъ лишь обыкновенные полевые клобучки, употреблявшіеся при охотахъ и вынашива-

Н. Самокишъ

нія птицъ; клобучки же парадные изготовлялись въ Государевой Мастерской палатѣ [123]).

Таковъ былъ составъ соколиной охоты, и таковы были его прямыя обязанности. Помимо ухода за птицами и охоты, сокольникамъ приходилось иногда исполнять и другія работы и порученія, или связанныя съ ихъ обязанностями, или совершенно побочныя. Они разыскивали отлетавшихъ и пропадавшихъ царскихъ соколовъ и кречетовъ, они же ѣздили по селамъ и деревнямъ для сбора голубей на кормъ ловчимъ птицамъ. Такъ какъ царь Алексѣй Михаиловичъ прекрасно зналъ всѣхъ своихъ сокольниковъ, то онъ давалъ иногда своимъ сокольникамъ особенныя порученія, требовавшія для ихъ выполненія людей толковыхъ и надежныхъ. Въ Январѣ 1666 г. царь, съ особенною любовью занимавшійся въ то время устройствомъ фруктоваго сада въ селѣ Измайловскомъ, отправилъ одного сокольника въ Кіевъ, а другого въ Симбирскъ за черенками тутоваго дерева, деревцами венгерскихъ дуль и сливъ и за виноградными кустами. Въ Декабрѣ 1668 г. сокольникъ Епенетъ Похвисневъ былъ командированъ во Владимірскій уѣздъ «для поимки бѣглаго солдата Неѳедка Ушакова»; полагать должно, что сокольникъ Похвисневъ отличался особенною расторопностью и распорядительностью, разъ ему поручено было такое дѣло. Сокольники же отправляли иногда обязанности теперешнихъ фельдъегерей и курьеровъ и отвозили къ государю и отъ государя бумаги и деньги [124]). Особеннымъ довѣріемъ государя при различныхъ порученіяхъ пользовался сокольникъ Зотъ Полозовъ; однако, онъ не сумѣлъ сохранить его до конца и въ чемъ-то, какъ тогда говорилось, «проворовался», замѣшавшись въ какое-то темное дѣло «вѣдомой ворихи дѣвки Ѳеньки Слѣпой и ворожеи», проживавшей у князя Ѳедора Куракина, и по царскому приказу былъ подвергнутъ строгому домашнему аресту. Въ военное время сокольники принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ рядахъ прочей рати, а въ мирное время, во время въѣзда иностранныхъ пословъ,

составляли лучшее украшеніе бывавшихъ при этомъ парадовъ и церемоній [125]).

Точныхъ свѣдѣній о количествѣ и размѣрахъ содержанія, выдававшагося чинамъ соколиной охоты, не имѣется [по отношенію размѣра содержанія чиновъ царской охоты, мы нашли только прямое указаніе, что лѣкарь Семеновскаго потѣшнаго двора Киріанъ Кутешевъ получалъ въ шестидесятыхъ годахъ XVII ст. по 5 рублей въ мѣсяцъ (Общ. Арх. Кин. Дв., кн. 1077, листъ 29-й), и что клобучечному мастеру Государева потѣшнаго двора Ивану Кипріянову отпускалось въ 1662 году «поденнаго корму» по одной гривнѣ на день (тамъ же столб. 407-й 7170 года)], но изъ сочиненія Котошихина видно, что чины соколиной охоты получали ежегодное денежное жалованье и, кромѣ того, помѣстья, т.-е. извѣстное количество земли. Если изъ царскихъ земель дать было нечего, то чины соколиной охоты дожидались выморочныхъ помѣстій. Въ отдѣльныхъ случаяхъ они «били челомъ» государю и выпрашивали себѣ во владѣніе лѣса, необработанные дѣвственные участки земли, рыбныя ловли и другія статьи. Денежные оклады, на нашу мѣрку, были весьма незначительны, но не нужно забывать, что тогда деньги были очень дороги, зато всѣ предметы жизненныхъ потребностей — крайне дешевы. Денежные оклады начинались отъ 6 руб. въ годъ и повышались въ такой послѣдовательности: 6, 7, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 35, 40, 45 и 50 руб., сообразно съ заслугами и положеніемъ чина въ составѣ соколиной охоты. Помѣстья по размѣрамъ различались количествомъ «четвертей». «Четверть» — старинная поземельная единица мѣры, заключавшая въ себѣ около 1 ½ десятины. Въ старой Руси всѣ поземельныя владѣнія для раскладки податей и повинностей были разбиты на большія доли или единицы, называвшіяся «сохами» и заключавшія въ себѣ отъ 400 до 1200 четвертей, такъ что «соха» въ переводѣ на десятину составляла отъ 600 до 1800 десятинъ. Изъ документа, относящагося къ 1632 году, мы узнаемъ о количествѣ земли, отво-

дившейся чинамъ охоты. Наивысшій размѣръ помѣстья для кречетника составлялъ 520 четвертей, для ястребника 480 и для сокольника 400 четвертей; наименьшій же размѣръ для кречетника 195, для сокольника 180 и ястребника 170 четвертей; денежные оклады, однако, по этому документу не превышаютъ 30 руб. вмѣстѣ съ надбавками. Въ другихъ документахъ встрѣчаются указанія на суммы, разновременно выдававшіяся въ жалованье сокольникамъ, но, за отсутствіемъ свѣдѣній о количествѣ служащихъ и о размѣрѣ содержанія, каждому изъ нихъ присвоеннаго, указанія эти особаго значенія не имѣютъ [126]). Такъ какъ въ старину не существовало единства государственной кассы, то жалованье сокольникамъ и другимъ чинамъ соколиной охоты выдавалось изъ разныхъ учрежденій: то изъ приказа Тайныхъ Дѣлъ, то изъ Конюшеннаго, то изъ приказа Большаго дворца, то изъ приказа Новой Четверти, смотря по тому, гдѣ въ извѣстное время имѣлась свободная денежная наличность. Помимо жалованья, чины соколиной охоты получали еще единовременныя пособія. Когда ихъ отправляли съ соколами въ чужіе края, то было въ обычаѣ давать имъ «подмогу», бо́льшею частію въ видѣ суконъ. Выдавались денежныя пособія также по поводу разныхъ событій въ семейной жизни чиновъ охоты: на приданое невѣстамъ, на погребеніе умершихъ и т. п. [127]). За участіе въ охотахъ, подобно другимъ чинамъ охоты, сокольники награждались обыкновенно сукнами аглицкими, кускомъ до 4 аршинъ и болѣе, а цѣною до 19 алтынъ за аршинъ; впрочемъ, иногда выдавались и денежныя награды: въ Октябрѣ 1667 г. была пожалована крупная по тому времени награда въ 5 рублей одному сокольнику «за гарканье», т.-е. за охотницкій крикъ. Царь Алексѣй Михаиловичъ разборчиво относился къ представленіямъ о наградахъ сокольниковъ и, случалось, дѣлалъ измѣненія въ спискахъ наградъ, такъ какъ зналъ сокольниковъ очень хорошо и помнилъ заслуги и услуги каждаго изъ нихъ. Особенно щедро вознаграждались сокольники, отличавшіеся передъ царемъ «держаньемъ» соколовъ; такъ

какъ дѣло вынашиванія требовало упорнаго труда и особаго искусства, то и награды за него размѣромъ и стоимостью были выше всякихъ другихъ. Въ этихъ случаяхъ давались и деньги, до 5 рублей, и сукна цѣною до рубля и свыше за аршинъ [128]).

Особой формы одѣянія чины царскихъ охотъ, псовой и соколиной, не имѣли. Вообще профессіональныя одежды въ Старой Руси не имѣли еще мѣста и входятъ въ обычай лишь со временъ Петра Великаго. Подобно прочимъ обывателямъ, царскіе охотники носили общій національный русскій костюмъ, современный данной эпохѣ. Матеріалъ на одежды охотники получали ежегодно изъ царской казны. Отпускалось на каждаго ежегодно по портищу сукна, камки или атласа, смотря по положенію охотника въ составѣ царской охоты, на шапки выдавались бархатные верхи и на опушку соболи, на сапоги кожа и сафьянъ. Составныя части костюма: *зипунъ, ферезя, кафтанъ, однорядка, шапка* и *сапоги;* сюда же нужно отнести и части вооруженія: *лядунка* и *сабля. Зипунъ* — узкій и короткій домашній полукафтанъ, надѣвавшійся поверхъ бѣлья; *ферезя* — комнатное одѣяніе, доходившее въ длину до ладыжекъ, безъ перехвата и воротника, съ длинными, суживающимися къ кисти руки, рукавами; ферези дѣлались холодныя и подбитыя мѣхомъ. Поверхъ зипуна или ферези надѣвались *кафтаны,* доходившіе до пятъ, съ пуговицами или петлицами спереди. По назначенію, кафтаны раздѣлялись на *столовые, ѣздовые, дождевые* и т. п. *Однорядка* — верхняя широкая одежда такой же длины, какъ и кафтаны, но задъ однорядки дѣлался выше переда. Всѣ эти одежды шились изъ различнаго матеріала, по преимущественно изъ суконъ аглицкихъ и «шконскихъ». *Сапоги* у охотниковъ псовой охоты изъ простой кожи, у сокольниковъ парадные изъ краснаго и желтаго сафьяна или изъ тонко обдѣланной красной телячьей кожи; по формѣ они были съ кривыми носками. Вооруженіе сокольниковъ — *лядунки* и *сабли,* а равно *пищали* и *протазаны* — выдавались изъ Оружейной палаты. Повседневная одежда чиновъ

18

охоты дѣлалась изъ суконъ темныхъ, немаркихъ цвѣтовъ; но парадная непремѣнно была цвѣтная и изъ яркихъ матерій. При встрѣчахъ пословъ, сокольники надѣвали яркія одежды, къ которымъ, при помощи поясныхъ ремней, — особыя *крылья*, разукрашенныя шелковыми разноцвѣтными лентами, что, безъ сомнѣнія, придавало зрѣлищу особый эфектъ [129]).

Глава IV.

Посылки ловчихъ птицъ въ чужія государства.

«Красная и славная птичья потѣха» и вообще царская охота временъ Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михаиловича служила не для одной только царской утѣхи; за ней должно признать крупное историческое значеніе, такъ какъ изъ нижеслѣдующаго видно, что она не разъ за это время оказывалась весьма полезной для упорядоченія внѣшнихъ отношеній. Время первыхъ царей Романовыхъ, послѣ смутъ и нестроеній пред-

18*

шествующей эпохи, особенно нуждалось въ добрыхъ и мирныхъ отношеніяхъ Россіи къ политическимъ сосѣдямъ. Это прекрасно сознавалось и Михаиломъ Өеодоровичемъ, и Алексѣемъ Михаиловичемъ, и оба они, миролюбцы по натурѣ, употребляли всѣ усилія жить въ мирѣ и согласіи съ сосѣдними государствами. Обычнымъ средствомъ для поддержанія добрыхъ отношеній и символомъ ихъ служили царскіе дары, отправлявшіеся главамъ иностранныхъ государствъ. За этотъ періодъ дары почти исключительно состояли изъ ловчихъ птицъ, мѣховъ, охотничьихъ собакъ, живыхъ медвѣдей и иногда лошадей и весьма рѣдко изъ другихъ предметовъ. Нужно ли было заявить о неизмѣнно добрыхъ отношеніяхъ царя къ чужому властелину, приходилось ли загладить какой-либо политическій промахъ, представлялась ли нужда просить у кого-либо денежной помощи или услуги, имѣлось ли въ виду обласкать и расположить мелкихъ владѣтельныхъ пограничныхъ князьковъ, — цари неизмѣнно слали кречетовъ и ястребовъ и почти всегда достигали этимъ путемъ того, что было имъ нужно. За разсматриваемый періодъ посылка ловчихъ птицъ, мѣховъ и другихъ предметовъ охоты производилась ежегодно или единовременно въ слѣдующія государства и владѣнія: въ Турцію [130]), Персію [131]), Крымъ [132]), Англію [133]), Данію [134]), Польшу [135]); къ князьямъ грузинскому [136]), имеретинскому [137]); къ киргизскому [138]) и калмыцкому [139]) царькамъ, и въ Бухару [140]). Смотря по мѣсту назначенія, подарки носили различныя наименованія. Такъ, въ Крымъ, Турцію и Персію посылались «*поминки*» — родъ обязательныхъ даровъ, недалеко отстоящихъ отъ дани, тѣмъ болѣе, что посылались они каждый годъ [141]); въ Грузію, Имеретію и къ степнымъ князькамъ отправлялось «*государево жалованье*», такъ сказать, поощрительный подарокъ болѣе сильнаго владѣтеля; въ Англію, Польшу и Данію — «*дары*», т.-е. любезный подарокъ равносильнаго сосѣда. Въ такомъ же отношеніи колебалась и цѣнность посылаемыхъ подарковъ. По свидѣтельству Катошихина, турецкому султану посылалось подарковъ тысячъ

на пять и болѣе; персидскому шаху отъ 50 до 100 тысячъ рублей ловчими птицами, битыми и живыми звѣрями, такъ какъ шахъ легко откликался на всякую просьбу о помощи и, съ своей стороны, посылалъ на Москву щедрые дары въ видѣ «узорочья» и разныхъ товаровъ; къ крымскимъ ханамъ отправлялось, кромѣ ловчихъ птицъ, множество мѣховъ собольихъ, лисьихъ, куньихъ, песцовыхъ и заячьихъ и разное платье.

Нарядъ отправки даровъ производился посольскимъ приказомъ, который давалъ объ этомъ знать приказу Большого дворца, куда своевременно препровождались изъ мастерской палаты дорогіе птичьи наряды. Отсюда наряды эти, вмѣстѣ съ почетными рукавицами, передававшимися во время подношенія птицъ иноземному государю, выдавались посламъ, отвозившимъ птицъ. Передача же самыхъ птицъ производилась домашнимъ порядкомъ изъ учрежденій царской охоты.

Во главѣ посольствъ, отвозившихъ подарки, находились бояре, состоявшіе при посольскомъ приказѣ, и при нихъ ѣхало извѣстное число кречетниковъ и сокольниковъ, смотря по количеству птицъ въ караванѣ. Дѣло доставки птицъ въ чужіе края было столько же почетное, сколько и трудное. Посламъ и кречетникамъ, съ ними бывшимъ, часто приходилось терпѣть невзгоды и нужду во время пути, выносить нападенія и грабежи безпокойныхъ казаковъ, жившихъ на пути въ Турцію, Крымъ и Персію; нерѣдко въ чужихъ странахъ имъ дѣлали обиды и непріятности; наконецъ, имъ всегда угрожали опала и наказаніе, если не умѣли они угодить иноземнымъ властелинамъ, и въ этомъ случаѣ ихъ постигала неминуемая царская кара, хотя бы они и были правы, поступивъ не въ угоду иноземнымъ государямъ [142]).

Турецкому султану обыкновенно посылалось 20 кречетовъ и 5 ястребовъ ежегодно, съ полными на нихъ нарядами. Важность прочныхъ отношеній съ Турціей была особенно велика вслѣдствіе того, что крымскіе ханы были вассалами турецкихъ султановъ; по-

этому у султановъ приходилось искать содѣйствія противъ крымскихъ набѣговъ на южную окраину Руси; кромѣ того, во время борьбы съ Польшей, турецкіе султаны представлялись наиболѣе выгодными союзниками. Въ виду этого наши цари исправно посылали султанамъ большія и дорогія «поминки», несмотря на то, что русскихъ пословъ въ Царьградѣ не часто принимали съ подобающею честью. Вообще путешествіе съ «поминками» въ Турцію для пословъ было самое тяжелое и опасное. Такъ, посольство 1622 г. претерпѣло всевозможныя неудачи: долго оно не могло попасть въ Царьградъ, благодаря враждѣ казаковъ съ азовцами, и, наконецъ, попало туда — въ самое неудобное время; въ Константинополѣ была въ то время смута: янычары убили султана Османа и на его мѣсто возвели дядю его Мустафу; паши прямо объявили нашимъ посламъ, что имъ теперь не до нихъ; послы подверглись всевозможнымъ безчестьямъ и уѣхали ни съ чѣмъ. На обратномъ пути, въ Кафѣ и Керчи, ихъ подвергали заточенію и хотѣли даже убить. Кое-какъ выбравшись отсюда, послы попали въ руки къ запорожцамъ, которые потребовали выкупа въ 2000 золотыхъ. Выпущенные отсюда, они на дальнѣйшемъ пути потерпѣли пораженіе отъ ногайцевъ, а добравшись въ Азовъ,

едва не погибли, благодаря буйству казаковъ. Посольство 1627 г., отправленное для привѣтствія и подношенія даровъ новому султану Мурату, вначалѣ было принято хорошо, но отпустили ихъ чрезвычайно сухо, такъ какъ къ этому времени вновь казаки разодрались съ азовцами. Посольство 1633 г., во главѣ котораго находились посолъ Яковъ Дашковъ и дьякъ Сомовъ, имѣло важное порученіе—обжаловать крымцевъ за ихъ набѣги на наши окраины и просить султана о смѣнѣ крымскаго хана; не успѣли еще возвратиться эти послы, какъ весною 1634 г. было отправлено другое посольство и новые подарки, съ цѣлью заручиться содѣйствіемъ Турціи противъ Польши. Къ концу того же года было снаряжено третье посольство съ дарами, но ему уже не пришлось путешествовать въ Царьградъ, такъ какъ заключенный вскорѣ послѣ того вѣчный миръ съ Польшей отнялъ въ глазахъ московскаго правительства важность дружественныхъ отношеній съ Турціей, и вслѣдствіе этого въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ турецкимъ султанамъ поминки не посылались. Повидимому, возобновились посылки ловчихъ птицъ султану съ 1642 г., благодаря тому обстоятельству, что около этого времени донскіе казаки взяли Азовъ, и отношенія съ Турціей вновь испортились. Послѣдняя посылка птицъ въ Турцію относится къ 1645 г., когда было отправлено султану Ибрагиму 26 кречетовъ съ посломъ Телепневымъ [143]).

Крымскимъ ханамъ поминки посылались ежегодно въ теченіе всего разсматриваемаго періода, начиная съ 1615 г. и до 1670 г. [такъ, между прочимъ, въ 1623 г. ловчія птицы были отправлены въ Крымъ съ посланникомъ Яковомъ Дашковымъ. Птицъ этихъ повезли кречетники, сокольники и ястребники, Петръ Савеловъ съ товарищами, получившими въ Январѣ этого года «подмоги» по портищу настрафиля Лазаревскаго (Общ. Арх. Мин. Двор., стол. 94-й 7131 г.)]. Для хана обыкновенно назначалось 5 лучшихъ кречетовъ и 2 ястреба; главному ханскому сановнику, калгѣ, подносили ежегодно 2 кречетовъ и 1 ястреба; ханшѣ, ханскимъ наложницамъ, ханскимъ дѣтямъ,

пашамъ, мурзамъ, князьямъ и ближнимъ людямъ — мѣха и платье. Говоря о поминкахъ, посылавшихся крымскимъ ханамъ, Катошихинъ прибавляетъ: «которые имъ (хану и его приближеннымъ) дары не полюбятся, и они (послы) перемѣниваютъ, или къ тому прибавляютъ, а чего кому недостанетъ по росписи, и они тѣхъ посланниковъ мучатъ и бьютъ и въ тюрьмѣ держатъ; а посылаютъ къ нимъ тѣ поминки для того, чтобъ они на украинные города войною не ходили и городовъ и мѣстъ не разоряли; однако, они такіе дары беручи на то не смотрятъ, чинятъ, что хотятъ; а будетъ тѣхъ поминковъ на годъ болши 20.000 рублевъ». Крымскіе татары, безспорно, были самыми неудобными и безпокойными сосѣдями, и вотъ почему поминки посылались имъ даже и тогда, когда къ турецкимъ султанамъ посылка ловчихъ птицъ уже прекратилась.

Подарки ловчими птицами имѣли особенную цѣну въ глазахъ персидскихъ шаховъ и цѣнились ими «за великіе дары». Соколиная охота въ Персіи практиковалась съ самой глубокой древности и процвѣтала тамъ такъ пышно, какъ нигдѣ. Персидскіе шахи любили и умѣли охотиться съ соколами, и, быть-можетъ, кое-что по части охоты соколиной, въ особенности въ отношеніи роскоши и парада ея обстановки, заимствовано Алексѣемъ Михаиловичемъ именно отъ шаховъ персидскихъ. По свидѣтельству иностранцевъ, посѣщавшихъ Персію въ XVII в., у шаха персидскаго было около 800 соколовъ, изъ которыхъ одни были выдрессированы для охоты на птицъ, а другіе для охоты на звѣрей: кабановъ, дикихъ ословъ, антилопъ и лисицъ; говорятъ, будто у шаховъ имѣлись соколы, особо выдрессированные для того, чтобы нападать на людей и выклевывать имъ глаза. Адамъ Олеарій, во время своего посѣщенія Персіи въ 1633, 1636 и 1639 гг., имѣлъ случай видѣть и принимать участіе въ соколиной охотѣ шаха и оставилъ въ своемъ сочиненіи любопытныя о ней замѣтки, которыя считаемъ не лишнимъ привести здѣсь въ выдержкахъ.

«17 Октября, рано утромъ, на Посольскій дворъ привели верховыхъ лошадей для поѣздки на охоту. Мегесмандарь провелъ насъ на широкую площадь передъ городомъ, на которую тотчасъ же прибылъ и шахъ съ своими ханами и знатными вельможами, ѣхавшими на нѣсколькихъ богато убранныхъ сотняхъ лошадей; самъ шахъ былъ въ одеждѣ изъ серебряной парчи, и на чалмѣ у него воткнуто было нѣсколько журавлиныхъ перьевъ. Кромѣ лошадей со всадниками, въ этотъ поѣздъ ввели еще множество лошадей безъ всадниковъ, покрытыхъ попонами изъ золотой парчи, унизанной дорогими каменьями и снаряженныхъ такою же золотой збруей. Въ поѣздѣ хановъ, вельможъ и слугъ, слѣдовавшихъ за шахомъ, не соблюдалось никакого порядка, но всѣ ѣхали перемѣшанные, какъ попало, другъ съ другомъ и въ кучѣ. Во время пути шахъ нѣсколько разъ перемѣнялъ лошадь, а однажды и одежду свою. Такъ дѣлалъ онъ ежедневно впродолженіе всего времени охоты. Охота и забава въ этотъ день заключались только въ спускѣ соколовъ на цапель, журавлей, утокъ и воронъ, частію попадавшихся въ полѣ, частію выпускаемыхъ для того самими охотниками. Къ полудню мы достигли до назначеннаго селенія, гдѣ было раскинуто множество палатокъ всевозможныхъ цвѣтовъ, что представляло довольно пріятное зрѣлище». Здѣсь шахъ сдѣлалъ привалъ и угощалъ пословъ обѣдомъ, при чемъ употреблялись золотые сервизы.

«18 числа, рано утромъ, еще до восхода солнца, шахъ приказалъ объявить намъ, что онъ отправляется на ловлю журавлей только съ немногими лицами, при чемъ посланники могутъ прибыть только самъ третей, чтобы большимъ шумомъ не распугать птицъ. Посланники поѣхали верхами одни; но когда занялся день и ловля кончилась, потребовали и остальной народъ на мѣсто ловли. На мѣстѣ этомъ устроенъ былъ въ землѣ крытый ходъ и въ концѣ его птицеловный токъ, усыпанный зерномъ, на который налетало множество журавлей, и изъ нихъ поймано было до 80 штукъ. Шахъ воткнулъ въ свою

19

чалму нѣсколько перьевъ изъ этихъ поймманныхъ журавлей, и каждому посланнику далъ по два пера, чтобы они ихъ также воткнули въ свои шляпы. Вечеромъ шахъ пригласилъ посланниковъ, съ шестью изъ ихъ спутниковъ, на охоту за утками и дикими гусями. Когда прибыли на назначенное мѣсто, шахъ и остальной народъ сошли съ лошадей и прошли разстояніе въ два выстрѣла изъ лука къ длинной землянкѣ, набросанной изъ земли, позади которой, на берегу небольшой рѣчки, разложены были скрытно тенета; на этой рѣчкѣ слеталось обыкновенно множество разной пернатой дичи. Всѣ присутствовавшіе приглашены были въ землянку къ шаху, гдѣ, усѣвшись по стѣнамъ вокругъ, распили съ нимъ нѣсколько флягъ вина». Просидѣвъ здѣсь до поздняго вечера, шахъ не дождался ни одной птицы.

«На слѣдующій день шахъ назначилъ звѣриную охоту и приказалъ взять множество соколовъ, три ученыхъ леопарда и нѣсколько собакъ. Проѣздивши довольно порядочное время и не встрѣтивъ въ полѣ ничего, шахъ повелъ насъ въ огромный звѣринецъ, имѣвшій въ окружности добрую милю, обведенный каменными стѣнами и раздѣленный на три части: въ первой содержались олени, зайцы и лисицы; во второй козули, и въ третьей дикіе ослы. Прежде всего шахъ велѣлъ спустить леопардовъ, и три изъ этихъ козуль были пойманы. Когда мы пришли въ отдѣленіе дикихъ ословъ, и увидѣли одного изъ нихъ, спокойно стоявшаго на одномъ мѣстѣ, шахъ предложилъ нашему товарищу выстрѣлить въ него изъ пистолета. Выстрѣлъ этотъ оказался неудачнымъ; тогда шахъ съ улыбкой взялъ лукъ свой и стрѣлу, пустилъ въ бѣжавшаго на всемъ скаку осла и попалъ ему прямо въ брюхо. Другого затѣмъ онъ убилъ, попавши ему стрѣлой въ середину лба, и послѣ того онъ положилъ еще нѣсколько ословъ. Видно было, что шахъ отлично стрѣлялъ изъ лука и рубилъ саблей. Онъ ни разу не стрѣлялъ иначе, какъ сидя на лошади, и когда дикій звѣрь и лошадь скакали во всю прыть, и при

всемъ томъ ни одного выстрѣла не было сдѣлано мимо. Увидѣвши одного осла, совершенно смирнаго, ходившаго спокойно и не бѣгавшаго отъ лошадей и людей, шахъ сошелъ съ лошади, нанесъ ему ударъ саблей по спинѣ и разсѣкъ этимъ ударомъ животное до половины брюха; другой ударъ онъ сдѣлалъ по шеѣ этого осла и немного только не отрубилъ шею отъ туловища. Затѣмъ мы поѣхали къ малому звѣринцу, въ которомъ было обнесенное каменной стѣной пространство или театръ, гдѣ шахъ и расположился теперь съ нами. Затѣмъ сюда пригнали 32 дикихъ осла, по которымъ шахъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ лука и ружья, а послѣ него стрѣляли и остальные, всякій, кто хотѣлъ. Это было поразительное зрѣлище: нѣкоторые ослы бѣгали, имѣя въ своемъ тѣлѣ по десяти и болѣе вонзенныхъ стрѣлъ, прошедшихъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ насквозь, и когда они тѣснились въ кучу между собой и кололи этими стрѣ-

19*

лами другихъ нераненыхъ, здоровыхъ ословъ, тѣ начинали биться и грызться другъ съ другомъ. Когда эти 32 осла были всѣ перебиты, пригнаны были козули, и изъ нихъ также было убито до 30 головъ». Послѣ легкаго отдыха шахъ отправился на соколиную охоту.

«Шахъ взялъ съ собою 9 человѣкъ изъ своей свиты и посланниковъ самъ-шестъ съ свитой, и повелъ насъ въ длинную и низкую, со сводами, галлерею. За этой галлереей, опять около рѣки, устроена была приманка для дикихъ утокъ и гусей; мы усѣлись въ галлереѣ, и вдругъ шаху пришла охота выпить, и онъ приказалъ всѣхъ насъ подчивать виномъ и до того развеселился съ нами, что совершенно забылъ объ удовольствіи ловить птицъ; да по громкому разговору нашему и шуму ни одна птица и не присѣла на приманку». На слѣдующее утро, послѣ завтрака, поѣхали мы верхомъ въ одно селеніе, и на дорогѣ одинъ изъ спущенныхъ соколовъ поймалъ бѣлую цаплю.

«21 числа, раненько утромъ, шахъ пригласилъ насъ на голубиную охоту. Онъ повелъ насъ на одну круглую высокую башню, которая внутри кругомъ вся была усѣяна выложенными изъ камня норами для голубей, гнѣздившихся тамъ болѣе тысячи штукъ. Каждому изъ присутствовавшихъ дано было въ руки по палкѣ, въ видѣ вилъ, и съ такими палками шахъ и всѣ мы стали вокругъ башни, у оконныхъ отверстій. Расположившись такимъ образомъ, приказали трубачамъ трубить погромче въ трубы, отчего спугнутые голуби, массою въ нѣсколько сотенъ, полетѣли вонъ изъ башни, гдѣ и были перебиты бóльшею частью шахомъ и нами. Этимъ избіеніемъ голубей охота была закончена, и мы отправились обратно въ городъ».

«Черезъ нѣсколько дней шахъ снова отправился на охоту съ своимъ сераелемъ. За нѣсколько часовъ передъ этимъ шаховъ глашатый (suartzi) дѣлалъ громогласное о томъ извѣщеніе по тѣмъ улицамъ, по которымъ долженъ былъ проѣхать поѣздъ, для того, чтобы люди сидѣли по домамъ и не показывались на улицу, пока не

проѣдетъ сераль шаха. Когда шахъ ѣдетъ куда-нибудь съ своимъ сералемъ, то по улицамъ, или на разстояніи ружейнаго выстрѣла, не должно быть никого видно; иначе всякаго стрѣляютъ, какъ собаку, несмотря на то, что всѣхъ женъ возятъ на верблюдахъ въ такихъ ящикахъ, что ни одной изъ шаховыхъ женъ увидѣть нельзя. Шахъ обыкновенно выѣзжаетъ съ придворными за полчаса впередъ, а потомъ уже ѣдутъ его жены съ евнухами. Выѣхавъ въ поле, жены садятся на лошадей, забавляются лукомъ, стрѣлами и соколами такъ же, какъ и мужчины, но при этомъ всѣ вельможи и слуги не должны показываться на цѣлую четверть мили отъ нихъ. Мужчины въ это время потѣшаются отдѣльной охотой и ждутъ, пока не попрячутъ царскихъ женъ, которыхъ сзываетъ шахъ черезъ одного изъ евнуховъ, прислуживающихъ здѣсь во множествѣ».

Приведенныя замѣтки Адама Олеарія показываютъ, что шахъ персидскій былъ любитель и знатокъ соколиной охоты; поэтому въ отношеніи шаха болѣе, чѣмъ въ отношеніи другихъ современныхъ властелиновъ, подарки ловчими птицами имѣли самое дѣйствительное значеніе и почти всегда оправдывали ожидаемые результаты посольства. По количеству посылавшихся шаху птицъ, эти подарки были самые крупные и значительные. Обыкновенно шаху отправляли 28 кречетовъ и 2 ястребовъ съ полными на нихъ нарядами, при чемъ на почетнаго кречета, представителя всей партіи птицъ, отправлявшихся въ поминкахъ, изготовлялись самыя роскошныя одежды, низанныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Кромѣ того, вмѣстѣ съ птицами иногда посылались лучшіе мѣха. Посылки птицъ шахамъ непрерывно продолжаются на протяженіи всего этого періода. Это вполнѣ объясняется тѣми выгодами, какія цари наши извлекали изъ дружественныхъ отношеній къ шаху. Шахова казна часто бывала полезна для нашихъ государей, нерѣдко испытывавшихъ за это время финансовыя затрудненія по отсутствію денежныхъ знаковъ или цѣнныхъ металловъ; хотя Россія и за это время не была бѣдна товарами и преимуще-

Планъ Саввы Сторожевскаго монастыря и окружающей его мѣстности, Царя Алексѣя Михайловича.

ственно мѣхами, но къ этому времени мѣха стали терять значеніе мѣнового средства, и нужда въ деньгахъ иногда чувствовалась очень острая, въ особенности въ тѣ моменты, когда Россіи приходилось вступать въ войну съ сосѣдними государствами, Польшей и Швеціей.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, именно въ 1616 году, Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ посла Леонтьева съ подарками къ шаху Аббасу, прося у него денегъ въ помощь противъ литовскихъ людей; и посольство не осталось безрезультатнымъ: шахъ прислалъ въ концѣ 1617 года серебро въ слиткахъ на сумму около 7000 руб. Весною слѣдующаго 1618 года царь отправляетъ къ шаху другое посольство, во главѣ съ княземъ Михаиломъ Петровичемъ Барятинскимъ, съ которымъ было послано шаху 12 кречетовъ, 8 кречатьихъ челиговъ, со всѣмъ птичьимъ нарядомъ, соболи, лисицы, рыбій зубъ, вино и слюда. Кречетникамъ предписано было довезти и отдать кречетовъ шаху, но если бы шахъ потребовалъ ихъ участія въ его охотахъ, то посламъ приказано было — по первому требованію отказаться и отговариваться тѣмъ, что на это государемъ не было дано приказа, и что изъ боязни царской опалы они никакъ не смѣютъ исполнить шахово желаніе; при дальнѣйшихъ, настойчивыхъ требованіяхъ шаха, послы должны были послать кречетника, «который бы былъ досужъ и навыченъ»; этому кречетнику, только послѣ новыхъ требованій шаха, указано было «приводить (на охотѣ) птицъ по обычью, какъ государевы кречетники на то извычны»; если бы шаху пришлось по душѣ искусство государева кречетника, и онъ сталъ бы просить пословъ оставить ему на время одного или двухъ царскихъ кречетниковъ, послы сначала должны были отказать въ этой просьбѣ шаху, и могли согласиться на это только тогда, когда шахъ «заупрямится и учнетъ говорить о томъ накрѣпко»; воспользовавшись этимъ удобнымъ психологическимъ моментомъ, послы должны были, соглашаясь на просьбу шаха, поставить ему два условія: первое, что шахъ «во всемъ за государемъ похочетъ быть въ

дружбѣ и любви, ко всякому будетъ добру подвиженъ и на помощь казны послати похочетъ»; второе, что онъ обѣщаетъ отослать оставленнаго кречетника съ первой же оказіей, какая будетъ съ Москвы въ Кизильбаши или изъ Кизильбашъ въ Москву. Посольство Барятинскаго имѣло двоякую цѣль: благодарить шаха за присланное въ 1617 году серебро и просить вновь «прислать еще денегъ ратнымъ людямъ на жалованье» по поводу войны съ Польшей. Результаты этого посольства были весьма для пословъ плачевны. Они были встрѣчены сухо; шахъ велѣлъ призвать младшаго изъ нихъ, дьяка Тюхина, и тотъ долженъ былъ выслушать сильную выходку противъ обычнаго въ Москвѣ обращенія съ иностранными послами, обращенія, противъ котораго тщетно до сихъ поръ протестовали европейскія правительства. Шахъ говорилъ Тюхину съ сердцемъ: «Приказываю съ тобою словесно къ великому государю вашему, и ты смотри, ни одного моего слова не утаи, чтобъ оттого между нами смуты и ссоры не было; я государя вашего прошенье и хотѣнье исполню и казною денежною ссужу, но досада мнѣ на государя вашего за то: когда послы мои были у него, то ихъ въ Москвѣ и въ городахъ Казани и Астрахани запирали по дворамъ, какъ скотину, съ дворовъ не выпускали ни одного человѣка, купить ничего не давали, у воротъ стояли стрѣльцы. Я и надъ вами велю такую же крѣпость учинить, васъ засажу такъ, что птицей черезъ васъ не дамъ пролетѣть, не только вамъ птицы не видать, но и пера птичьяго не увидите. Да и въ томъ государь вашъ оказываетъ мнѣ не любовь: воеводы его въ Астрахани и Казани и въ другихъ городахъ моимъ торговымъ людямъ убытки чинятъ, пошлины съ нихъ берутъ вдвое и втрое противъ прежняго и не только съ моихъ торговыхъ людей, но и съ моихъ собственныхъ товаровъ, и для меня товары покупать запрещаютъ. Грошевое дѣло — птица ястребъ; купилъ мнѣ мой торговый человѣкъ въ Астрахани, а воеводы ястреба у него отняли, и татарина, у кого купилъ, сажали въ тюрьму, зачѣмъ продавалъ заповѣдный

Ф. А. Рубо 1897

товаръ. Вы привезли мнѣ отъ государя своего птицъ въ подарокъ, а я изъ нихъ велю только вырвать по перу да и пущу всѣхъ — пускай летятъ куда хотятъ. А если въ моихъ земляхъ мои приказные люди вашего торговаго человѣка изъубыточатъ, то я имъ тотчасъ велю брюхо распороть».

Послѣ этого пословъ не отпускали долго. Князь Барятинскій и умеръ въ Персіи, а Тюхинъ съ товарищами возвратился въ 1620 г. и дорого поплатился за то, что ѣздилъ къ шаху одинъ и выслушивалъ его выходки. Бояре обвинили Тюхина въ измѣнѣ, и ему было дано 70 ударовъ, двѣ встряски, жгли спину горячими клещами и, наконецъ, сослали въ Сибирь, гдѣ онъ былъ заточенъ въ тюрьмѣ одного изъ сибирскихъ пригородовъ [144]). Совсѣмъ иной пріемъ, чѣмъ князю Барятинскому, устроенъ былъ посольству, отправленному въ 1621 г., во главѣ съ Коробьинымъ. Шахъ осыпалъ ихъ любезностями и, воздѣвая руки и глаза къ небу, говорилъ прочувствованно: «Государство мое и люди мои и казна моя — все не мое, все Божіе и государя царя Михаила Ѳеодоровича, во всемъ воленъ Богъ да великій Государь».

Первая посылка шаху ловчихъ птицъ отъ Алексѣя Михаиловича состоялась въ Апрѣлѣ 1646 г.: съ послами Семеномъ Волынскимъ и Сергѣемъ Матвѣевымъ послано было обычное количество птицъ, да сверхъ собольихъ мѣховъ разнаго достоинства на сумму около 6 тысячъ рублей и разныхъ суконъ на тысячу рублей. Изъ послѣдующихъ посольствъ въ Персію чрезвычайно интересно въ бытовомъ отношеніи посольство 1652 г. На этотъ разъ, отправляя шаху Аббасу (но уже не тому Аббасу, съ которымъ были сношенія при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, а новому шаху) обычное число кречетовъ и ястребовъ, Алексѣй Михаиловичъ просилъ шаха, чрезъ посла, князя Ивана Лобанова-Ростовскаго, усмирить шемахинскаго хана Хозрева, грозившаго войною Астрахани и Тереку. На отпускѣ шахъ позвалъ пословъ вечеромъ къ себѣ въ садъ прохладиться. Ихъ угощали саха-

20

ромъ и овощами; потомъ принесли и поставили передъ шахомъ сосудъ золотой съ каменьями, а въ немъ виноградное вино чихирь. Шахъ пилъ за государево здоровье и спрашивалъ пословъ: «У брата моего и великаго государя вашего такое виноградное питье есть-ли»? — «У царскаго величества», отвѣчали послы, «питей всякихъ много и изъ винограду есть питья: раманея, ренское и другія, только не тѣмъ именемъ». Передъ шахомъ въ золотыхъ вазахъ стояли разные цвѣты; приподнявъ ихъ, шахъ спрашивалъ: «Въ Московскомъ государствѣ такіе цвѣты есть-ли»? — «У великаго государя», говорили послы, «цвѣты, этимъ подобные, есть: піанея кудрявая и другихъ многихъ всякихъ разноличныхъ цвѣтовъ много». Указывая на музыкантовъ, игравшихъ на домрахъ, гусляхъ и скрипкахъ, шахъ опять спрашивалъ пословъ: «Братъ мой, великій государь вашъ, чѣмъ тѣшится, и въ государствѣ его такія игры есть-ли»? — «У великаго государя нашего», отвѣчали послы, «всякихъ игръ и умѣющихъ людей, кому въ тѣ игры играть, много. Но царское величество тѣми играми не тѣшится; тѣшится духовными органы, поютъ при немъ, воздая Богу хвалу многогласнымъ пѣніемъ, и самъ онъ наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ и храброму ученію навыченъ и къ воинскому ратному рыцарскому строю хотѣнье держитъ большое по своему государскому чину и достоянью; выѣзжая на поле, самъ тѣшится и велитъ себя тѣшить ближнимъ людямъ служилымъ строемъ; играютъ предъ нимъ древками, стрѣляютъ изъ луковъ и пищалей». Вся эта сцена дышитъ величавой простотой и сильно подкупаетъ умѣлыми, полными достоинства и почтительности, отвѣтами нашихъ пословъ.

Кромѣ ловчихъ птицъ, персидскому шаху посылались, какъ кажется, еще и охотничьи собаки. Для посольства 1652 года приказано было заготовить 7 псовыхъ драгоцѣнныхъ своръ; свору въ золотѣ съ серебромъ, съ ошейникомъ, тканымъ въ кружкѣ, и съ ворворкой низанной жемчугомъ; три своры изъ золота, тканаго съ шемахинскимъ шелкомъ, съ золотыми кистями и ворворкой, обшитой

Преподнесеніе почетной рукавицы, съ ориг. рисунка Шварца. (Въ галл. Третьяковыхъ въ г. Москвѣ).

канителью, двѣ изъ серебра съ такими же кистями и, наконецъ, одна изъ золота, тканаго съ серебромъ и шелкомъ. Что посылались не однѣ своры, но и собаки, на это указываетъ тотъ фактъ, что въ составѣ посольства два конныхъ псаря.

При посылкѣ ловчихъ птицъ въ Персію, посламъ и кречетникамъ, съ ними ѣхавшимъ, давался подробный и весьма сложный церемоніалъ врученія шаху царскихъ подарковъ [145]). Въ немъ было точно опредѣлено: въ какомъ порядкѣ итти къ шаху, какимъ кречетникамъ и какихъ кречетовъ нести, кому и какъ нести почетныя рукавицы, низанныя жемчугомъ и каменьями, въ какомъ порядкѣ послу подносить шаху птицъ и въ какомъ распорядкѣ слѣдовать сокольникамъ и кречетникамъ, «будетъ шахово величество пожалуетъ позоветъ къ рукѣ»; кромѣ того, посольству вручалась «роспись какъ тѣшить шахово величество» во время соколиной охоты; порядокъ охоты по этой росписи указанъ тотъ же самый, какого держались при соколиной охотѣ Алексѣя Михаиловича, о чемъ подробно мы имѣли уже случай говорить въ своемъ мѣстѣ [146]).

Посольствамъ, отправлявшимся въ Персію, и въ особенности сокольникамъ и кречетникамъ, приходилось испытывать въ пути и въ Кизильбашѣ не меньшія затрудненія и непріятности, чѣмъ ихъ собратьямъ, ѣздившимъ въ Крымъ и Турцію [147]). Вслѣдствіе разницы въ климатѣ, приходилось и самимъ болѣть и особенно опасаться за здоровье царскихъ птицъ; въ Кизильбашѣ къ посольству не всегда были внимательны и ласковы, и посольству доводилось испытывать нужду и голодъ, покупать хлѣбъ и всякій харчь дорогой цѣной и, благодаря этому, «проѣдаться до-нага́»: случалось, что въ Кизильбашѣ посольству «кормъ praванъ былъ не сполна, черезъ день и черезъ два» [148]). Правда, по возвращеніи въ Москву, кречетникамъ, по ихъ челобитной, бо́льшею частью возмѣщали ихъ издержки и расходы; но нужно сказать и ту правду, что, возвращаясь на родину, чины посольства не всегда могли быть увѣрены, что ихъ ожидаетъ:

царское ли жалованье и награда, или казнь. Посольству 1624 года, во главѣ съ княземъ Тюфякинымъ, пришлось, напримѣръ, возвратясь на Москву, расплачиваться за вины, въ которыхъ оно не было виновато. Въ точности слѣдуя данному наказу, князь Тюфякинъ не захотѣлъ представляться шаху вмѣстѣ съ другими, не русскими, послами, что могло бы умалить достоинство пославшаго его государя; по тѣмъ же мотивамъ не поѣхалъ по зову шаха на охоту и, наконецъ, представляясь шаху, не надѣлъ платья, пожалованнаго ему шахомъ, что, вѣроятно, также не согласовалось съ принятымъ этикетомъ русскихъ посольствъ. Казалось бы, что такая стойкость въ поддержаніи престижа своего государя могла вызвать у царя только одобреніе и награду; однако, по жалобѣ шаха, что послы этимъ прогнѣвали его, государь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ положить на нихъ великое наказанье. Тюфякинъ былъ обвиненъ въ томъ, что за тостомъ во здравіе шаха не допилъ до дна, будто бы, своей чаши, и за такую вину слѣдовало бы казнить смертью, сказано въ приговорѣ, но государь-де для сына своего, царевича Алексѣя, и по просьбѣ отца своего, патріарха Филарета Никитича, велѣлъ только посадить князя Тюфякина и другихъ чиновъ посольства въ тюрьму да отобрать отъ нихъ вотчины и помѣстья; а дѣйствительныя вины князя были совсѣмъ иныя: въ Абердилѣ онъ укралъ татарченка и продалъ его въ кумыцкой землѣ, въ кумыцкой же землѣ велѣлъ украсть дѣвку и вывезъ ее тайкомъ, положивши ее въ сундукъ [149]).

Познакомившись съ посылками птицъ въ Турцію, Крымъ и Персію, носившими постоянный характеръ дани или «поминокъ», отмѣтимъ теперь случайныя, вызванныя исключительными обстоятельствами, посылки кречетовъ и соколовъ мелкимъ владѣтелямъ востока и главамъ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ.

Бухарскому хану птицы посылались дважды: въ 1622 г. [150]) и въ 1675 г.; къ сожалѣнію, ни количество птицъ, ни цѣль и мотивы этихъ посылокъ намъ неизвѣстны.

Точно также остается неизвѣстнымъ поводъ посылки въ 1641 г. одного кречета съ нарядомъ киргизскому царевичу Авгону, съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ этого кречета брату своему Исфендіару, царю, резиденція котораго находилась въ Юргенчѣ.

Въ 1660 г. отправлено было 3 кречета калмыцкому тайшѣ (князю); посольство это имѣло цѣлью заставить тайшу повліять на крымскаго хана въ томъ отношеніи, чтобы послѣдній отсталъ отъ Польши, и, въ противномъ случаѣ, тайшу просили объявить крымскому хану войну. Интересно, что калмыки остались подарками крайне недовольны, но просьбу русскаго царя все-таки исполнили.

Грузинскому царю Теймуразу птицы посылались въ XVII в. пять разъ: въ 1637, 1641, 1647, 1654 и 1660 гг.; въ первые три раза—по три кречета, въ послѣдній разъ—десять. Посылка птицъ въ 1637 г. была вызвана заявленнымъ желаніемъ Теймураза перейти въ подданство русскаго царя. Въ этихъ видахъ, чтобы привести Теймураза къ крестному цѣлованію, посланы были князь Волконскій, дьякъ Хватовъ и пятеро духовныхъ лицъ. Въ 1641 г. въ Грузію отправленъ былъ князь Мышецкій; онъ везъ съ собою отказъ на просьбу Теймураза построить для него крѣпости противъ кумыковъ; чтобы смягчить горечь отказа, царь послалъ Теймуразу 20.000 ефимковъ, соболей и кречетовъ, трехъ—для него самого и двухъ, съ полнымъ уборомъ,—для его сына Давыда. Въ 1647 г. кречеты, вѣроятно, были посланы съ посломъ Теймураза, пріѣзжавшимъ хлопотать въ Москвѣ о бракѣ сестры молодого царя Алексѣя Михаиловича со старшимъ внукомъ Теймураза, Іосафомъ; предложеніе это было отклонено. Цѣль четвертой посылки намъ неизвѣстна. Послѣдняя посылка птицъ въ Грузію, сколькихъ—неизвѣстно, состоялась въ 1660 г.; птицы, вѣроятно, были отправлены съ внукомъ Теймураза, Николаемъ Давыдовичемъ, ребенкомъ 8 лѣтъ, пріѣзжавшимъ въ Москву вмѣстѣ съ матерью. Въ обратный путь царевича сопровождалъ русскій посолъ Мякининъ, имѣвшій порученіе къ Теймуразу и къ имеретинскому

царю Александру; но имъ въ этомъ году на Кавказъ не удалось пробраться. Тамъ въ это время царила смута: Александра «окормили», а Теймуразъ попалъ въ плѣнъ къ персамъ. До 1666 года всѣ путники просидѣли въ Тушинской землѣ и только тогда верну-

лись въ Москву, откуда грузинскій царевичъ попалъ на родину лишь въ 1674 г.

Въ Имеретію, къ царю Александру, кречеты, въ количествѣ трехъ, были посланы въ 1663 г. и отправлены были съ пріѣзжавшими отъ него на Москву послами: казначеемъ его Менигаціемъ Джепарицемъ и архимандритомъ, имя котораго не сохранилось въ документахъ.

Случайныя и болѣе рѣдкія посылки ловчихъ птицъ и другихъ подарковъ въ Англію, Польшу и Данію представляются совершенно ясными по мотивамъ и цѣли.

Въ Англію за это время было двѣ посылки: въ 1618 г. и въ 1662 г. Въ первый разъ сколько-то птицъ было отправлено, при посольствѣ дворянина Степана Волынскаго и дьяка Марка Поздѣева, которымъ поручено было благодарить англійскаго короля за участіе въ состоявшемся примиреніи со Швеціей и просить у него помощи противъ Польши. Въ 1662 г. въ Лондонъ были посланы князь Петръ Прозоровскій и дворянинъ Иванъ Желябужскій, которые везли съ собою 8 кречетовъ, 2 соколовъ и 6 ястребовъ, съ полнымъ нарядомъ, много соболей и лисинъ черныхъ, мѣховъ горностаевыхъ, живыхъ соболей, горностаевъ и куницъ. По свидѣтельству Катошихина, «такіе великіе дары посланы были для подкрѣпленія старой ихъ государской братской дружбы и любви»; поводомъ послужили восшествіе на престолъ и бракъ короля Карла II. Дѣйствительная цѣль посольства заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать у лондонскихъ купцовъ денежный заемъ и ходатайствовать предъ королемъ о продолженіи вольной торговли англійскихъ купцовъ въ Архангельскомъ портѣ, на правахъ и основаніяхъ, дѣйствовавшихъ при прежнихъ англійскихъ короляхъ.

Посылка въ Польшу состояла зимою 1644 г., когда польскому королю было отправлено 5 или (по другимъ извѣстіямъ) 6 кречетовъ съ послами кн. Львовымъ, Пушкинымъ и Волошенинымъ. Посольство это имѣло цѣлью переговоры о титулѣ московскаго царя, по разме-

живаніи Путивльскихъ земель, а также изслѣдованіе про «вора», именовавшагося Семеномъ Васильевичемъ Шуйскимъ, сыномъ царя, у котораго «на спинѣ орелъ». Относительно послѣдняго пункта польскіе паны успокоили пословъ, объявивъ имъ, что «воръ» этотъ — человѣкъ неопасный, такъ какъ это былъ писарь, въ шутку называвшійся царевичемъ; для полнаго успокоенія, паны обѣщали прислать его въ Москву съ особымъ отъ себя посольствомъ.

Гораздо интереснѣе, по обстоятельствамъ дѣла, посылка птицъ и подарковъ въ Данію. Въ 1663 году къ датскому королю, разсказываетъ Катошихинъ, «послано было всякихъ даровъ: соболей и лисицъ черныхъ, и мѣховъ собольихъ и горностаевыхъ, соболей и куницъ и горностаевъ живыхъ, и птицъ кречетовъ и соколовъ и ястребовъ и иныхъ, съ 15.000 рублевъ; да отъ Архангельскаго города, въ два пойма, хлѣба по 5000 четвертей безденежно. А посланы такіе великіе дары для того: какъ у Московскаго царя учинилося съ королевскимъ величествомъ Свейскимъ (Шведскимъ) нелюбье и война, и въ то время царь писалъ къ Датскому королю, чтобъ онъ противъ королевскаго величества помогалъ, стоялъ за нимъ, царемъ, за одно, и по оному его письму Датскій король то и чинилъ; а когда Всемогущій Богъ королевскому величеству допомогъ, надъ Датскимъ королемъ учинился поискъ, и тогда царь Московскій Датскому королю не помогалъ и чинилъ въ то время съ королевскимъ величествомъ въ Валіесарѣ о покоѣ трактатство, и чрезъ такое его царское письмо Датскій король сталъ обманутъ; и видя царь Московскій свою неправду, для утѣшенія, послалъ къ нему такіе подарки, чтобъ онъ на него не имѣлъ злости, а все то, что ни было забылъ». И самый фактъ, и передача его у Катошихина, безспорно, крайне любопытны и неподражаемы по наивной простотѣ политическихъ пріемовъ; иное было время и иные нравы [151]).

Въ такихъ-то чертахъ представляется состояніе царскихъ охотъ на рубежѣ древней и новой Россіи. Нѣтъ никакой нужды проводить

21

въ деталяхъ сравненіе охотъ разсмотрѣннаго періода съ охотами предшествующихъ эпохъ: представленные, въ изобиліи, въ настоящемъ изслѣдованіи факты говорятъ сами за себя и — безъ комментаріевъ — достаточно освѣщаютъ постепенное развитіе царскихъ охотъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ и Алексѣѣ Михаиловичѣ. Во всякомъ случаѣ новой Россіи, въ отношеніи организаціи царскихъ охотъ, досталось не дурное наслѣдство. Какъ воспользовалась она имъ, что новаго внесла она въ эту область, подъ сильнымъ напоромъ европейскихъ вліяній, это мы увидимъ въ слѣдующемъ выпускѣ нашего изслѣдованія.

Н. Самокишъ

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Дворцовые разряды 1850 г., стр. 1154; см. Забѣлина «Бытъ царей», стр. 54.

[2]) Общ. Архив. Минист. Двора, столб. № 103—7127 г.; см. Забѣлина «Бытъ царицъ», стр. 453.

Грамота 1619 года гласитъ:

«Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Росіи въ Галичь губному старостѣ Петру Перелешину. По нашему указу посланы съ Москвы въ Галичь и въ Галецкіе пригороды на Чухлому, въ Судай, къ Солигалицкой, на Унжу, въ Кологривъ, въ Парфеньевъ, и тѣхъ городовъ въ уѣзды ловчево пути охотники Богданъ Опочининъ да Наумъ Усовъ, да конные псари Петръ Молчановъ, Олферъ Вараксинъ, Константинъ Олтуфьевъ въ Наши дворцовые села и въ княжецкіе, и въ дворянскіе и дѣтей боярскихъ и всякихъ людей въ помѣстья и въ вотчины и въ ихъ волости которые вѣдаютъ на обиходъ, Матери Нашіе Государыни Великіе Старицы Инокини Марфы Ивановны а велѣно имъ въ Галиче и въ Галицкихъ на Чюхломѣ и у Солигалицкой въ Парфеньевѣ, на Судаѣ и въ Кологривѣ на посадѣ и въ уѣздѣ и у всякихъ людей имать на Нашу псарню собаки борзые и гончіе и меделянскіе и медвѣди, и какъ къ вамъ ся Наша грамота придетъ, а ловчего пути охотники Богданъ Опочининъ съ товарыщи въ Галичь и въ Галицкіе пригороды пріѣдутъ и вы бъ имъ дали на ослушниковъ стрельцовъ и пушкарей и розсыльщиковъ сколько человѣкъ пригожъ и кормъ тѣмъ собакамъ и медвѣдемъ и провожатыхъ и подъ медвѣди и подъ меделянскіе собаки подводы велѣли давати отъ города до города и кормъ собакамъ и медвѣдямъ велѣли давать чѣмъ имъ мочно сытымъ быть, имъ городажъ

до Города, а подводчиковъ за медвѣди гдѣ возьмутъ медвѣди велѣли давать до Москвы. Прочетъ сю Нашу Грамоту и списавъ съ нее противу слово въ слово оставливалибъ у себя, а сю Нашу Грамоту отсылали есте въ Галицкіе пригороды къ Приказнымъ людемъ. Писана на Москвѣ лѣта 7127 Марта въ 14 день» (Рукоп. Общ. Арх. Мин. Двора, столб. № 103—7127 г.; тоже Забѣлина «Бытъ царицъ», стр. 453).

[3]) Общ. Архив. Мин. Двора, кн. 276, л. 177; ср. Забѣлина «Кунцово и древній Сѣтунскій станъ». М., 1867, стр. 143.

[4]) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 104—7225 г., кн. 203, л. 228 и л. оборотн. 211, 213, 244 и 381; кн. 204, л. 552.

[5]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 205, л. 194 и 195 и л. оборотн. 195.

[6]) Дворц. Разряды. СПБ., 1850, т. I, стр. 435 и 436.

[7]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 206, л. оборотн. 406, 407 и 413.

[8]) Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 209, л. 530 и 570; столбцы 16 и 41—7132 г.

[9]) Свѣдѣнія объ этихъ охотахъ Михаила Ѳеодоровича почерпнуты изъ слѣдующихъ источниковъ:

а) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 280, л. оборотн. 462; кн. 282, л. 62 и 368; кн. 286, л. 49 и 53, л. оборотн. 49; кн. 287, л. оборотн. 55; кн. 290, л. 169, л. оборотн. 150, 180, 216 и 500; кн. 291, л. 37 и 132; кн. 292, л. оборотн. 62 и 294; кн. 296, л. 18; кн. 299, л. 22; столб. 161—7140 г.

б) Дворц. Разряды. СПБ., 1850, т. I, стр. 697—704, 857—860, 926, 927, 933, 1014—1022; т. II, стр. 169, 244—246, 403, 482—485, 486, 489, 525, 539, 580, 592, 618, 671, 711.

в) «Выходы Государей Царей и Великихъ князей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича всея Русіи самодержцевъ». Москва, 1844 г., стр. 50 и 69.

г) Забѣлинъ, «Бытъ царицъ». Москва, 1862 г., стр. 459—463.

д) Олеарій, «Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Москву и Персію....» Пер. съ нѣм. П. Барсова. Москва, 1870 г., стр. 94.

[10]) Н. Костомаровъ, «Русск. Исторія въ жизнеописаніяхъ», вып. IV, 1874 г., стр. 5.

[11]) 31 Мая 1625 года государь Михаилъ Ѳеодоровичъ отправился въ походъ на богомолье въ Троицко-Сергіевскую лавру; 4 Іюня онъ былъ еще въ селѣ Воздвиженскомъ, 5 и 6 Іюня обѣдалъ у Троицы, а 9 Іюня находился на обратномъ пути изъ монастыря къ Москвѣ, при чемъ останавливался въ селѣ Тонинскомъ и Покровскомъ. Возвратный путь, весьма вѣроятно, сопровождался охотами, а въ селѣ Покровскомъ царь тѣшился медвѣжьею потѣхою и слонами (Дворц. Разр., т. I,

стр. 697—704; Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 463; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 280, л. оборотн. 462).

21 Сентября 1626 года царь Михаилъ Ѳеодоровичъ снова направился въ Троицкій походъ, при чемъ 24 числа обѣдалъ въ селѣ Воздвиженскомъ, 25 Сентября, день Святаго Сергія Радонежскаго, провелъ въ монастырѣ, а 29 числа, на обратномъ пути обѣдалъ въ селѣ Тонинскомъ. Что обратный походъ изъ лавры сопровождался охотами мы можемъ сказать съ убѣжденіемъ, такъ какъ царь бралъ для этой цѣли съ собою ловчаго пути Тимофея Ивановича Усова, вѣроятно, въ то время завѣдывавшаго царскою звѣровою охотою. Усовъ былъ въ числѣ приглашенныхъ къ царскому столу какъ въ селѣ Воздвиженскомъ, такъ и въ селѣ Тонинскомъ. При остановкѣ же въ селѣ Покровскомъ—тамъ устраивались медвѣжья и слоновая потѣхи (Дворц. Разр., т. I, стр. 857—860; Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 282, л. 62).

29 Октября того же года царь Михаилъ Ѳеодоровичъ «ходилъ въ свое государево село въ Рубцово (Покровское) для освященія церкви пречистыя Богородицы Покрова» и тѣшился, затѣмъ, тамъ медвѣжьею потѣхою (Дворц. Разряды, т. I, стр. 861; Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62).

Въ двадцатыхъ числахъ Іюня 1627 года, возвращаясь изъ Троицкаго похода, «тѣшился Государь въ селѣ Братошинѣ кречеты». На этой охотѣ отличился кречетъ, котораго вынашивалъ кречетникъ Иванъ Петровъ сынъ Марковъ, и который убилъ коршуна. Учителю героя охоты, кречета, былъ данъ по тому времени цѣнный подарокъ — тафта стоимостью въ 3 рубля 50 копѣекъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 282, л. 368; Дворц. Разр., т. I, стр. 926 и 927).

1 Августа того же 1627 года царь охотился въ окрестностяхъ Симонова монастыря. На царскомъ обѣдѣ въ этомъ монастырѣ участвовали ловчаго пути Тимофей Васильевичъ Усовъ съ 19 человѣками охотниковъ, значитъ, поѣздка эта, помимо богомолья, имѣла цѣлью и охоту (Дворц. Разр., т. I, стр. 933).

9 Мая 1628 года былъ государь Михаилъ Ѳеодоровичъ «у Николы Чюдотворца на Угрѣшѣ», при чемъ, нѣтъ сомнѣнія, въ окрестностяхъ монастыря охотился, ибо приказалъ быть съ нимъ въ походѣ ловчаго пути Тимофею Иванову сыну Усову (Этотъ Тимофей Усовъ именуется въ Дворцовыхъ Разрядахъ то Ивановичемъ, то Васильевичемъ). (Дворц. Разр., т. I, стр. 1014).

28 Мая 1628 года отправился Михаилъ Ѳеодоровичъ въ Троицкій походъ, 31 числа былъ въ селѣ Воздвиженскомъ, 1 и 2 Іюня провелъ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ и 7 Іюня былъ въ селѣ Тонинскомъ. Походъ этотъ, несомнѣнно,

сопровождался соколиною охотою. У царскаго стола въ селѣ Воздвиженскомъ обѣдали сокольничья пути Истома Воейковъ съ 27 человѣками сокольниковъ. Тотъ же Воейковъ приглашенъ былъ къ царскому столу и въ селѣ Тонинскомъ (Тамъ же, стр. 1014—1022).

Во время похода царя Михаила Θеодоровича въ 1630 году на праздникъ въ Троицко-Сергіевскую лавру, состоявшагося въ серединѣ Сентября мѣсяца, государь и его приближенные, между прочимъ, упражнялись въ стрѣльбѣ. На этой потѣхѣ были разстрѣлены шапки стольника князь Михайла княжъ Петрова сына Пронскаго, окольничаго князя Александра Михайлова Львова и князя Никиты Ивановича Одоевскаго, за что лица эти получили соболей и бархату кармазину: первый — на 5 рублей 12½ копѣекъ, второй — на 10 рублей и третій — на 6 рублей 12½ копѣекъ (Дворц. Разр., т. II, стр. 169; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 286, л. 49, л. оборотн. 49 и л. 53).

6 Октября 1631 года государь Михаилъ Θеодоровичъ отправился въ Троицкой походъ, 10 числа былъ въ селѣ Воздвиженскомъ, 11 — въ лаврѣ и 16, на обратномъ пути — въ селѣ Тонинскомъ; заѣзжалъ онъ также и въ село Покровское. Въ селахъ Покровскомъ-Рубцовѣ и въ Тонинскомъ царь тѣшился медвѣжьею потѣхою (Дворц. Разр., т. II, стр. 244—246; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 287, л. оборотн. 55; Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62).

Мы имѣемъ прямое указаніе о томъ, что въ теченіе лѣта 1632 года какъ царь Михаилъ Θеодоровичъ, такъ и царевичъ Алексѣй Михаиловичъ хаживали на охоту съ ловчими птицами весьма часто. Въ этомъ году дворянинъ Иванъ Семеновичъ Лодыгинъ подалъ Михаилу Θеодоровичу слѣдующую интересную челобитную:

«Государю Царю и Великому Князю Михаилу Θедоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой, Ивашко Семеновъ сынъ Лодыгинъ, въ нынѣшнемъ Государь во 140 году до Зимнаго Николина дни, пожаловалъ ты Государь меня холопа своего, какъ я холопъ твой тебя Государя тѣшилъ и Царевича князя Алексѣя Михайловича соколы кречеты Государь пожаловалъ мнѣ холопу своему шубу и я холопъ твой съ тѣхъ мѣстъ и по сю пору ожидаючи твоего Государева жалованья..... не бивалъ челомъ Милосердый Государь Царь и великій князь Михаилъ Θедоровичъ всеа Русіи пожалуй меня холопа своего въ то мѣсто къ Свѣтлому Воскресенью ферезцами да кафтанцомъ. А дураки Государь тѣша тебя Государя изодрали на мнѣ однорядочку да шапочку, а однорядочка у меня холопа твоего къ Свѣтлому Воскресенью съ пугвицы серебреными твое Царское жалованье есть. Царь Государь смилуйся». Челобитная была уважена (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 161—7140 г.).

12 Октября 1634 года Государь Михаилъ Θеодоровичъ отправился на извѣстное время въ село Покровское (Дворц. Разр., т. II, стр. 403).

Во время своего пребыванія въ этомъ селѣ царь забавлялся охотою. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о выдачѣ задворному конюху Степану Карпову «на шапку вершокъ суконной вишневой 10 алтынъ, тулея лапы лисьи 6 алтынъ, на околъ соболь полтора рубли, а пожаловалъ Государь его за то, какъ Государь былъ на селѣ Покровскомъ и выѣзжалъ на поле тѣшиться и Государевы комнатные Государя тѣшили по его шапкѣ стрѣляли изъ луковъ и изъ пистолей и шапку изстрѣляли» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 290, л. оборотн. 180). Тогда же въ селѣ Покровскомъ устраивались и медвѣжьи потѣхи (тамъ же, кн. 290, л. оборотн. 150 и 216), а также тѣшилъ Государя стрѣлецъ Петрушка Ивангородецъ тѣмъ, что «носилъ на зубахъ бревно» (Тамъ же, кн. 290, л. 169).

«30-го Мая 1635 года» — пишетъ Олеарій — «гофмейстеръ молодого князя, по желанію Великаго Князя, устроилъ соколиную охоту и пригласилъ на нее важнѣйшихъ изъ чиновъ пословъ нашихъ. Онъ прислалъ за нами собственныхъ лошадей своихъ и повезъ насъ на прекрасный лугъ, въ двухъ Миляхъ отъ Москвы, гдѣ, послѣ весьма знаменательной и веселой охоты, угощалъ насъ въ палаткѣ водкой, медомъ, пряниками, Астраханскимъ виноградомъ и маринованными вишнями» (Олеарій, стр. 94). Вѣроятно, и нѣкоторые изъ чиновъ Голштинскаго посольства, искусившіеся въ томъ же дѣлѣ, показывали свои охотничьи пріемы обращенія съ ловчими птицами, и при томъ показывали эти пріемы уже въ присутствіи какъ царя Михаила Θеодоровича, такъ и царевича Алексѣя Михаиловича гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ села Покровскаго. По крайней мѣрѣ сохранился документъ, свидѣтельствующій о выдачѣ наградъ 29 Мая этого года нѣмцамъ Ивану Семенову и Юрью Воину Бранту за то, что «тѣшили они Государя и Государя Царевича князя Алексѣя Михайловича въ селѣ Рубцове». Первый получилъ камки на 9 рублей, а второй тафты на 3 рубля 60 копѣекъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 290, л. оборотн. 500).

21 Сентября 1635 года царь Михаилъ Θеодоровичъ отправился въ Троицкій походъ, 24 числа былъ въ селѣ Воздвиженскомъ, 25 — въ лаврѣ и 30 — въ селѣ Рубцовѣ-Покровскомъ (Дворц. Разр., т. II, стр. 482—485). Во время этого похода Михаилъ Θеодоровичъ охотился на медвѣдя. По крайней мѣрѣ 29 Сентября этого года выдано было задворному конюху Петрушкѣ Федотьеву сукно настрафиль въ 2 рубля «за то, что ево въ Троицкомъ походѣ подъ селомъ Пушкинымъ медвѣдь дралъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 291, л. 37). Что это не была медвѣжья потѣха, а была именно охота на медвѣдя, — видно изъ текста документа. Во-первыхъ,

22

при наградахъ за медвѣжьи бои всегда въ старыхъ документахъ говорится «за то что на государевой потѣхѣ», и т. д.; во-вторыхъ, потѣхи медвѣжьи всегда устраивались при царскихъ походахъ въ селахъ, а не «подъ селомъ», то-есть въ окрестностяхъ села; въ-третьихъ, мы не имѣемъ ни одного документа, гдѣ говорилось бы, что медвѣжья потѣха устраивалась бы и въ селѣ Пушкинѣ. А между тѣмъ, эта потѣха требовала устройства извѣстной арены и вообще многихъ хлопотъ, приспособленій. Такая потѣха была устроена въ томъ же году въ селѣ Покровскомъ, гдѣ имѣлось все для этого необходимое, и куда государь Михаилъ Θеодоровичъ отправился 13 Ноября (Дворц. Разр., т. II, стр. 486 и Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 292, л. оборотн. 62).

Декабря 26 того же 1635 года «пошелъ Государь тѣшиться на лосьи поля» (Дворц. Разр., т. II, стр. 489). Охота эта происходила, вѣроятно, въ одномъ изъ имѣній боярина Θедора Ивановича Шереметьева. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ людей названнаго боярина, 27 Декабря этого года, получилъ богатый подарокъ: сукно англійское цѣною въ 6 рублей 90 копѣекъ за то, что «тѣшилъ Государя въ лосиную осоку и лоси осочилъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 291, л. 132).

Въ Декабрѣ же мѣсяцѣ того же года государь Михаилъ Θеодоровичъ «пошелъ въ село Суково, на медвѣдя» (Дворц. Разр., т. II, стр. 489).

Въ Ноябрѣ 1636 года «Государь ходилъ къ Николѣ на Угрѣшу молится, а отъ Николы Государь ходилъ въ Рубцово, а изъ Рубцова пришелъ въ саняхъ». Всего въ этомъ походѣ Михаилъ Оеодоровичъ пробылъ 17 дней и, вѣроятно, охотился, такъ какъ бралъ съ собою московскаго ловчаго Ивана Левонтьева и шатры для остановокъ въ полѣ (Дворц. Разр., т. II, стр. 525).

23 Мая 1637 года государь Михаилъ Θеодоровичъ отправился въ село Покровское (Дворц. Разр., т. II, стр. 539), гдѣ пробылъ до 1 Іюня («Выходы Государей», стр. 50), и гдѣ была устраиваема медвѣжья потѣха (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 292, л. оборотн. 294).

Въ Іюнѣ 1638 года, 25 числа «пошелъ Государь въ село Покровское, что было Рубцово», въ окрестностяхъ котораго, очевидно, охотился, такъ какъ ему сопутствовали московскій ловчій Иванъ Федоровичъ Левонтьевъ и шатерничій Алексѣй Семеновичъ Карбышевъ (Дворц. Разр., т. II, стр. 580).

Тѣ же лица участвовали въ царскихъ походахъ къ Троицѣ, въ Александровскую слободу и въ Переяславль-Залѣсскій въ началѣ Октября 1638 года (Дворц. Разр., т. II, стр. 592 и «Выходы Государей», стр. 69) и къ Троицѣ въ Сентябрѣ 1639 года (Дворц. Разр., т. II, стр. 618).

Избавитель

Какъ любилъ Государь, Православный царь,
Алексѣй Государь — свѣтъ Михайловичъ,
какъ любилъ Государь больно жаловалъ
ту потѣху свою государскую, ∴

Н. Самокишъ

17 Сентября 1640 года царь Михаилъ Өеодоровичъ справлялъ новоселье въ новыхъ хоромахъ села Коломенскаго (Дворц. Разр., т. II, стр. 643), гдѣ, по случаю празднества, была устроена медвѣжья потѣха (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 296, л. 18).

19 Сентября 1641 года царь Михаилъ Өеодоровичъ отправился въ село Покровское-Рубцово, а оттуда къ Троицѣ, опять-таки сопутствуемый московскимъ ловчимъ Левонтьевымъ (Дворц. Разр., т. II, стр. 671).

10 Сентября 1643 года «ходилъ Государь въ село Покровское» (тамъ же, стр. 711), гдѣ тѣшили соколами царевича Алексѣя Михаиловича люди боярина Никиты Ивановича Романова — братья Борисъ и Иванъ Коноплевы, хорошо за это награжденные. Борисъ получилъ тафту да сукно на 8 рублей 64 копѣйки, а Иванъ —сукно на 4 рубля 20 копѣекъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 299, л. 22).

[12]) Сохранился любопытный документъ, относящійся къ 1655 году, подтверждающій послѣднее обстоятельство и представляющій изъ себя нижеслѣдующее обращеніе царя Алексѣя Михаиловича къ своимъ сокольникамъ: «Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя Росіи Самодержца, избраннымъ нашимъ и вѣрнымъ соколникомъ Леонтію Григорову, съ товарыщи. Отъ насъ Великаго Государя милостивое слово: да по нашему Государеву указу товарыщамъ вашимъ соколникамъ велѣно быть въ сотне (смотри ниже о встрѣчѣ иностранныхъ пословъ), а каковъ голова и каково платье и лошади и какова людна сотня и прото вамъ отпишутъ товарыщи ваши. А товарыщъ вашъ Борисъ Бабинъ погнушался нашему государеву соколничему чину и сталъ считатца съ Михеемъ Тоболинымъ: что онъ по городу служилъ городовымъ чиномъ и мѣры не поставилъ городу чести. И Мы велѣли его бить батоги нещадно и выкинуть изъ соколничья чину и онъ волочился съ три недѣли. И для великаго Чюдотворца Николы, пожаловали Мы Великій Государь: велѣли ему быть въ стремянныхъ конюхахъ у царевича Грузинскаго и вамъ бы ему Борискѣ и безпутной его дурости тому товарыщу не поревновать и намъ Великому Государю наипаче прежняго простиратъся и служить, а у насъ Великаго Государя служба ваша николе забвена не будетъ» (Государ. Арх., разр. XXVII, № 52, столб. № 11—7163 г.).

[13]) «Бояромъ нашимъ и околничимъ и кравчему съ путемъ, и стряпчему съ ключемъ, боярину Борису Ивановичю Морозову, боярину Никитѣ Ивановичю Романову, боярину князю Якову Куденѣтовичю Черкасскому, боярину и дворецкому князю Алексѣю Михайловичю Лвову, боярину князю Алексѣю Никитичю Трубецкому, боярину князю Михаилу Михайловичю Темкину, боярину князю Өедору Семеновичю Куракину,

кравчему съ путемъ Семену Лукояновичю Стрешневу, околничему Өеодору Борисовичю Далматову-Карпову, околничему князю Андрѣю Өеодоровичю Литвинову-Масальскому, околничему Никифору Сергѣевичю Собакину, стряпчему съ ключемъ Михаилу Алексѣевичю Ртищеву, бьетъ челомъ и проситъ Государь Вашъ царь и Великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русси съ своими полчаны, съ столники и съ стряпчими и съ дворяны, чтобъ мнѣ ѣхать въ среду на Озерѣцкой медвѣдь, а какъ Богъ дастъ изымемъ и мнѣ бъ ѣхать съ Вами въ Озерѣцкое кушять и кушявши бы поѣхать того жъ дня ночью и пріѣхать бы въ Козловскую княгини деревни въ четвергъ поутру, и прося у Бога милости промышлять и какъ Богъ дастъ промыслимъ и намъ бы ѣхать въ Павловское, а посоху сбирать заранѣе, а будетъ такъ, Вы не изволите и мнѣ съ Вами ѣхать тое жъ почи въ Павловское и пріѣхавшибъ въ четвергъ мнѣ кушять и кушявшибъ мнѣ съ ступными медвѣдьми тѣшитца старыми, а послать бы по нихъ заранѣ и на завтрѣе въ пятницу на ночь ѣхать къ Москвѣ пожалуйте поступитеся, о чемъ я у Васъ съ своими полчаны прошю, а я всѣмъ Вамъ поступался кто о чемъ билъ челомъ. Ты бояринъ Борисъ Ивановичъ билъ челомъ о Дмитріе.... и я тотчасъ пожаловалъ, а ты бояринъ Никита Ивановичъ билъ челомъ о Протасѣ Неплюеве въ воеводахъ, и я пожаловалъ, а Ты бояринъ князь Яковъ Куденѣтовичъ билъ челомъ объ Иване Левошове, чтобъ его на службу не посылать, и я пожаловалъ, не велѣлъ посылать, а ты Бояринъ и Дворецкой князь Алексѣй Михайловичъ билъ челомъ о Андреѣ Племянникове, чтобъ я пожаловалъ велѣлъ отдать 100 рублевъ и я пожаловалъ, а ты бояринъ князь Алексѣй Никитичь билъ челомъ, чтобъ на засеке..... стоятъ крестьянамъ твоимъ для твоей.....реной и я пожаловалъ не велѣлъ стоять, а ты бояринъ князь Михайло Михайловичъ билъ челомъ о помѣстьи и я тѣмъ помѣстьемъ тебя пожаловалъ и тебѣ то помѣстье не полюбилось и я тебѣ слово свое милостивое сказалъ велѣлъ тебѣ приискивать да бить челомъ, а ты бояринъ князь Өедоръ Семеновичъ бивалъ челомъ по чясту, въ деревню и я тебя всегды жаловалъ отпускалъ, а ты Кравчей съ путемъ Семенъ Лукьяновичъ билъ челомъ о Миките Панине чтобъ его Микиту отпустить на Олатырь и я пожаловалъ велѣлъ отпустить, а ты околничей Өедоръ Борисовичъ билъ челомъ о Смирнове сынѣ Демекове въ стряпчіе и я пожаловалъ, а ты околничей князь Андрей Өедоровичъ билъ челомъ на Богдана Дубровскаго о рыбныхъ ловляхъ и я тебя пожаловалъ, велѣлъ челобитную подписать, какъ служба минетца и въ ту пору указъ будетъ, а ты околничей Никифоръ Сергѣевичъ билъ челомъ объ Тимофѣеве сыне въ столники и я пожаловалъ, а ты стряпчей съ ключемъ Михайла Алексѣевичъ билъ челомъ о лошади въ цѣну и я тебя пожаловалъ безъ цѣны и Вы помятуйте всѣ скорую мою милость къ себѣ и

поступитесь мнѣ и полчаномъ моѣмъ о чемъ у Васъ просимъ, а мы столники и стряпчіе и дворяне руки приложили любо такъ быть какъ Вашъ Государь и нашъ изволилъ всегда мірскихъ рѣчей слушаютъ и околничей Никифоръ Сергѣевичъ Собакинъ сказывалъ Государю — мужики де мнѣ сказывали, что до Павловскаго 20 верстъ, а медвѣдь лежитъ за Павловскимъ 20 верстъ, и всего 40 верстъ, и я Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руссіи, и Полчяне желаемъ всѣмъ Вамъ душевнаго спасенія и тѣлеснаго здравія во вѣки» (Государств. Арх., № 53, разрядъ XXVII).

[14]) Любилъ царь Алексѣй Михаиловичъ, повидимому, и рыбную ловлю. Такъ, въ 1657 году въ Иверскій монастырь была отправлена весьма любопытная грамота патріарха, которою приказывалось: «рыбу велѣть ловить, судоки и лещи и щуки и сомы и лини и всякую рыбу, и сажать ту рыбу живую въ озеро, а озерко въ которое ту рыбу сажать, пріискать небольшое, чтобъ было чисто, отъ монастыря хотя въ верстахъ трехъ или четырехъ или пяти, только бъ рыба не поморить.... да къ Государеву и къ нашему приходу приготовить четыре невода новыхъ добрыхъ» (Акт. Истор., т. IV, 109, стр. 253). Очевидно, патріархъ хотѣлъ угостить царя знатной рыбной ловлей.

[15]) Первыя свѣдѣнія объ охотахъ царя Алексѣя Михаиловича относятся къ первымъ днямъ царствованія молодого царя, къ концу 1645 года.

25 Декабря этого года, на первый день Рождества, были награждены люди дядьки и воспитатели царя, Бориса Ивановича Морозова, — Иванъ Лунинъ съ двумя товарищами за то, что «отыскивали дикихъ медвѣдей» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 38—7154 г.), вѣроятно, во время похода царя Алексѣя Михаиловича «въ Можайскъ, и въ Боровскъ въ Пафнутьевъ монастырь, и въ Звенигородъ къ Савѣ Сторожевскому чудотворцу», состоявшагося въ началѣ Декабря этого года (Дворц. Разр., т. III, стр. 21).

Въ Январѣ 1646 года молодой государь опять предпринимаетъ охотничью поѣздку въ окрестности Саввина-Сторожевскаго монастыря. Во время этого «Звенигородскаго похода» онъ дважды заѣзжаетъ въ имѣніе своего воспитателя, боярина Бориса Ивановича Морозова, въ село Павловское, гдѣ оба раза устраиваются медвѣжьи потѣхи, второй разъ 31 Января (Общ. Арх. Мин. Дв., столбцы 62 и 84—7154 г.).

Весною того же года царь Алексѣй Михаиловичъ снова предпринимаетъ охотничью поѣздку по дворцовымъ подмосковнымъ селамъ. Начало Апрѣля онъ проводитъ въ селѣ Покровскомъ-Рубцовѣ. Оттуда, 3 Апрѣля, пишетъ онъ письмо стольнику Афанасію Ивановичу Матюшкину, приказывая «взять въ Золотой Палатѣ на окнѣ трои обносцы да запечатать и прислать тотчасъ» къ нему въ село Покровское вмѣстѣ съ царскою «черниляцой съ трубками», чернилами и перьями, взявъ чернила отъ

дьяка Григорья Львова и велѣвъ ему же очинить перья. При этомъ Алексѣй Михайловичъ увѣдомляетъ Матюшкина, что близъ Покровскаго въ то время было «утокъ безчисленно много по лужамъ» и горько жалуется на то, что «ѣздить по полямъ топко и имать нечѣмъ», такъ какъ «ястребы не поспѣли», то-есть подготовка ихъ къ охотѣ еще не была закончена (Акты Археограф. Экспед., т. IV, № 100—VI, стр. 140).

9 Апрѣля того же года, изъ села же Покровскаго Алексѣй Михайловичъ пишетъ къ Матюшкину второе письмо, приказывая, между прочимъ, прислать къ нему съ посланнымъ голубей, вѣроятно, для корму взятыхъ съ собою ловчихъ птицъ (Собр. писемъ Ал. Мих., № 11).

30 Апрѣля этого года царь Алексѣй Михайловичъ уже находился въ селѣ Коломенскомъ, откуда послалъ Матюшкину приказъ: «какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тебѣ-бъ ходить къ сестрамъ (царевнамъ Иринѣ, Аннѣ и Татьянѣ Михайловнамъ) и спрашивать отъ меня о здоровье, какъ приказано было прежъ сего» (Собр. писемъ Ал. Мих., № 111).

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же года государь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ Троицкій походъ («Выходы Государей», стр. 143).

11 Октября того же года «ходилъ Государь въ село Островъ и въ Острову было освященіе церкви» (Дворц. Разр., т. III, стр. 49). Вѣроятно, во время этого Островскаго похода царь Алексѣй Михайловичъ заходилъ и въ село Покровское, гдѣ была устроена охота съ ловчими птицами. На этой охотѣ случилось непріятное въ охотничьемъ отношеніи приключеніе — «утекъ соколъ». Однако, сокола удалось поймать человѣку боярина Бориса Ивановича Морозова, Клементью Васильеву, за что послѣдній и получилъ сукно англійское въ 4 рубля 40 копѣекъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 302, л. 21).

Въ непродолжительномъ послѣ этого времени были устроены лисьи осоки подъ селомъ Коломенскимъ, при чемъ осочили лишь конные псари Микифоръ Озорной да Дмитрій Шевелевъ, удостоившіеся 11 Ноября этого же года царскаго жалованья — суконъ настрафиля двухрублеваго достоинства (Тамъ же, кн. 302, л. 32). Послѣдняя охота была устроена, вѣроятно, еще въ Октябрѣ, можетъ быть, также при Островскомъ походѣ; по крайней мѣрѣ, судя по даннымъ Дворцовыхъ Разрядовъ, весь Ноябрь мѣсяцъ царь Алексѣй Михайловичъ провелъ въ Москвѣ (т. III, стр. 50).

Около этого же времени государь Алексѣй Михайловичъ ходилъ «въ Хорошевскій походъ», охотясь по дорогѣ на волковъ. Въ охотѣ этой принимали участіе люди боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго, постояннаго спутника царя на звѣриныхъ охотахъ. Люди эти, Яковъ Черкашенинъ да псарь Худячко Сидоровъ

«объѣхали волка», за что получили: первый — сукно англійское въ 3 рубля 4 копѣйки, а второй — сукно настрафиль въ 1 рубль 8 копѣекъ (Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 302, л. оборотн. 46).

Въ Январѣ мѣсяцѣ 1647 года царь Алексѣй Михаиловичъ охотился на волковъ и на медвѣдя. Медвѣжья охота была устроена подъ селомъ Крылацкимъ, и «осочили медвѣдя» ловчаго пути охотникъ Осипъ Молчановъ и конный псарь Любимъ Молчановъ (Тамъ же, кн. 302, л. 68). Охота на волковъ была, повидимому, устроена въ обширномъ размѣрѣ или, лучше сказать, это былъ рядъ волчьихъ осокъ, въ которыхъ принимали участіе, какъ чины царской охоты, такъ и охотники боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго. До насъ дошли документы, свидѣтельствующіе нижеслѣдующее: 20 Января этого года людямъ боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго, псарямъ Григорію Жуку да Боренку Иванову было выдано по сукну кострышу темно-синему, цѣною по 1 рублю 80 копѣекъ за кусокъ, за то, что «они сочили въ селѣ Ржественномъ волковъ» (Тамъ же, кн. 302, л. оборотн. 71). 29 того же Января люди того же боярина получили также «за волчьи осоки»: Игнатій Цвѣтковъ — сукно англійское вишневое въ 3 рубля 60 копѣекъ, да псари Стенка Корташъ и Смышляйка Сидоровъ — по сукну кострышу темносинему, цѣною по 1 рублю 92 копѣйки за сукно (Тамъ же, кн. 302, л. оборотн. 77). 5 Февраля того же года «за волчьи же осоки» былъ награжденъ настрафилемъ лазоревымъ въ 1 рубль 73 копѣйки ловчаго пути конный псарь Павелъ Будаевъ (Тамъ же, кн. 302, л. 81).

Въ 1647 же году «Февраля въ 15 день, ходилъ Государь на медвѣдя», но куда именно, неизвѣстно (Дворц. Разр., т. III, стр. 56).

Меньше чѣмъ черезъ недѣлю, 21 Февраля, государь Алексѣй Михаиловичъ снова охотился гдѣ-нибудь въ имѣніяхъ князей Волхонскихъ на медвѣдя же: 10 Марта этого года людямъ окольничаго князя Петра Ѳедоровича Волхонскаго, Митькѣ Васильеву да Замяшкѣ Митрофанову, выдали по сукну кострышу, въ 1 рубль 92 копѣйки сукно, за то, что «въ нынѣшнемъ 155 году осочили они медвѣдя Февраля въ 21 день» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 302, л. оборотн. 96).

Въ Мартѣ того же года царь Алексѣй Михаиловичъ, вѣроятно, охотился въ окрестностяхъ села Покровскаго, а въ самомъ селѣ была устроена медвѣжья потѣха (Тамъ же, кн. 302, л. оборотн. 98).

Въ Августѣ 1647 года «тѣшили Государя соколы въ селѣ Коломенскомъ» люди боярина Никиты Ивановича Романова, сокольники Борисъ Коноплевъ да нѣкій Терешка, за что и были награждены 12 числа этого мѣсяца сукнами настрафилемъ лазоревымъ, по 1 рублю 92 копѣйки за сукно (Тамъ же, кн. 302, л. 21).

Наконецъ, въ Декабрѣ этого же года, 31 числа, люди боярина Никиты Ивановича (вѣроятно, какъ и въ Августѣ) Романова, Андрюшка Прокофьевъ и Гришка Яковлевъ, получили такіе же подарки «за звѣриные осоки» (Тамъ же, кн. 303, л. оборотн. 73).

Въ началѣ Января 1648 года, во время Звенигородскаго, Можайскаго и Боровскаго похода царя Алексѣя Михаиловича, снова были устроены охоты на волковъ, въ которыхъ принимали участіе какъ царскіе охотники, такъ и охотники князей Якова Куденетовича Черкасскаго и Ивана Прозоровскаго. Такъ, 6 Января этого года выдано было по доброму сукну четыремъ псарямъ боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго, Стенкѣ Карташу съ товарищами, и псарю стольника князя Ивана Прозоровскаго, Акинфейку Григорьеву, «за волчьи осоки» (тамъ же, столб. 77—7156 г.), а 12 числа того же Января ловчаго пути конные псари, Иванъ Исаевъ, Микифоръ Озорной и Микита Шевелевъ, за то, что «осочили шти волковъ», во время Звенигородскаго, Можайскаго и Боровскаго похода, получили по сукну настрафилю лазоревому (Тамъ же, столб. 90—7156 г. и Столб. Оруж. Пал. АВ—626).

Во время того же похода были устраиваемы медвѣжьи потѣхи въ селахъ Покровскомъ, Урюпинѣ и Павловскомъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 303, л. оборотн. 118 и 127 и столб. 90—7156 г.).

16 Января 1648 года состоялась свадьба царя Алексѣя Михаиловича, который «взялъ за себя Государя Ильину дочь Даниловича Милославскаго, Государыню Царицу и Великую Княгиню Марью Ильиничну», при чемъ во время торжества бракосочетанія «въ отцово мѣсто» былъ поставленъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ (Дворц. Разр., т. III, стр. 78). Черезъ пять дней послѣ свадьбы, 21 числа, государь отправился въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 86) и охотился на медвѣдя въ одномъ изъ имѣній своего посажёнаго отца, такъ какъ 30 Января людямъ боярина Бориса Ивановича Морозова, Афанасью Игнатьеву, Потапу Кулакову и Никифору Афросимову, было уже выдано по доброму сукну «за медвѣжьи осоки» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 114—7156 г. и кн. 303, л. оборотн. 107).

Въ Февралѣ мѣсяцѣ этого же года царь Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ Звенигородскій, Можайскій и Боровской походъ, во время котораго были снова устраиваемы медвѣжьи охоты, при участіи въ нихъ различныхъ охотниковъ. Такъ, 20 Февраля получили по настрафилю лазоревому ловчаго пути охотникъ Алексѣй Меркурьевъ и конный псарь Давыдъ Даниловъ за то, что «они были въ Звенигородскомъ и въ Можайскомъ и въ Боровскомъ походѣ и за медвѣжьи осоки» (тамъ же, кн. 303, л. оборотн. 118); 20 же Февраля выдано человѣку окольничаго князя Федора Федоровича Волконскаго, Божену Осипову, также сукно настрафиль лазоревый

Ту охоту свою соколиную ;

«за медвѣжій осокъ» (Тамъ же, кн. 303, л. оборотн. 119). Наконецъ, 25 Февраля награждены такимъ же сукномъ крестьяне Звенигородскаго уѣзда дворцоваго села Михайловскаго — Стенка Зеткинъ да человѣкъ царскаго псовника Петра Жадовскаго, Савка Меркульевъ, за медвѣжій же осокъ (Тамъ же, кн. 303, л. оборотн. 119).

Въ Маѣ мѣсяцѣ того же года царь Алексѣй Михаиловичъ отправился въ Троицкій походъ, при чемъ 20 числа этого мѣсяца «пріѣхалъ изъ Здвиженскаго села въ монастырь къ Живоначальной Троицѣ» («Выходы Государей», стр. 181).

Въ Іюлѣ того же 1648 года «тѣшилъ Государя на полѣ соколы» сокольникъ Иванъ Даниловъ сынъ Гребенкинъ и тѣшилъ, вѣроятно, не разъ, при чемъ во время одной изъ охотъ «убилъ соколъ цаплю, а онъ Иванъ тое цаплю принесъ ко Государю». За эти охоты Гребенкинъ былъ награжденъ два раза, 30 Іюля и 5 Августа, получивъ суконъ на 4 рубля 18 копѣекъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 303, л. 284 и л. оборотн. 285).

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же года царь Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ Троицкій походъ («Выходы Государей», стр. 190).

Въ Октябрѣ того же года Алексѣй Михаиловичъ охотился на волковъ гдѣ-нибудь подъ селомъ Островомъ. 5 числа этого мѣсяца ловчаго пути псовникъ Петръ Жадовскій получилъ англійское вишневое сукно, цѣною въ 4 рубля 72 копѣйки съ деньгою, «за волчій осокъ, какъ онъ сочилъ волковъ въ Государевомъ Островскомъ походѣ» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 304, л. оборотн. 31).

Въ Февралѣ 1649 г. царь Алексѣй Михаиловичъ охотился на медвѣдя, вѣроятно, въ окрестностяхъ села Тонинскаго. Мы имѣемъ два документа, помѣченные 15 Февраля этого года, изъ которыхъ одинъ гласитъ о награжденіи конныхъ псарей, Павла Будаева съ четырьмя товарищами, англійскими сукнами, по 2 рубля 76 копѣекъ сукно, «за медвѣжьи осоки», а другой—о награжденіи участниковъ медвѣжьей потѣхи, устроенной въ селѣ Тонинскомъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 304, л. 136).

Въ Маѣ мѣсяцѣ того же года царь Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ Троицкій походъ, при чемъ 12 числа этого мѣсяца пришелъ изъ села Воздвиженскаго къ Троицѣ («Выходы Государей», стр. 208).

30 Іюля 1649 года тѣшилъ царя Алексѣя Михаиловича челигомъ кречатьимъ кречетникъ Иванъ Григорьевъ, за что и получилъ сукно доброе (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 32—7158 года).

Гдѣ происходила эта охота, мы не знаемъ, но замѣтимъ только, что 28 Іюля государь былъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; когда Алексѣй Михаиловичъ вернулся оттуда въ свой Московскій дворецъ — неизвѣстно (Дворц. Разр., т. III, стр. 127).

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ этого года царь Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ Троицкій походъ къ празднику Святаго Сергія («Выходы Государей», стр. 217).

19 Октября 1649 года царь Алексѣй Михаиловичъ отправился въ село Коломенское, а оттуда 23 числа того же мѣсяца въ село Голенищево, сопутствуемый весьма многими боярами, окольничими, стольниками и стряпчими, въ числѣ которыхъ находились и постоянные сотоварищи государя по охотѣ, бояре Борисъ Ивановичъ Морозовъ и князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій (Дворц. Разр., т. III, стр. 136). Вѣроятно, подъ селомъ Голенищевымъ, гдѣ-нибудь во владѣніяхъ стольника Василія Ивановича Шереметева, 25 Октября былъ устроенъ «лисій осокъ», при чемъ окладывалъ лисъ человѣкъ названнаго стольника, Любимъ Посоповъ, получившій за свою охотничью службу «за сукно доброе деньгами» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 57 —7158 года). Изъ-подъ села Голенищева царская охота двинулась, вѣроятно, подъ село Павловское или какое-либо другое помѣстье боярина Бориса Ивановича Морозова, гдѣ охотниковъ ожидалъ обложенный медвѣдь. Медвѣдь былъ обложенъ человѣкомъ названнаго боярина, Трофимомъ Левашовымъ, и за этотъ «медвѣжій осокъ» окладчикъ получилъ англійское темнозеленое сукно въ 2 рубля 84 копѣйки (Тамъ же, кн. 305, листъ оборотн. 17).

9 Ноября того же года, опять сопутствуемый массою приближенныхъ, царь Алексѣй Михаиловичъ направляется въ село Покровское. Присутствіе въ числѣ спутниковъ царя московскаго ловчаго Аѳанасія Сафонтьевича Заболоцкаго заставляетъ предполагать, что это путешествіе имѣло спеціальною цѣлью устройство охоты (Дворц. Разр., т. III, стр. 137).

12 того же Ноября царь Алексѣй Михаиловичъ отправляется въ Звенигородскій походъ, къ Преподобному Саввѣ Сторожевскому (тамъ же, стр. 138), а 17 числа того же мѣсяца въ село Хорошево (Тамъ же, стр. 139). Во время этого похода «тѣшили государя волками за рѣчкою за Выхонкою» люди боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго, конный псарь Костька Станинъ и Офонька Зыковъ, получившіе за это по доброму сукну (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 73 — 7158 года).

30 того же Ноября, сопутствуемый девятью боярами, четырьмя окольничими, стряпчимъ съ ключемъ, московскимъ ловчимъ Аѳанасіемъ Сафонтьевичемъ Заболоцкимъ, шестьюдесятью четырьмя стольниками, десятью стряпчими и двумя дворянами, царь Алексѣй Михаиловичъ направляется въ Можайскій походъ, имѣя возницею стольника князь Алексѣя княжъ Иванова сына Буйносова Ростовскаго, ухабничимъ стряпчаго Еуфима Максимовича Ладыженскаго и у саней Леонтія Леонтьевича Лопухина. Опять-таки присутствіе ловчаго указываетъ, что если не единственною,

то, по крайней мѣрѣ, одною изъ цѣлей этого путешествія была охота (Дворц. разр., т. III, стр. 140—143).

5 Февраля 1650 года царь Алексѣй Михаиловичъ отправляется «въ ближніе походы» (тамъ же, стр. 148), а 17 Апрѣля того же года идетъ въ село Хорошево, взявъ съ собою московскаго ловчаго Заболоцкаго (Тамъ же, стр. 159). Въ Хорошевѣ устраивается медвѣжья потѣха (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 305, листъ 127).

25 Мая 1650 года «пошелъ Государь къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь. А отъ Троицы изъ Сергіева монастыря итти Государю и съ Государынею Царицею въ Кашинъ» (Дворц. Разр., т. III, стр. 170). Съ государемъ въ походѣ находился и московскій ловчій Заболоцкій (Тамъ же, стр. 171). 23 Мая царь Алексѣй Михаиловичъ былъ въ селѣ Росткинѣ, откуда писалъ Матюшкину, чтобы послѣдній выслалъ ему живыхъ гусей и утокъ, вѣроятно, для потребностей царскаго стола (Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—I, стр. 252), а не для «пріученія ловчихъ птицъ хватать добычу», какъ объясняетъ Безсоновъ (Примѣч. Безсон., стр. 20). 25 Мая царь Алексѣй Михаиловичъ былъ въ деревнѣ Тарасовкѣ, откуда писалъ къ Матюшкину, чтобы послѣдній «записывалъ, въ которой день и котораго числа дождь будетъ» и отписалъ ему «о птицахъ, какъ ихъ носятъ и какъ они летятъ», отдавая при этомъ и различныя приказанія, касавшіяся порядка вынашиванія ловчихъ птицъ. Сообщалъ въ этомъ письмѣ царь Алексѣй Михаиловичъ Матюшкину и о приключеніи съ однимъ изъ сокольниковъ, Мишкою Семеновымъ. «Да на нашемъ стану» — писалъ царь — «въ селѣ Тонинскомъ новый сокольникъ Мишка Семеновъ сидѣлъ у огня да вздремавъ упалъ въ огонь, и ево изъ огня вотощили, немного не сгорѣлъ; а какъ въ огонь упалъ, и того не слыхалъ» (Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—II, стр. 252). 2 Іюня государь былъ въ Троицкой Лаврѣ (Дворц. Разр., т. III, стр. 173), а 4 выступилъ оттуда къ Кашину (Тамъ же, стр. 178). 11 Іюня, остановившись, не доходя до Кашина, въ Колязинѣ монастырѣ, царь Алексѣй Михаиловичъ снова пишетъ Матюшкину длинное письмо, въ которомъ ставитъ рядъ вопросовъ и излагаетъ серію совѣтовъ относительно вынашиванія его, государевыхъ, ловчихъ птицъ на государевой кречатнѣ. Далѣе, Алексѣй Михаиловичъ дѣлится съ Матюшкинымъ охотничьими впечатлѣніями. Восхваляя ловкость челига Паледа, который на всѣхъ охотахъ «добываетъ добрѣ добро», Алексѣй Михаиловичъ обращаетъ вниманіе Матюшкина на то, что до Калязина монастыря въ это путешествіе хорошія охоты были лишь по дорогѣ къ Троицкой Лаврѣ и въ окрестностяхъ села Рогачева: «а птицъ, что ни наѣхали подъ Троицу и за Троицу, за Рогачево десять верстъ, осорей и коршаковъ и гаю всякаго, а отъ Рогачева и до Колязина монастыря на осмидесяти верстахъ никакихъ

23*

птицъ, ни гнѣздъ, ни гаю не заѣзживали: лѣса болшие, глухие и въ перелетъ птица ни какая не перелетитъ, и поля худы; а въ Колязине птицы всякіе есть и добывать кречету и челигу и соколу летѣть мошно и есть гдѣ; і утакъ много, поля нарочетые» (отличныя, прекрасныя — Примѣч. Безсонова, стр. 42). (Собр. пис. Ал. Мих., № VI). 12 Іюня царь Алексѣй Михаиловичъ прибылъ въ Кашинъ и остановился въ шатрахъ, гдѣ и былъ устроенъ большой царскій обѣдъ (Дворц. Разр., т. III, стр. 178). Изъ Кашина царь отправился въ Угличъ, въ монастырь «Преподобнаго Паисія Углицкаго чюдотворца», откуда уже предпринялъ обратное путешествіе въ Москву (Тамъ же, стр. 179).

12 Сентября 1650 года царь Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 185), 15 Сентября былъ въ селѣ Коломенскомъ и съ 15 по 21 число находился между Коломенскимъ и Покровскимъ селами, вѣроятно, занимаясь охотою (Тамъ же, стр. 187). 22 Сентября Государь пошелъ въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 191) и прибылъ къ Троицѣ 25 числа («Выходы Государей», стр. 231); 1 Октября Алексѣй Михаиловичъ былъ уже въ Москвѣ (Дворц. Разр., т. III, стр. 193).

Троицкій походъ былъ повторенъ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ 9 Октября этого же года (Тамъ же, стр. 197). 29 Октября Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ село Коломенское (тамъ же, стр. 205), а въ началѣ Ноября въ село Покровское (Тамъ же, стр. 207). 30 Ноября «ходилъ Государь въ Звенигородъ, въ монастырь къ Саввѣ чюдотворцу Сторожевскому» (тамъ же, стр. 212), куда прибылъ 3 Декабря и откуда вышелъ въ село Покровское 7 Декабря (Тамъ же, стр. 215). Вернувшись вскорѣ въ Москву, Алексѣй Михаиловичъ 21 Декабря снова идетъ въ село Покровское и возвращается въ Москву къ празднику Рождества Христова (Тамъ же, стр. 218). 30 Декабря государь опять выступаетъ въ походъ въ село Коломенское (Тамъ же, стр. 219).

9 Марта 1651 года царь Алексѣй Михаиловичъ пошелъ въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 222); 3 Апрѣля въ село Хорошево (тамъ же, стр. 228); 16 Апрѣля былъ въ селѣ Покровскомъ (тамъ же, стр. 241); въ этомъ же селѣ его застаетъ и 5 Мая — день, въ который онъ отпраздновалъ именины сестры, царевны Ирины Михаиловны (Тамъ же, стр. 250). 14 Мая государь ходилъ въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 254), куда прибылъ 18 числа (Тамъ же, стр. 261). 27 Іюля Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ останавливался и обѣдалъ 28 числа въ шатрахъ (Тамъ же, стр. 264). 16 Августа государь отправился въ село Коломенское и вернулся въ Москву

18 числа того же мѣсяца (Тамъ же, стр. 266). 21 Августа Алексѣй Михаиловичъ снова идетъ въ село Коломенское (тамъ же), а 21 Сентября отправляется въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 280), куда прибываетъ 25 числа («Выходы Государей», стр. 249). 1 Декабря царь идетъ въ Звенигородскій походъ, гдѣ 3 числа проводитъ праздничный день чудотворца Саввы (Дворц. Разр., т. III, стр. 286). Въ послѣдній походъ съ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, въ числѣ другихъ, были отправлены птичьи стрѣлки Исая Быковскій и Игнатій Тороకановъ, которымъ было выдано «для птичьи добычи по фунту пороху и по два фунта свинцу человѣку» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 74—7155 года).

15 Января 1652 года Алексѣй Михаиловичъ снова идетъ въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь (Дворц. Разр., т. III, стр. 290), сопутствуемый московскимъ ловчимъ Аѳанасіемъ Сафонтьевичемъ Заболоцкимъ (тамъ же, стр. 291), гдѣ 20 Января празднуетъ «обрѣтеніе мощей преподобнаго Саввы Сторожевскаго чюдотворца» (Тамъ же, стр. 297). 20 Апрѣля государь идетъ въ село Хорошево (Тамъ же, стр. 307); 8 Мая—къ Николѣ на Угрѣшу (тамъ же, стр. 312); 17 Мая—въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 313); 2 Іюня — въ Троицко-Сергіевскую Лавру (тамъ же, стр. 314); 6 Іюня переходитъ изъ лавры въ село Воздвиженское, гдѣ ночуетъ и откуда выступаетъ утромъ въ Москву, прибывая въ послѣднюю вечеромъ того же дня (Тамъ же, стр. 318 и 319). 27 Іюня идетъ Алексѣй Михаиловичъ въ Новодѣвичій монастырь (тамъ же, стр. 323); 6 Сентября, на другой день послѣ крестинъ царевны Мароы Алексѣевны, идетъ государь въ село Покровское (тамъ же, стр. 329), а 10 Сентября въ Звенигородскій походъ (Тамъ же, стр. 330). 22 Сентября «поволилъ Государь итти» въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 330), но вышелъ 23 числа и прибылъ на мѣсто въ лавру 24 Сентября («Выходы Государей», стр. 269), при чемъ на возвратномъ пути заѣзжалъ въ село Покровское, а въ Москву вернулся 28 числа того же мѣсяца (Дворц. Разр., т. III, стр. 331). 2 Октября идетъ государь снова въ село Покровское, 5 Октября — въ село Коломенское, 25 Октября — опять въ село Коломенское и 1 Ноября — въ село Покровское (Тамъ же, стр. 332). 8 Ноября также походъ въ село Покровское (тамъ же, стр. 333); 27 Ноября — въ Андреевскій монастырь (тамъ же, стр. 334); 1 Декабря — въ Звенигородскій Саввинъ монастырь (Тамъ же, стр. 335). 6 Декабря Алексѣй Михаиловичъ былъ въ селѣ Хорошевѣ, а 13 числа того же мѣсяца пошелъ въ село Коломенское (Тамъ же, стр. 336). 27 Декабря государь снова въ Хорошевѣ (Тамъ же, стр. 337).

17 Января 1653 года царь Алексѣй Михаиловичъ отправляется въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 338); 26 Апрѣля — въ село Покровское, а 30 числа того же

мѣсяца въ Андреевскій монастырь (Тамъ же, стр. 349). 15 Мая государь направляется въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 351); 26 Мая — въ село Покровское (тамъ же, стр. 353); 30 Мая — опять въ село Покровское (Тамъ же, стр. 354). 12 Іюля — въ село Коломенское, гдѣ праздновалъ 25 числа именины царевны Анны Михаиловны; 27 Іюля государь ходилъ въ Новодѣвичій монастырь (тамъ же, стр. 359), гдѣ останавливался въ шатрахъ («Выходы Государей», стр. 292); 22 Сентября государь ходилъ въ Троицкій походъ (Дворц. Разр., т. III, стр. 368), при чемъ останавливался въ селѣ Воздвиженскомъ («Выходы Госуд.», стр. 298); 12 Октября — въ село Хорошево (Дворц. Разр., т. III, стр. 376); 25 Октября — въ село Коломенское (тамъ же, стр. 379); 19 Ноября — въ село Воробьево (тамъ же, стр. 380); 30 Ноября — въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 382), при чемъ 3 Декабря провелъ въ Сторожевскомъ монастырѣ («Выходы Госуд.», стр. 302).

17 Января 1654 года пошелъ царь Алексѣй Михаиловичъ снова въ Звенигородскій походъ, останавливаясь по дорогѣ въ селѣ Хорошевѣ (Дворц. Разр., т. III, стр. 396); 18 Апрѣля — въ село Покровское (тамъ же, стр. 407); 28 Апрѣля — въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 408); 3 Мая — въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 409), а 18 Мая, «положа упованіе на Бога, и на пречистую его Богоматерь и на всѣхъ Святыхъ пошелъ изъ Государевы отчизны, изъ царствующаго града Москвы, на недруга своего, на Полскаго и Литовскаго короля Яна Казимера, за его многіе неправды и крестопреступленіе» (Тамъ же, стр. 413).

Хронологическихъ данныхъ этого военнаго похода царя Алексѣя Михаиловича мы приводить не будемъ.

Вернулся Алексѣй Михаиловичъ изъ послѣдняго похода 10 Февраля 1655 года (Тамъ же, стр. 456).

11 Марта 1655 года «пошелъ Государь съ Москвы въ свою Государеву отчину, въ Смоленскъ, для своего Государева и земскаго дѣла» (Тамъ же, стр. 461). Въ числѣ назначенныхъ сопутствовать царю Алексѣю Михаиловичу значится и стольникъ и московскій ловчій Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ (тамъ же, стр. 462), который, однако, вмѣстѣ съ царемъ, вѣроятно, не вышелъ, такъ какъ 13 Марта этого же года Алексѣй Михаиловичъ писалъ ему въ Москву изъ села Кубенскаго, сообщая, что въ Кубенское онъ пришелъ ночью, на другой день по выходѣ изъ Москвы и что изъ Кубенскаго онъ собирается выступить на другой день, то-есть 14 Марта, съ тѣмъ, чтобы ночевать въ 10 верстахъ за Можайскомъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что «дорога такова худа» была, какой царь Алексѣй Михаиловичъ, по его словамъ, «отъ роду не видалъ» (Письмо Ал. Мих., № VII), онъ сдѣлалъ въ одинъ день

А, любилъ Государь позабавитьсѧ
заоблавитъ въ дубровѣ сохатаго,

56 верстъ, такъ какъ «Кубенское отъ Москвы на Можайскъ въ 57 верстахъ, а Можайскъ отъ Москвы въ 103 верстахъ» (Прим. Безсонова, стр. 45). Этотъ переходъ ясно указываетъ, что царь Алексѣй Михаиловичъ замѣчательно стойко переносилъ трудности походной жизни.

Вскорѣ, однако, Матюшкинъ присоединился къ царю и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ въ новый военный походъ на поляковъ 24 Мая того же года (Дворц. Разр., т. III, стр. 473).

26 Іюня 1655 года царь Алексѣй Михаиловичъ былъ въ Шкловѣ (тамъ же, стр. 482) и приказывалъ оттуда Матюшкину, вѣроятно, отставшему отъ государя, прислать къ нему для какой-то надобности «коннаго псаря Терешку Фролова, тотчасъ, не мѣшкая, о дву конь» (Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—III, стр. 252).

Изъ Смоленскаго похода въ Москву царь пошелъ обратно 25 Ноября 1655 года (Дворц. Разр., Дополн. къ т. III, стр. 12), 9 Декабря «пришелъ на подхожій станъ въ село Воробьево и вступилъ въ Москву 10 Декабря, окончивъ этимъ свой второй военный походъ на поляковъ (Тамъ же, стр. 13).

17 Января 1656 года царь Алексѣй Михаиловичъ отправился, по обыкновенію, въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 22); 24 Апрѣля былъ въ селѣ Покровскомъ и отправился оттуда въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 33); 15 Мая отправился снова въ Смоленскъ (тамъ же, стр. 41), сопутствуемый московскимъ ловчимъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ Матюшкинымъ (тамъ же, стр. 42), посѣтилъ по дорогѣ Воробьево и Саввинъ Сторожевскій монастырь (тамъ же, стр. 44), 19 Мая былъ въ Можайскѣ, 23—въ Вязьмѣ и 31—въ Смоленскѣ (Тамъ же, стр. 45). 20 Іюня начинается 3-й военный походъ царя Алексѣя Михаиловича, но уже на шведовъ подъ Ригу (Тамъ же, стр. 50). Въ Москву Алексѣй Михаиловичъ вернулся въ Январѣ 1657 года (Тамъ же, стр. 87).

«16 Февраля 1657 года, въ понедѣльникъ, ходилъ Государь въ походъ, въ свое государево село, въ Семеновское, на Потѣшный дворъ; съ Москвы пошелъ въ 8 часу дня, а къ Москвѣ пришелъ полчаса ночи («часы въ то время дѣлились на денные, съ восхожденія солнца, и ночные, съ заката. 18 Февраля было 11 часовъ дня и 13 часовъ ночи; 6 Апрѣля было 14 часовъ дня и 10 часовъ ночи; Мая 9 было 16 часовъ дня и 8 часовъ ночи; 26 Мая 17 часовъ дня и 7 часовъ ночи. За тѣмъ шло на убыль съ 12 Іюня». Примѣчаніе Забѣлина). И въ томъ день и въ ночи былъ морозъ» («Охотничій дневникъ Алекс. Мих.»).

«Апрѣля во 2 день, въ четвертокъ, ходилъ Государь въ село Измайлово, да въ село Покровское и на Потѣшный дворъ въ Семеновское; божественныя литургіи

слушалъ Государь въ селѣ Измайловѣ; а столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ. А пошелъ Государь въ село Измайлово въ часъ дни, а пришелъ во 2 часу ночи. И въ тотъ день было холодно и вѣтрено, а въ ночи холодно жъ» (Тамъ же).

«Апрѣля въ 4 день, въ суботу, ходилъ Государь послѣ столоваго кушанья на потѣшный дворъ въ Семеновское, а пришелъ въ «   » часу ночи. А въ тотъ день было холодно и вѣтрено, а снѣгъ шелъ съ перемѣшкою, а въ ночи было то жъ» (Тамъ же).

«Апрѣля въ 7 день, на первомъ часу дни, ходилъ Государь въ село Семеновское на потѣшный дворъ, а къ Москвѣ пришелъ въ послѣднемъ часу дни. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Апрѣля въ 9 день, на первомъ часу дни, ходилъ Государь въ село Покровское и въ томъ селѣ тѣшился; а къ Москвѣ пришелъ въ шестомъ часу дни, и столовое кушанье было на Москвѣ. И въ тотъ день до осмаго часа дни было холодно и вѣтрено, а съ того часа былъ дождь до одиннадцатаго часа, а съ одиннадцатаго часа шелъ снѣгъ съ дождемъ до вечера, а въ ночи былъ морозъ» (Тамъ же).

Забѣлинъ относитъ къ 1657 году письмо царя Алексѣя Михаиловича къ стольнику Матюшкину, отъ 11 Апрѣля, изъ села Покровскаго, въ подлинникѣ котораго года не обозначено (Опыты изученія древностей, стр. 285). Указанія «Охотничаго Дневника» царя Алексѣя Михаиловича за этотъ годъ, что 7 и 9 Апрѣля государь послѣ дневныхъ походовъ возвращался къ ночи въ Москву, какъ будто бы нѣсколько и расходятся съ данными вышеупомянутаго письма. Допуская, однако, что въ Москву Алексѣй Михаиловичъ возвращался лишь для ночевокъ, что во фразѣ этого государя «буду я къ Москве» надо подразумѣвать предположеніе царя вернуться въ Москву и провести тамъ болѣе или менѣе продолжительное время, то-есть закончить этимъ данный охотничій походъ, и оставляя, затѣмъ, опредѣленіе года этого письма на отвѣтственности уважаемаго историка, приступаемъ къ изложенію самаго письма, посвященнаго охотничьимъ впечатлѣніямъ царя, освѣщая это письмо данными «Охотничаго Дневника».

Царь сообщаетъ Матюшкину, что онъ писалъ къ нему «напредъ сево», что будетъ въ Москвѣ въ понедѣльникъ, то-есть 6 Апрѣля 1657 года; однако, писалъ это государь Алексѣй Михаиловичъ «неспрошався съ собою, потому что соколовъ не было, да и не вѣдалъ, что бояринъ Борисъ Ивановичъ (Морозовъ) послалъ къ себѣ по соколы». Узнавъ, значитъ, послѣднее, Алексѣй Михаиловичъ не рѣшился покинуть охотничьи поля и въ Москву, какъ хотѣлъ раньше, не вернулся, а остался гдѣ-нибудь у села Покровскаго или въ селѣ этомъ. Соколовъ привезли въ четвергъ, 9 Апрѣля, по утру — двухъ дикомытовъ держанья сокольниковъ боярина Бориса

Ивановича Морозова, Ширяева и Модина. Приведенныя птицы, однако, не были еще готовы для охоты съ ними, такъ какъ сокольники у себя ихъ лишь «вабили съ вервью, а безъ верви отнудь у нихъ не летавали ни поворачивали». Однако, царь со своими компаніонами все-таки «поѣхали отвѣдавать» птицъ на Васильевъ прудъ («Неизвѣстно гдѣ», — Безсоновъ, стр. 72). «На первомъ дни, въ которой ихъ (соколовъ) привели», то-есть 9 Апрѣля, птицы «летѣли высоко гораздо, да не слазятъ къ уткамъ, потому что ещо не пора,—самъ ты вѣдаешь»—говоритъ царь Алексѣй Михаиловичъ Матюшкину — «что Ѳомина нынѣчя недѣля», то-есть по времени года сокола и не могли еще быть хорошо подготовленными къ охотѣ, ихъ выноска не могла быть закончена. «На другой день въ пятницу вчерась поутру», то-есть 10 Апрѣля, сокола хотя и «летѣли хорошо да не слазятъ». Тогда царь поѣхалъ къ Сущову и между Напруднымъ («бывшая слобода Троицкой Лавры, гдѣ теперь митрополичье подворье. Тамъ текла рѣчка Напрудная, впадавшая въ Неглинную. Въ тѣхъ мѣстахъ и теперь есть пруды, влѣво отъ 3-й Мѣщанской» — Примѣч. Безсонова, стр. 73) и Сущовымъ наѣхалъ на залитое водою мѣсто, длиною въ шесть саженей и шириною въ двѣ сажени, весьма удобное для охоты тѣмъ, что уткамъ, которыхъ на водѣ оказалось много, — свіязямъ, шилохвостамъ и чиркамъ — было «некогда утечь, — нѣтъ иныхъ водицъ близко». Сначала спустили сокола Мадина, который полетѣлъ хорошо, но на добычу не пошелъ; пришлось его принимать на вабило, послѣ чего сбросили другого сокола-дикомыта Семена Ширяева. О подвигѣ этого сокола мы уже говорили.

Объ этой охотѣ царь Алексѣй Михаиловичъ приказывалъ Матюшкину разсказать сестрамъ, Иринѣ, Аннѣ, Татьянѣ Алексѣевнамъ, только «покороче тово, што написалъ» самъ, извинившись, вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ ними за невозможность прислать охотничьей добычи, «потому што соколомъ скормили — первое утя убилъ, штобъ не кручинились».

11 Апрѣля, въ субботу, Алексѣй Михаиловичъ собирался ѣхать съ соколами подъ село Тушино и не разсчитывалъ вернуться въ Москву раньше пятницы, 17 Апрѣля, такъ какъ приказалъ боярину Борису Ивановичу Морозову послать «по старыхъ трехъ соколовъ» (Сборн. писемъ Ал. Мих., № XX и Акты Археограф. Экспед. Ак. Наукъ, т. IV, № 100—V, стр. 141).

«12 и 13 Апрѣля» — говоритъ Забѣлинъ — «въ запискахъ (Дневальныхъ) выходовъ не обозначено; можетъ-быть, въ эти дни Государь былъ въ Тушинѣ. 14-го во вторникъ Государь ходилъ на богомолье по монастырямъ, въ Воздвиженскій и другіе, слѣдовательно, изъ Тушина онъ возвратился не въ пятницу, какъ предполагалъ, а гораздо раньше, во вторникъ» («Опыты изученія древностей», стр. 296).

24

Въ это же время Алексѣй Михаиловичъ приглашалъ пріѣхать къ себѣ и самого Матюшкина: «да для Христа голубей пришли гнѣздъ зъ двадцать, птицы у меня поспѣваютъ, а голуби всѣ изошли а надо бить и въ вабило и всюды; гдѣ нибудь дабудь, черныхъ да пришли, да и самъ приѣдь на день на другой, а отъ меня тебѣ: будь здоровъ во вѣки... Купи да пришли хорошихъ на челяга соколья колокольцовъ, а деньги ізъ дворца» (Письмо Ал. Мих., № XX и Акты Археогр. Экспед. Ак. Наукъ, № 100—V, стр. 141).

«Апрѣля въ 14 день, во вторникъ.... ходилъ Государь въ село Покровское. Съ Москвы пошелъ въ третьемъ часу дни, къ Москвѣ пришелъ на первомъ часу ночи. И тотъ день былъ пасмаренъ и теплъ, а въ ночи было тепло жъ» («Охотн. Дневн. Алекс. Мих.»).

«Апрѣля въ 21 день, во вторникъ, ходилъ Государь въ походъ въ село Семеновское. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Апрѣля въ 25 день, въ суботу, послѣ ранняго кушанья, ходилъ Государь въ походъ на Тверскіе поля («Тверскія поля, безъ сомнѣнія, такъ называемая теперь Ходынка съ окрестными мѣстами по Тверской (Петербургской) дорогѣ» — Примѣчаніе Забѣлина) тѣшитца, а къ Москвѣ пришелъ на послѣднемъ часу дни. И въ тотъ день съ утра было пасмарно, а съ четвертаго часу и до вечера шелъ дождь съ перемѣшкою» (Тамъ же).

«Апрѣля въ 27 день, ходилъ Государь въ Семеновское и на полѣ тѣшился птицами. И въ тотъ день до вечеренъ было ведрено, а послѣ того былъ дождь, а въ ночи шелъ дождь же».

«Апрѣля въ 28 день, во вторникъ, на 1 часу дни, ходилъ Государь тѣшитца на поле, а пришелъ къ Москвѣ въ отдачю часовъ денныхъ. И въ тотъ день съ утра часу до пятаго было ненасливо и накрапывалъ дождикъ, а съ пятого часу было ведрено и тепло, а въ ночи было тепло жъ».

«Апрѣля въ 30 день былъ день ведренъ, а ввечеру шелъ дождикъ маленкой не много; и въ тотъ день изволилъ Государь быть въ походѣ въ селѣ Голенищевѣ» («Троицкое Голенищево, за Воробьевыми горами, въ 5 верстахъ отъ Дорогомиловской заставы» — Примѣчаніе Забѣлина).

«Маія въ 3 день, въ недѣлю, ходилъ Государь въ село Семеновское. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло».

«Маія въ 8 день, въ пятокъ, слушалъ Государь всенощного бдѣнія и божественныя литургіи въ церкви Преподобно-мученицы Евдокеи, что у него Государя на сѣнѣхъ; праздновали Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову; а послѣ столоваго

кушанья ходилъ Государь праздновать Чюдотворцу Николѣ въ Угрѣшской монастырь. И дорогою идучи на Коломенскихъ поляхъ тѣшился. Въ монастырь пришелъ въ 13 часу дни, а стоялъ Государь за монастыремъ въ своихъ царскихъ шатрахъ, и слушалъ малые вечерни у себя Государя въ шатрахъ. И въ тотъ день послѣ обѣда и до вечера шелъ дождикъ невеликъ съ перемѣшкою, а въ ночи было холодно» («Охотничій Дневникъ Алекс. Мих.» и Дополн. къ III т. Дворц. Разр., стр. 102).

«Мая въ 9 день, въ суботу, на празникъ принесенія мощей, иже во святыхъ отца нашего Николы, слушалъ Государь всенощного бдѣнія и божественныя литургіи въ Угрѣшскомъ монастырѣ въ церкви Николы Чюдотворца; и на всенощномъ бдѣніи облачался и служилъ божественную литургію Великій Государь Никонъ, Архіепископъ царствующаго великаго града Москвы, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Патріархъ, съ пестрыми и черными властьми и со всѣмъ своимъ освященнымъ соборомъ. Того жъ дни у Великаго Государя, Его Царскаго Величества былъ столъ въ селѣ Островѣ («20 верстъ отъ Москвы» — Примѣчаніе Забѣлина) по комнатѣ, ѣлъ Великій Государь Никонъ Патріархъ и власти; и были у стола бояре и околничіе да голова стрѣлецкой Яковъ Соловцевъ. И въ тотъ день до кушанья было ведрено, а послѣ кушанья и до вечера было пасмарно и вѣтрено, а въ ночи былъ морозъ. Того жъ дни послѣ кушанья передъ вечернею ходилъ Государь на Островскіе поля тѣшитца» («Охотн. Дневн.»).

Послѣ этого путешествія «ходилъ Государь въ походъ въ село Покровское» (Дополн. къ III т. Дворц. Разр., стр. 102), гдѣ, вѣроятно, поселился на продолжительное время, повременно совершая свои охотничьи и другія поѣздки уже изъ этого села, и гдѣ былъ еще 7 Іюня (Тамъ же, стр. 103).

«Маія въ 12 день, во вторникъ, ходилъ Государь тѣшитца на поле послѣ столоваго кушанья. И въ тотъ день до полденъ было ведрено и вѣтрено, а послѣ полдень шелъ дождикъ съ перемѣшкою часы съ два или болши, а въ ночи былъ морозъ» («Охотн. Дневн.»).

«Маія въ 14 день, въ четвертокъ, ходилъ Государь тѣшитца на поле до кушанья и послѣ столоваго кушанья. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи съ вечера громъ и вѣтръ и дождь, и было тепло» (Тамъ же).

«Маія въ 16 день, въ суботу, до столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на Семеновскіе поля. Столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ-Рубцовѣ. Малыя вечерни слушалъ Государь у себя Государя въ хоромѣхъ. И тотъ день былъ пасмаренъ и вѣтренъ до обѣда, а послѣ обѣда часа за 2 до вечера шелъ дождикъ невеликъ, а въ ночи было тепло».

24*

«Маія въ 21 день, въ четвертокъ, слушалъ Государь заутрени у себя Государя въ хоромѣхъ, а божественныя литургіи въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы (въ Покровскомъ), а праздновали Богородицѣ Срѣтенія Владимірской иконы. А послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на Покровскія поля. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Мая въ 22 день, въ пятокъ, ходилъ Государь тѣшитца («зачеркнуто: въ Тверскія поля до столоваго кушанья, а послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь въ рощу Собакину» — Примѣчаніе Забѣлина) до столоваго кушанья и послѣ кушанья, и Государыня царица. А въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Мая въ 23 день, въ суботу, слушалъ Государь божественныя литургіи въ селѣ Введенскомъ («Мѣстоположеніе этого села указываетъ урочище Введенскія горы» — Примѣчаніе Забѣлина) въ церкви (пробѣлъ). А послѣ обѣдни до кушанья тѣшился Государь на полѣ птицами, а кушанье было въ селѣ Покровскомъ. И тотъ день до обѣда былъ ведренъ, а послѣ обѣда пасмаренъ, а въ ночи тепло» (Тамъ же).

«Маія въ 24 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всенощнаго бдѣнія и божественныя литургіи въ соборной церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, а всенощное пѣли вспѣваки, а литургію Государевы пѣвчіе дьяки. Послѣ столоваго кушанья тѣшился Государь на полѣ птицами. И тотъ день до кушанья былъ ведренъ, а послѣ кушанья до вечера былъ день пасмаренъ и шелъ дождикъ невеликъ, а съ вечера и во всю ночь шелъ дождь великъ» (Тамъ же).

«Маія въ 25 день, въ понедѣльникъ, слушалъ Государь божественныя литургіи въ церкви Покрова Пресвятей Богородицы (въ Покровскомъ), празновали обрѣтенію честныя Главы Іоанна Предтечи. Столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ; а послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день съ утра до 5 часу дня шелъ дождь, а съ пятаго часу и до вечера было ведрено и красно, а въ ночи было тепло, а съ полуночи накрапывалъ дождикъ невеликъ» (Тамъ же).

«Маія въ 26 день, во вторникъ, ходилъ на поле тѣшитца. И въ тотъ день съ утра до 5 часу дни шелъ дождикъ невеликъ съ перемѣшкою, а потомъ было и до вечера пасмарно и вѣтрено» (Тамъ же).

«Маія въ 28 день, въ четвертокъ, ходилъ Государь тѣшитца въ Тверскія поля до столоваго кушанья. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Маія въ 29 день, въ пятокъ, слушалъ Государь божественныя (литургіи) у Покрова Пресвятыя Богородицы, и послѣ божественныя литургіи ходилъ Государь тѣшитца въ Тверскіе поля. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло».

Аль расправить плечо неподатное
И медведя поднять на рогатину..
Н. Самокишъ

«Маія въ 30 день, въ суботу, слушалъ Государь божественныя литургіи у Покрова Пресвятыя Богородицы; а до столоваго кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца въ Тверскіе поля, а пришелъ за полчаса до вечера. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Маія въ 31 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всенощного бдѣнія и божественныя литургіи въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы. Послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь въ рощу, что зовомомъ Собакино. И тотъ день съ утра былъ ведренъ, а въ кушанье гремѣлъ громъ и молнія блистала и шелъ дождь великъ, а послѣ того и до вечера было ведрено и ветрено, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Іюня въ 1 день, въ понедѣльникъ, ходилъ Государь тѣшитца въ село Тонинское («12 верстъ отъ Троицкой заставы» — Примѣчаніе Забѣлина). Столовое кушанье въ селѣ Медвѣдковѣ («7 верстъ отъ Троицкой заставы») и послѣ столоваго кушанья тѣшился же. И въ тотъ день шелъ дождь часа съ два, а въ ночи было холодно» (Тамъ же).

Къ этому времени Забѣлинъ относитъ письмо царя Алексѣя Михаиловича къ Матюшкину, помѣченное «въ селѣ Покровскомъ нынѣшняго дня» (Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—XII, стр. 255), а именно къ 12 Іюня 1657 года («Опыты изученія древностей», стр. 285).

Придерживаясь такого опредѣленія, оказывается:

«Іюня въ 4 день, въ четвертокъ былъ дождь часа за два до вечера и шелъ съ полчаса. И въ тотъ день ходилъ (Государь) въ село Коломенское послѣ столоваго кушанья. А въ ночи было тепло».

Въ этотъ день «добылъ красный кречетъ Гамаюнъ одного коршака безъ насъ великаго государя» (Указанное выше письмо).

Въ этотъ же день царь Алексѣй Михаиловичъ писалъ къ Матюшкину изъ села Покровскаго: «Жалуечи тебя объявляемъ: нашіе государскіе охоты Сибирскій кречетъ молодикъ Свертяй, статьи Ивана Ярышкина, добывалъ коршака дикого въ Тверскихъ поляхъ, и розбивъ добылъ славною кречатьею добычею въ великомъ верху..... Да князь Юрьи Ромодановскаго кречатъ, Сибирскій молодикъ, добылъ въ Тверскихъ поляхъ коршака дикого, истинно, вѣрно, такъ». Кромѣ того, тѣмъ же письмомъ царь Алексѣй Михаиловичъ ставилъ на видъ Матюшкину, что «вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что пропалъ у тебя челигъ кречатей» (Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—V, стр. 253).

5 Іюня пріѣзжалъ за чѣмъ-то къ царю въ Покровское Матюшкинъ и въ тотъ же день вернулся обратно въ постоянную свою резиденцію (Письмо безъ числа).

«Іюня въ 6-й день, въ суботу, ходилъ Государь тѣшитца на поля въ Семеновское. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи было холодно. Того жъ дни пришелъ въ село Покровское святѣйшій Никонъ Патріархъ за три часа до вечера» («Охотн. Дневникъ Алекс. Мих.»).

Про этотъ день царь Алексѣй Михаиловичъ пишетъ:

«Ходили мы тѣшиться съ челигами, а съ кречеты посылали въ Тверскіе поля сокольниковъ, Пареенія Тоболина съ товарищи, и въ Тверскихъ поляхъ Пареепьевы статьи кречетъ Нечай добылъ коршака; а въ вечеру того же дня суботы тѣшились мы великій государь старымъ челигомъ, добылъ двѣ совки въ великомъ верху за Введенскимъ; съ одною совкою было съ 15 ставокъ, а росшибъ ее въ верху такъ, что упала бесвѣдома («мертвая» — Примѣчаніе Безсонова, стр. 85), а съ другою съ 20 ставокъ, и тоѣ вырвалъ; а съ кречетомъ Свертяемъ Ивановы статьи Ярышкина посылали мы подъ Красное село, и тотъ кречетъ добылъ Коршака, а по утру тоежъ суботы при насъ великомъ государе добылъ ворона красной кречетъ Гамаюнъ» (Письмо безъ числа).

7 Іюня царь Алексѣй Михаиловичъ былъ въ селѣ Покровскомъ, гдѣ занимался государственными дѣлами. Между прочимъ, въ этотъ день онъ послалъ изъ Покровскаго въ Астрахань «въ товарищи боярину и воеводѣ князь Василію Григорьевичу Ромодановскому, воеводу Ивана Ѳедорова сына Акиноова» (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 103).

8 Іюня царь Алексѣй Михаиловичъ охотился подъ Краснымъ селомъ и пишетъ объ этой охотѣ: «Въ понедѣльникъ нынѣшніе недѣли при насъ великомъ государѣ и при всемъ полку добылъ красной кречетъ Гамаюнъ коршака жъ подъ Краснымъ селомъ, а ставокъ было 26, а седмой вырвалъ, а такъ розбилъ, что пятью или шестью даромъ слѣзъ, а то всего какъ есть ножами искроилъ и вбилъ его къ земли, а вырвалъ сажени за двѣ отъ земли; да того жъ дня въ вечеръ Леонтьевы статьи Григорова кречетъ Бумаръ добылъ ворона, добрѣ добро, ставокъ было съ 20» (Письмо безъ числа).

«Іюня въ 9 день былъ у Государя, въ золотой палатѣ (въ Москвѣ), Полскаго короля Яна Казимера посланникъ на отпускѣ. А Государь былъ при посланникѣ въ ферезеѣ. А рынды были, въ бѣломъ платьѣ, столники.... Объявлялъ Государю посланника околничей Иванъ Ооонасьевичъ Гавреневъ....» (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 103).

Послѣ отпуска посланника, государь Алексѣй Михаиловичъ охотился за Срѣтенскими воротами, подъ Москвой, и пишетъ объ этой охотѣ: «На завтрее, во вторникъ

нынѣшнія жъ недѣли, за Срѣтенскими вороты, при насъ же великомъ государѣ Пароеньевы статьи кречетъ Бердяй добылъ коршака, а ставокъ было съ 15, и добывалъ добрѣ добро, и хотно» (Письмо безъ числа).

«Іюня въ 10 день, въ среду, слушалъ Государь божественныя литургіи въ селѣ Красномъ и ходилъ въ Измайлово а послѣ столоваго кушанья ходилъ въ Тверскія поля. И въ тотъ день было красно, а въ 9 часовъ былъ громъ велми великъ и блистала молнія и шелъ дождь великъ съ полчаса, и потомъ шелъ невеликъ, а въ ночи было тепло» («Охотн. Дневн.»).

«Іюня въ 11 день, въ четвертокъ, ходилъ Государь тѣшитца въ Коломенскія поля. Кушанье было въ Тюхаляхъ («Тюфелева роща въ двухъ верстахъ отъ Симонова монастыря» — Примѣчаніе Забѣлина), а вечернее кушанье было въ селѣ Покровскомъ, а пришелъ въ село Покровское въ 2 часу ночи. И въ тотъ день съ утра было пасмарно и тихо, а съ 6 часу и до вечера шелъ дождь съ перемѣшкою, а въ ночи дождь былъ же съ полуночи съ часъ и было тепло» (Тамъ же).

12 Іюня государь Алексѣй Михаиловичъ охотился у Сущевой рощи, близъ Напруднова, и пишетъ объ этой охотѣ:

«Да нынѣшней же недѣли въ пятницу изъ утра въ 3 часу, безъ насъ великаго государя, добылъ красной кречетъ Гамаюнъ каршака промежъ Сущова и рощи, что къ Напрудному, при столникѣ нашемъ князь Юрьѣ Ромодановскомъ, а добывалъ въ великомъ верху долгое время и сбилъ съ верху, и каршакъ побѣжалъ на утекъ къ рощѣ и хотѣлъ увалитца («скрыться, найти убѣжище» — Примѣч. Безсонова, стр. 85) отъ славной Гамаюна кречета добычи, и не допуская до рощи добылъ его съ верхней ставки, а въ добычѣ ставокъ было съ 30; того жъ дня изъ утра въ 4 часу дни Ивановы статьи Ярышкина кречетъ Сибирской молодикъ Свертяй добылъ каршака подъ Майковымъ болотомъ, а напустили ево середи самыхъ Тверскихъ поль, и добывалъ версты съ полторы великимъ верхомъ и розбивъ добылъ подъ Майковымъ при столникѣ жъ нашемъ князь Юрьѣ Ромодановскомъ, а въ добычѣ ставокъ было съ 70, а добывалъ добро опасно («съ осторожностью» — Примѣчаніе Безсонова, стр. 86) и памятно («съ большимъ умомъ» — тамъ же), и ставки были крутыя» (Письмо безъ числа).

Подводя итоги этому ряду охотъ, царь Алексѣй Михаиловичъ пишетъ: «И всего у насъ великаго государя кречеты 2 статьяхъ добыли каршаковъ: Пароеньевы статьи Красной 3, Бердяй 2, оба при мнѣ, одинъ и при васъ, Нечай 1, Ивановы статьи Ярышкина Свертяй 3, у тебя Михѣевы статьи Дурасъ добылъ 1, да у князя Ѳедора Ромодановскаго Терентьевы статьи Тулубьева, вчера, въ четвергъ, Сибирской кречетъ Ширяй добылъ каршака; и всего 7 кречетовъ добыли 11 каршаковъ, а старый

челигъ 7 совокъ, на день по двѣ и по три добывалъ, а челиги всѣ по силѣ своей добываютъ, какъ кто сможетъ» (Письмо безъ числа).

Оканчивая письмо, государь Алексѣй Михайловичъ, между прочимъ, упрекаетъ Матюшкина: «Да послали мы, великій государь, къ тебѣ челига Хорьяка, изыманъ на Резани, привезъ во вторникъ къ вечеру нынѣшнія недѣли сынъ боярской весь цѣлъ и здоровъ; вы теряете, а мы сыскиваемъ» (Письмо безъ числа).

«Іюня въ 13 день, въ суботу, слушалъ Государь божественныя литургіи въ селѣ Черкизовѣ, отъ села Покровскаго 3 версты, и ходилъ на поле до кушанья и послѣ кушанья. И тотъ день былъ красенъ и тихъ, а въ полдни шелъ дождь не многое время, а въ ночи было тепложъ» («Охотн. Дневникъ Алекс. Михаил.»).

14 Іюня, будучи въ селѣ Покровскомъ, царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ Матюшкину: «какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ сокольника Сергѣя Назарьева прислалъ къ намъ, великому государю, тотчасъ, и о томъ отписалъ, а отписку велѣлъ подать и ему Сергѣю явитца въ Приказѣ нашихъ Тайныхъ дѣлъ» (Дополненіе къ Акт. Истор., т. III, № 71—VII, стр. 253).

«Іюня въ 15 день, въ понедѣльникъ, былъ день ведренъ. И въ тотъ день до столоваго и послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле; а въ ночи было тепло» («Охотн. Дневникъ Алекс. Михаил.»).

Въ этотъ день царь Алексѣй Михайловичъ былъ въ селѣ Покровскомъ, откуда приказывалъ Матюшкину: «какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а которые волости у тебя въ Конюшенномъ Приказѣ вѣдомы, и ты бъ велѣлъ тѣхъ волостей крестьяномъ и бобылемъ на Рождество Іоанна Предтечи, Іюня въ 24 день, набрать цвѣту сераборинного («вѣроятно, звѣробой» — Примѣчаніе Безсонова, стр. 52), да травъ иперикової (также звѣробой — тамъ же) и мятной, съ цвѣтомъ, и дягилю и дягилнаго коренья по пяти пудъ» (Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71 – VII, стр. 254).

«Іюня въ 16 день, во вторникъ, ходилъ Государь тѣшитца до столоваго кушанья и послѣ столоваго кушанья въ Тверскихъ поляхъ, а столовое кушанье было на Воробьевѣ. И тотъ день съ утра былъ пасмаренъ, а послѣ полденъ и до вечера шелъ дождь, а въ ночи было тепло» («Охотничій Дневникъ Алекс. Михаил.»).

«Іюня въ 20 день, въ суботу, ходилъ Государь на поле тѣшитца до кушанья и послѣ кушанья, и въ тотъ день до кушанья былъ громъ и шелъ дождь добрѣ великъ, а послѣ кушанья шелъ дождь невеликъ, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

21 Іюня царь Алексѣй Михайловичъ былъ въ селѣ Покровскомъ и сообщалъ оттуда Матюшкину: «Указали мы великій государь тебѣ съ нашею государскою птичьею со всею охотою быти въ деревнѣ у себя Іюня до 24 числа, до среды, и

съ тою птичьею охотою ѣздить на поле во вся дни, а Іюня въ 24 день, въ среду, пріѣхать съ тою птичьею со всею охотою къ намъ великому государю въ село Покровское; и ты бъ учинилъ о томъ по сему нашему великаго государя указу» (Дополн., къ Акт. Истор., т. III, № 71—VIII, стр. 254).

«Іюня въ 22 день, въ понедѣльникъ, тѣшился Государь на Покровскихъ и на Коломенскихъ поляхъ; столовое кушанье было въ Тюхаляхъ, а вечернее кушанье въ селѣ Покровскомъ. И тотъ день былъ пасмаренъ, а въ ночи было тепло» («Охотничій Дневникъ Алекс. Михаил.»).

«Іюня въ 25 день, въ четвертокъ, до кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Іюня въ 26 день, въ пятокъ, слушалъ Государь божественныя литургіи въ церкви Покрова Пречистыя Богородицы. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было холодно. Того жъ дни ходилъ Государь на Покровскія поля въ рощу и ночевалъ Государь въ селѣ Коломенскомъ» (Тамъ же).

«Іюня въ 30 день, во вторникъ, ходилъ Государь до кушанья и послѣ кушанья на поле тѣшитца. И въ тотъ день съ утра до 7 часу дни шелъ дождь съ перемѣшкою, а съ 7 часу было ведрено, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Іюля въ 2 день, въ четвертокъ, до кушанья ходилъ Государь на поле тѣшитца. И тотъ день до обѣда былъ ведренъ и тихъ, а послѣ обѣда красенъ да вѣтренъ» (Тамъ же).

3 Іюля царь Алексѣй Михаиловичъ провелъ въ селѣ Покровскомъ, занимаясь государственными дѣлами (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 103).

«Іюля въ 4 день, въ суботу, до столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле, и послѣ столоваго кушанья за два часа до ночи пошелъ государь въ село Коломенское. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло» («Охотн. Дневникъ Алекс. Михаил.»).

«Іюля въ 6 день, въ понедѣльникъ, ходилъ Государь до столоваго кушанья тѣшитца на поле. И въ тотъ день было пасмарно и вѣтръ великъ, а въ ночи тепло» (Тамъ же).

«Іюля въ 7 день, во вторникъ, до столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле, а столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ; и послѣ столоваго кушанья пошелъ государь тѣшитца на поле, а Государыня Царица пошла изъ села Покровскаго къ Москвѣ за 3 часы до ночи. А Государь пришелъ къ Москвѣ за часъ до ночи. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи тепло» (Тамъ же).

«Іюля въ 12 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всенощнаго бдѣнія и божественныя литургіи въ церкви Преподобномученицы Евдокѣи, а съ Москвы пошелъ Государь въ село Коломенское въ 13 часу дни. И въ тотъ день шелъ дождь часу до девятаго, а съ девятаго до одиннадцатаго часу было пасмарно, а съ одиннадцатаго часу шелъ дождь невеликъ, а до вечера, и въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Іюля въ 13 день, въ понедѣльникъ, пошла Государыня Царица съ Москвы въ село Коломенское въ 6 часу дня, въ началѣ; а въ Коломенское пришла въ 11 часу дня. А до столоваго и послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на пол.... И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло» (Тамъ же).

«Іюля въ 14 день, во вторникъ, ходилъ Государь до столоваго кушанья тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а послѣ полденъ шелъ дождь съ часъ, а въ ночи съ вечера дождь шелъ и до свѣта, съ перемѣшкою» (Тамъ же).

«Іюля въ 16 день былъ день ведренъ и вѣтренъ. И въ тотъ день ходилъ Государь тѣшитца до столоваго кушанья; а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Іюля въ 18 день, въ суботу, былъ день ведренъ, а въ ночи было тепло. И въ тотъ день послѣ столоваго кушанья пришелъ Государь въ село Коломенское и тѣшился въ Коломенскихъ поляхъ» (Тамъ же).

«Іюля въ 20 день, въ понедѣльникъ, слушалъ Государь всенощнаго бдѣнія и божественныя литургіи у Вознесенія Господня (въ Коломенскомъ), а праздновалъ Государь Пророку Ильѣ. И въ тотъ день было ведрено, а въ вечеру былъ дождь невеликъ, а въ ночи было тепло. И въ тотъ день ходилъ Государь тѣшитца до столоваго кушанья и послѣ столоваго кушанья» (Тамъ же).

«Іюля въ 21 день, во вторникъ, до столоваго и послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло» (Тамъ же).

«Іюля въ 22 день, въ среду, слушалъ Государь божественныя литургіи у Всемилостиваго Спаса въ Симоновѣ монастырѣ, а послѣ литургіи до кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а съ утра часу до 3 былъ туманъ, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Іюля въ 23 день, въ четвертокъ, до столоваго кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а съ утра часу до 3-го былъ туманъ, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Іюля въ 24 день, въ пятокъ, ходилъ Государь тѣшитца въ Островскіе поля, а къ Москвѣ Государь пришелъ въ пятомъ часу ночи, а Государыня Царица пришла

Вотъ и было къ веснѣ, о Гра-
-чевникѣ,
Пріѣзжалъ Государь со
боярами
Въ свою отчину, — городъ
Звенигородъ
Помолиться святому угоднику;
Въ келью сталъ къ самому нас-
-тоятелю...

къ Москвѣ въ тотъ же день въ девятомъ часу дни. И въ тотъ день было ведрено, а за часъ до вечера былъ дождь» (Тамъ же).

25 Іюля царь Алексѣй Михаиловичъ былъ въ Москвѣ, гдѣ и праздновалъ именины своей сестры, царевны Анны Михаиловны (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 104).

«Іюля въ 29 день, съ утра часу въ другомъ, ходилъ Государь тѣшитца въ село Коломенское, а къ Москвѣ Государь пришелъ въ другомъ часу ночи. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло» («Охотн. Дневникъ Алекс. Михаил.»).

«Іюля въ 31 день, въ пятокъ.... послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь въ походъ въ свое село Коломенское. И тотъ день былъ ведренъ и красенъ, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Августа въ 9 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всенощнаго бдѣнія въ церкви Преподобномученицы Евдокѣи. И въ тотъ день пошелъ Государь въ походъ въ село Коломенское за полчаса до свѣта, а пришелъ за часъ до вечера. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи былъ дождь невеликъ» (Тамъ же).

«Августа въ 13 день, въ четвергъ, былъ день ведренъ, а въ ночи было тепло. И въ тотъ день пошелъ Государь въ походъ въ село Коломенское за два часа до вечера» (Тамъ же).

«Августа въ 20 день, въ четвертокъ, былъ день ведренъ, а въ ночи было вѣтрено. И въ тотъ день ходилъ Государь тѣшитца въ Коломенское» (Тамъ же).

«Августа въ 22 день, въ суботу, ходилъ Государь въ Семеновское тѣшитца, а пошелъ за 3 часа до ночи. И въ тотъ день было ведрено, а какъ Государь былъ на полѣ и въ тѣ поры шелъ дождь невеликъ съ полчаса, а въ ночи было холодно» (Тамъ же).

«Августа въ 24 день, въ понедѣльникъ, послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь на Дѣвичье поле тѣшитца. И въ тотъ день съ утра было пасмарно, а послѣ полдень вѣтрено, а въ ночи холодно» (Тамъ же).

«Августа въ 25 день, во вторникъ, ходилъ Государь тѣшитца по поле, а кушанье было въ селѣ Коломенскомъ. А съ Москвы пошелъ Государь въ 2 часу дни, а къ Москвѣ пришелъ часы въ отдачю. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи холодно» (Тамъ же).

«Августа въ 27 день, въ четвертокъ, до кушанья, ходилъ Государь тѣшитца на поле, а къ столовому кушанью пришелъ къ Москвѣ. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи было холодно» (Тамъ же).

«Августа въ 30 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всенощнаго бдѣнія и божественныя литургіи въ церкви Преподобномученицы Евдокѣи, что у него Государя

25*

на сѣнѣхъ, а послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было холодно» (Тамъ же).

«Августа въ 31 день, въ понедѣльникъ, былъ день ведренъ и вѣтренъ, а въ ночи было тепло. Того дни ходилъ Государь за два часа до вечера на Дѣвичьи поля тѣшитца» (Тамъ же).

22 Сентября того же 1657 года царь Алексѣй Михайловичъ отправляется въ Троицкій походъ (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 107), 25 Сентября онъ проводитъ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ (тамъ же, стр. 108), 26 Сентября приходитъ въ село Тонинское, откуда идетъ обратно въ Москву и пишетъ Матюшкину: «Пришли мы великій государь отъ Живоначальныя Троицы и Сергиева монастыря въ село Тонинское Сентября въ 26 день въ 9-мъ часу ночи, далъ Богъ, здорово, і идемъ въ царствующій градъ Москву, и тебѣ бъ насъ великаго государя встрѣтить гдѣ пригожъ» (Письмо Алекс. Михаил., № XV).

16 Октября государь Алексѣй Михайловичъ «ходилъ въ Воскресенскій монастырь, на Истру рѣку, отъ Москвы пятьдесятъ верстъ» (Дополн. къ III т. Дворц. Разр., стр. 3), а 1 Декабря отправился въ Звенигородскій походъ (Тамъ же, стр. 113).

До 11 Мая 1658 года свѣдѣній о походахъ царя Алексѣя Михайловича по обычнымъ мѣстамъ его охотничьихъ экскурсій не имѣется. Въ этотъ же день Алексѣй Михайловичъ отправляется въ село Покровское (Тамъ же, стр. 133). 21 Мая опять въ то же село (тамъ же, стр. 135); туда же идетъ 20 Іюня и остается въ Покровскомъ до 27 числа этого мѣсяца включительно (Тамъ же, стр. 138). 21 Сентября Алексѣй Михайловичъ идетъ въ Троицкій походъ (Тамъ же, стр. 149).

7 Января 1659 года царь Алексѣй Михайловичъ идетъ снова въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 165), также, какъ и 30 числа этого же мѣсяца (Тамъ же, стр. 166). 3 Февраля Алексѣй Михайловичъ отправился въ село Хорошево (тамъ же, стр. 172), а 26 Апрѣля въ село Покровское (Тамъ же, стр. 183).

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ того же 1659 года Алексѣй Михайловичъ охотился съ соколами въ одномъ изъ имѣній князя Одоевскаго. По крайней мѣрѣ, 15 числа этого мѣсяца сокольникамъ боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго Митькѣ Семенову и Игнашкѣ Минину выданы сукна, цѣною по 88 копѣекъ сукно «за соколью потѣху» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 313, листъ оборотн. 360).

24 Іюня того же года царь Алексѣй Михайловичъ идетъ въ село Покровское (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 191), 21 Сентября — въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 200), 1 Декабря — въ Звенигородскій походъ (Тамъ же, стр. 205). 4 Декабря Алексѣй Михайловичъ былъ въ Саввиномъ-Сторожевскомъ монастырѣ,

откуда, по всѣмъ даннымъ, выступилъ на охоту, такъ какъ обѣдню слушалъ не въ монастырѣ, а въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ селѣ Иванковѣ стольника князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго, а обѣдалъ въ селѣ боярина Бориса Ивановича Морозова — Павловскомъ («Выходы Государей», стр. 318). 6 Декабря Алексѣй Михаиловичъ былъ въ селѣ Хорошевѣ (Тамъ же).

1660 года «Февраля въ 20 день ходилъ Государь въ походъ въ Семеновское на потѣшный» (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 216), послѣ того, какъ у руки царской были «Польская шляхта и Нѣмцы» («Выходы Государей», стр. 323). 24 Марта Алексѣй Михаиловичъ опять идетъ въ село Семеновское (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 221); 14 Мая идетъ въ село Покровское, откуда возвращается въ Москву 21 числа и въ тотъ же день снова идетъ въ село Покровское (Тамъ же, стр. 230). Въ Покровскомъ застаетъ государя и 31 Мая («Выходы Государей», стр. 332).

7 Іюля 1660 года царь Алексѣй Михаиловичъ пишетъ Матюшкину изъ Москвы, вѣроятно, въ село Семеновское или Коломенское, гдѣ въ то время находился послѣдній съ царскою соколиною охотою:

«Не ходилъ на поле тѣшитца Іюня съ 25 числа іюля по 5 число, и птичій промыселъ поизмѣшался. И тебѣ бъ нашими государевыми птицы промышлять и быть къ Москвѣ со птицы Іюля къ 16 числу; а птицы добывали нарочито, Пареѳеньевы статьи двѣнадцать коршаковъ, Терентьевъ кречетъ добылъ шесть коршаковъ» (Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—XVI, стр. 257).

20 Августа того же года царь Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ село Коломенское (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 238); 22 Сентября — въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 243), останавливаясь по дорогѣ на 24 число въ селѣ Воздвиженскомъ («Выходы Государей», стр. 340) и возвратившись въ Москву 27 Сентября (Тамъ же, стр. 341). 5 и 6 Декабря Алексѣй Михаиловичъ провелъ въ селѣ Хорошевѣ (Тамъ же, стр. 343).

13 Февраля 1661 года царь Алексѣй Михаиловичъ снова ходилъ въ Троицкій походъ (Дворц. Разр., стр. 253); 19 Февраля «ходилъ Государь въ Семеновское на потѣшный дворъ» (тамъ же, стр. 254), а въ Мартѣ мѣсяцѣ этого года охотился на медвѣдя у села Мытищъ. По крайней мѣрѣ, отъ 18 числа этого мѣсяца дошелъ до насъ документъ, свидѣтельствующій о выдачѣ осотчикамъ села Мытищъ, «которые сочили на Мытищахъ медвѣди», Петрушкѣ Мамонову съ товарищами, въ числѣ 8 человѣкъ, по сукну на человѣка (Оружейн. Палата, № 327—7169 г.).

20 Апрѣля 1661 года ходилъ государь Алексѣй Михаиловичъ въ походъ въ село Семеновское (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 262); 2 Мая ходилъ «къ Николѣ на Угрѣшу» (тамъ же); 26 Августа ходилъ въ село Коломенское (тамъ же, стр. 286), гдѣ его застаетъ и 1 Сентября («Выходы Государей», стр. 362). 19 Сентября царь Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ село Покровское, въ тотъ же день вернулся въ Москву и на другой день, 20 числа, отправился въ Троицкій походъ (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 292), откуда прибылъ обратно къ Москвѣ 26 Сентября (Тамъ же, стр. 294). 28 Сентября ходилъ Алексѣй Михаиловичъ въ село Братошино («Выходы Государей», стр. 364). 17 Октября, «въ четвертокъ, Великій Государь ходилъ въ походъ тѣшитца на поле; а кушанье столовое было въ селѣ Хорошовѣ; а тѣшился подъ селомъ Хвилями да въ Кунцовскихъ заразѣхъ. А съ Москвы пошелъ въ отдачу часовъ нощныхъ (на разсвѣтѣ въ 7 часовъ утра), а къ Москвѣ пришелъ во 2 часу ночи (въ 7 часовъ вечера, слѣдовательно, охотился весь день). И въ тотъ день было съ утра до 3 часа пасмурно, а до вечера ведрено, а въ ночи было холодно и былъ морозецъ» (Забѣлинъ, «Кунцово», стр. 167).

26 Октября того же года царь Алексѣй Михаиловичъ былъ въ селѣ Коломенскомъ («Выходы Государей», стр. 365), а 27 Декабря «ходилъ Государь тѣшиться въ походъ въ село Хорошево» (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 302).

29 Апрѣля 1662 года ходилъ царь Алексѣй Михаиловичъ къ Николѣ на Угрѣшу (Тамъ же, стр. 333). 16 Іюля государь ходилъ въ село Коломенское (тамъ же, стр. 342), откуда вернулся 20 Іюля (тамъ же, стр. 343) и куда въ тотъ же день отправился обратно (тамъ же, стр. 344); 28 Іюля государь ходилъ къ Новодѣвичьему монастырю, вернувшись въ тотъ же день обратно въ село Коломенское (Тамъ же, стр. 345). 7 Августа Алексѣй Михаиловичъ ходилъ на нѣсколько часовъ въ Москву и, наконецъ, вернулся въ Москву изъ села Коломенскаго окончательно 10 Августа (Тамъ же, стр. 346). 22 Сентября ходилъ Алексѣй Михаиловичъ въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 354), останавливаясь въ селѣ Воздвиженскомъ на 24 число, при чемъ ходилъ изъ села Воздвиженскаго на Кесовы пруды («Выходы Государей», стр. 386).

18 Января 1663 года царь Алексѣй Михаиловичъ отправился въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 391) и вернулся изъ этого похода къ Саввѣ Сторожевскому 21 Января (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 366). 26 Января государь идетъ въ Троицкій походъ («Выходы Государей», стр. 392), повторяя таковой же 9 Октября этого года (Тамъ же, стр. 406).

Свѣдѣній о походахъ царя Алексѣя Михаиловича въ 1664 году у насъ очень мало; мы знаемъ, что государь 27 Іюля этого года ходилъ въ село Покровское («Выходы Государей», стр. 422), а 21 Сентября — въ Троицкій походъ (Тамъ же, стр. 426). Но что на самомъ дѣлѣ это было не такъ, что въ теченіе этого года Алексѣй Михаиловичъ занятія охотою не покидалъ, видно хотя бы уже изъ того, что 14 Ноября 1664 года сокольникъ Анурій Ширковъ былъ «посланъ въ Домодѣдовскую волость, а велѣно ему (было) прикармливать волковъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, листъ 46), а 29 числа того же Ноября сокольникъ Мина Теряевъ съ пятью человѣками товарищей были «посланы по Можайской и по Звенигородской дорогамъ для осоку медвѣдей» (Тамъ же, кн. 1072, листъ 52).

26 Января 1665 года въ Домодѣдовскую волость были отправлены съ государевой псарни лошьи собаки (тамъ же, кн. 1072, листъ оборотн. 82), гдѣ, вѣроятно, около этого времени была царская охота на лосей. 10 Февраля того же года былъ посланъ изъ Москвы стадный конюхъ Гришка Яковлевъ «на Бѣлую и во Ржеву съ государевыми грамотами: на Бѣлой велѣно осѣчь, а изо Ржевы выслать посадскаго человѣка псоваго охотника» (Тамъ же, кн. 1072, листъ оборотн. 89). Но когда состоялась эта охота, состоялась ли и если состоялась, то принималъ ли въ ней участіе царь Алексѣй Михаиловичъ, — мы не знаемъ.

20 Іюля того же 1665 года Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ село Измайлово («Выходы Государей», стр. 443), а 27 числа того же мѣсяца — въ село Коломенское (тамъ же, стр. 444), куда ходилъ и 17 Августа (Дворц. Разр., т. III, стр. 590). 23 Августа Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ село Воробьево (тамъ же, стр. 591), а 28 Августа — въ село Коломенское (тамъ же, стр. 592), откуда 1 Сентября ходилъ въ Москву «для дѣйства» (смотрѣть театральное представленіе) и куда вернулся въ 7 часу дня (Тамъ же, стр. 593). Сентября 7 государь Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ село Семеновское (тамъ же, стр. 594), 21 Сентября отправился въ Троицкій походъ («Выходы Государей», стр. 448), а 28 Сентября — въ село Тонинское (тамъ же, стр. 449), при чемъ, вѣроятно, исключительно съ охотничьею цѣлью былъ «въ князь Яковлевской рощи» (Тамъ же). 30 Октября Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ село Измайлово (Дворц. Разр., т. III, стр. 598), 2 Ноября — въ село Хорошево, 9 Ноября — въ село Никольское (тамъ же, стр. 599), 11 Ноября — въ село Семеновское (тамъ же, стр. 601), 28 Ноября — въ село Измайлово (тамъ же, стр. 602), 2 Декабря — въ село Хорошево; 5 Декабря еще «до свѣта» ходилъ Алексѣй Михаиловичъ въ село Семе-

новское, 11 Декабря — туда же (тамъ же, стр. 603); 14 Декабря ходилъ государь въ село Воробьево, а 29 Декабря — въ село Семеновское (Тамъ же, стр. 604).

4 Января 1666 года отправился царь Алексѣй Михайловичъ въ походъ въ село Хорошево, 11 Января — въ село Семеновское, 18 Января — въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь (тамъ же, стр. 605), 27 Января — въ село Семеновское, 30 Января — «на рѣчку на Тресины», 6 Февраля — въ село Семеновское, 9 Февраля «за полчаса до свѣта» ходилъ въ село Хорошево, гдѣ ночевалъ и откуда вернулся 10 Февраля «на послѣднемъ часу дни, на послѣдней чети» (Тамъ же, стр. 606). 17 Февраля ходилъ царь Алексѣй Михайловичъ въ село Семеновское (тамъ же, стр. 607), 23 Февраля — туда же (тамъ же, стр. 609), 15 Марта — опять въ село Семеновское (тамъ же, стр. 610), 23 Марта — въ село Измайлово (тамъ же, стр. 611), 6 Апрѣля — опять въ село Измайлово (тамъ же, стр. 612), 25 Апрѣля — въ села Преображенское и Измайлово (тамъ же, стр. 615), 11 Мая — въ село Измайлово (тамъ же, стр. 618), 13 Мая — въ село Преображенское, 20 Мая — туда же (Тамъ же, стр. 619). «Мая въ 25 день, въ четвертомъ часу дни, на послѣдней чети того часа, Великій Государь.... изволилъ итти въ походъ въ монастырь къ Спасу на Новое, слушать по бояринѣ по Никитѣ Ивановичѣ Романовѣ понахиды, а изъ монастыря итти на Тюхонскіе воды» на охоту, вѣроятно, съ соколами на дикихъ утокъ (Тамъ же, стр. 623). 18 Іюня ходилъ Алексѣй Михайловичъ въ село Коломенское, откуда вернулся 19 Іюня «во второмъ часу ночи въ послѣдней чети» (Тамъ же, стр. 629). 25 Іюня государь снова ходилъ въ село Коломенское, откуда вернулся 26 числа на другой день (Тамъ же, стр. 630). 8 Іюля царь Алексѣй Михайловичъ провелъ въ селѣ Преображенскомъ (тамъ же, стр. 631); изъ Преображенскаго 11 Іюля приходилъ къ Москвѣ и вернулся обратно въ село въ тотъ же день (тамъ же, стр. 632), и былъ въ селѣ Преображенскомъ какъ 26 Іюля («Выходы Государей», стр. 464), такъ и 28 числа того же мѣсяца (Дворц. Разр., т. III, стр. 634). 31 Іюля пришелъ государь «изъ Преображенскаго похода» въ Москву (Тамъ же, стр. 635). 7 Августа Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ село Измайлово, откуда вернулся въ тотъ же день и куда снова пошелъ 13 Августа, вернувшись также въ тотъ же день въ Москву въ 2 часа ночи (послѣ заката солнца). (Тамъ же, стр. 637). 21 Августа царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ село Коломенское (тамъ же, стр. 639), 30 Августа ходилъ туда же (Тамъ же, стр. 644).

Въ промежутокъ около года свѣдѣній о походахъ царя Алексѣя Михайловича не имѣемъ.

Будетъ — такъ, о полуд-
-нѣ, на третій день,
Мужичекъ и приходитъ къ келей-
-нику:
«Обошелъ я медвѣдя для батюшки,
Для царя Алексѣя Михайловича,
Тамъ и тамъ: матерой, да породливый,
Только царской рукѣ и угодливый».
Н. Самокишъ

10 Сентября 1667 года ходилъ государь Алексѣй Михаиловичъ въ село Коломенское, откуда 11 Сентября отправился въ село Всевидное (Тамъ же, стр. 663). Изъ Всевиднаго вернулся государь въ Москву 18 Сентября (Тамъ же, стр. 664). Того же года «Сентября въ 21 день, Великій Государь ходилъ на поля тѣшиться» (тамъ же, стр. 666), но на какія именно поля — не знаемъ. 22 Сентября отправился Алексѣй Михаиловичъ въ походъ въ село Преображенское (тамъ же), откуда отправился въ Троицкій походъ («Выходы Государей» стр. 468). 27 Сентября былъ государь въ селѣ Тонинскомъ (тамъ же, стр. 469), 30 Сентября — въ селѣ Измайловѣ (Дворц. Разр., т. III, стр. 669). 1 Октября выступилъ Алексѣй Михаиловичъ въ Троицкій походъ (Тамъ же, стр. 670). 31 Октября былъ государь въ селѣ Измайловѣ (тамъ же, стр. 683), 5 Ноября ходилъ въ походъ въ село Коломенское, также какъ и 9 Ноября (Тамъ же, стр. 686). «Ноября въ 16 день, Великій Государь ходилъ на поля тѣшиться». Возницею у царя былъ «столникъ князь Василей княжъ Васильевъ сынъ Голицынъ» (Тамъ же, стр. 695). «Ноября во 18 день, Великій Государь ходилъ на поля тѣшиться... А возница прежній». «Ноября во 19 день, Великій Государь ходилъ въ походъ въ село Коломенское тѣшиться... А возница былъ прежній» (Тамъ же, стр. 696). 28 Ноября ходилъ государь въ походъ въ село Хорошево, а 3 Декабря — въ село Коломенское (Тамъ же, стр. 701). Вѣроятно, въ это же время были устраиваемы царскія охоты на волковъ въ селахъ Дмитровскомъ, Павловскомъ и Рождественскомъ, куда «для привады волковъ» 25 Ноября этого же года были отправлены сокольники Шаблыка Шастовъ и Андрей Фроловъ, получившіе «на покупку мясъ» для этой цѣли 10 рублевъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. оборотн. 72). 7 Декабря царь Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ походъ въ село Хорошево, а 9 Декабря — въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, въ Звенигородскій походъ (Дворц. Разр., т. III, стр. 702). 27 Декабря государь былъ въ селѣ Измайловѣ, 28 Декабря — въ селѣ Коломенскомъ, а 30 Декабря — въ селѣ Семеновскомъ (Тамъ же, стр. 711).

2 Января 1668 года ходилъ государь Алексѣй Михаиловичъ въ походъ въ село Семеновское, 3 Января — туда же и 4 Января — въ село Домодѣдово (Тамъ же, стр. 712). Въ послѣднемъ селѣ, по всей вѣроятности, была устроена охота на лосей, такъ какъ Домодѣдовская волость вообще славилась въ то время обиліемъ этого звѣря; тамъ постоянно содержались лошьи собаки и проживали охотники-сторожа, вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. оборотн. 82, л. 92, л. оборотн. 106 и др.). 7 Января царь Алексѣй Михаиловичъ былъ въ селѣ Коломенскомъ (Дворц. Разр., т. III, стр. 713), 11 Марта —

26

въ селѣ Измайловѣ (тамъ же, стр. 726), 2 Апрѣля — въ селѣ Семеновскомъ (тамъ же, стр. 736), 9 Апрѣля — въ селѣ Измайловѣ (тамъ же, стр. 737), 1 Мая — тамъ же (тамъ же, стр. 740), 6 Мая — въ селѣ Коломенскомъ, 8 Мая — тамъ же (тамъ же, стр. 744), 27 Мая — въ селѣ Измайловѣ (тамъ же, стр. 760), 4 Іюня — въ селѣ Коломенскомъ (тамъ же, стр. 763), 10 Іюня — въ селѣ Островѣ (Тамъ же, стр. 777). 11 Іюня царь Алексѣй Михаиловичъ выступилъ изъ села Острова къ Николѣ на Угрѣшу (тамъ же, стр. 779), откуда вернулся въ село Островъ въ тотъ же день (тамъ же, стр. 789); изъ Острова пришелъ царь въ Москву 12 Іюня (Тамъ же, стр. 790). 18 Іюня отправился государь Алексѣй Михаиловичъ въ походъ въ село Коломенское (тамъ же, стр. 793), а 12 Іюля — въ село Преображенское (тамъ же, стр. 810), гдѣ былъ еще 23 числа этого мѣсяца (тамъ же, стр. 817) и откуда же приходилъ въ Москву 26 Іюля лишь для того, чтобы отслужить благодарственный молебенъ за побѣду русскаго войска надъ Крымцами въ соборной церкви Успенья Богородицы (Тамъ же, стр. 818). 27 Іюля ходилъ царь Алексѣй Михаиловичъ изъ села Преображенскаго на нѣсколько часовъ въ Новодѣвичій монастырь (тамъ же, стр. 820), а вернулся въ Москву изъ села Преображенскаго окончательно 31 Іюля (Тамъ же, стр. 823). 10 Августа Алексѣй Михаиловичъ ходилъ въ походъ въ село Измайлово (тамъ же, стр. 828), а 21 Сентября — въ Троицкій походъ («Выходы Государей», стр. 504).

Свѣдѣній о царскихъ походахъ за конецъ 1668 года и за начало 1669 года мы не имѣемъ.

25 Іюля 1669 года ходилъ государь Алексѣй Михаиловичъ въ походъ въ село Преображенское («Выходы Государей», стр. 515), а изъ Преображенскаго — въ село Покровское; 20 Сентября ходилъ царь въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 518), а 26 Октября — въ село Преображенское (Тамъ же, стр. 519).

Около 9 мѣсяцевъ свѣдѣній о царскихъ походахъ не имѣемъ.

20 Іюля 1670 года отправился государь Алексѣй Михаиловичъ въ походъ въ село Преображенское («Выходы Государей», стр. 528), 25 Іюля — въ село Воробьево (тамъ же, стр. 529), 22 Сентября — въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 533), при чемъ заходилъ въ село Тонинское. 1 Октября Алексѣй Михаиловичъ былъ въ селѣ Преображенскомъ (Тамъ же, стр. 534). 25 Октября государь отправился въ село Семеновское на потѣшный дворъ «для смотру» (Тамъ же, стр. 534). 26 Октября царь былъ въ селѣ Преображенскомъ (тамъ же, стр. 535), 27 Октября — въ селѣ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ (тамъ же), 28 Октября — опять въ селѣ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ, также какъ и 29 числа, на другой

день (Тамъ же, стр. 536). 7 Ноября Алексѣй Михаиловичъ еще разъ повторяетъ свое путешествіе въ село Семеновское, а 2 Декабря идетъ въ село Павловское (тамъ же, стр. 537); 3 Декабря государь выступаетъ въ походъ къ Звенигороду, къ Саввѣ Сторожевскому, а 6 Декабря проводитъ въ селѣ Хорошевѣ (Тамъ же, стр. 538).

Свѣдѣній о походахъ царя Алексѣя Михаиловича въ теченіе первой половины 1671 года мы не имѣемъ.

1 Іюня этого года Алексѣй Михаиловичъ выступаетъ въ Преображенскій походъ («Выходы Государей», стр. 552); въ этомъ же походѣ его застаетъ 24 Іюня (тамъ же, стр. 553), а затѣмъ, и 8 Іюля (тамъ же, стр. 554); 6 Августа Алексѣй Михаиловичъ приходитъ не надолго въ Москву и въ тотъ же день снова возвращается въ село Преображенское (Тамъ же, стр. 556). Въ теченіе этого лѣта, вѣроятно, подъ селомъ Преображенскимъ не разъ устраиваются царскія охоты съ ловчими птицами, въ которыхъ принимаетъ участіе наслѣдникъ престола, царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Такъ, мы знаемъ, что 30 Іюля 1671 года цѣлая серія сокольниковъ получила различныя награды «въ приказъ» за то, что сокольники эти «тѣшили птицами на поле» царевича Ѳеодора Алексѣевича (Государ. Арх., разр. XXVII, № 52). 29 Августа 1671 года государь Алексѣй Михаиловичъ идетъ въ походъ въ село Коломенское («Выходы Государей», стр. 558), 21 Сентября — въ село Тонинское (тамъ же, стр. 560), откуда въ тотъ же день переходитъ въ село Братошино. 22-го государь идетъ въ походъ въ село Воздвиженское, откуда направляется въ Троицко-Сергіевскую лавру (Тамъ же).

Послѣ этого въ продолженіи болѣе годового срока мы не имѣемъ свѣдѣній ни о походахъ царя Алексѣя Михаиловича вообще, ни объ его охотахъ въ частности; но что и походы и охоты въ это время не прекращались, мы не сомнѣваемся, чему подтвержденіемъ служитъ, напримѣръ, то обстоятельство, что 15 Января 1672 года ловчаго пути нѣкоему Емелькѣ Богданову было выдано два сукна добрыхъ за то, что «былъ онъ въ Братѣевскомъ осоку со псовою охотою» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 325, л. оборотн. 50).

18 Октября 1672 года ходилъ государь Алексѣй Михаиловичъ въ походъ въ село Воздвиженское («Выходы Государей», стр. 562), 22 Октября — въ село Братошино, 23 Октября — опять въ село Братошино, 24 Октября — въ село Тонинское, 25 Октября — въ село Алексѣевское, 26 Октября — въ село Преображенское, откуда вернулся въ Москву 29 Октября, а 8 Ноября былъ опять въ селѣ Преображенскомъ (Тамъ же, стр. 563).

26*

Послѣ этого въ продолженіи десяти мѣсяцевъ свѣдѣніи о походахъ Алексѣя Михаиловича мы не имѣемъ.

15 Сентября 1673 года ходилъ государь Алексѣй Михаиловичъ въ походъ въ село Преображенское (Дворц. Разр., т. III, стр. 901), 20 Сентября ходилъ въ село Островъ, 1 Октября — въ село Покровское (тамъ же, стр. 903); 5 Октября выступилъ царь въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 906), а 26 Октября пришелъ въ село Преображенское, гдѣ пробылъ до 14 Ноября (Тамъ же, стр. 908). Къ этому времени (31 Октября 1673 года) относится свидѣтельство о выдачѣ ловчаго пути псовнику Петру Ивановичу Теряеву пищали, «для того по указу Великаго Государя велѣно ему Петру быть въ новыхъ Государевыхъ осокахъ для сыску звѣрей» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 94—7182 г.). 14 Ноября того же года ходилъ государь Алексѣй Михаиловичъ въ походъ въ село Коломенское (Дворц. Разр., т. III, стр. 909), 30 Ноября выступилъ въ Звенигородскій походъ (Тамъ же, стр. 913).

По имѣющимся свѣдѣніямъ слѣдующій за послѣднимъ походъ царя Алексѣя Михаиловича относится къ 5 Іюня 1674 года, когда «за полъ часа до ночи» пришелъ государь въ Москву изъ села Воробьева (слѣдовательно, долженъ былъ раньше этого отправиться туда). (Тамъ же, стр. 957). Снова вернулся царь въ село Воробьево 7 Іюня (тамъ же, стр. 958), былъ въ Москвѣ 23 Іюня, (тамъ же, стр. 959), съ 24 числа по 26 Іюня находился въ селѣ Воробьевѣ, 26 числа посѣщалъ Москву, съ 26 Іюня по 7 Іюля жилъ въ Воробьевѣ, а 7 Іюля былъ въ Москвѣ (Тамъ же, стр. 960). Въ началѣ Сентября 1674 года «Государева полку стольникамъ, и стряпчимъ, и дворяномъ Московскимъ и жилцомъ.... и всякихъ чиновъ служилымъ людямъ» было объявлено, по указу царя Алексѣя Михаиловича, что «Великому Государю походу своего съ Москвы до весны не будетъ» (Тамъ же, стр. 933). Однако, несмотря на такое оповѣщеніе, царь Алексѣй Михаиловичъ выступилъ въ походъ въ село Коломенское, гдѣ былъ 11 Сентября этого года (Тамъ же, стр. 1014). Въ томъ же Сентябрѣ мѣсяцѣ были «посланы, по указу Великаго Государя, изъ приказу большого дворца, отъ боярина и оружничаго Богдана Матвѣевича да отъ думнаго дворянина отъ Александра Савостьяновича Хитрово да отъ думнаго дьяка Ѳедора Михайлова съ товарыщи, дворовые люди, стряпчіе да съ ними сытники со всѣхъ дворцовъ, по станомъ Великаго Государя и по селамъ: въ село Алексѣевское, да въ село Тонинское, да въ село Братошину да въ село Воздвиженское ставки ставить и всякіе обиходы готовить къ его Великаго Государя приходу. Того жъ году, Сентября въ « » день, посланы по указу Великаго Государя, дворовые жъ люди по Тростикой дорогѣ для Великаго Государя походу мостовъ мостить, и гдѣ худы по-

чинивать и вѣхи ставить; а мосты дѣлать и гати гатить дворцовыми, и боярскими и монастырскими крестьяны, которые селы и деревни по той дороги есть до Троетцкаго Сергіева монастыря. Да, по указу же Великаго Государя, посланы напередъ по станомъ передовые, и столники и сторожи постелные и столовые» (Тамъ же, стр. 1029). 19 Сентября 1674 года ходилъ государь въ походъ въ село Измайлово (тамъ же, стр. 1033), и въ село Преображенское, сопутствуемый думнымъ дворяниномъ и ловчимъ Московскаго пути Аѳанасіемъ Ивановичемъ Матюшкинымъ (Тамъ же, стр. 1035). 23 Сентября отправился царь Алексѣй Михайловичъ въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 1038), останавливаясь въ селахъ Тонинскомъ, Братошинѣ и Воздвиженскомъ (Тамъ же, стр. 1043). 6 Октября былъ государь въ селѣ Соколовѣ (тамъ же, стр. 1065), 12 Октября былъ въ селѣ Коломенскомъ (тамъ же, стр. 1076), а 25 Октября пошелъ въ село Преображенское (тамъ же, стр. 1089), взявъ съ собою, въ числѣ другихъ, московскаго ловчаго Матюшкина (Тамъ же, стр. 1092). Изъ села Преображенскаго царь вернулся въ Москву 31 Октября (тамъ же, стр. 1095), оставивъ, однако, въ этомъ селѣ Матюшкина (тамъ же, стр. 1097) и вернувшись лично въ Преображенское на другой же день — 1 Ноября (Тамъ же, стр. 1099). 10 Ноября царь Алексѣй Михайловичъ приходилъ изъ Преображенскаго въ Москву (тамъ же, стр. 1105) и отбылъ обратно въ село на другой день — 11 Ноября (Тамъ же, стр. 1108). 18 Ноября у царя Алексѣя Михайловича въ селѣ Преображенскомъ было «сидѣнье съ бояры о всякихъ дѣлахъ» (Тамъ же, стр. 1109). 1 Декабря ходилъ государь въ Звенигородскій походъ (Тамъ же, стр. 1118). 3 Декабря Алексѣй Михайловичъ снова былъ въ селѣ Преображенскомъ, откуда былъ посланъ «къ Москвѣ соколничей (ошибка, должно быть сокольникъ) нарочито» за потребовавшимся для какой-то надобности бояриномъ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ (Тамъ же, стр. 1125).

«Того жъ году, Декабря въ 7 день, ходилъ Великій Государь изъ села Преображенскаго съ Государынею Царицею и съ Государи Царевичи и Государыни Царевны въ село Измайлово тѣшиться и всякаго строенья смотрѣть; и кушанье раннее было у Великаго Государя въ селѣ Измайловѣ» (Тамъ же, стр. 1128). «Того жъ году, Декабря въ 8 день, ходилъ Великій Государь изъ села Преображенскаго съ Государынею Царицею и съ Государи Царевичи и съ Государыни Царевны тѣшиться въ село Алексѣевское; и кушанье было у Великаго Государя въ селѣ Алексѣевскомъ раннее.... Да съ нимъ же Великимъ Государемъ были бояре, и окольничіе, и думные дворяне, и думные дьяки, и ближніе люди, и столники и стряпчіе, которымъ указано быть, по его Великаго Государя указу, за нимъ Великимъ Государемъ въ походѣ»

(Тамъ же, стр. 1130). Замѣтимъ вскользь, что во время описываемаго пребыванія царя Алексѣя Михаиловича въ селѣ Преображенскомъ, тамъ устраивались различныя новыя на Руси увеселенія. Такъ, тѣшили Великаго Государя иноземцы, «какъ Алаѳерна царица царю голову отсѣкла», и на органахъ играли нѣмцы да люди дворовые боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева. Тѣ же люди представляли, «какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицины челобитью и по Мардахеину наученью». Тѣ же люди «и въ арганы играли, и на фіоляхъ, и въ страменты и танцовали» и т. п. (Дворц. Разр.). Для того, чтобы смотрѣть на эти невиданныя раньше зрѣлища, были вытребованы изъ Москвы тѣ бояре, окольничьи, думные дворяне и ближніе люди, которые не были съ государемъ въ походѣ, при чемъ посланы были за ними изъ села Преображенскаго тайныхъ дѣлъ дьякомъ Иваномъ Левонтьевичемъ Полянскимъ стременные конюхи и сокольники (Тамъ же, стр. 1131). 9 Декабря этого года ходилъ царь Алексѣй Михаиловичъ съ царевичемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ и съ московскимъ ловчимъ Матюшкинымъ изъ села Преображенскаго въ походъ въ село Островъ (Тамъ же, стр. 1132). «Того жъ году, Декабря въ 13 день, ходилъ Великій государь изъ походу изъ села Преображенскаго въ походъ же въ село Соколово тѣшится» сопутствуемый, по обыкновенію, весьма многими придворными людьми (тамъ же, стр. 1134), при чемъ семейство свое отправилъ въ Москву (тамъ же, стр. 1135), поручивъ Аѳанасію Ивановичу Матюшкину проводить царицу, а затѣмъ, не откладывая прибыть къ нему, государю, въ село Соколово (Тамъ же, стр. 1137). «Того жъ году, Декабря въ 14 день, пришелъ Великій Государь изъ села Соколова въ село Дьяконово («слѣдовало бы написать Дьяково: въ этой сторонѣ села Дьяконова нѣтъ и не было, Дьяково же и теперь существуетъ» — Примѣчаніе составителей Дворц. Разр.), а кушанье вечернее было въ селѣ Дьяконовѣ, и ночевалъ». Изъ Дьякова царь посылалъ въ Москву освѣдомиться о здоровьѣ царицы и дѣтей своихъ, слѣдовательно, этотъ охотничій походъ былъ довольно продолжительный (Тамъ же, стр. 1138).

20 Января 1675 года ходилъ царь Алексѣй Михаиловичъ въ походъ въ село Коломенское (Тамъ же, стр. 1207). 23 Марта — «въ село на Воробьеву гору» (Тамъ же, стр. 1289). 19 Апрѣля государь, пославъ на Воробьевы горы стольника князя Троекурова «для его Великаго Государя походу», приказавъ посланному «пересмотрѣть всякаго строенія на его государевѣ дворѣ, а гдѣ худо — построить все вновь къ его государеву пришествію» (Тамъ же, стр. 1346). 27 Апрѣля ходилъ Алексѣй Михаиловичъ въ походъ въ село Измайлово (тамъ же, стр. 1356), а 13 Мая отправился къ Николѣ на Угрѣшу да въ село Островъ, сопровождаемый многочисленнымъ придворнымъ чиномъ, въ составѣ котораго находились думный дворянинъ и ловчій

Доложили царю — усмѣхается,
А съ самимъ собой думушку думаетъ:
Аль пойдти въ одиночку помѣряться?
Въ молодецкой удалѣ провѣриться?
И пошелъ... За плечами рогатина,
А у пояса ножъ златокованный...
И пошелъ монастырскою пущею...
Видитъ — тропка проложена по снѣгу
И промерзлые сучья надломлены —
«Быть сюда!» И пошелъ, не заду-
-мавшись,
По тропѣ снѣговой, межъ березами.
Что ни шагъ, то нога оступается, —
Въ снѣгъ уходитъ по берцу, а охобень
Заметаетъ сугробы, а инеемъ
Вся бобровая шапка
осыпана...
Н. Самокишъ

Московскаго пути Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ, со стремянными конюхами, сокольниками и охотниками (Тамъ же, стр. 1390). Вернулся государь изъ села Острова 19 числа того же мѣсяца (Тамъ же. стр. 1393). 23 Мая, по указу царя, была отправлена на Воробьеву гору боярыня Матрена Васильева Блохина, съ десятью постельницами и десятью дѣтьми боярскими, «а велѣно ей досмотрѣть во всѣхъ хоромахъ Государыни Царицы, и Государынь Царевенъ и Государей Царевичевъ, что все ли въ хоромахъ сдѣлано стройно и самой ей Матренѣ велѣно дожидаться приходу Великаго Государя» (Тамъ же, стр. 1404). Самъ царь съ семействомъ отправился въ село Воробьево 24 Мая (Тамъ же, стр. 1406). 19 Іюня пошелъ государь «изъ походу съ Воробьевой горы въ походъ въ село Преображенское» (Тамъ же, стр. 1472). «Того жъ году, Іюня въ 20 день ходилъ Великій Государь къ обѣднѣ въ село Покровское» (Тамъ же, стр. 1473). «Того же числа, послѣ кушанья, ходилъ Великій Государь тѣшиться съ Государынею Царицею, и съ Государи Царевичи и съ Государыни Царевны изъ села Преображенскаго въ село Измайлово. Въ первой каретѣ шелъ Великій Государь, а съ нимъ Государемъ сидѣли въ каретѣ Государь Царевичъ и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ да Государь Царевичъ и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ. А за каретою ѣхалъ дядка околничей Иванъ Богдановичъ Хитрово, да подлѣ кареты шелъ полуголова столника и полковника и головы Московскихъ стрѣльцовъ Юрьева приказу Петрова сына Лотухина Александро Тихоновъ сынъ Тонѣевъ; а въ каретѣ было 6 возниковъ темносѣрыхъ. А бояре, и околничіе, и думные дворяне, и думные дьяки, и ближніе люди, и столники всѣ ѣхали напередъ Великаго Государя и Государя Царевича столники. Въ другой каретѣ ѣхала Государыня Царица съ Государыни Царевнами меншими; а за каретою ѣхали столники и ближніе люди; Иванъ Кириловъ сынъ, да Иванъ Ѳоминъ сынъ да боярина жъ Кириловы дѣти Полуехтовича Нарышкина меншіе Ѳедоръ, да Мартемьянъ да Левъ; а въ каретѣ было 6 возниковъ буланыхъ. Въ третьей каретѣ ѣхала Государыня Царевна и Великая Княжна Ирина Михайловна съ сестрами да Государыня Царевна и Великая Княжна Евдокія Алексѣевна съ сестрами; а за каретою ѣхали столникъ и ближній человѣкъ Петръ Ивановъ сынъ Матюшкинъ да столникъ Борисъ Гавриловъ сынъ Ющковъ; а въ каретѣ было 6 возниковъ гнѣдыхъ. Да за ними жъ Государыни ѣхали въ трехъ колымагахъ мамы; да за ними жъ Государыни ѣхали въ трехъ же колымагахъ боярони, да казначеи да кормилицы, а въ колымагахъ было по 2 санника цвѣтныхъ; а за ними ѣхали дѣти боярскіе Государыни царицы, за всякою колымагою по 2 человѣка» (Тамъ же, стр. 1474). 26 Іюня царь Алексѣй Михаиловичъ съ семействомъ снова ходилъ изъ села Преображенскаго въ село Измайлово (Тамъ же, стр. 1483). 29 Іюня

государь пошелъ на Воробьеву гору (тамъ же, стр. 1493), гдѣ обѣдалъ въ шатрахъ (Тамъ же, стр. 1497). 1 Іюля «тѣшился Великій Государь подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, въ лугахъ и на водахъ, съ соколами и съ кречетами и съ ястребы, и съ Государынею Царицею, и съ Государемъ Царевичемъ и Великимъ княземъ Өеодоромъ Алексѣевичемъ и съ Государемъ Царевичемъ и Великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ, въ каретахъ» (Тамъ же, стр. 1501). 5 Іюля изъ похода на Воробьеву гору ходилъ царь Алексѣй Михаиловичъ въ Москву (тамъ же, стр. 1510), вернувшись въ Воробьево въ тотъ же день (тамъ же, стр. 1513); 6 Іюля ходилъ изъ Воробьева въ село Коломенское (тамъ же, стр. 1514), 9 Іюля былъ въ Москвѣ (тамъ же, стр. 1523), 14 Іюля въ селѣ Коломенскомъ (тамъ же, стр. 1536), сопутствуемый московскимъ ловчимъ Матюшкинымъ (Тамъ же, стр. 1537). 23 Іюля Алексѣй Михаиловичъ изъ села Коломенскаго ходилъ «въ походъ въ село Соколово тѣшиться и съ Государынею Царицею да съ Государемъ Царевичемъ и Великимъ Княземъ Өеодоромъ Алексѣевичемъ. А сидѣли съ Великимъ Государемъ Государыня Царица и Государь Царевичъ въ одной каретѣ; а въ каретѣ было 6 возниковыхъ гнѣдыхъ. Да съ ними жъ Великими Государи были: бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославской, да околничей князь Володимеръ Дмитреевичъ Долгоруковъ, да думный дьякъ Дементей Башмаковъ, да столники, и ближніе люди, да столники походные, которымъ указано быть за нимъ Великимъ Государемъ въ походѣ, да столники Государя Царевича и Великаго Князя Өеодора Алексѣевича; а ѣхали всѣ столники напередъ Великаго Государя передъ каретою. А за каретою ѣхали Великаго Государя столники и ближніе люди Иванъ да Өөонасей Кириловы дѣти Нарышкины, да съ сумою столникъ и ближней человѣкъ Алексѣй Семеновъ сынъ Шеинъ да столникъ Государя Царевича и Великаго Князя Өеодора Алексѣевича князь Михайло Яковлевичъ Черкаской. Да въ Соколовѣ жъ жаловалъ Великій Государь погребомъ (винами и другими напитками) столниковъ походныхъ, и сокольниковъ, и слугъ боярскихъ и стрѣльцовъ» (Тамъ же, стр. 1553). 26 Іюля вернулся царь Алексѣй Михаиловичъ изъ села Коломенскаго на Воробьеву гору (Тамъ же, стр. 1557). Посѣщая повременно Москву, государь пробылъ «въ походѣ на Воробьеву гору» до 16 Августа. Въ этотъ день «ходилъ Великій Государь съ Воробьевой горы тѣшиться въ село Семеновское, а изъ села Семеновскаго ходилъ въ село Измайлово» (тамъ же, стр. 1598), откуда опять-таки вернулся въ село Воробьево (тамъ же, стр. 1599), но до котораго времени пробылъ тамъ, не знаемъ.

30 Января 1676 года «въ 4 часу нощи, съ суботы на воскресеніе изволеніемъ всесилнаго Бога, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ,

всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ, оставя земное царство, отъиде въ вѣчное блаженство небеснаго царствія» (Тамъ же, стр. 1635).

[16]) Данныя для характеристики Алексѣя Михаиловича, равно какъ и отдѣльные факты, касающіеся исторіи его охотъ, заимствованы изъ слѣдующихъ источниковъ:

а) Выходы Государей. М., 1844, стр.: 143, 181, 190, 208, 217, 231, 249, 269, 292, 298, 302, 318, 323, 332, 340, 341, 343, 362, 364, 365, 386, 391, 392, 406, 422, 426, 443, 444, 448, 449, 464, 468, 469, 504, 515, 518, 519, 528, 529, 533, 534, 538, 552—554, 556, 558, 560, 562, 563.

б) Дворцовые Разряды. СПБ., 1850 г., т. III, стр.: 21, 49, 50, 56, 78, 86, 127, 136—143, 148, 159, 170, 171, 173, 178, 179, 185, 187, 191, 193, 197, 205, 207, 212, 215, 218, 219, 222, 228, 241, 250, 254, 261, 264, 266, 280, 286, 290, 291, 297, 307, 312—314, 318, 319, 323, 329, 330—338, 349, 351, 353, 354, 359, 368, 376, 379, 380, 382, 396, 407—409, 413, 456, 461, 462, 473, 482, 590, 593, 594, 598, 599, 602—612, 615, 618, 619, 623, 629—632, 634, 635, 637, 639, 644, 663, 664, 666, 669, 670, 683, 686, 695, 696, 701, 702, 711—713, 726, 736, 737, 740, 744, 760, 763, 777, 779, 789, 790, 793, 810, 817, 818, 820, 823, 828, 901, 906, 908, 909, 913, 957—960, 963, 1014, 1029, 1033, 1035, 1043, 1065, 1076, 1089, 1092, 1095, 1097, 1099, 1105, 1108, 1109, 1118, 1125, 1128, 1130—1132, 1134, 1135, 1137, 1138, 1207, 1289, 1346, 1356, 1390, 1393, 1404, 1406, 1472, 1473, 1474, 1483, 1493, 1497, 1501, 1510, 1513, 1514, 1523, 1536, 1537, 1553, 1557, 1598, 1599 и 1635. Дополн. къ III т., стр.: 12, 13, 22, 33, 41, 42, 45, 50, 87, 102—104, 107, 108, 111, 113, 133, 135, 138, 147, 165, 166, 172, 183, 191, 200, 205—216, 221, 230, 238, 243, 253, 254, 262, 286, 292, 294, 302, 333, 342, 343—346, 354 и 366.

в) Общ. Архив. Мин. Двора, столбцы 62 и 84—7164 г., кн. 302, листы: 21, 32, 46 оборотн., 68, 71 оборотн., 77 оборотн., 81, 96 оборотн., 98 оборотн.; кн. 303, листы: 21, 73 оборотн.; столб. 77—7156 г., 90—7156 г.; листы: 118, 127, 107 оборотн.; столб. 114—7156 г.; листы: 118 оборотн., 119 оборотн., 284, 285 оборотн.; кн. 304, листы: 31 оборотн., 136; столб. 32—7158 г., 57—7158 г.; кн. 305, листъ 17 оборотн.; столб. 70—7158 г., листъ 127; столб. 74—7159 г.; кн. 313, листъ 360 оборотн.; кн. 325, листъ 50 оборотн.; столб. 94—7182 г.; кн. 1072, листы: 46, 52, 82, 89 оборотн., 72, 82 оборотн., 92 и 106 оборотн.

г) Рукоп. Оруж. пал., № 327—7169 г.

д) Рукоп. Госуд. Арх., разр. XXVII, № 52.

е) Акты Археогр. Эксп., № 100—VI, стр. 140, № 100—V, стр. 141.

ж) Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—I, № 71—II, № 71—III, стр. 252; № 71—XII, стр. 255; № 71—V, № 71—VI, стр. 253; № 71—VII, № 71—VIII, стр. 254; № 71—XVI, стр. 257.

з) «Собраніе писемъ царя Алексѣя Михаиловича». Изд. Бартенева. М. 1856.

і) Труды И. Е. Забѣлина: «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи». М. 1872; «Домашній бытъ царей и царицъ въ XVI и XVII в.». М. 1862; «Кунцово и древній сѣтунскій станъ». М. 1867.

и) Кн. Голицынъ, Н. С., «Саввинъ-Сторожевскій монастырь» въ журн. Странникъ, 1879 г., № 11.

к) Исторія Россіи С. Соловьева.

л) Н. Костомаровъ, «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ». Вып. IV, 1874.

[17]) Свѣдѣнія о мѣстахъ охотъ царскихъ заимствованы: а) у Забѣлина, изъ соч. «Опыты изученія древностей и исторіи», «Бытъ царей и царицъ», «Кунцово»; б) Любецкаго, «Старина Москвы и русскаго народа въ историческомъ отношеніи съ бытовою жизнью русскихъ». М. 1872; в) у Безсонова изъ примѣч. къ «Собр. писемъ царя Алексѣя Михайловича», и г) изъ документальныхъ данныхъ Общ. Арх. Мин. Двора; Дворц. Разр. и т. п.

[18]) Въ своихъ походахъ на охоты царь Алексѣй Михаиловичъ пренебрегалъ неудобствами пути; съ одной изъ своихъ охотъ онъ пишетъ Матюшкину: «а дорога та такова худа, какой мы отроду не видали, просовы великіе и выбои такіе великіежъ, безъ пѣшихъ обережатыхъ никоими мѣрами нельзя розно разбиться» (Акты Археограф. Экспед. Ак. Наукъ, № 100—1, стр. 139).

[19]) Подъ 1636 годомъ читаемъ: «Того же мѣсяца Декабря въ 26 день пошелъ Государь тѣшитца на лосья поля. А на Москвѣ оставилъ Государь и велѣлъ вѣдать Москву боярина Бориса Михайловича Салтыкова, околничаго Михайла Михайловича Салтыкова, да думныхъ дьяковъ: посолскаго Ѳедора Лихачева, помѣстнаго Михаила Данилова».

Подъ 1667 годомъ значится: «176 году, Ноября въ 16 день, Великій Государь ходилъ на поля тѣшитца. А на Москвѣ оставилъ Государь: боярина князь Григорья Сунчелѣевича Черкасскаго да околничаго князь Ивана Дмитреевича Пожарскаго». Забѣлинъ, «Опыты изуч. древн.», стр. 491; ср. Дворц. Разр., т. II, стр. 489 и т. III, стр. 695.

[20]) Дворц. Разр., т. III, стр. 241.

[21]) Дворц. Разр., т. III, стр. 1090.

[22]) «Выходы Государей», стр. 181 и 314.

[23]) Самуилъ Коллинсъ. Нынѣшнее состояніе Россіи, изложенное въ письмѣ къ другу, живущему въ Лондонѣ. Перев. съ англ. Кирѣевскаго. Москва, 1846, стр. 35 и 36.

[24]) Общ. Арх. Мин. Двор., кн. 305, л. 150.

[25]) См. Дворц. Разр., т. III, стр. 1474, 1483, 1501, 1553.

[26]) Акты Археогр. Эксп., т. III, № 256, стр. 393.

[27]) Первое Полн. Собр. Закон., т. I, стр. 214.

[28]) Краткое извѣстіе о русской торговлѣ.... въ 1647 г., соч. I. фонъ-Кильбургера. Пер. съ нѣм. Спб., 1820, стр. 76.

[29]) См. *Олеарій,* «Подробн. описаніе путеш. Голштинскаго посольства въ Москву и Персію», стр. 122 и 123 и мн. др.; «Путешествіе въ Московію барона *Авг. Майерберга*». Москва, 1874, стр. 120; «Сказаніе *Ад. Лизека* о посольствѣ отъ Римск. Императора Леопольда къ Вел. Кн. Московскому Алексѣю Михайловичу 1675 г.». Перев. съ лат. Тарнава-Баричевскаго. Спб., 1837 г., стр. 60 и друг.; соч. *С. Коллинса.* «Нынѣшнее состояніе Россіи...». Перев. съ англ. Кирѣевскаго. Москва, 1846, стр. 17 и др.

[30]) Олеарій, стр. 128—130.

[31]) Коллинсъ, стр. 26 и 27; Олеарій, стр. 453, 473, 474, 1008.

[32]) Олеарій, стр. 467.

[33]) Дополн. къ Акт. Истор., т. V, № 15, стр. 76.

[34]) Олеарій, стр. 12 и 73; Лизекъ, стр. 18; Забѣлинъ, «Кунцово», стр. 162.

[35]) Олеарій, стр. 71.

[36]) Олеарій, стр. 73.

[37]) Н. Костомаровъ, «Очерк. торговли Московск. Государства». Современникъ, 1858 г., №№ 6 и 7, стр. 72 и 78.

[38]) Акты Истор., т. III, № 153, стр. 250; № 155, стр. 280; т. IV, № 21, стр. 53; № 31, стр. 69; № 245, стр. 522. Дополн. къ Акт. Ист., т. IV, № 30, стр. 74 и № 81, стр. 201.

[39]) Катошихинъ Григорій, «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». СПБ., 1859, стр. 75 и 78.

[40]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 309, л. 102.

[41]) Акты Истор., т. III, № 126, стр. 195 и 196.

Какъ примѣръ, приведемъ челобитную сотниковъ Якшовитки Кулышева и Акилдѣйки Ондрѣева съ товарищами, относящуюся къ 1623 году. Челобитная была подана отъ имени всѣхъ Сылванскихъ и Пренскихъ ясачныхъ татаръ, и въ ней испрашивалось разрѣшеніе платить ясакъ въ Соли Камской, а не въ Верхотурьѣ, какъ было установлено раньше, такъ какъ «Верхотурскіе служилые люди имали съ нихъ посулы

27*

и поминки великіе, и кормы на нихъ правили, и всякое насилство чинили». Просили также татары не посылать къ нимъ Чердынскихъ цѣловальниковъ, ибо «тѣ де цѣловалники судятъ ихъ не по правдѣ и емлютъ съ нихъ посулы и поминки великіе, и подводы лишніе, и ясакъ нашъ (Государевъ) емлютъ съ нихъ своимъ насилствомъ не по правдѣ и прежнихъ Государей и нашихъ жаловалныхъ грамотъ не слушаютъ». Въ разсужденіи этихъ обстоятельствъ велѣно было Чердынскому воеводѣ Веревкину «про то насилство сыскати всякими сыски накрѣпко: да будетъ цѣловалники ясачнымъ Татаромъ какое насилство и обиды чинятъ..... велѣти за то чинити наказанье, смотря по винѣ». Татарамъ же велѣно было платить ясакъ попрежнему въ Чердынѣ, «а будетъ учнутъ цѣловалники ихъ ясачныхъ Татаръ судить и ясакъ собирать не по правдѣ, и посулы и поминки себѣ учнутъ имати и имъ быти отъ насъ (Царя) за то въ великой опалѣ и въ смертной казни» (Акты Истор., т. III, № 126, стр. 195 и 196).

[12]) Акты Ист., т. III, № 170, стр. 313.

Такъ въ грамотѣ Верхотурскому воеводѣ Өедору Бояшеву, относящейся къ 1632 году, между прочимъ, читаемъ: «а въ прошломъ 138 году до вашего на Верхотурье пріѣзду, сошло изъ Аятцкой, и изъ Савинской, и изъ Лозвинской, и изъ Косвинской волостей, въ Тюменской да въ Чердынской ясакъ 20 человѣкъ, а ясаку было съ нихъ взяти на прошлые годы, со 135 да по нынѣшней по 141 годъ 88 рублей 24 алтынъ 1½ денги».....

Такихъ бѣглецовъ приказывалось водворять на прежнихъ мѣстахъ жительства и доправлять на нихъ недоимку, по мѣрѣ возможности, сполна (Акт. Истор., т. III, № 170, стр. 313).

[13]) Акты Ист., т. III, № 113, стр. 166.

[14]) Дополн. къ Акт. Ист., т. III, № 57, стр. 214.

[15]) См. Отчетъ о плаваніи письменнаго головы Василія Пояркова изъ Якутска въ Охотское море около 1646 г., въ Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 12, стр. 57.

А что такіе края были еще въ половинѣ XVII столѣтія, мы видимъ хотя бы изъ слѣдующей выдержки изъ Отчета о плаваніи письменнаго головы Василія Пояркова изъ Якутска въ Охотское море, относящагося къ 1646 году: «Въ той новой землѣ въ Даурахъ...... на великой рѣкѣ Зіѣ...... живутъ люди многіе сидячіе (осѣдлые).... и добываютъ соболи также какъ и иные Сибирскіе и Ленскіе иноземцы, стрѣляютъ изъ луковъ, и много промыслу, какъ промышляютъ Русскіе люди, съ обметы и съ кулемникомъ, соболей не добываютъ и того не знаютъ» (Т. III, № 12, стр. 57).

Засвѣтилась полянка... Подъ соснами
Куча хвороста — снѣгомъ — надавлена,
Бѣлый паръ такъ и валитъ въ отдушины;
Тутъ берлога... И царь снаровляется:
У рогатины жало осматривалъ,
Поясокъ свой шелковый подтягивалъ,
Съ плечъ спускалъ соболиный свой — охобень,
И задумалъ загадку мудреную:
Быть — не быть, а свалить косолапаго.
Н. Самокишъ

[46]) Катошихинъ Гр., стр. 78; Костомаровъ, «Очерки торг. Моск. Госуд.»; тамъ же, стр. 72.

[47]) Дополн. къ Акт. Истор., т. II, № 161, стр. 161—164.

[48]) «Которые соболи добрые самые»—читаемъ у Катошихина—«а годятца они въ царскую казну, купити воеводамъ и служилымъ и торговымъ людемъ и исъ того государства (Сибири) вывозити и продавати не велѣно, и поставлены для того заставы: и у кого объявятся добрые соболи пара свыше 20 рублевъ, а сорокъ свыше трехсотъ рублевъ, по Московской цѣнѣ, и у такихъ людей емлютъ тѣ соболи на Царя безденежно. А кто такіе соболи дорогіе похочетъ вывесть и передѣлаетъ въ платье имъ про себя вывозити волно; а кто хочетъ утаить и солгать, что будетъ болши указные цѣны, и у нихъ то вынимаютъ, и бываетъ за то середнимъ людемъ наказаніе и пеня жестокая» (Катошихинъ, стр. 78).

[49]) Акт. Истор., т. IV, № 209, стр. 445.

[50]) Акт. Ист., т. IV, № 249, стр. 539.

[51]) Конечно, какъ всегда, безъ злоупотребленій не обходилось и здѣсь: Еще въ Мартѣ мѣсяцѣ 1621 года Верхотурскимъ воеводамъ, Пушкину и Зубову, была отправлена царская грамота, въ которой говорилось, что въ Декабрѣ 1620 года писалъ царю Пустозерскій воевода Кологривовъ, «что ѣздятъ изъ Сибирскихъ городовъ съ нашею (царскою) соболиною казною Сибирскіе служилые люди и провозятъ съ собою торговыхъ людей, а съ ними многіе неявленные товары, а называютъ тѣ неявленные товары нашею казною, и головъ и цѣловалниковъ къ судомъ не припускаютъ, и десятины имъ у торговыхъ людей имати не даютъ». Пушкину и Зубову предписывалось, когда «впредь учнете съ Верхотурья посылати къ намъ къ Москвѣ Сибирскихъ служилыхъ людей съ нашею соболиною казною, или съ какою иною мягкою рухледью, которая будетъ къ намъ послана, и выбъ съ тѣми Сибирскими служилыми людми посылали той мягкой рухледи росписи, или въ проѣзжихъ грамотахъ писали имянно, съ кѣмъ имянемъ пошлете, и сколко нашія какія мягкія рухледи будетъ къ посылкѣ, для того, чтобъ торговые люди, которые съ ними будутъ, своихъ товаровъ за нашею казною не привозили и не таили, и служилые бъ люди торговыхъ людей съ товары за нашею казною не проводили, и мужичьихъ товаровъ нашею казною не называли, чтобъ въ томъ нашему денежному сбору истери не было» (Акты Истор., т. III, № 98, стр. 137).

[52]) Такъ напримѣръ, въ Маѣ 1668 года «Великій Государь дарилъ на отпускъ святѣйшаго киръ Макарія патріарха Божія града Антіохія и всего Востока 125 сороковъ соболей, цѣною на 6.000 рублевъ» (Дворц. Разр., т. III, стр. 760).

[53]) Приводя свѣдѣнія о Сибирскомъ приказѣ и о ежегодномъ доставленіи изъ Сибири царской мѣховой казны, Катошихинъ говоритъ: «а сколко числомъ тоѣ казны придетъ въ году, того описати не въ память, а чаять тое казны приходу въ годъ болши шти сотъ тысечь рублевъ. И у той соболиной и у всякой мягкой казны, для оцѣнки и пріему и роздачи, бываютъ погодно голова гость (купецъ), а съ нимъ товарыщи, цѣловалники и сторожи, торговые выборные люди погодно; а выбираютъ ихъ къ той казнѣ своя братья, гости и торговые люди, за вѣрою и крестнымъ цѣлованіемъ, что имъ тоѣ царскіе казны не красть, и соболей своихъ худыхъ, и иные мягкіе рухляди въ казну не приносить и не обмѣнивать, такъже кому велятъ тоѣ казну продавать, или за службы и за товары давать, цѣны лишніе для своей прибыли не прибавливать и для дружбы никому за худые не давать добрыми; а велѣно имъ цѣна ставить всякимъ звѣрямъ по прямой Московской цѣнѣ, дешевле торговаго малымъ чѣмъ, какъ про Царя, такъ и въ роздачю и на продажу врознь. Такъже та казна посылается во окрестные государства къ потентатомъ (правительствамъ, владѣтелямъ) въ дарѣхъ, и платятъ Персицкимъ и Греческимъ купчинамъ и купецкимъ людямъ за товары, и кому что будетъ отъ Царя приказано дати. А когда бываетъ той казнѣ умноженіе, а расходъ бываетъ малой, продаютъ торговымъ и всякаго чину людемъ и даютъ въ долгъ съ поруками, по указной цѣнѣ, а цѣну на нихъ кладутъ они что чего стоитъ; а которой годъ лову и привозу тѣмъ звѣрямъ зачѣмъ бываетъ иныхъ годовъ менши, и тогда соболей не продаютъ и цѣну накладываютъ свыше прежняго, съ царского повелѣнія. Да что присылается въ Казанскій дворецъ мягкіе рухляди, и то отдаютъ въ Сибирскій же Приказъ» (Катошихинъ, стр. 78).

[54]) Акты Ист., т. III, № 135, стр. 221.

[55]) Олеарій, стр. 226; Костомаровъ, «Очерки торговли», стр. 75 и 76.

[56]) Кильбургеръ, стр. 23 и 24; Костомаровъ, «Очерки торг.», стр. 79—83.

[57]) Русское Государство въ пол. XVII в. Рукопись, изданная Безсоновымъ. Москва, 1859 г., стр. 35; Соловьевъ, Ист. Росс., т. IX, стр. 423.

[58]) Дополн. къ Акт. Ист., т. IV, № 5, стр. 9 и 10; № 7, стр. 91; № 45, стр. 99. Въ царской грамотѣ Якутскому воеводѣ Михаилу Ладыженскому, относящейся къ 30 Января 1658 года, между прочимъ, читаемъ: «Вы бъ велѣли у служилыхъ и у всякихъ у охочихъ людей, которые учнутъ на Ленѣ и на иныхъ рѣкахъ на взморьѣ промышлять кость рыбей зубъ, съ того промысла имати на насъ великаго государя половину, а другую половину отдѣлять имъ, да изъ той ихъ половины имати на насъ же десятую; а что за десятиною останется, и вы бъ велѣли у нихъ кость имати на насъ же въ цѣну, а давати имъ изъ нашіе казны за болшую кость по 15 и по

20 рублевъ, а за меншую кость по 12 рублевъ за пудъ, да ту кость велѣли бъ есте въ Якутцкомъ острогѣ цѣнить торговымъ людемъ прямою торговою цѣною». Дополн. къ Акт. Истор., № 45, стр. 99; Акт. Ист., т. IV, стр. 99; Дополн. къ Акт. Ист., т. III, стр. 349; Кильбургеръ, стр. 63; Костомаровъ, «Очерки торговли Моск. Госуд.», стр. 83.

[59]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. X, стр. 346; Общ. Арх. Мин. Двор., кн. 1072, л. 82.

[60]) См. вообще Рукоп. Общ. Арх. Мин. Дв., для примѣра кн. 1072, лист. оборотн. 82; кн. 1075, столб. 176—7174 г.; Дворц. Разр., т. III, стр. 1230; Лизекъ, стр. 17; Сказаніе *Рейтенфельса* о состояніи Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Перев. съ лат. Тарнава-Боричевскаго въ Журн. Мин. Н. Пр., ч. XXIII, 1839, стр. 16.

[61]) Акт. Истор., т. III, № 92, стр. 107.

[62]) Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 1072, л. 80; кн. 1075, л. оборотн. 74 и 79; кн. 1076, л. оборотн. 249; кн. 1079, л. 50.

[63]) Костомаровъ, «Очерки торг.», стр. 78; Катошихинъ, стр. 76; Дворц. Разряды, Доп. къ III т., стр. 282 и 1570.

[64]) Костомаровъ, тамъ же, стр. 86; Катошихинъ, стр. 76.

[65]) Акт. Ист., т. III, № 134, стр. 215 и 216.

[66]) Дворц. Разр., т. III, стр. 1296.

[67]) Для отдѣла объ оружіи свѣдѣнія сгруппированы изъ слѣд. источниковъ:

а) Рукоп. Госуд. Арх., № 487, разр. XXVII.

б) Общ. Арх. Мин. Дв., столб. 539—7176 г. и столб. 299—7180 г.

в) Савваитовъ П. Описаніе царскихъ утварей, одежды, оружія ратныхъ доспѣховъ и конскихъ приборовъ (изъ Рукоп. Арх. Оруж. Палаты). С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 213, 219, 237, 253, 257, 261 и 269.

г) Забѣлинъ, «Бытъ царей», стр. 511—513.

Какъ иллюстрацію современнаго оружія, приводимъ выписку изъ «росписи ружью, которое дѣлано въ Оружейной палатѣ въ нынѣшнемъ во 171 году, и великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу въ подношеніи было о праздникѣ Свѣтлое недѣли апрѣля въ 23-мъ числѣ: Пищали и карабины и пистоли и иное мелкое ружье».

«Пищаль винтовальная стволъ о 6 винтахъ замокъ шкоцкой травчетые золочены сплошь, станокъ яблоневой съ оправою серебряною золоченою. Карабинъ стволъ о 7 винтахъ, по немъ сѣчены травы, весь золоченъ. Замокъ шкоцкій по немъ рѣзаны травы жъ, золоченъ. Станокъ яблоневой, покрытъ раковинами оправа серебряная

сканная золоченая съ винифтомъ. Пищаль винтованная стволъ о 4 винтахъ замокъ шкотской травчатые, стволъ по мѣстамъ а замокъ весь золоченые. Станокъ чипрасовой, оправа желѣзная прорѣзная золочена на бѣломъ серебрѣ. Карабинъ стволъ о 8 винтахъ, на немъ сѣчены травы, золоченъ въ 4-хъ мѣстахъ. Замокъ шкоцкой рѣзной весь золоченъ; станокъ чипрасовой оправа желѣзная золочена. 2 карабина стволы гладкіе по мѣстамъ золочены, насѣчены травки, замки на французское дѣло, станки черные. Пищаль винтованная о 8 винтахъ съ долами по мѣстамъ золоченъ и серебренъ. Станокъ яблоневой съ костьми. 3 пищали стволы длиною 2 аршинъ и болши. Станки кленовые. Пара пистолей стволы гладкіе съ доликами, замки барабарскіе съ порѣзкою, станки чипрасовые. Пара пистолей стволы полукруглые, замки шкоцкіе, станки чипрасовые. Пара пистолей стволы гладкіе, замки шкоцкіе, станки яблоневые. 5 паръ олстръ пистолетныхъ и въ томъ числѣ одна пара олстры покрыты бархатомъ краснымъ, золотнымъ голуномъ, отвороты низаные по зеленому бархату. 4 пары олстры покрыты сукномъ краснымъ и малиновымъ, отвороты шиты волоченымъ золотомъ и серебромъ. Протазанъ рѣзной золоченъ. Копье калмыцкое изъ краснаго желѣза по мѣстамъ золочено. Саадакъ пистольный, шитъ золоченымъ серебромъ, подложенъ алымъ бархатомъ. Лукъ писанъ однѣмъ золотомъ по красной землѣ съ тетивою. 2 лука писаны золотомъ и серебромъ по червчатому бокапу, съ тетивы. Да къ нимъ 10 гнѣздъ томаровъ, 6 гнѣздъ срѣзней. 2 ставика ножевыхъ, а въ нихъ по 6 ножиковъ покрыты участкомъ золотнымъ съ серебрянымъ голуномъ. Рогъ большой въ недодѣлкѣ» (Забѣлинъ, «Бытъ царей», Матеріалы, № 491, стр. 511—513).

[68]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 316, л. оборотн. 32; столб. 563—7181 г.; Моск. Арх. Оруж. Пал., столб. 310—7170 г.

[69]) О конскихъ уборахъ см. Рукоп. Гос. Арх., разр. XXVII, № 487; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 280, л. оборотн. 372. 11 Сентября 1665 года пріѣхавшему въ Москву Гетману Малороссійскому Брюховецкому вывели за городъ «царскую лошадь, сѣрую Нѣмецкую, въ серебряномъ вызолоченномъ нарядѣ съ изумрудами и бирюзою, чепракъ Турецкій, шитъ золотомъ волоченнымъ по серебряной землѣ, сѣдло—бархатъ золотный» (Соловьевъ, Исторія, т. XI, стр. 199). 12 Ноября 1675 года гречанинъ, царегородецъ Юрій Дмитріевъ привезъ царю Алексѣю Михаиловичу «муштукъ съ паперстью и съ уздечкою серебреной съ финифтью, съ каменьемъ съ яхонты червчатыми и съ изумруды». Интересно, что самъ подносившій оцѣнилъ свой подарокъ въ 2150 рублей; спрошенные торговые люди, иноземцы, понизили эту оцѣнку до 1943 рублей; наши же торговцы опредѣлили стоимость поднесеннаго всего отъ 450 до 500 рублей (Дополненіе къ Актамъ Истор., т. VI, № 18, стр. 108). Дополн.

къ Акт. Истор., т. VI, № 18, стр. 104 и 108; Савваитовъ, стр. 152, 221, 280, 283, 291; Соловьевъ, Ист. Росс., т. XI, стр. 199; Росс. Вивліоѳика Новикова. Спб., 1776, т. XIV, стр. 25; Олеарій, стр. 37 и 38; Лизекъ, стр. 26; Майербергъ, стр. 59 прим.

[70]) Рейтенфельсъ, стр. 16; Катошихинъ, стр. 69 и 78; Коллинсъ, стр. 17 и др.

[71]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 205, л. 195; кн. 291, л. 37; кн. 302, л. 68; кн. 303, л. оборотн. 118; столб. 104—7125 г.; столб. 308—7154 г.; Госуд. Арх., разр. XXVII, № 53; Моск. Арх. Мин. Юстиц., столб. 327—7169 г.; Дворц. Разр., т. II, 489; Рейтенфельсъ, стр. 16; кн. Голицынъ въ «Страннике» 1879 г., № 11, стр. 212.

[72]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 302, л. оборотн. 46, 71 и 77; кн. 304, л. оборотн. 31; кн. 1072, л. 46 и л. оборотн. 72 и 89; столб. 90—7156 г.; столб. 73—7158 г.; Моск. Арх. Оруж. Палат., столб. А В—626; Олеарій, стр. 120.

[73]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 302, л. 32; Дворц. Разр., т. III, стр. 136.

[74]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 203, л. оборотн. 211, 244 и 361, кн. 1072, л. 46 и л. оборотн. 82 и 106; столб. 65—7177 г.

«Вѣдомо Великому Государю учинилось что въ Шацкомъ уѣздѣ въ ево Великаго Государя въ заповѣдныхъ лѣсахъ всякихъ чиновъ люди помѣщики и вотчинники и ихъ люди и крестьяня побиваютъ лосей а воевода того неостерегаетъ и къ Великому Государю о томъ не пишетъ. И нынѣ Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ указалъ въ Шацкомъ уѣздѣ въ свои Государевы заповѣдные лѣса всякихъ чиновъ людемъ помѣщикомъ и вотчинникомъ и ихъ людемъ и крестьяномъ въѣзжать и лосей и иныхъ никакихъ зверей побивать не велѣлъ и въ Шацкомъ же и по селамъ и по торшкомъ по многіе торговые дни кликать биричемъ и учинить о томъ заказъ крѣпкой и къ тѣмъ своимъ Государевымъ заповѣднымъ лѣсамъ выбрать сторожей изъ какихъ людей пригожъ, а буде кто (тутъ, вѣроятно, пропущено слово «мимо») сего Государева указу въ заповѣдные лѣса учнетъ въѣзжать и лосей и иныхъ зверей побивать и тѣмъ людемъ отъ Великого Государя быть въ жестокомъ наказаніи и о томъ послать въ Шацкой къ воеводѣ свою Государеву грамоту изъ розряду» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 65—7177 г.).

[75]) Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 325, л. оборотн. 50; кн. 1072, л. оборотн. 78; Забѣлинъ, «Кунцово», стр. 143, 161, 162 и 167; Любецкій, стр. 239.

[76]) Списокъ этого «Регула», сдѣланный съ подлинника въ 1780 г. и найденный въ архивѣ гр. Панина, напечатанъ въ 1886 г. въ журн. «Природа и Охота».

28

Кромѣ приведенныхъ уже выше свѣдѣній, сохранились нѣкоторыя помѣтки о повременныхъ расходахъ на различныя учрежденія царской звѣровой охоты XVII вѣка, на учрежденія, нами уже поименованныя.

Такъ, въ 1664 году отпущено было на Семеновскій Потѣшный дворъ 141 рубль на покупку табунныхъ лошадей для охотниковъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. оборотн. 17) и 6 рублей на пріобрѣтеніе лѣкарства (Тамъ же, кн. 1072, л. 38). Въ 1666 году отпущено туда же 100 рублей «на сѣнную покупку» (тамъ же, кн. 1073, л. оборотн. 66) и 200 рублей на различные расходы (Тамъ же, кн. 1073, л. оборотн. 75). Въ 1667 году, опять-таки на Семеновскій Потѣшный дворъ, дано 50 рублей «на всякіе расходы» (Тамъ же, кн. 1075, л. 61). Въ томъ же году, «на прикормки волковъ» дано на волчьи дворы: Измайловскій, Хорошевскій и Чертановскій 20 рублей (тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 74) и на Осѣевскій 1 рубль (Тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 79). Наконецъ, 7 Января 1668 года сокольнику Шаблыкѣ Шастову было выдано «на овесъ и сѣно государовымъ лошадямъ на кормъ которые въ селѣ (Семеновскомъ) у соколниковъ и охотниковъ» — 5 рублей (Тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 80).

[77]) Бремъ, «Иллюстр. жизнь животныхъ». СПБ., 1868, т. III, стр. 433, 434 и 441.

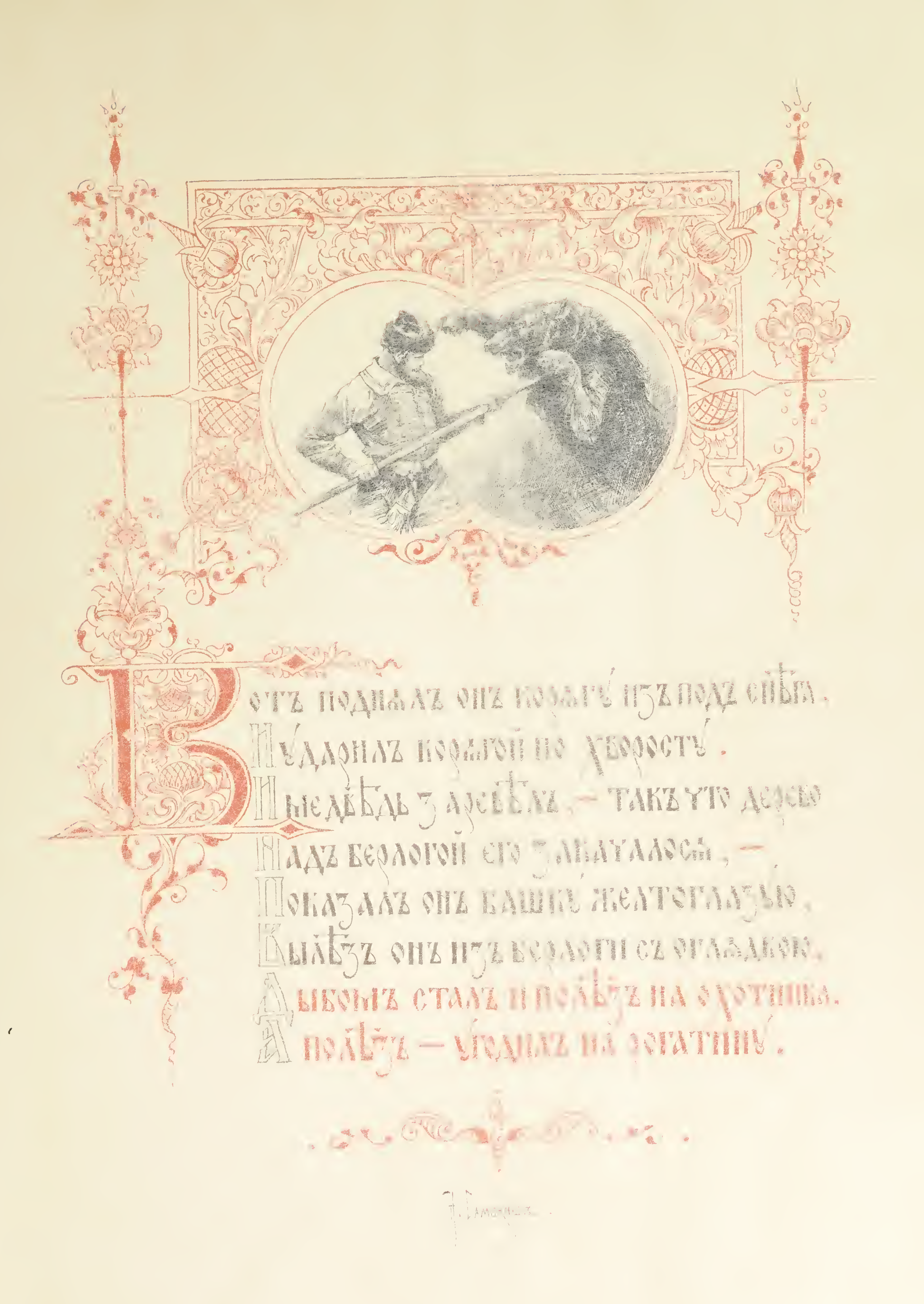
[78]) Аделунгъ въ соч. «Бар. Майербергъ и путешествіе его по Россіи». СПБ., 1827, стр. 218; С. Аксаковъ въ ст. «Пояснительн. замѣтка къ Урядинку» въ «Собр. писемъ царя Алексѣя Михайловича», стр. 140.

[79]) Коллинсъ, стр. 17 и др.

[80]) Свѣдѣнія о видахъ ловчихъ птицъ царской кречатни извлечены изъ: а) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 42 — 7131 г.; столб. 111 — 7140 г. и др.; кн. 199, л. 382 и др.; кн. 205, л. оборотн. 101 и др.; кн. 209, л. 224 и др.; кн. 284, л. 256 и др.; кн. 288, л. оборотн. 375 и др.; кн. 291, л. 93 и др. б) Рук. Госуд. Арх., разр. XXVII, № 52. в) «Собр. писемъ царя Ал. Михайл.» и «Урядникъ».

[81]) Объ «охочихъ» и вообще случайныхъ помытчикахъ см. Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 208, л. оборотн. 204; кн. 288, л. 214 и л. оборотн. 375; кн. 291, л. 93; кн. 320, л. оборотн. 164; кн. 321, л. 141; столб. 77—7173 г. и Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, свитокъ 30, № 11.

[82]) «Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Росіи на Двину воеводѣ нашему Григорью Ондреевичу Плещееву, да дьяку нашему Тимофею Пчелину. Били намъ челомъ Двинскіе посыльщики Васка Вепревъ, Сенка Клементьевъ и во всякихъ Колмогорскихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто, а сказали: платятъ

Вотъ поднялъ онъ кочергу изъ подъ снѣга.
И ударилъ кочергой по хворосту.
И медвѣдь заревѣлъ, — такъ что дерево
Надъ берлогой его закачалося, —
Показалъ онъ башку желтоглазую,
Вылѣзъ онъ изъ берлоги съ оглядкою,
Дыбомъ сталъ и полѣзъ на охотника.
А полѣзъ — угодилъ на рогатину.

Кромѣ приведенныхъ уже выше свѣдѣній, сохранились нѣкоторыя помѣтки о [illegible]ныхъ расходахъ на различныя учрежденія царской звѣровой охоты XVII вѣка, [illegible] учрежденія, нами уже поименованныя.

Такъ, въ 1664 году отпущено было на Семеновскій Потѣшный дворъ 141 рубль на покупку [illegible] лошадей для охотниковъ (Обш. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. оборотн. 17) и 6 рублей на пріобрѣтеніе лѣкарства (Тамъ же, кн. 1072, л. 38). Въ 1666 году отпущено туда же 100 рублей «на сѣнную покупку» (тамъ же, кн. 1073, л. оборотн. 66) и 200 рублей на различные расходы (Тамъ же, кн. 1073, л. оборотн. 7[illegible]). Въ 1667 году, опять-таки на Семеновскій Потѣшный дворъ, дано [illegible] рублей «на [illegible] расходы» (Тамъ же, кн. 1075, л. 61). Въ томъ же году, [illegible] прикормы [illegible] дано на волчьи дворы: Измайловскій, Хорошевскій и Чертановскій 20 рублей (Тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 74) и на Осѣевскій 1 рубль (Тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 79). Наконецъ, 7 Января 1668 года сокольнику [illegible] Шастову [illegible] на овесъ и сѣно государовымъ лошадямъ на кормъ [illegible] въ селѣ (Семеновском[illegible] соколниковъ и охотниковъ» - 5 рублей (Тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 80).

[77]) Бремъ. «Иллюстр. [illegible]». СПБ., 1868, т. III, стр. 433, 434 и 441.

[78]) Аделунгъ въ соч. «Бар[illegible] и путешествіе его по Россіи». СПБ., 1827, стр. 218, С. Аксаковъ въ [illegible] замѣтка къ Урядник[у]» въ «Собр. писемъ царя Алексѣя Михайловича», [illegible]

[79]) Коллинсъ, стр. 17 и др.

[80]) Свѣдѣнія о видахъ ловчихъ птицъ [illegible] кречатни извлечены изъ: а) Обш. Арх. Мин. Двора, столб. 42 — 7131 г., [illegible] — 7140 г. и др.; кн. 199, л. 382 и др.; кн. 205, л. оборотн. 10[illegible] и др.; [illegible] л. 224 и др.; кн. 284, л. 256 и др.; кн. 288, л. оборотн. [illegible] и др.; [illegible] 13 и др. б) Рук. Госуд. Арх., разр. XXVII, № 52. в) «Собр. [illegible] Ал. Михайл.» и «Урядникъ».

[81]) Объ «охочихъ» и вообще случайныхъ [illegible] Обш. Арх. Мин. Двора, кн. 208, л. оборотн. 204; кн. 288, л. 214 и л. оборотн. [illegible]; кн. 291, л. 93; кн. 320, л. оборотн. 164; кн. 321, л. 141; столб. [illegible] 7173 г. и Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, свитокъ 30, № 11.

[82]) «Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Росіи на Двину воеводѣ нашему Григорью Ондреевичу Плещееву, [illegible]ьяку нашему Тимофею Пчелину. Били намъ челомъ Двинскіе посыльщики Васька Вепревъ, Сенка Клементьевъ и во [illegible] Холмогорскихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто, а сказали: платятъ

Вотъ поднялъ онъ корягу изъ подъ снѣга,
И ударилъ корягой по хворосту.
И медвѣдь заревѣлъ, — такъ что дерево
Надъ берлогой его закачалося, —
Показалъ онъ башку желтоглазую,
Вылѣзъ онъ изъ берлоги съ оглядкою,
Дыбомъ сталъ и полѣзъ на охотника,
А полѣзъ — угодилъ на рогатину.
Н. Самокишъ

деи они наши денежные всякіе доходы, данные и оброчные деньги и московскимъ стрѣльцомъ на наше жалованье за хлѣбъ, какъ на всѣ городы тотъ хлѣбъ, и новоприбылые наши всякіе доходы для службъ солдатскіе и подымные и пятинные деньги и посошныхъ людей съ лошадьми и съ телѣгами и даточныхъ людей наймуютъ съ иными городы ровно, да они же де промышляютъ на насъ кречеты и промыслы за море на Тіунскій берегъ и на Терскую сторону и въ Канинъ носъ по вся годы въ морскихъ судахъ человѣкъ по сороку и больше и тѣ кречаты привозятъ они къ намъ къ Москвѣ и за тѣми кречетами наймуютъ кормленщиковъ человѣкъ по двадцати и больше и тѣмъ кречатьимъ промышленникомъ въ наемъ и въ кречатьи кормы выходитъ по семисотъ рублевъ на годъ и больше и на то на нихъ наложено передъ всѣми городами въ лишкѣ, да они жъ де наймуютъ подъ наши хлѣбные запасы и подъ вино и подъ стрѣльцовъ, которые посылаютъ въ Колской острогъ по четырнадцати людей и больше на годъ, а ставится деи имъ тотъ отпускъ въ полторы тысячи рублевъ, да они же отпущаютъ мелкихъ судовъ въ Кевролу и на Мезень и въ Пустоозеро и въ Соловки и въ Кондалажской монастырь и на устья подъ караулы подъ сотниковъ стрѣлецкихъ и подъ стрѣльцовъ и подъ корабельныхъ вожей и вверхъ по Двинѣ къ Осиновскому яму каюковъ и корбасъ по сту и больше, и тѣ де отпуски ставятся имъ въ пятьсотъ рублевъ и больше, да они же де на Березовое устье къ Ильину острову на заставу для сторожи коробельного приходу отпущаютъ барокъ по двѣнадцати и больше съ якоры и съ конаты, а ставится тотъ отпускъ въ четыреста рублевъ и больше, да они же де отпущаютъ отъ Архангельскаго города съ Колмогоръ до Осиновского яму досщаниковъ по сороку и больше съ нашими узорочными товары и со всякою нашею казною и подъ иноземцы, а ставятся де тѣ отпуски по шти тысячь рублевъ на годъ и больше, а на Двинѣ де на посадѣ и въ уѣздѣ всего восмь сохъ и изъ того де числа послѣ писцовъ запустѣло у нихъ полторы сохи и больше. Да въ прошломъ де во 142 году по нашему указу послана къ вамъ наша грамота а велѣно вамъ отъ Архангельскаго города наши пушки съ ядра, которые привезлъ на корабляхъ голанецъ Томасъ Романовъ отпустить, и наемъ велѣно дать изъ нашіе казны и ты де Григорей да діакъ Микифоръ не дождався нашего указу подъ тѣ пушки и ядра доправилъ на нихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей восмь досщаниковъ и больше и съ судовъ снасть съ носовщики и съ кормщики, да триста двадцать человѣкъ тяглыхъ людей вверхъ до Осиновскаго яму, а иные де пушки и ядра у Архангельскаго города выставили изъ кораблей въ амбары, и тѣхъ пушекъ и ядеръ продить (вѣроятно, «проводить») имъ не можно потому посадскіе и уѣздные люди разбрелись врознь и судовъ взять не на комъ, а тотъ де имъ от-

28*

пускъ и что нарядъ выставили изъ кораблей въ анбары ставится въ шестьсотъ въ восмьдесятъ пять рублевъ. Да въ нынѣшнемъ во 143 году была у нихъ съ моря буря вѣтръ великъ на островахъ многіе волости водою потопило, хлѣбъ и сѣно водою разносило, людей и скота много погибло, у Архангельскаго города и на Колмогорахъ многіе люди и дощаники и всякіе суды бурею розбило и посадскіе и уѣздные людишко въ конецъ погибли, а верстальные стоятъ на правежѣ въ податехъ, а искупиться никоими обычаи не мочно и намъ бы ихъ двинянъ пожаловати велѣти тѣхъ пушекъ и ядеръ судовые отпуски и роботныхъ людей наймы, что выставливали у Архангельскаго города съ кораблей въ амбары шестьсотъ восемьдесятъ пять рублевъ зачесть въ данное и въ оброчные деньги нынѣшнего 143 году, чтобъ имъ оттого и достальнымъ врознь не разбрестись и нашихъ службъ не отбыть. И мы двинянъ посадскихъ и уѣздныхъ людей пожаловали впередъ что изъ-за моря къ Архангельскому городу на насъ пушки и пушечные всякіе запасы и зелье и свинецъ велѣли отпускать на наемныхъ судѣхъ, а наемъ велѣли есмя давать изъ нашіе казны, а съ двинянъ съ посадскихъ и уѣздныхъ людей подъ наши пушечные и всякіе запасы подводъ и судовъ и людей безъ нашего указу имати есмя не велѣли. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бъ тотчасъ велѣли выписать изъ росходныхъ книгъ съ трехъ годовъ подлинно порознь съ тѣхъ мѣстъ, какъ начали двиняне посадскіе и уѣздные люди наши пушечные всякіе запасы возити своими наемными людьми и въ своихъ судѣхъ сколько у нихъ на тѣ расходы въ которомъ году вышло, а выписавъ о томъ къ намъ отписали подлинно и роспись прислали ты Тимофей за своею приписью а отписку велѣли отдать въ Новгородской чети печатнику нашему и думному дьяку Ивану Тарасьевичу Грамотину съ товарыщи, а впередъ бы есте наши пушки и пушечные всякіе запасы и зелье и свинецъ, что привезутъ изъ-за моря къ Архангельскому городу на насъ и которые нынѣ привезены у города, велѣли бы есте отпустить съ Двины по нашему указу наймомъ изъ нашіе казны, а наймовали есте подъ тѣ наши пушечные и всякіе запасы вправду, какъ бы нашей казнѣ было прибытнѣе, а лишнего наемщикомъ найму давати не велѣли, а безъ нашего указу съ Двины съ посадскихъ и уѣздныхъ людей подъ наши пушечные всякіе запасы подводъ и судовъ и людей имати не велѣли» (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 65, свитокъ 68—7143 года).

[83]) Такъ, по свидѣтельству Аделунга, «кречеты были въ особомъ уваженіи у Якутовъ, которые называли ихъ Урунъ Кири, т.-е. бѣлый соколъ. По причинѣ ихъ быстраго полета они уподобляли этихъ птицъ молніи и считали ихъ вѣстниками небесной воли. Ежели случалось, что кречетъ попадетъ въ сѣти, поставленныя для

другихъ птицъ, они, опасаясь прикоснуться къ нему голыми руками, освобождаютъ его изъ сѣтей палочками или другимъ способомъ» (Аделунгъ, стр. 217).

[84]) Сохранилось весьма много свидѣтельствъ о награжденіи помытчиковъ за привозъ на государеву кречатню ловчихъ птицъ. Награды эти обыкновенно состояли изъ суконъ разнаго достоинства и цѣнностей: за лучшихъ кречетовъ жаловались сукна англійскія, а за другихъ птицъ—болѣе дешевыя. Что награды состояли въ большинствѣ случаевъ именно изъ суконъ явствуетъ хотя бы изъ слѣдующей челобитной двинскихъ кречатьихъ помытчиковъ, относящейся къ 1660 г.:

«Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу бьютъ челомъ сироты твои Двинскіе кречатьи помошники Алешка Жилинъ съ товарыщи десяти человѣкъ въ нынѣшнемъ государь во 169 году приволоклися мы сироты твои къ тебѣ Великому Государю къ Москвѣ съ твоею Великаго Государя съ кречатною казною и съ кречатами Милосердый Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ пожалуй насъ сиротъ своихъ вели Государь дати своего Великаго Государя жалованья противу твоихъ Великаго Государя прежнихъ кречатьихъ помощниковъ сукнами Царь Государь смилуйся пожалуй» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 162—7169 г.).

Нѣтъ никакой возможности опредѣлить, существовала ли какая-либо норма размѣра вознагражденія за тѣ или другіе виды привозимыхъ помытчиками ловчихъ птицъ; скорѣе, судя по имѣющимся документамъ, можно сказать, что таковой нормы не было. Приводить всѣ извѣстные намъ случаи жалованія помытчикамъ наградъ считаемъ излишнимъ; приведемъ только первую и послѣднюю выдачу такихъ наградъ въ періодъ царствованія каждаго изъ царей описываемой эпохи. По сохранившимся документамъ первый случай награжденія помытчиковъ при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ относится къ 1614 году, когда, 30 Марта, холмогорскіе помытчики, Тренка Гостевъ съ товарищами, получили за подкраснаго кречета 3 3/4 аршина англійскаго лазореваго сукна, цѣною въ 1 р. 19 алтынъ, да за два подкрасныхъ же и за 5 сѣрыхъ кречетовъ — 5 портищъ рославскаго червчатаго сукна, по 27 алтынъ 4 деньги портище (Тамъ же, кн. 199, л. 382). Послѣдній случай при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ относится къ 1642 году, Ноябрю 30, когда Переяславль-Залѣсскій соколій помытчикъ Трофимка Θоминъ получилъ 4 аршина сукна настрафиля лазореваго, цѣною въ два рубля, за подкраснаго кречета (Тамъ же, кн. 298, л. 41). При Алексѣѣ Михаиловичѣ въ первый разъ было выдано, судя по дошедшимъ до насъ документамъ, 31 Мая 1655 года сибирскимъ кречатьимъ помытчикамъ, Кучюсу Маметю Итѣеву, Кочюгаю

Кизилбаеву, Беметю Кадаулову и Тенѣю Итѣеву, за привозъ птицъ, по 4 аршина сукна анбурскаго, цѣною по 16 алтынъ аршинъ (Тамъ же, кн. 309, л. оборотн. 102). Въ послѣдній же разъ въ 1670 году, Сентября въ 4 день, получилъ за то же сукно доброе сибирскій Тобольскаго уѣзда, Тарханскаго острожка помытчикъ, татаринъ Тлешко Кильдисановъ (Тамъ же, столб. 431—7179 г).

Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ выдавались помытчикамъ за привозъ ловчихъ птицъ и деньги. Такъ, въ 1614 году холмогорскому помытчику Тренкѣ Гостеву съ товарищами выдали 80 алтынъ денегъ за два челига кречатьихъ (Тамъ же, кн. 199, л. 382).

Однако, слѣдуетъ замѣтить, что награжденіе за провозъ ловчихъ птицъ производилось обыкновенно только въ тѣхъ случаяхъ, когда количество привозимыхъ экземпляровъ превышало количество положенное, составлявшее, такъ сказать, извѣстную подать, налогъ государственный за тѣ льготы, которыми пользовались помытчики. Говоримъ это, на основаніи того, что во многихъ документахъ, трактующихъ о подобныхъ награжденіяхъ, встрѣчается фраза: «за переплатныя сверхъ окладу птицы» (Тамъ же, кн. 295, л. оборотн. 101, кн. 298, л. 41 и др.). Также подтвержденіемъ сказаннаго служитъ то обстоятельство, что когда въ 1666 году ростовскіе соколы помытчики, Костька Плѣшивовъ съ товарищами, били царю Алексѣю Михайловичу челомъ о выдачѣ имъ государева жалованья попрежнему, то по справкамъ оказалось, что тѣмъ ростовскимъ помытчикамъ это жалованье было выдано въ 1662 и 1663 годахъ, а въ 1664 и 1665 годахъ выдано не было (Тамъ же, столб. 626—7174 г.).

Награды собственно за фактъ привоза ловчихъ птицъ на государеву кречатню выдавались только сибирскимъ помытчикамъ, вѣроятно, вслѣдствіе трудности переѣзда съ далекихъ окраинъ въ столицу государства. Въ документахъ о жалованіи сибирскихъ помытчиковъ постоянно встрѣчаемъ одинъ и тотъ же мотивъ: «за сибирскій пріѣздъ» (Тамъ же, кн. 309, л. оборотн. 102, кн. 317, л. оборотн. 127 и др.). «За Сибирскій же пріѣздъ» жаловались и лица, прибывавшія въ Москву во главѣ партіи помытчиковъ и не состоявшія на службѣ въ учрежденіи царской охоты. Такъ, 11 Января 1668 года было дано 4 аршина полукармазина-сукна, цѣною по 1 рублю за аршинъ, тюменскому сыну боярскому Сергѣю Ушакову (тамъ же, кн. 322, л. 107), 10 Февраля того же года верхотурскому стрѣлецкому десятнику Булакину—4 аршина сукна анбурскаго, цѣною по 16 алтынъ 4 деньги аршинъ (Тамъ же, кн. 322, л. 126). 7 Марта 1670 г. тобольскому сыну боярскому Василію Черкасову — сукно доброе (Тамъ же, столб. 227—7178 г.) и т. д.

За привозъ ловчихъ птицъ въ государеву охоту выдавались въ описываемую эпоху нерѣдко награды и лицамъ, не причастнымъ сокольничьему пути и привозившимъ

ловчихъ птицъ по своей охотѣ. Такъ, 17 Февраля 1623 года канинскій самоѣдинъ Семейка Войтековъ получилъ 5 аршинъ сукна лядчины лазоревой, цѣною въ 8 алтынъ 2 деньги за аршинъ, за поднесеніе царю кречетовъ и рыбьяго зуба (Тамъ же, кн. 208, л. оборотн. 204). 11 Марта 1627 года Вытяговскаго погоста Новгородскаго уѣзда крестьянинъ Іевка Маковѣевъ получилъ 4 аршина сукна лядчины лазоревой, цѣною по 6 алтынъ 4 деньги за аршинъ, за поднесеніе царю Михаилу Ѳеодоровичу сѣраго кречета (Тамъ же, кн. 282, л. 214). 27 Февраля 1629 года канинскимъ самоѣдамъ, Сенкѣ Вотѣеву и Андрюшкѣ Енишну выдали по 4 аршина сукна настрафиля червленаго, цѣною въ два съ четвертью рубля портище, за поднесеніе царю 5 кречетовъ, а 3 Апрѣля того же года мезенцу Сазонку Ванюкову дали два портища такого же сукна за двухъ кречетовъ и одного челига кречатья крапленыхъ да за пять кречетовъ и двухъ челиговъ кречатьихъ сѣрыхъ (Тамъ же, кн. 284, л. 256). 11 Апрѣля 1633 года уже упомянутому выше Іевкѣ Маковѣеву, именуемому въ касающемся этого документѣ охочимъ кречатьимъ помытчикомъ, выдана за кречета крапленаго 5 аршинъ, а за кречета сѣраго — 3 аршина лядчины лазоревой (Тамъ же, книга 288, л. оборотн. 375). 9 Мая 1660 года татарину Овесбаху Кулмаметову дано 4 аршина сукна англійскаго, по 22 алтына 4 деньги аршинъ, да 4 аршина тафты зеленой, въ ту же цѣну, всего на сумму въ 5 рублей 44 копѣйки «за пріѣздъ, что онъ ѣдучи изъ Тобольска къ Москвѣ берегъ кречетовъ и чегликовъ кречатьихъ и кормилъ, а пожаловалъ Государь его въ приказъ, а не въ окладъ» (тамъ же, кн. 314, л. 320) и пр. и пр.

Награды выдавались не за однѣхъ только ловчихъ птицъ, составлявшихъ соколиную охоту царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. 28 Мая 1657 года человѣку князя Юрія Ивановича Ромодановскаго было выдано 4 аршина сукна темнозеленаго полукармазину, цѣною по 30 алтынъ аршинъ, за поимку орла (тамъ же, кн. 311, л. оборотн. 237), а 6 Августа слѣдующаго 1658 года сокольнику Карпу Григорьеву дано доброе англійское сукно «за чаплю» (Тамъ же, столб. 172—7166 г.). О помытчикахъ и доставкѣ птицъ см.: а) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 111—7140 г. и столб. 53—7165 г.; б) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 65, свитокъ 68—7143 г.; в) Акт. Ист., т. IV, стр. 180, № 64 и стр. 314 и 315, № 164; Дополн. къ Акт. Ист., т. IV, стр. 312 и 313, № 127; т. V, стр. 435, № 101; т. VI, стр. 369—373, № 124, III.

Приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ грамоты помытчикамъ:

Отъ 1632 года, Февраля 7 дня, до насъ дошли свѣдѣнія о принятіи птицъ на государеву кречатню, при чемъ въ свѣдѣніяхъ этихъ указывалось, между прочимъ, на нерадивость двинскихъ помытчиковъ. Документъ этотъ гласитъ, что «велѣно взять

на Государеву кречатню у Двинскихъ кречатьихъ помощниковъ у Михайла Лукьянова съ товарыши кречатовъ и чегликовъ на нынѣшній на 140 годъ кречетъ цвѣтной большой молодикъ, два кречета подкрасные большіе молодики, чегликъ кречатей подкрасный дикомытъ, пять кречетовъ кропленыхъ большихъ дикомыты, три чеглика кречатьи кропленые дикомыти осмнадцать кречетовъ сѣрыхъ большихъ молодиковъ, двадцать чегликовъ кречатьихъ сѣрыхъ, всѣго всѣхъ пятдесятъ птицъ и по Государеву указу взято на Государеву кречатню у Двинскихъ кречатьихъ помощниковъ у Михаилка Лукьянова съ товарыщи оброчныхъ кречатовъ и чегликовъ на нынѣшней на 140 годъ два кречета подкрасные девять кречетовъ и чегликовъ крапленыхъ дикомыти осмнадцать кречатовъ большихъ сѣрыхъ молодиковъ шестнадцать чегликовъ сѣрыхъ молодиковъ, да у тѣхъ же помощниковъ взято пять птицъ, перье которые птицы дорогою отъ дальнево пути побилисъ а прежъ сего въ прежнихъ годехъ приважививали Двинскіе кречатьи помощники на Государеву кречатню кречатовъ и чегликовъ и ястребовъ бѣлыхъ, птицъ по сту и по сту по пяти, и по сту по шести и больши, а нынѣ Двинскіе кречатьи помощники своимъ воровствомъ птицъ привозятъ все мѣлкіе, а лутчихъ птицъ красныхъ и подкрасныхъ и кропленыхъ лутчихъ кречатовъ привозятъ не по многу воровствомъ и о Государевѣ о кречатьи помъчи не радѣютъ а ходятъ за иными своими промыслами или будетъ и кречатовъ добываютъ много и изъ тѣхъ кречетовъ лутчіе птицы выбирая продаютъ или отдаютъ кому тайно въ подаркахъ за морѣ въ иные земли на подаркижъ и за ихъ воровствомъ на Государевѣ кречатнѣ птицъ нынѣ кречатовъ красныхъ и кропленныхъ и большихъ кречатовъ лутчихъ и сѣрыхъ мало въ Государеву проѣзжему полю къ потѣхамъ лутчихъ птицъ нѣту и во Царьгородъ, и въ Кизылбаши и въ Крымъ и въ иные во многіе Государства отъ Государя въ поминкахъ съ послы посылати нѣчего и по Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Росіи указу дьякомъ Воиму Болтину, да Дементью Образцову велѣти послать Государева грамота на Двину къ стольнику и воиводѣ ко князю Василью Ахамашукову Черкаскому и къ дьяку чтобъ впередъ Двинскіе помощники привозили на Государеву кречатню кречетовъ красныхъ и подкрасныхъ и кропленыхъ и сѣрыхъ большихъ добрыхъ противъ прежняго по сту и по сту по пяти, и по сту по шти птицъ и велѣти послать для кречатей помочи помощниковъ лутчихъ за Государевымъ за крестнымъ целованіемъ и для надсмотру велѣти за ними на кречатьи промыслы кого будетъ пригоже чтобъ мощно кому было вѣрить за крестнымъ же целованіемъ и велѣти къ Москвѣ привозити птицы помощникомъ и целовальникомъ по годомъ чья очередь дойдетъ въ которомъ году а не однимъ всегда, а то привозятъ къ Москвѣ по вся годы одни помощники безъ перемѣны.

Подъ косматой лопаткою хрустнуло,
Чернобурая шерсть побагровѣла...
Обозлился медвѣдь и рогатину
Перешибъ по поламъ словно —
— жердочку,
И подмялъ подъ себя онъ охотника,
И налегъ на него всею тушею.
Не сробѣлъ Государь — руку къ поясу —
Хвать! анъ ножъ — то его златокован-
-ный
И сорвался съ цѣпочки серебряной.
Воздохнулъ Государь — и въ послѣднее
Осѣнилъ онъ себя крестнымъ
знаменьемъ...
Самокишъ

А будетъ учнутъ впредь двинскіе кречатьи помощники привозити на Государеву кречатню не противъ прежнихъ большихъ привозовъ и Государь велитъ на нихъ птицы доправить противъ Большого привозу».

Соотвѣтственно этому была составлена царская грамота на Двину, при чемъ присовокуплялось, что «будетъ кречатьи помочники учнутъ воровати нашимъ (Государевымъ) дѣломъ птичьимъ промысломъ промышлять оплошно или лутчими птицами корыстоватца а прото ихъ воровство сыщетца и отъ насъ тѣмъ помочникомъ за то ихъ воровство быти въ великой опалѣ и въ казни а одноличнобъ вамъ (воеводамъ) о томъ птичьимъ помочникомъ заказъ учинить съ великимъ укрепленіемъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. № 111—7140 г.).

Въ 1634 году, Декабря 17, вновь была послана на Двину царская грамота приблизительно о томъ же. Упомянувъ о содержаніи грамоты предшествовавшей, царскій указъ гласитъ, что «въ нынѣшнемъ во 143 году кречатъ и чегликовъ декабря по 17-е число нисколько не присылывали, а на нашей кречатнѣ кречетовъ и чегликовъ мало и въ иные государства кречатовъ и чегликовъ послано че...... И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и выбъ тотчасъ кречатьимъ помочникомъ (вѣроятно, пропущено слово «сказали») что они на нашу кречатню кречатовъ и чегликовъ по морскому берегу и по рѣкамъ добыли, велѣли привести къ себѣ, а какъ они къ вамъ наши кречаты привезутъ, и выбъ тотчасъ тѣ кречаты и чеглики прислали къ намъ къ Москвѣ съ кречатьи помочники и съ цѣловальники, а съ кѣмъ именемъ тѣ кречаты къ намъ пошлете и выбъ имъ приказали накрѣпко, чтобъ они ѣхали на спѣхъ Двиною, кречаты и чеглики везли бережно, чтобъ тѣ птицы дорогою не побились, и до Москвы довезти здорово и на дорогѣ ихъ птицъ не перемѣняли и никому не отдавали, и съ кѣмъ именемъ тѣ птицы пошлете, и вы бъ о томъ къ намъ отписали и отписку велѣли отдати и птицы объявити и кречатьимъ помочникомъ и цѣловальникомъ явиться въ новгородской чети печатнику, нашему и думному дьяку Ивану Тарасьевичу Грамотину съ товарыщи. А одноличнобъ есте кречаты и чеглики, что добывали кречатьи помочники на нашу кречатню прислали съ кречатьи помочники и съ цѣловальники тотчасъ не мѣшкая ни сколько» (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 65, свитокъ 68—7143 г.).

Отъ временъ царя Алексѣя Михаиловича сохранилась челобитная царю Ивана Милославскаго объ обидахъ, нанесенныхъ сокольникамъ, посланнымъ съ птицами, со стороны крестьянъ Важскаго уѣзда:

«Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу холопъ твой Ивашка Милославскій челомъ бьетъ,

29

нынѣшнемъ Государь году въ твоей великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца грамотѣ изъ приказу твоихъ Великаго Государя Тайныхъ дѣлъ прислана ко мнѣ холопу твоему Ивашку, по твоему Великаго Государя указу посланы съ Москвы на Двину для твоего Великаго Государя птичьяго промыслу сокольники Семенъ Отдавлетовъ да Потапъ Петровъ, а о чемъ Государь они учнутъ мнѣ холопу твоему говорити и мнѣ имъ говорити и о тѣхъ твоихъ Великаго Государя дѣлахъ радѣти, противъ прежняго Твоего Великаго Государя указу, а какъ они поѣдутъ со птицами съ Колмогоръ къ Тебѣ Великому Государю къ Москвѣ и имъ велѣно дать подводы и отпустить къ Тебѣ Великому Государю безовсякаго задержанья. И въ нынѣшнемъ Государь году съ Ноября по 14 число кречатьи помочники Осташко-Коркавцевъ съ товарыщи привезли съ Терской стороны твоихъ Государевыхъ 104 птицы кречетовъ и челиговъ, да дву птинъ перья да три сокола и сокольники Семенъ Отдавлетовъ да Потапъ Петровъ намъ холопемъ твоимъ говорили, чтобъ имъ по Твоему Великаго Государя указу подъ тѣ птицы да въ подводы и птицамъ кормъ, съ Колмогоръ отпустить его Потапа съ тѣми птицами и съ помочники къ Тебѣ Великому Государю къ Москвѣ по прежнимъ Твоимъ Великаго Государя указамъ....... до Вологды и по твоему Великаго Государя указу и по проѣзжей грамотѣ, какова прислана на Двину въ прошломъ...... съ Твоего Великаго Государя со стану деревни Малыя Кржыни, за твоими Великаго Государя красными печатми, за приписью дьяка Дементья Башмакова, по городамъ къ воеводамъ и къ діакомъ подъ тѣ твои Великаго Государя птицы соколнику Потапу Петрову да съ нимъ помочникомъ Осташку Коркавцеву съ товарыщи, да въ подводы съ Колмогоръ и кормъ птицамъ до Важескаго уѣзду отпустили къ тебѣ Великому Государю къ Москвѣ до Вологды черезъ Важескій уѣздъ противъ прошлыхъ лѣтъ, какъ напередъ сего птицы отпущали. А приказывали мы холопы твои ему Потапу и помочникомъ его накрѣпко, чтобъ они тѣ Великаго Государя птицы дорогою везли бережно и ямщикибъ ящиковъ со птицами осматривали бъ съ великимъ береженьемъ, чтобы Государь оттого твоимъ Великаго Государя птицамъ, ни какіе порухи не было. Ямщику учнутъ....... осматривать небрежно или гдѣ къ тому учнутъ имъ со птицами задержаніе какое чинить и онъ бы Потапъ и помочники на тѣхъ извѣщали и по тому ихъ извѣту велѣно сыскавъ чинить тѣмъ людямъ наказаніе безо всякіе пощады. А ту твою Великаго Государя проѣзжую грамоту за красными печатми отдали для проѣзда ему же Потапу, и Ноября Государь въ 19 день писалъ къ намъ холопемъ твоимъ изъ Важского уѣзду изъ Березниковской волости соколникъ Потапъ Петровъ, что ему Важскому уѣзду земскіе судейки и сотскіе и волостные крестьяне Ивашко

Резановъ съ товарыщи въ волости на Березникѣ птицамъ корму и подводъ черезъ Важской уѣздъ до Вологды не дали и оказали ему невежливо и говорили что имъ и впредъ нашихъ холопей Твоихъ подорожныхъ не слушать и никому по подорожнымъ подводъ не давать и его Потапа били и Твою Великаго Государя птицу держаннаго кречета съ руки сбили и та де твоя Великаго Государя птица нынѣ....... Артюшка Гавриловъ который привезъ отъ него Потапа къ намъ ко холопямъ твоимъ записку сказалъ что де Государь та твоя Великаго Государя птица кречатъ держаной, отъ побоевъ Важескихъ крестьянъ передъ поѣздомъ свалился и твоей Великаго Государя проѣзжей грамоты что за красными печатми не послушали во всемъ отказали, подводъ и корму птицамъ черезъ Важеской уѣздъ до Вологды не дали и Ивашко Резановъ меня холопа твоего Ивашко бранилъ и мы холопи твои посылали съ Колмогоръ въ Шенкурское пристава, и о томъ къ Шенкурскимъ судейкомъ писали, чтобъ они по твоему Великаго Государя указу, подъ тѣ твои Великаго Государя птицы подводы и кормъ птицамъ, сокольнику Потапу Петрову дали и отпустилибъ его съ тѣми твоими Великаго Государя со птицами къ тебѣ Великому Государю....... давать и учнутъ задерживать и о томъ что ты Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ намъ холопямъ своимъ укажешь» (Госуд. Арх., разр. XXVII, № 52).

Къ сожалѣнію, царская по этой челобитной резолюція намъ неизвѣстна.

Отъ 1653 года, Марта 20 дня, сохранилась нижеслѣдующая царская грамота въ Сибирь, на Верхотурье, воеводѣ Измайлову по поводу отправки въ Сибирь сокольниковъ и помытчиковъ изъ Москвы:

«Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи, въ Сибирь, на Верхотурье, воеводѣ нашему Льву Тимофѣевичу Измайлову да подъячему Михайлу Посникову. Писали есте къ намъ, что по нашему указу посланы отъ насъ, съ Москвы, въ Сибирь, въ Тоболескъ, для кречатьей ловли, наши сокольники и помочники Михей Тоболинъ, Игнатій Кельинъ съ товарыщи, и тѣ де наши сокольники и помочники Михей Тоболинъ съ товарыщи проѣхали изъ Казани въ Сибирь, въ Тоболескъ, степью черезъ Верхотурской уѣздъ, не займуя Верхотурья верстъ съ четыреста черезъ новую Верхъ-Чусовскую слободу, а нашу де грамоту привезъ къ вамъ изъ Туринскаго острогу Казанскій стрылецъ Юшка Тяпкинъ, который посланъ былъ съ ними сокольники и съ помочники съ Михѣемъ Тоболинымъ съ товарыщи изъ Казани въ Сибирь, для проѣзду, въ толмачѣхъ; и тотъ де Казанскій стрѣлецъ Юшка Тяпкинъ сказывалъ вамъ: какъ де ѣхали наши сокольники и помочники Михей Тоболинъ съ товарыщи изъ Казани, не займуя Верхотурья, степью, и въ Верхотурскомъ де

29*

уѣздѣ, въ Невьянской слободѣ, приказчикъ Ларіонъ Одинцовъ подводъ имъ не далъ, и они де изъ Невьянской слободы до Туринскаго острогу подводы наняли, дали сорокъ алтынъ. И мы указали того Невьянскаго приказщика Ларіона Одинцова за то, что онъ нашимъ сокольникомъ и помочникомъ Михею Тоболину съ товарыщи подводъ не далъ, а наняли они отъ Невьянскаго острогу до Туринскаго подводы собою, на Верхотурьѣ бить кнутомъ и отъ приказу его отставить, а на его мѣсто послать иного, кого пригоже. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбъ Невьянскому приказчику Ларіону Одинцову, что онъ нашимъ сокольникомъ и помочникомъ подводъ не далъ, и они подводы наймовали собою, велѣли на Верхотурьѣ учинить наказанье, бить его кнутомъ и изъ приказщиковъ отставить, и на его мѣсто велѣли бы есте въ Невьянской слободѣ быть въ приказщикахъ кому пригоже, до нашего указу; а какъ вы Ларіону Одинцову, по нашему указу наказанье учените и кому имянемъ въ Невьянской слободѣ, на его мѣсто, въ приказчикахъ быть велите, и выбъ о томъ отписали къ намъ, къ Москвѣ, а отписку велѣли подать въ Сибирскомъ Приказѣ, боярину нашему князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, да дьякомъ нашимъ, Григорью Протопопову да Третьяку Васильеву» (Акты Историч., т. IV, стр. 180, № 64).

Окружная царская грамота воеводамъ и приказнымъ о провозѣ ловчихъ птицъ, отправляемыхъ изъ Сибири въ Москву, относящаяся къ 1662 году, Февраля 24, гласитъ:

«Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, отъ Москвы по дорогамъ до Сибирскихъ городовъ, до Верхотурья и до Тоболска, по городомъ воеводамъ нашимъ и приказнымъ людемъ. По нашему Великаго Государя указу велѣно Сибирскимъ кречатьимъ помытчикомъ съ нашими птицы изъ Сибири ѣздить къ Москвѣ, по вся годы, зимнимъ путемъ: и на которые городы Сибирскіе кречатьи помытчики съ нашими птицы учнутъ ѣздить къ Москвѣ, и воеводамъ нашимъ и приказнымъ людемъ тѣмъ помытчикомъ подъ наши птицы велѣть давать подводы, сколко надобно, и отпущать ихъ къ Москвѣ тотчасъ безъ задержанія; а будетъ воеводы наши и приказные люди учнутъ имъ кречатьимъ помытчикомъ со птицы чинить задержаніе, и отъ того нашимъ птицамъ учинится какая поруха, и тѣмъ отъ насъ Великаго Государя за то быть въ великой опалѣ и въ наказаньѣ, и помѣстья ихъ и вотчины отписаны будутъ на насъ Великаго Государя. Да вѣдомо намъ Великому Государю отъ помытчиковъ: какъ они съ нашими птицами ѣздятъ къ Москвѣ, и въ городѣхъ и по дорогѣ на ямахъ ямщики тѣхъ нашихъ птицъ осматриваютъ, и сани поднимаютъ и опускаютъ не бережно,

и дорогою ѣздятъ скоро и отъ того птицы помираютъ, и воеводамъ нашимъ и приказнымъ людемъ кречетьимъ помытчикомъ и ямщикомъ приказывать накрѣпко, чтобъ они наши птицы дорогою возили бережно, и сани осматривали съ великимъ береженiемъ, и везли тѣхъ нашихъ птицъ къ Москвѣ не скоро, чтобъ отъ того нашимъ птицамъ порухи никакiя не было; а будутъ ямщики учнутъ сани осматривать не бережно и дорогою ѣздить скоро, и помытчикомъ про то извѣщать въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людемъ, и по-таму ихъ извѣту сыскивать: да будетъ отъ того небереженья нашимъ птицамъ учинится поруха, и по сыску ямщикомъ за то учинить наказанье, бить кнутомъ, чтобъ имъ впередъ нашему Великаго Государя указу быть противнымъ не повадно было, да въ нынѣшнемъ же во 170 году изъ Сибири присланы къ намъ къ Великому Государю къ Москвѣ, наши птицы съ Сибирскимъ Татариномъ съ Азбакѣемъ Килмаметевымъ (въ рукописяхъ Общ. Арх. Мин. Двора—«Овесбахъ Кулмаметовъ») и съ помытчики, и тѣ птицы у нихъ приняты, а они отпущены назадъ, въ Сибирь: и воеводамъ нашимъ и приказнымъ людемъ того Татарина и помытчиковъ велѣть пропускать безъ задержанiя-жъ и налогъ никакихъ имъ не чинить, а какъ тотъ Татаринъ учнетъ со птицы къ Москвѣ ѣздить впередъ, и о пропускѣ его къ Москвѣ и въ Сибирь чинити по сему жъ нашему Великаго Государя указу. А прочитая сю нашу Великаго Государя Грамоту, въ городѣхъ и на ямахъ оставливать списки для иныхъ нашихъ воеводъ и приказныхъ людей, которые въ тѣхъ городѣхъ будутъ впередъ, и сю нашу Великаго Государя грамоту отдавать ему Азбакѣю» (Акты Историч., т. IV, № 164, стр. 314 и 315).

Приводимъ также наказъ сыну боярскому Елизару Гаврилову и служилымъ людямъ, отправлявшимся въ 1662 году, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, изъ Сибири въ Москву съ кречетами для царской охоты:

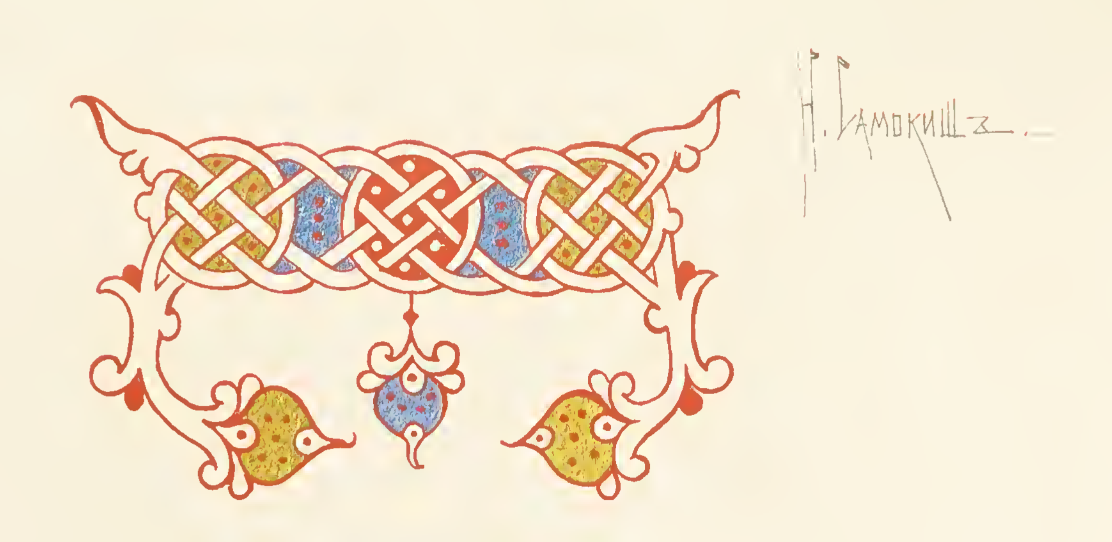
«Лѣта 7171, декабря въ.......день, по государеву царева и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великiя и Малыя и Бѣлыя Росiи Самодержца, и государя благовѣрнаго царевича и великаго князя Алексѣя Алексѣевича, всея Великiя и Малыя и Бѣлыя Росiи, и государя благовѣрного царевича и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея Великiя и Малыя и Бѣлыя Росiи, указу, память Тюменскому сыну боярскому Елизару Гаврилову. По указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великiя и Малыя и Бѣлыя Росiи самодержца, его великаго государя счастiемъ, добыли въ Тюменскомъ уѣздѣ помытчики птицъ шесть кречатовъ, и тѣ птицы кречаты, по указу великаго государя, посланы съ Тюмени къ нему великому государю къ Москвѣ: и ему Елизару съ тѣми кречатами ѣхать съ Тюмени къ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу,

всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, къ Москвѣ, и за тѣми кречетами посланы съ Тюмени помытчики, которые тѣхъ кречетовъ добыли; а ѣхать имъ Елизару съ товарыщи съ Тюмени по дорогѣ на Туринской острогъ, на Верхотурье, на Соль Камскую, на Кай городъ, на Соль Вычегодскую, на Устюгъ великій, на Тотму, на Вологду, на Ярославль, на Переславль Залѣской и до Москвы. И ѣдучи дорогою смотрѣть тѣхъ великаго государя кречатовъ и беречь накрѣпко, чтобъ тѣ великаго государя кречаты довезти до Москвы здорово, во всемъ въ цѣлости, и никоторые бы птицы своимъ небреженіемъ безъ призрѣнія не истеряти и съ голоду не поморити, и дурна никакого надъ государевыми кречетами не учинитъ; и смотрѣти имъ Елизару и служилымъ людямъ того и беречь накрѣпко надъ помытчики, которые съ тѣми кречатами съ Тюмени посланы, чтобъ они помытчики тѣхъ великаго государя кречатовъ смотрѣли жъ и берегли, съ великимъ радѣньемъ, неоплошно, и кормили во уреченное время, въ кое время кормить ихъ доведетца. А ѣдучи ему Елизару дорогою, самому беречись отъ пьянства накрѣпко и служилымъ людемъ и помытчикомъ пьянаго питья и табаку пить и зернью играть, и никакимъ воровствомъ воровать отнюдь не давать, отъ всякаго пьяного питья и отъ табаку и отъ зерни и отъ всякаго воровства и отъ блядни унимать большимъ твердымъ подкрѣпленіемъ, чтобъ ихъ служилыхъ людей и помытчиковъ нерадѣніемъ и пьянствомъ и отъ не чистыхъ и скаредныхъ людей надъ птицами великаго государя, надъ кречатами, какое дурно не учинилось, и отъ пьяныхъ и отъ нечистыхъ людей кречаты бъ не померли. А пріѣхавъ имъ Елизару съ товарыщи къ Москвѣ, подать записки о тѣхъ кречатахъ, и самимъ съ тѣми Великаго Государя кречатами явитца въ Сибирскомъ приказѣ, боярину князю Алексѣю Никитичу Трубецкому да дьякомъ Григорью Протопопову да Микитѣ Юдину, и о томъ привезсти съ Москвы на Тюмень великаго государя грамота. А буде Елизаровымъ, и служилыхъ людей, и помытчиковъ нераденьемъ и небреженьемъ безъ призрѣнія птицы великаго государя кречата истеряютца или съ голода помрутъ, или птицамъ на кормъ кречатамъ учнутъ покупать худые и мяса не чистые, или кормить станутъ не во время, или отъ ихъ пьянства и отъ нечистыхъ и скаредныхъ людей и отъ всякаго ихъ небреженья надъ птицами великаго государя, надъ кречатами, учинитца какое дурно, или кречаты умрутъ, или перья поломаютъ, или что у которые птицы попортитца: и ему Елизару и служилымъ людемъ, и помытчикомъ за то быти отъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца въ великой опалѣ, что о томъ великій государь укажетъ. Да емужъ Елисару бить челомъ на Москвѣ великимъ государемъ, чтобъ войлоки которые обиваны на кречатъ къ Москвѣ, прислать назадъ на Тюмень потому

ІС ХС НИ КА

Вдругъ скользнула съ плеча его царскаго
Стопудовая лапа медвѣжая;
Разогнулися когти и замерли,
И медвѣдь захрипѣлъ, какъ —
— удавленный
И свалился онъ на бокъ колодою.

Н. Самокишъ.

что въ Сибири на Тюмени войлоки изъ казны великихъ государей покупаютъ дорогою цѣною, да и дабывать не мочно; да и о возкахъ побить челомъ, буде мочно свезть» (Дополненіе къ Актамъ Историческ., т. IV, стр. 312 и 313, № 127).

Отъ 1667 года, Марта 20, сохранилась слѣдующая царская грамота въ Ростовъ воеводѣ Лугвенову о присылкѣ въ Москву спѣшно помытчиковъ, съ принадлежностями для ловли хищныхъ птицъ.

«Отъ Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца въ Ростовъ воеводѣ нашему Григорью Федоровичу Лугвенову. По нашему Великаго Государя указу посланъ изъ Оружейнаго Приказу самопальной Федоръ Степановъ, а велѣно ему изъ Ростова взять къ намъ Великому Государю къ Москвѣ въ оружейной Приказъ Ростовскихъ сокольихъ помочниковъ Костянтина Плешиваго съ товарыщемъ со птичьи помчи и поножи тотчасъ и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ а самопальной Федоръ въ Ростовъ пріѣдетъ и ты бъ Ростовскихъ сокольихъ помочниковъ Костянтина Плешивова съ товарыщемъ сыскавъ и выславъ къ намъ Великому Государю къ Москвѣ совсѣми птичьи помчи и поножи..... тотчасъ немотчавъ ничего недожидаясь о томъ къ себѣ иново нашего указу да о томъ отписать, а отписку велѣть подать и имъ Константину съ товарыщемъ явитись въ Оружейномъ Приказѣ къ окольничему нашему и оружейничему Богдану Матвѣевичу Хитрово да дьяку нашему Ивану Степанову» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 53—7165 г.).

Отписка Вологодскаго воеводы Константина Нащокина объ отпускѣ въ Москву привезенныхъ изъ Холмогоръ въ Вологду кречатовъ для царской охоты, относящаяся къ 1669 году (до 3 Декабря) гласитъ:

«Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, холопи твои Костка Нащекинъ, Сидка Скворцовъ челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 178 году, Октября въ 24 день, по твоему великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца указу, пришло съ Холмогоръ на Вологду водянымъ путемъ, твоихъ великаго государя семьдесятъ семь кречатовъ съ Колмогорскимъ сотникомъ стрѣлецкимъ съ Степаномъ Холоповымъ да съ кречатьи помытчики съ Ивашкой Капустинымъ да съ Трофимкомъ Ивановымъ съ товарыщи, да ноября, государь, въ 11 день, въ другомъ отпуску, пришло на Вологду жъ съ Колмогоръ твоихъ же великаго государя птицъ двадцать два кречата, съ кречатьи жъ помытчики съ Осташкою Коркавцовымъ съ товарыщи; а съ Вологды государь, тѣхъ птицъ осеннимъ времянемъ къ тебѣ великому государю къ Москвѣ до зимняго

пути отпустить было нельзѣ, потому что грязи были и воды болшіе, и чтобъ дорогою отъ болшихъ грязей и отъ осенней груды тѣмъ птицамъ порухи не учинить; а кормъ, государь, тѣмъ птицамъ, по твоему великаго государя указу и по Колмогорскимъ подорожнымъ, мы холопи твои, на Вологду и въ дорогу до Ярославля, кречатьимъ помытчикомъ Ивашку Капустину съ товарыщи, велѣли дать противъ прежнего по двѣ денги на сутки на птицу, изъ твоихъ великаго государя четвертныхъ доходовъ, по чему на Вологдѣ жъ на птицу давана корму въ прошлыхъ годѣхъ: и подъ тѣ птицы велѣли построить сани съ ящики и съ покрышками и обшивъ рогозами и войлоки, чтобъ тѣ птицы довезти къ тебѣ великому государю къ Москвѣ въ цѣлости, съ Вологды отпустили съ ними жъ съ Колмогорскимъ сотникомъ стрѣлецкимъ съ Степаномъ Холоповымъ и съ кречатьи помытчики ноября въ 26 день. А на кормъ, государь, тѣмъ кречатьимъ помотчикомъ Ивашку Капустину съ товарыщи, на тѣ твои великаго государя птицы, да въ дорогу до Ярославля на пять дней, тридцать рублевъ одинъ алтынъ, да ноября съ 11 числа по 26 жъ число двадцати двумъ кречатомъ на сутки по двѣ жъ денги жъ на птицу, и того четыре рубли двадцать алтынъ четыре денги; да подъ тѣжъ, государь птицы отъ дѣла отъ саней имъ же кречатьимъ помотчикомъ Ивашку Капустину да Осташку Коркавцеву съ товарыщи отъ двадцати семи саней тринадцать рублевъ съ полтиною; да къ тѣмъ же, государь, санемъ на лѣсъ, и на рогозы и на веревки, и на гвоздье на покупку вышло пять рублевъ шесть алтынъ четыре денги; и всего, государь, тѣмъ птицамъ, изъ твоихъ великаго государя четвертныхъ доходовъ, мы холопи твои на кормъ и отъ саней и отъ дѣла и на лѣсъ и на рогозы и на веревки и на гвоздье дали пятдесятъ три рубли одинадцать алтынъ четыре денги. И въ тѣхъ денгахъ у кречатьихъ помотчиковъ взявъ роспиську за ихъ руками, подъ сею отпискою за моею холопа твоего Сидкиною рукою послали мы, холопи твои, къ тебѣ великому государю къ Москвѣ; а отписку, государь, и роспиську велѣли подать и птицѣ объявить въ Приказѣ Новгородцкіе чети, твоему великаго государя боярину Аѳонасью Лаврентевичу Ардину Нащокину да твоимъ великаго государя думнымъ дьякомъ Гарасиму Дохтурову да Лукьяну Голосову съ товарыщи» (Дополненіе къ Актамъ Историческимъ, т. V, стр. 435, № 101).

Сохранилась царская грамота, отъ 3 Марта 1675 года, въ Тобольскъ боярину и воеводѣ Петру Михайловичу Салтыкову о добавочной присылкѣ ловчихъ птицъ:

«Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, въ Сибирь, въ Тоболескъ, боярину нашему и воеводамъ Петру Михайловичу Салтыкову да столнику Ивану Ѳедоровичу Пушкину, да дьякамъ

нашимъ Өедору Протопопову, да Григорью Михайлову. Въ прошломъ во 180 году, іюня въ 7 день, послана наша великого государя грамота въ Тоболескъ, къ боярину нашему и воеводамъ ко князю Ивану Борисовичу Рѣпнину съ товарыщи, велѣно изъ Сибири изъ Тоболска и изъ иныхъ Сибирскихъ городовъ присылати къ намъ великому государю къ Москвѣ птицъ кречатовъ красныхъ, что дастъ Богъ уловлено будетъ, да сѣрыхъ по десяти кречатовъ, да по пятнадцати челиговъ кречатьихъ на годъ. И какъ къ вамъ ся наша великого государя грамота придетъ, и вы бъ присылали къ намъ великому государю, сверхъ прежнего нашего великаго государя указу, пятнадцать кречатовъ да пятнадцать челиговъ кречатьихъ, опричь красныхъ и цвѣтныхъ и что нынѣ къ Москвѣ отпущено. А будетъ столко нынѣ въ уловѣ кречатовъ и челиговъ кречатьихъ нынѣ, и вы бъ велѣли въ Тоболску и въ иныхъ Сибирскихъ городѣхъ кречеты и челиги кречатьи промышлять съ великимъ радѣньемъ и присылать къ намъ великому государю наспѣхъ; а впредь велѣть кречатовъ и челиговъ кречатьихъ красныхъ и подкрасныхъ и цвѣтныхъ и кропленыхъ ловить по сколку Богъ дастъ и присылать къ намъ великому Государю къ Москвѣ, а сѣрыхъ по тридцати кречатовъ и тридцати же чегликовъ кречатьихъ на годъ; а въ Сибирскіе городы, въ которыхъ ловятъ кречаты, велѣлъ ты бояринъ нашъ и воевода Петръ Михайловичъ отъ себя о томъ отписать тотъчасъ» (Дополненіе къ Актамъ Историческимъ, т. VI, № 124—1).

Наконецъ, весьма интересна нижеслѣдующая справка о Сибирскихъ кречатьихъ помытчикахъ 1668—1676 годовъ.

«Въ прошлыхъ годѣхъ были въ Тоболску въ кречатныхъ помощникахъ всякихъ чиновъ люди и велѣно имъ быть по государевымъ грамотамъ, а иные верстаны въ Тоболску, да во 176 году: Литва: Гришка Измайловъ, Васка Изотьевъ, Петрушка Гагинъ, Микитка Мелниковъ; рейторы: Григорій Крушинской; конные казаки: Исачко Котинъ, Якимко Крушинской, Микитка Мелниковъ; стрѣлецъ Мишка Яркобъ, Савинко Ворогушинъ; пѣшіе казаки: Өеонка Полуяновъ, Шумилка Палкинъ, Неөедка Павловъ; служилые Татара: Ешко Кутабердѣевъ, Алмеметько Алмеметевъ, Тоненко Итѣевъ: пашенные оброчные крестьяна: Стенка Ярковъ, Кирилка Полуяновъ, а оброку на нихъ четь ржи, и тѣ служилые люди и крестьяне промышляли на великихъ государей кречатовъ по рознымъ мѣстамъ, а въ которое время служилые люди своею братею никакихъ службъ не служатъ, и карауловъ не караулятъ, издѣлей никакихъ не дѣлаютъ, а крестьяне оброчнаго хлѣба въ казну великихъ государей не платятъ, издѣлей не дѣлаютъ. Да Тоболского уѣзду въ Ашлыцкой и Тарханской волостяхъ ясашныхъ людей кречатниковъ 31 человѣкъ, а ясаку на нихъ по окладу на 96 рублевъ

30

на 24 алтына съ человѣка, противъ 3 рублевъ 4 алтынъ, а у нихъ во 174 году по переписке дѣтей и братей 21 человѣкъ. Въ Капиинской волости ясашныхъ Татаръ помошниковъ 4 человѣка, а ясаку на нихъ на 12 рублевъ на 23 алтына на 2 денги съ человѣка, противъ 3 рублевъ 3 алтынъ 2 денегъ съ полъ 1 денги, а у нихъ по переписки 174 году дѣтей и братей 7 человѣкъ. А въ прошлыхъ во 162 и во 165 годѣхъ въ дву великаго государя грамотахъ писано въ Тоболескъ къ столникамъ и воеводамъ ко князю Василью Хилкову да ко князю Алексѣю Буйносову Ростовскому съ товарищи, по челобитью тѣхъ трехъ кречатныхъ волостей ясашныхъ Татаръ, которые ясакъ платили, и имъ велѣно добывать на великихъ государей кречатовъ за весь полной ясакъ; и въ которомъ году кто на кречатьей ловлѣ будетъ, и на тотъ годъ ясаку съ нихъ имать не велѣно; а въ которомъ году кто или всѣ на кречатьей ловлѣ не будутъ, и на тотъ годъ ясакъ велѣно имать съ нихъ по окладамъ ихъ сполна противъ прежняго. Да въ прошломъ же во 167 году, въ грамотѣ великаго государя писано въ Тоболескъ къ бояриiну и воеводамъ ко князю Ивану Андреевичу Хилкову съ товарыщи, по челобитью Тарханской волости кречатныхъ помочниковъ ясашныхъ Татаръ, а велѣно ихъ кречатныхъ помочниковъ изъ Тоболска къ великимъ государемъ къ Москвѣ съ кречеты отпускать для кормли и береженья самихъ, кто въ которомъ году сколко птицъ помкнетъ, а безъ нихъ кречатовъ велѣно промышлять братьѣ и дѣтемъ ихъ или товарыщемъ, которые за тѣмъ у нихъ останутца, и кому такое дѣло за обычай, чтобъ безъ нихъ кречатья ловля не стала. И въ прошломъ во 176 году, по приговору столника и воеводы Петра Годунова съ товарыщи, служилые Русскіе люди и служилые же и ясашные Татаровя крестьяне отъ кречатьей ловли были отставлены, и служилые рускіе люди и Татара служили государеву службу по прежнему, а пашенные крестьяне пахали оброчной хлѣбъ; а въ тѣ ихъ мѣста въ кречатьи помочники прибраны были вновь изъ охотниковъ всякихъ чиновъ рускихъ людей 28 человѣкъ, а оклады имъ вновь учинены по 5 рублевъ человѣку, и тѣ кречатьи... со 177 по 179 годь промышляли на великихъ государей кречетовъ по рознымъ мѣстамъ. И въ прошломъ во 179 году, февраля 17 день да въ 23 числѣхъ, въ дву великого государя грамотахъ писано въ Тоболескъ къ бояриiну и воеводамъ ко князю Ивану Борисовичю Рѣпнину съ товарыщи, по челобитью оставленныхъ кречатьихъ помочниковъ Аиілыцкіе, Тарханской, Капканинской да Кречатьи волостей, и Агицкихъ и Ваганскихъ ясашныхъ Татаръ, а велѣно тѣмъ Татаромъ кречатьимъ помочникомъ, которыя въ прошлыхъ годѣхъ ловили на великихъ государей кречатовъ до пріѣзду въ Тоболескъ столника и воеводы Петра Годунова, ловить имъ кречаты по прежнему, а новыхъ кречатьихъ помочниковъ, что построилъ Петръ

Годуновъ, отъ кречатьи ловли, отставить, и съ Татарскихъ земель ихъ свесть и быть имъ въ тѣхъ же службахъ, гдѣ кто былъ. И въ прошломъ же во 179 году апрѣля....... 4 день, по приговору боярина и воеводы князя Бориса Ивановича Рѣпнина съ товарыщи, велѣно ясашнымъ татаромъ, по государевѣ грамотѣ, кречатовъ промышлять по прежнему, а ясаку съ нихъ, которые будутъ для промыслу на кречатьей ловлѣ, не имать, для того въ грамотахъ великого государя въ прошломъ во 162 и во 165 годѣхъ писано въ Тоболескъ: съ кречатьихъ помочниковъ, въ которомъ году будутъ на кречатьѣ ловлѣ, и съ нихъ ясаку имать не велѣно; а которые на кречатьѣ ловлѣ не будутъ и которые и будутъ, а въ поискѣ (поимкѣ?) у нихъ птицъ не будетъ, и съ нихъ ясакъ имать-ли о томъ писано о указѣ къ великимъ государемъ къ Москвѣ. Да Тоболскаго розряду въ городѣхъ и въ слободахъ кречатьихъ помочниковъ; на Тюмени 3 человѣка конныхъ козаковъ, 20 человѣкъ козачьихъ дѣтей, 3 человѣка посацкихъ людей, оброку они платили по 30 алтынъ на годъ, 1 человѣкъ захребетной Татаринъ, 8 человѣкъ пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, а оброку на нихъ было 59 четьи съ третникомъ ржи, овса тожъ, 1 человѣкъ пашенной крестьянинъ, а десятинной пашни на немъ было полдесятины съ получетью и полполчети въ полѣ, а въ дву по томужъ; да въ Тобольского уѣзду въ слободахъ: въ Исецкомъ острогѣ 12 человѣкъ, а верстаны они въ помочники во 168 году, 1 человѣкъ приказчиковъ сынъ, 10 человѣкъ драгунскихъ и бѣломѣстныхъ козаковъ дѣти, 1 человѣкъ пашенной крестьянинъ, а десятинной пашни отецъ его пахалъ десятину въ полѣ, а въ дву потомужъ; въ Бѣляковской слободѣ 8 человѣкъ, а верстаны они въ помочники во 176 году, 6 человѣкъ изъ бѣломѣстныхъ козаковъ, 1 человѣкъ ямщикъ, 1 человѣкъ бѣломѣстного казака сынъ; въ Куярской слободѣ 5 человѣкъ, а верстаны они въ помошники во 176 году, 3 человѣка крестьянскихъ дѣтей, а десятинные пашни пахали съ отцами своими и съ братьями полдесятины безъ получети въ полѣ, а въ дву потомужъ, 2 человѣка изъ гулящихъ людей; въ Ялуторовской слободѣ 7 человѣкъ, а верстаны они въ помочники во 172 и во 176 годѣхъ, 4 человѣка драгунскихъ бѣломѣстныхъ козаковъ дѣти, 3 человѣка изъ гулящихъ людей; въ Нижней Ницынской слободѣ 8 человѣкъ, а верстаны въ помочники во 176 году, 1 человѣкъ изъ драгунъ, 7 человѣкъ изъ пашенныхъ крестьянъ, а десятинной пашни пахали 2 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ; въ Терсюцкой слободѣ 2 человѣка, а верстаны они въ помочники въ 177 году, бѣломѣстныхъ козаковъ дѣти; въ Бѣшкилской слободѣ 2 человѣка, верстаны они во 179 году изъ слободчиковыхъ дѣтей; всего въ Тоболскѣ на Тюмени и въ слободахъ кречатьихъ помочниковъ Рускихъ людей и служилыхъ татаръ ясашныхъ

30*

124 человѣка; а служили тѣ всѣ кречатьи помочники въ слободахъ безъ денежного и безъ хлѣбного соляного жалованья съ пашенъ, а пашни они пахали по двѣ десятины съ полдесятиною въ полѣ, а въ дву потомужъ, а съ лишнихъ пашенъ во 176 году, по переписнымъ книгамъ дѣтей боярскихъ, иманъ у нихъ выдѣлной хлѣбъ, а со 176 по 181 годъ съ тѣхъ помочниковъ съ лишнихъ съ тѣхъ пашенъ выдѣлу не имано, потому что земли у нихъ не переписываны. А въ прошломъ во 181 году сентября въ 16 день, въ грамотѣ великого государя писано въ Тоболескъ къ боярину и къ воеводамъ ко князю Ивану Борисовичю Рѣпнину съ товарыщи, а велѣно изъ Тоболска и изо всѣхъ Сибирскихъ городовъ присылать къ великимъ государемъ къ Москвѣ птицъ кречатовъ красныхъ, что дастъ Богъ уловлено будетъ, а сѣрыхъ по 10 кречатовъ да по 15 челиговъ кречатьихъ на годъ, а кречатьихъ помочниковъ устроить кѣмъ бы сколько птицъ добыть мочно и выбрать въ кречатьи помочники тѣхъ людей........ ихъ будетъ; а которые кречатные помотчики Рускіе люди и Татара за тѣмъ будутъ въ лишкѣ, и Рускихъ людей написать въ прежніе чины, кто изъ какого чину взятъ былъ, а Татаръ въ ясашный платежъ и въ Сибирскіе городы, въ которыхъ ловятъ кречаты, о томъ писать. И въ прошломъ же во 181 году противъ той великого государя грамоты, по приговору боярина и воеводъ князя Ивана Борисовича Рѣпнина, да столника Өедора Хрущова, да дьяковъ Михаила Чиркова да Юрья Блудова, велѣно быть въ кречатьихъ помочникахъ изъ кречатьихъ же помочниковъ, которые верстаны изъ казачьихъ и изъ драгунскихъ дѣтей и изъ гулящихъ людей, и изъ захребетныхъ Татаръ, да ясашнымъ Татаромъ тѣмъ, которымъ кречатья ловля за обычай и по вся годы кречатовъ ловятъ; а служилыхъ людей и пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ; которые были въ кречатьихъ помочникахъ и досталныхъ ясашныхъ Татаръ отъ кречатья лову отставить и быть служилымъ людемъ въ службѣ, а пашеннымъ и оброчнымъ крестьяномъ въ пашнѣ, а ясашнымъ ясакъ платить по прежнему, и о томъ къ великимъ государемъ къ Москвѣ писано. И противъ приговору писано изъ Тоболска на Тюмень и въ слободы и кречатьихъ помочникахъ, а велѣно быть: на Тюмени 20 человѣкомъ казачьимъ дѣтемъ, 1 человѣкомъ захребетному Татарину, 4 человѣкомъ посадцкимъ людемъ, буде они съ своею братьею службы служатъ, а буде никакихъ службъ не служатъ и имъ быть въ посадѣ; въ Исецкомъ острогѣ 1 человѣку приказчикову сыну, 11 человѣкъ бѣломѣстныхъ и драгунскихъ дѣтей; въ Бѣляковской слободѣ 4 человѣкомъ казачьимъ дѣтямъ; въ Куярской слободѣ 2 человѣкомъ гулящимъ людемъ; въ Ялуторовской слободѣ 4 человѣкомъ драгунскимъ и бѣломѣстныхъ козаковъ дѣтемъ да 3 человѣкомъ гулящимъ; въ Нижней Ницынской слободѣ одному человѣку драгуну; въ

Глянулъ царь —
видитъ старца
маститаго,
Ряса инока; взглядъ
благовѣстника;
Въ шуйцѣ крестъ золотой,
а десницею
Опустилъ онъ топоръ
окровавленный...
Н. Самокишъ

Терсюцкомъ острогѣ 2 человѣкомъ бѣломѣстныхъ козаковъ дѣтемъ; въ Бѣшкилской слободѣ 2 человѣкомъ слободчиковымъ дѣтемъ; всего на Тюмени и въ слободахъ велѣно быть въ кречатьихъ помочникахъ 20 человѣкомъ казачьимъ дѣтямъ, 1 человѣку прикащикову сыну, 17 человѣкомъ драгунскимъ и бѣломѣстныхъ козаковъ дѣтемъ, 2 человѣкомъ слободчаниновымъ дѣтямъ, 9 человѣкомъ гулящимъ людемъ, 3 человѣкомъ посадцкимъ, 1 человѣку захребетному Татарину, и всего 54 человѣка. А кречатникомъ отъ кречатьей ловли отставленнымъ быть въ прежнихъ чинѣхъ: 8 человѣкъ служилыхъ русскихъ людей 3 человѣка служилыхъ Татаръ, 6 человѣкъ бѣломѣстныхъ казаковъ, 1 человѣка ямщика, 23 человѣкъ пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, всего 41 человѣкъ. Да во 181 году при бояринѣ и воеводахъ при князѣ Иванѣ Борисовичѣ Рѣпнинѣ съ товарыщи, которымъ кречатьими помочниками ясашнымъ Татаромъ быть розбору не было; а во 182 году, по приговору боярина и воеводъ Петра Михайловича Салтыкова съ товарыщи, велѣно...... ясашнымъ Татарамъ въ кречатьихъ помочникахъ тѣмъ, которые въ прошлыхъ годѣхъ со 158 да по 181 годъ помыкали болши дву птицъ, а которые помыкали съ тѣхъ годовъ птицы по двѣ и по птицѣ и тѣмъ велѣно быть ясачномъ платежѣ. И противъ того приговору.... (здѣсь въ подлинной памяти идутъ имена кречетьихъ помытчиковъ, указанныя у насъ въ алфавитномъ спискѣ чиновъ охоты подъ 1674 годомъ).... Да въ прошломъ во 183 году, марта въ 27-й день, въ государевѣ царевѣ и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, въ грамотѣ писана въ Тоболескъ къ боярину и воеводамъ къ Петру Михайловичю Салтыкову съ товарыщи, а велѣно въ Тоболску и въ иныхъ Сибирскихъ городѣхъ промышлять съ великимъ радѣніемъ кречатовъ и челиговъ кречатьихъ, красныхъ и подкрасныхъ и цвѣтныхъ и кропленыхъ, ловить посколку Богъ дастъ и присылать къ великому государю къ Москвѣ, а сѣрыхъ по 30 кречатовъ, да по 30 челиговъ кречатьихъ на годъ, и въ Сибирскіе городы, въ которыхъ ловятъ кречаты велѣно писать. А въ прошлыхъ годѣхъ въ грамотахъ великаго государя писано въ Тоболескъ къ бояромъ и воеводамъ, а велѣно посылать изъ Тоболска въ волости для посылки на кречатью ловлю и досмотру надъ кречатьи помочники Тоболскихъ дѣтей боярскихъ добрыхъ, кому бъ кречатья ловля за обычай. И нынѣ противъ государевы грамоты, какова прислана во 183 году, кречатовъ и челиговъ кречатьихъ, красныхъ и подкрасныхъ, цвѣтныхъ и кропленыхъ и сѣрыхъ, въ Тоболску и Тоболского розряду городѣхъ и въ слободѣхъ и въ волостяхъ указнымъ и отставнымъ помочникомъ Руских всякихъ чиновъ людемъ и Татаромъ помыкать-ли и кому быть для высылки и досмотру надъ кречатьи помочники въ волостяхъ Тоболскимъ дѣтемъ боярскимъ и служилымъ

людемъ о томъ что великаго государя указъ? 184, Октября въ 12 день, бояринъ и воеводы Петръ Михайловичъ Салтыковъ съ товарыщи сей выписки слушавъ, велѣли по государеву указу кречатовъ и челиговъ кречатьихъ, красныхъ и подкрасныхъ и цвѣтныхъ и кропленыхъ и сѣрыхъ, помыкать всѣмъ и о томъ въ городъ отписать и въ слободы памяти послать, чтобъ всѣ кречатники помыкали съ великимъ радѣніемъ» (Дополненіе къ Актамъ Историч., т. VI, № 124—111, стр. 369, 373).

О способахъ ловли см. Госуд. Арх., № 52, разр. XXVII; Катошихинъ, стр. 70; Аделунгъ, стр. 220 и др.; Бремъ, стр. 437.

[85]) Еще отъ 1629 года сохранился подтверждающій высказанное документъ, по особому интересу котораго, цитируемъ его дословно:

«Приводъ станичнаго служилаго татарина Миткина крестьянинъ Исенчюрина Васки Иванова съ ястребомъ въ посольскій приказъ и сказка онаго крестьянина».

«137-го года Марта въ 18 день въ посольской приказъ къ діакомъ къ думному Ефиму Телепневу, да къ Максиму Матюшкину привели съ купчинина двора, гдѣ стоятъ кизылбашскіе купчины стрѣльцы Микитина приказу Бестужева Осташко Васильевъ, да Иванова приказу Головленкова Ивашко Ильинъ посольскаго приказу станичного служилого татарина Миткина крестьянина Исенчюрина Васку Иванова съ ястребомъ, а сказали, что пришелъ де тотъ крестьянинъ къ купчинамъ на дворъ, а принесъ ястребъ сѣрой и учалъ продавать Кизылбашеномъ, а прошалъ за него двадцать алтынъ съ гривною, и ему де толмачи велѣли съ двора сойти, а какъ съ двора сошли, и они велѣли его взять и отослать въ посольской приказъ».

«А крестьянинъ Васка въ роспросѣ сказалъ, что онъ того ястреба поималъ въ деревнѣ тому нынѣ третей день и пріѣхалъ къ Москвѣ для того чтобъ ему тотъ ястребъ продать, и шолъ де онъ мимо купчинина двора, и его де взяли стрѣльцы и повели въ посолской приказъ, а государевы де заповѣди, что птицъ такихъ продавать не велѣно, не вѣдаетъ» (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, свитокъ 30, № 11).

[86]) Относительно царскихъ кречатень и ихъ порядковъ см.: а) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 8—7156 г., ст. 211—7160 г., ст. 149—7161 г.; б) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, свитокъ 30, № 11; в) Письма царя Алексѣя Михаиловича: къ Матюшкину (VI), къ П. С. Хомякову (III и V); г) Письма Матюшкина къ царю (I и II), Голохвастова (II и III); д) Аделунгъ, стр. 211; е) Майербергъ, стр. 159.

[87]) См. Катошихинъ, стр. 71; Госуд. Арх. № 173, разр. XXVII; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1073, л. 53, л. оборотн. 63 и 66, л. 76; кн. 1076, л. оборотн.

242, 254 и 273; кн. 1077, л. оборотн. 58; Доп. къ Акт. Истор., т. IV, № 127, стр. 312 и 313.

Такъ онъ пишетъ Матюшкину: «Да сходи къ архимандриту Чюдовскому...... да молви ему отъ меня, штобы благословилъ голубьи на мельницѣ половить» (Тамъ же, № 100—11, стр. 140). Очевидно, мельница эта и голуби составляли монастырскую собственность.

[88]) На болѣзни ловчихъ птицъ указываютъ и слѣдующія выписки:

«И грехомъ, Государь, моимъ, твои, Государевы, пьтицы занемогли, Бояринъ да Бѣляй...... пупъ, Государь, у нихъ мало не весь заволокло» (Тамъ же).

«Да послали къ вамъ Севскаго слепова сокола и вамъ бы у него глаза велѣть лечить» (Письмо Алекс. Михаил. къ Матюшкину, № VI).

Весьма интересно то обстоятельство, что въ описываемое время не только человѣкъ приносилъ облегченіе соколу при различныхъ его болѣзняхъ, но и соколъ помогалъ человѣку во время недуговъ послѣдняго. Такъ, въ «выходахъ» государей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича подъ 8 Маемъ 1661 года читаемъ: «Великій Государь легчился — билъ у правой руки жилу соколъ» («Выходы Государей», стр. 355). Тѣмъ же лѣченіемъ пользовался царь Алексѣй Михаиловичъ также 25 Мая 1663 года (тамъ же, стр. 400) и 3 Іюня 1664 года (Тамъ же, стр. 420).

Въ заключеніе отдѣла о вынашиваніи ловчихъ птицъ упомянемъ, что птицъ этихъ вынашивали не одни сокольники и другіе чины царской соколиной охоты. Такъ, въ письмѣ Голохвастова (№ 1), между прочимъ, читаемъ: «соколъ дикомытъ, чтоноситъ князь Се......; Львовъ».

[89]) См. письма царя Алексѣя Михаиловича къ Матюшкину — VI. Письма къ царю: Матюшкина I, II, III и IV, Голохвастова I—IV.

[90]) «А кречетъ Колмаюръ летитъ сажень съ пять» (Письмо Матюшкина къ Алексѣю Михаиловичу, № 1).

«А Колмаюръ, Государь, кречетъ на вабило летитъ сажень съ пя ......» (Тоже, № 11).

«А Нечай, Государь, ... летитъ добро» (Тоже, № III).

«А соколъ, Государь, Бѣляй летитъ к..... сажень съ тридцать» (II).

«А кречетъ Сибирской Колмогоръ сажень съ пять летитъ на вабило» (Письмо Голохвастова къ Алексѣю Михаиловичу, № II).

[91]) «Начай» — доноситъ Голохвастовъ царю Алексѣю Михаиловичу — «къ вабилу добре добро летитъ, а живое давать имъ какъ ты, Государь, укажешь» (Письмо Голохвастова, № II).

«А кречету Булату въ вабиле живое давали» (Тамъ же).

«А чеглику, Государь, ... (да) вали грачика въ вабиле и онъ загрысъ хорошо» (Письмо Матюшкина, № II).

«А Булату, Государь, кречету давали осорью въ вабиле и онъ загрысъ» (Тамъ же).

[92]) «По твоему Государеву указу велено кречетамъ пущѣное пущать коршаковъ» (Письмо Голохвастова, № III).

«Кречетъ Нечай далъ Богъ здоровъ, а пускали ему коршака, и онъ добылъ добре добро, охотно гораздо» (Тамъ же).

Любопытно слѣдующее приказаніе царя Алексѣя Михаиловича:

«Всякому кречету пустить по четыре осоры опричь тѣхъ осорей съ которыми на земли валятца станутъ (то-есть «которыхъ поймаютъ на лету и съ которыми пустятся на землю для терзанья и ѣды» — Примѣч. Безсонова, стр. 37) да коршака по дважды всякому кречету первослѣпа, а въ другой рядъ чтобъ ставокъ пять шесть здѣлалъ, да болши того до меня не пускать» (Письмо VI).

[93]) «А будетъ вамъ помнитца» — пишетъ царь Матюшкину — «что засидятца или позабудутъ добычю; и вамъ бы Адару и инымъ, которые поспѣли и поспѣваютъ кречеты, пускать въ суботу въ вечеру по одиново коршака; а будетъ вамъ и то помыслитца, что запускать будетъ такъ, что отъ суботы въ суботу пускать, и тебѣбъ подумать съ Васильемъ и съ Петромъ Хомяковымъ, а что вздумаете да приговорите, такъ издѣлайте: пускать ли до меня или не пускать, а мнѣ вамъ указать для того нельзя, лебо (— «ибо, пожалуй, можетъ случиться» — Безсоновъ, стр. 38) долго къ вамъ не буду изъ походу: я тепере кладуся на васъ во всемъ, какъ лутче, дакъ и дѣлайте» (Письмо, № VI).

[94]) О вынашиваніи см.: а) Письма Алексѣя Михаиловича: къ Матюшкину VI, XX и др.; къ Хомякову—II; б) Письма къ царю: Матюшкина, въ особенности I—IV; Голохвастова, въ особенности I—III; г) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 172—7166 г., и д) сравн. Бремъ, т. III, стр. 438 и 439.

[95]) См. Госуд. Арх., № 52, разрядъ XXVII; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 282, л. 368; кн. 302, л. 21; кн. 303, л. оборотн. 285; кн. 1075, л. оборотн. 65; Письма царя Алексѣя Михаиловича, въ особенности VII, X, XII и XX; Катошихинъ, стр. 70; Забѣлинъ, «Опыты изученія древн.», стр. 225; Савваитовъ, стр. 287; «Москвитянинъ», 1854 г., стр. 76; Галлеръ «Очерки соколиной охоты» въ «Природѣ и Охотѣ», 1886 г., № IX; ст. С. Т. Аксакова въ приложеніи къ «Собран. писемъ царя Алексѣя Михаиловича».

[96]) О птичьихъ нарядахъ см. Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 223—7140 г.; столб. 24—7143 г.; столб. 28—7143 г.; столб. 77—7145 г.; столб. 17—7149 г.; столб. 87 и 97—7150 г.; столб. 177—7169 г.; столб. 100—7139 г.; Госуд. Арх., № 52, разр. XXVII; Акты Истор., т. IV, № 124; Дополн. къ Акт. Ист., т. IV, № 124—II; «Собран. писемъ царя Алексѣя Михаиловича» и примѣч. къ нимъ Безсонова; Галлеръ «Очерки сокол. охоты»; Саввантовъ, стр. 163 и 197.

[97]) Въ описываемое время на пернатую дичь охотились не только съ соколами, ее стрѣляли не только изъ ружей («птичьи стрѣлки»), или луковъ,—дичь эту добывали и при помощи различныхъ ловушекъ и манковъ, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить. Вслѣдствіе того, что какъ тѣ, такъ и другіе предметы встрѣчаются въ описяхъ принадлежностей царской птичьей потѣхи государя Алексѣя Михаиловича, можно предположить, что ловля пернатой дичи силками, тайниками и проч. производилась и чинами сокольничья пути. А то, что ею занимались въ то время люди частные, устраивавшіе для этого спеціальныя птичьи привады, явствуетъ изъ слѣдующихъ узаконеній, интересныхъ для насъ и потому, что изъ нихъ усматривается взглядъ законодателя-царя на право собственности въ области охоты. Въ X Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича, между прочимъ, читаемъ:

«А кто сдѣлаетъ въ своемъ угодьѣ птичью приваду и у той привады птицъ прикормитъ, а иной кто по недружбѣ ту птичью приваду испортитъ и птицъ отъ той привады отгонитъ или у той привады учнетъ птицы ловити насильствомъ или учнетъ стрѣляти, а тотъ, чья привада, учнетъ на него бити челомъ Государю и съ суда сыщется про то его насильство допряма: и на немъ велѣти истцовъ искъ доправити по сыску и отдати истцу» (Первое Полное Собраніе Законовъ, стр. 51, т. I, ст. 216).

«А будетъ кто такую птичью чужую приваду испортитъ, измажетъ дегтемъ или чеснокомъ или инымъ чѣмъ нибудь и тѣмъ птицъ отъ тоя привады отгонитъ или кто тетеревиный шатеръ или куропатную сѣтку украдетъ и въ томъ на него будутъ челобитчики и съ суда про то сыщется допряма и на немъ за то доправити истцу за шатеръ тетеревиный 3 рубли, а за куропатную сѣть рубль; а за то что онъ ту птичью приваду испортилъ, учинить ему наказанье, бить батоги нещадно, чтобы ему и инымъ такимъ неповадно было впредь такъ дѣлать» (Первое Полное Собр. Законовъ, стр. 51, т. I, ст. 217).

[98]) Такъ, 13 Февраля 1675 года думному дворянину и ловчему Московскаго пути было указано «со всею потѣхою быти готову, противъ прежняго, на Москвѣ рѣкѣ съ медвѣди, съ гонцами, и которыхъ колоть рогатинами и съ вилами ходить охотникомъ и псарямъ; и съ волки и съ лисицы и съ собаки борзыми и съ меде-

31

лянскими; а указано ему быть готову послѣ ранняго кушанья совсѣмъ и ждать его великаго государя указу». Потѣхи, однакоже, въ этотъ день по какимъ-то обстоятельствамъ не было (Дворц. Разр., т. III, стр. 1230).

Въ сказаніи Рейтенфельса, между прочимъ, читаемъ, что въ одну изъ «субботъ на масляной, на Москвѣ рѣкѣ на льду была травля бѣлыхъ Самоѣдскихъ медвѣдей британами и другими сабаками страшныхъ породъ. Эта сцена порядочно позабавила, потому что и медвѣди и собаки не могли крѣпко держаться на ногахъ и скользили по льду» (Сказаніе Рейтенфельса, стр. 16).

[99]) Приводимъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣ извѣстныя намъ потѣхи, съ указаніемъ особо отличившихся въ нихъ дѣйствующихъ лицъ:

Первая по времени медвѣжья потѣха въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича, судя по дошедшимъ до насъ документамъ, относится къ 30 Января 1614 года. Героемъ этой потѣхи является конный псарь Степанъ Айгустовъ, бившійся съ медвѣдемъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 199, л. оборотн. 275).

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ того же года «царя потѣшали трое стрѣльцовъ, въ томъ числѣ Семыка Ѳедоровъ; у нихъ на потѣхѣ медвѣдь разодралъ кафтаны» (Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62).

7 Февраля 1615 года за бой съ медвѣдемъ была выдана награда конному псарю Константину Іевлеву (Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 277, л. 167).

13 Февраля 1616 года такую же награду получилъ конный псарь Яковъ Яковлевъ (Тамъ же, кн. 278, л. 128).

17 Октября того же года пѣшій псарь Жданко Ивановъ былъ награжденъ за то, что «былъ онъ на его Государевѣ потѣхѣ дразнилъ гончаго медвѣдя» (Тамъ же, кн. 279, л. 46).

16 Ноября того же года награждено 7 человѣкъ пѣшихъ псарей за то, что «медвѣди изодрали на нихъ зипуны» (Тамъ же, кн. 279, л. оборотн. 59).

Наконецъ, 31 Декабря того же года награжденъ пѣшій псарь Кондрашка Корчминъ за то, что на государевой потѣхѣ его «медвѣдь измялъ и платье на немъ ободралъ» (Тамъ же, кн. 279, л. 114).

«Черезъ годъ, въ генварѣ 1618 года онъ же (Корчминъ) опять потѣшалъ царя медвѣдьимъ боемъ» (Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62).

13 Февраля 1618 года была выдана награда ловчаго пути охотнику Ивану Теряеву «за то, что медвѣди его драли» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 203, л. оборотн. 232).

24 Марта того же года награжденъ задворный конюхъ Иванъ Столешниковъ «за то, что на Государевой потѣхѣ ево дралъ медвѣдь» (Тамъ же, кн. 203, л. 319).

Поднялся Государь — нѣту инока —
Какъ во снѣ приходилъ — и ни кѣмъ никого
На полянкѣ и между деревьями,
Только звѣрь околѣлый валяется,
И башка у него вся раскроена. —
Постоялъ Государь, — поглядѣлъ кругомъ
И пошелъ въ монастырь, призадумавшись...

9 Января 1619 года — награда конному псарю Петрушкѣ Горностаю за то, «что была на Дворцѣ у Государя потѣха и онъ Петруша на той потѣхѣ тѣшилъ Государя бился съ дикимъ медвѣдемъ и медвѣдя убилъ» (Тамъ же, кн. 204, л. 237).

14 Февраля 1619 года тотъ же Петруша Горностай получилъ новую награду «за то въ нынѣшнемъ во 127 году Генваря въ 29 день тѣшился Государь дикими и дворными медвѣди и на той потѣхѣ ево Петрушу ѣлъ дикой медвѣдь» (Тамъ же, кн. 204, л. 355).

21 Іюня того же 1619 года — награда ловчаго пути охотнику Ивану Теряеву «за то, что у него медвѣдь изъѣлъ лѣвую руку» (Тамъ же, кн. 204, л. 717).

Въ Февралѣ 1620 года бился на потѣхѣ съ медвѣдемъ пѣшій псарь Кондратъ Корчминъ (Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62).

5 Ноября 1620 года — награды псарямъ: конному Кондратью Корчмину да пѣшему Сенькѣ Омельянову за то, «что тѣшился Государь Сентября въ 11 число на старомъ Царевѣ Борисовѣ дворѣ дворными медвѣди гонцами и у Кондрашка медвѣдь изъѣлъ руку, а у Сенькѣ изъѣлъ голову» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 206, л. 86).

12 Января 1621 года коннымъ псарямъ Озорному, Санину, Дмитріеву, Корчмину и Кузьмину — награды за борьбу съ дикими медвѣдями (Тамъ же, кн. 206, л. 229).

За то жъ получили награды 9 Февраля того же года конный псарь Нехорошій (тамъ же, кн. 206, л. оборотн. 267) и 13 Февраля конные псари Слотовъ и Молчановъ (Тамъ же, кн. 206, л. оборотн. 270).

Того же 13 Февраля — награды пѣшему псарю Кондрашкѣ Корчмину съ товарищами, 10 человѣкамъ, за то, что во время государевой потѣхи въ среду на масляной недѣлѣ изодрали на нихъ медвѣди кафтаны (Тамъ же, кн. 206, л. 271).

15 Февраля этого же года — награды коннымъ псарямъ Спирѣ Черному и Тарасу Ѳедорову за борьбу съ дикими медвѣдями при оружіи — вилахъ на потѣхѣ, происходившей «въ мясное заговѣнье» (тамъ же, кн. 206, л. 272), а 19 числа того же Февраля — награда псовнику ловчаго пути Степану Ябедину за то, что «закололъ онъ дикаго медвѣдя въ пятницу на масляной недѣлѣ (Тамъ же, кн. 206, л. 282).

3 Января 1622 года — награда, портище сукна настрафиля лазореваго, цѣною въ 2 рубля 50 копѣекъ, постельному сторожу Петрушкѣ Мекотину за то, что «тѣшился Государь на дворцѣ дворными и дикими медвѣди генваря во 2 числѣ и онъ Петруша передъ Государемъ дворныхъ медвѣдей дражнилъ и съ дикимъ медвѣдемъ бился вилами и его дикой медвѣдь ѣлъ» (Тамъ же, кн. 207, л. оборотн. 174).

23 Марта того же года пѣшій псарь Кондратъ Корчминъ съ братомъ Иваномъ и тремя товарищами получили награду за то, что бились вилами съ дикими медвѣ-

31*

цями 28 Февраля, въ четвергъ на масляной недѣлѣ (Тамъ же, кн. 207, л. оборотн. 285, и Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62).

18 Ноября того же года — награда пѣшимъ псарямъ Ивану Дрожжину съ товарищами, въ числѣ 13 человѣкъ, «за то, что на потѣхѣ дворные гончіе медвѣди ободрали и нихъ платье» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 208, л. оборотн. 36).

2 Декабря того же года — награда псовнику Василію Федорову сыну Усову за изодранное платье на потѣхѣ съ гончими медвѣдями 1 Декабря (Тамъ же, столб. 7—7131 года).

31 Декабря того же 1622 года — награда также за изодранное медвѣдями платье на потѣхѣ во дворцѣ 31 же Декабря псовнику Степану Ябедину (Тамъ же, кн. 208, л. оборотн. 131).

25 Февраля 1623 года Канинскій Самоѣдинъ Семейка получилъ 3¾ аршина сукна кострыщу червчатаго, по 23 алтына 2 деньги за аршинъ, за то, что на масляной недѣлѣ 18 Февраля, во вторникъ бился онъ съ дикимъ медвѣдемъ (Тамъ же, кн. 208, л. оборотн. 210).

5 Марта того же года — награды коннымъ псарямъ Орефейку Микифорову, Семейкѣ Толстову и Кирилку Иванову и постельному сторожу Петрушкѣ Григорьеву за бой вилами съ дикими медвѣдями на прошедшей къ тому времени масляной недѣлѣ (Тамъ же, кн. 208, л. оборотн. 267 и 268).

20 Іюня 1625 года — награда за бой съ дикимъ медвѣдемъ на потѣхѣ въ селѣ Рубцовѣ конному псарю Кондрату Корчмину (Тамъ же, кн. 280, л. оборотн. 462).

17 Января 1626 года — награда псарю Сенькѣ Омельянову и 20 Января того же года — награды псарямъ Ивану Санину и Стенкѣ Васильеву за борьбу съ дикими медвѣдями вилами (Тамъ же, кн. 281, л. оборотн. 198 и 200).

31 Января того же года — награда ловчаго пути охотнику Алексѣю Титову за то, что на дворцовой потѣхѣ «дикой медвѣдь ѣлъ его заголову и зубы выломалъ» (Тамъ же, кн. 281, л. оборотн. 215).

Въ Октябрѣ того же года «бился съ дикими медвѣдями вилами постельный истопникъ Панка Гачинкинъ въ селѣ Покровскомъ» (Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62).

«Въ Ноябрѣ 1626 года пѣшій псарь Кондратъ Корчминъ бился съ дикимъ медвѣдемъ вилами и медвѣдя поставилъ, да онъ же въ селѣ Рубцовѣ передъ государемъ на потѣхѣ медвѣдя убилъ рогатиною» (Тамъ же).

16 Февраля 1627 года — награда пѣшему псарю Марку Юрьеву за бой съ дикимъ медвѣдемъ вилами въ среду на масляной недѣлѣ, а 4 Марта того же года — на-

града за то же въ понедѣльникъ на масляной недѣлѣ постельному сторожу Петрушкѣ Григорьеву (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 282, л. 181 и л. оборотн. 211).

Въ Ноябрѣ того же года въ Тонинскомъ селѣ на потѣхѣ медвѣдь бралъ истопника Илью Севрюкова (Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62).

7 Февраля 1628 года — награда конному помѣстному псарю Осипу Молчанову за то, что «тѣшилъ Государя бился съ медвѣдемъ дикимъ вилами добро» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 283, л. 175).

За добрый же бой съ дикимъ медвѣдемъ на масляной недѣлѣ этого же года, въ субботу, получилъ награду 23 Февраля конный псарь Степанъ Васильевъ (тамъ же, кн. 283, л. 184), а бившійся тогда же съ дикимъ медвѣдемъ князь Иванъ Гундуровъ получилъ 9 аршинъ камки адамашки, всего на 2 рубля 75 копѣекъ (Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62).

25 Октября 1631 года получилъ портище настрафиля лазореваго, цѣною въ 2 рубля 25 копѣекъ, подключникъ Тимофей Өедоровъ «за то что его въ Покровскомъ селѣ на потѣхѣ гончей медвѣдь бралъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 287, л. оборотн. 55), и тогда же боярина князя И. Б. Черкаскаго человѣкъ Андрей Слѣпой получилъ за то же сукно и камку, всего на 8 рублей. Эта относительно весьма высокая награда заставляетъ Забѣлина предположить, что Андрей Слѣпой «не прозвищемъ только, а на самомъ дѣлѣ былъ слѣпой; тогда потѣха конечно представляла еще больше занимательнаго» («Бытъ царицъ», стр. 459—62).

«Въ томъ же Октябрѣ мѣсяцѣ стряпчій конюхъ Степанъ Карповъ тѣшилъ Государя въ селѣ Тонинскомъ, билъ въ барабанъ и медвѣдя дразнилъ и медвѣдь его бралъ» (Тамъ же).

7 Ноября того же года — награда конному псарю Алексѣю Меркульеву за то, что «его медвѣдь бралъ» на государевой потѣхѣ, вѣроятно, на дворцѣ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 287, л. оборотн. 75).

14 и 15 Февраля 1632 года — награды коннымъ псарямъ Ивану Исаеву, Спиридону Муромцеву, Петру Молчанову и Алексѣю Меркульеву за борьбу съ дикими медвѣдями вилами на масляной недѣлѣ во вторникъ, 9 Февраля (Тамъ же, кн. 287, л. 193).

«Въ Февралѣ же 1632 года на потѣхѣ медвѣдь бралъ сына боярскаго Галичанина Өедора Сытина, который получилъ за потѣху сукно на однорядку, дороги гилянскіе на ферези, да на кафтанъ и на приклады къ платью деньгами 5 рублей съ полтиною, всего весь нарядъ 14 рублей. Въ томъ же году на масляной недѣлѣ медвѣдь бралъ на потѣхѣ жильца Бориса Ушакова, которому дано на платье больше 6 рублей» (Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62).

23 Февраля 1634 года — награда пѣшему псарю Герасимку Степанову за то, что «на масляной недѣлѣ въ суботу Государь Царевичъ князь Олексѣй Михайловичъ тѣшился дворными медвѣдями и на той потѣхѣ на немъ Герасимкѣ медвѣди кафтанъ изодрали» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 289, л. 426).

11 Ноября того же года — награда птичьему стрѣлку Исаю Быковскому за то, что «какъ Государь тѣшился медвѣдемъ гонцомъ и медвѣдь изломалъ и платье на немъ изодралъ» (Тамъ же, кн. 290, л. 146).

14 тоже Ноября — награда псарямъ Алексѣю Меркульеву, Андрею Курбатову, Игнатію Левонтьеву и Якову Семенову за борьбу съ дикими медвѣдями въ селѣ Рубцовѣ (Тамъ же, кн. 290, л. оборотн. 150).

20 Декабря того же года человѣкъ боярина князя Ивана Борисовича Черкасскаго Гаврила Жуковъ получилъ 3 рубля за борьбу въ селѣ Рубцовѣ съ дикимъ медвѣдемъ вилами (Тамъ же, кн. 290, л. 216).

«Въ 1635 году, въ Ноябрѣ, конный псарь Алексѣй Меркульевъ самъ-четвертъ съ товарищами бился съ дикими медвѣдями добро въ селѣ Рубцовѣ» (Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62).

«Въ Генварѣ 1636 года на дворцѣ бился съ медвѣдемъ стрѣлецъ Гаврила Савельевъ, и медвѣдь его дралъ и кафтанъ изодралъ и голову испробилъ» (Тамъ же).

10 Марта того же года — награды за борьбу съ дикими медвѣдями вилами на масляной недѣлѣ, 28 Февраля, коннымъ псарямъ Алексѣю Меркульеву и Григорью Иванову и пѣшимъ псарямъ Елистратку Афонасьеву да Ивашку Яковлеву «прозвище Путивлцу» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 291, л. оборотн. 230 и л. 231).

6 Ноября того же года — награда Черкашенину (Малороссу) Лукашу Григорьеву, настрафиль лазоревый въ 2 рубля, за то, что «въ селѣ Покровскомъ — Рубцовѣ на потѣхѣ медвѣдь гонецъ изодралъ на немъ зипунъ да помялъ руку» (Тамъ же, кн. 292, л. оборотн. 62).

«Въ Декабрѣ 1636 года въ селѣ Рубцовѣ медвѣдь гонецъ изломалъ псовника Василія Усова и платье на немъ ободралъ» (Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62).

26 Мая 1637 года дано жильцу Алексѣю Зевеному 4 аршина вишневаго англійскаго сукна, цѣною по 1 рублю за аршинъ, да 2 рубля на шапку за то, что «тѣшилъ онъ Государя въ селѣ Покровскомъ въ Рубцовѣ боролся съ дворнымъ медвѣдемъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 292, л. оборотн. 244).

Послѣ этого въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ свѣдѣній о медвѣжьихъ дворцовыхъ потѣхахъ у насъ не имѣется.

28 Сентября 1640 года — награда задворному конюху Степану Карпову сукнами, всего на 4 рубля $57\frac{1}{2}$ копѣекъ за то, что «тѣшился Государь въ селѣ Коломенскомъ медвѣди гонцы, а онъ Степанъ передъ тѣми медвѣди бѣгалъ и платье на немъ однорятку и штаны медвѣди изодрали» (Тамъ же, кн. 296, л. 18).

Послѣ этой потѣхи опять въ промежутокъ около четырехъ лѣтъ мы не встрѣтили указаній о дворцовыхъ потѣхахъ.

Въ 1644 году такая потѣха была, но котораго числа мы не знаемъ. Отъ этого года сохранилась нижеслѣдующая челобитная коннаго псаря Микиты Шевелева: «Царю Государю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всеа русіи бьетъ челомъ холопъ твой ловчево пути конной псарь Микитка Шевелевъ тѣшилъ я холопъ твой тебя Государя дразнилъ медвѣдя, и меня холопа твоего медвѣдь ламалъ и глазъ у меня испортилъ Милосердый Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Өедоровичъ всеа русіи пожалуй меня холопа своего на рану а чѣмъ тебѣ праведному Государю Господь Богъ извѣститъ. Царь Государь смилуйся» (Тамъ же, столб. 24—7152 года).

Первая медвѣжья потѣха въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича, судя по имѣющимся даннымъ, относится къ началу 1646 года. 27 Января этого года была выдана награда конному псарю Алексѣю Меркульеву «для того въ нынѣшнемъ во 154 году въ Государевѣ походѣ въ Звенигородскомъ уѣздѣ въ селѣ Павловскомъ тѣшилъ онъ Государя бился съ дикимъ медвѣдемъ съ вилами» (Тамъ же, столб. 62—7154 г.).

16 Февраля того же года боярина Бориса Ивановича Морозова люди Кондратій Лунинъ и Трофимъ Левашевъ получили: первый — сукно лундышъ, а второй — настрафиль, за то, что «імалися они съ медвѣдемъ какъ Государь былъ въ селѣ Павловскомъ въ нынѣшнемъ 154 году Генваря въ 31 день» (Тамъ же, столб. 84—7154 года). За то же люди того же боярина, Иванъ Брылкинъ и сынъ его Потапъ, получили 16 же Февраля: первый—сукно лундышъ, а второй—англійское (Тамъ же, столб. 85—7154 г.).

14 Марта 1647 года человѣкъ московскаго ловчаго Ивана Леонтьева, Потапъ Ивановъ, татаринъ, получилъ сукно кострышъ въ 2 рубля за то, что «бился съ медвѣдемъ въ государевѣ дворцовомъ селѣ Покровскомъ» (тамъ же, кн. 302, л. оборотн. 98), а 16 того же Марта — награды коннымъ псарямъ, Матвѣю Молчанову съ товарищами, въ числѣ 7 человѣкъ, и пѣшимъ псарямъ, Өедкѣ Сторожеву съ товарищами, въ числѣ 6 человѣкъ, за то, что «въ нынѣшнемъ во 155 году Февраля въ 22 день тѣшили они Государя дикими медвѣди на псарнѣ» (Тамъ же, кн. 302, л. оборотн. 100).

Въ 1648 году, Января 8, выданы были награды людямъ боярина Бориса Ивановича Морозова: Ивану Брылкину—сукно полукармазинъ вишневый въ 3 рубля 60 копѣекъ «да Оверки Степанова сыну его Ѳонькѣ»—настрафиль лазоревый въ 1 рубль 94 копѣйки за то, что «бились они съ медвѣдемъ» (Тамъ же, кн. 303, л. 80).

12 Января и 20 Февраля того же года—награды охотникамъ ловчаго пути Ивану Ябедину и Осипу Аристову и коннымъ псарямъ Ивану Исаеву, Микифору Озорному, Микитѣ Шевелеву и Любиму Молчанову за то, что «они въ Звенигородскомъ и въ Можайскомъ и въ Боровскомъ походѣ были и въ селѣ Покровскомъ, и въ селѣ Урюпинѣ дворновою потѣхою» (Тамъ же, кн. 303, л. оборотн. 118 и столб. 90—7156 г.).

25 Февраля того же года выданы были награды охотникамъ ловчаго пути: Алексѣю Меркульеву, Семену Головцыну и Еремѣю Теряеву, да псарямъ: Ивану Ябедину, Макару Сафонову, Матвѣю да Ивану Осиповымъ, дѣтямъ Молчановымъ, Давыду Данилову, Семену Терентьеву, Ѳедору Иванову, Евдокиму Матвѣеву, Григорью Трофимову, Игнатью Онисимову, Игнатью Гордѣеву и Якову Озорному за то, что «какъ государь тѣшился на своемъ псаренномъ дворѣ на сырной недѣлѣ, а они съ дикими медвѣдями бились вилами добро» (Тамъ же, кн. 303, л. 123 и 124).

29-го того же Февраля человѣку боярина Бориса Ивановича Морозова, Левкѣ Афанасьеву, дано сукно настрафиль лазоревый въ 1 рубль 96 копѣекъ за то, что «тѣшилъ онъ Государя въ нынѣшнемъ въ Звенигородскомъ и въ Можайскомъ и въ Боровскомъ походѣ въ селѣ Павловскомъ медвѣжьею потѣхою» (Тамъ же, кн. 303, л. оборотн. 127).

14 Марта того же года получилъ настрафиль лазоревый въ 1 рубль 85 копѣекъ нижегородецъ Ѳедоръ Васильевъ сынъ Теряевъ за то, что «въ нынѣшнемъ во 156 году Февраля въ 10 день тѣшился Государь на своей государевой псарнѣ ступными (?)—спускными медвѣди, и на той потѣхѣ медвѣдь на немъ однорядку изодралъ» (Тамъ же, кн. 303, л. оборотн. 146).

18 Января 1649 года—награда охотнику ловчаго пути Тимофею Невѣрову за то, что «во 156 году (кажется, ошибка въ спискѣ; должно быть, «во 157 году») Генваря въ 4-й день на царя борисовскомъ дворѣ ступной (?) медвѣдь изодралъ на немъ однорядку да кафтанъ» (Тамъ же, кн. 304, л. 114). Тотъ же охотникъ получилъ новую награду 24 Февраля того же года «какъ тѣшился государь на царе-борисовскомъ дворѣ въ нынѣшнемъ во 157 году Февраля въ 3-й день дикими медвѣди и у него Тимоѳея на той потѣхи дикіе медвѣди кафтанъ и однорядку съ ферезми» (вѣроятно, пропущено слово «изодрали»). (Тамъ же, кн. 304, л. 140).

А пришелъ, все сказалъ настоятелю
И велѣлъ привести честныхъ иноковъ
Передъ очи свои государевы:
Всѣ пришли, а его избавителя
Между честными старцами не было
Царь и крѣпче того призадумался;
«Помощь свыше, десница Господняя!...»
Молвилъ онъ и пошелъ въ церковь Божію.

15 Февраля того же года — награда конному псарю Павлу Будаеву: «въ нынѣшнемъ во 157 году въ государевѣ походѣ въ селѣ Тонинскомъ бился онъ съ дикимъ медвѣдемъ и его медвѣдь ѣлъ и губу испортилъ и кафтанъ изодралъ» (Тамъ же, кн. 304, л. 136).

20 Ноября того же года — награды охотникамъ ловчаго пути: Алексѣю Усову, Ивану Перхурову и Михаилу Молчанову: «тѣшился Государь въ селѣ Покровскомъ Ноября въ 10-й день дикимъ медвѣдемъ, а они съ медвѣдемъ бились» (Тамъ же, кн. 305, л. 28).

23 Апрѣля 1650 года — награда охотнику ловчаго пути Еремѣю Теряеву: «тѣшился государь на сырной недѣлѣ во вторникъ въ селѣ Хорошовѣ дикими медвѣди, и на немъ Еремѣѣ дикой медвѣдь однорядку изодралъ» (Тамъ же, кн. 305, л. 127).

26 Февраля 1651 года указалъ государь выдать конному псарю Никифору Озорному съ 8 человѣками товарищей по сукну за то, что «бились они на Государевѣ потѣхѣ, на Его Государевой псарнѣ съ дикими и ходили съ вилами» (Тамъ же, столб. 41—7159 г.). Однако, награда эта не была выдана псарямъ сразу. Сохранилась слѣдующая челобитная, относящаяся къ этому году: «Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Всея Русіи бьютъ челомъ холопи твои Ловчева пути конные псари Микифорка Озорной самъ девятъ съ товарыщи какъ былъ ты праведный Государь на своей Государевой псарьни на Ваганьковѣ и мы холопи твои тѣшили тебя Государя бились съ дикими медвѣди и за то пожаловалъ ты Государь насъ холопей своихъ, своимъ Царьскимъ жалованьемъ сукнами, и намъ холопемъ твоимъ на казенномъ Дворѣ суконъ недали у насъ скать суконъ нѣтъ и мы холопи твои били челомъ тебѣ праведному Государю и твое Царское жалованье подписная челобитная сошла намъ холопемъ твоимъ велѣно дать сукна а будетъ нѣтъ суконъ Ино дать деньги и по подписной челобитной намъ холопемъ твоимъ на казенномъ дворѣ отказали нѣтъ де у насъ ни сукна ни денегъ Милосердый Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи пожалуй насъ холопей своихъ вели Государь намъ дать свое Царское жалованье сукна или деньги за сукна Царь Государь смилуйся пожалуй» (Тамъ же, столб. 62—7159 г.).

Въ томъ Февралѣ мѣсяцѣ выдана была награда конному псарю Якову Озорному за то, что «бился съ дикимъ медвѣдемъ на Государевѣ потѣхѣ на Царя Борисовскомъ дворѣ въ нынѣшнемъ во 159 году на масленицѣ» (Тамъ же, столб. 41—7159 г.).

Послѣ этого не имѣется свѣдѣній о медвѣжьихъ потѣхахъ за періодъ времени, превосходящій 10 лѣтъ.

32

Далѣе, 3 Апрѣля 1661 года — награда «псовые охоты корытному приказчику» Терентью Фролову за медвѣжій бой (тамъ же, кн. 317, л. оборотн. 321) и, наконецъ, послѣдняя, извѣстная намъ, медвѣжья потѣха была при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ въ Мартѣ мѣсяцѣ 1663 года, когда 31 числа, выдана была награда тому же Фролову (Тамъ же, столб. 249—7171 г.). Однако, можемъ сказать съ полною увѣренностью, что эта потѣха въ дѣйствительности послѣднею не была, чему наиболѣе положительнымъ указаніемъ служитъ то обстоятельство, что даже въ 1675 году существовала, какъ мы видѣли въ началѣ настоящей главы, вся организація медвѣжьей потѣхи, а самая потѣха была назначена на 13 Февраля и отмѣнена, повидимому, лишь по какой-то случайности.

[100]) См.: а) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 203, л. оборотн. 232 и л. 319; кн. 204, л. 237, 303, 331, 355, 717; кн. 206, л. 82, л. оборотн. 229, л. оборотн. 267, л. оборотн. 270, л. 271, 272 и 282; кн. 207, л. оборотн. 174, л. оборотн. 285; кн. 208, л. оборотн. 36, л. 131, л. оборотн. 131, л. оборотн. 210, 267 и 268; кн. 277, л. 167; кн. 278, л. 128; кн. 279, л. 46, л. оборотн. 59, л. 114, л. 177; кн. 280, л. оборотн. 462; кн. 281, л. оборотн. 198, 200 и 215; кн. 282, л. 11, л. оборотн. 211, л. 62; кн. 283, л. 175 и 184; кн. 287, л. оборотн. 55 и 75 и л. 173; кн. 289, л. 426; кн. 290, л. 146, л. оборотн. 150 и 216; кн. 291, л. оборотн. 230 и 231; кн. 292, л. оборотн. 62 и 244; кн. 296, л. 18; кн. 302, л. оборотн. 98 и 100; кн. 303, л. 80, л. оборотн. 118, л. 123—125, л. оборотн. 127 и 146; кн. 304, л. 136 и 140; кн. 305, л. 28 и 127; кн. 317, л. оборотн. 321; столбцы: 7—7131 г.; 24—7152 г.; 62, 84 и 85—7154 г.; 90—7156 г.; 41 и 62—7159 г., и 249—7171 г.; б) Дворц. Разряды, т. II, 27; т. III, 1230; в) Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 98, стр. 138—139; г) Рейтенфельсъ, 16; д) Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 452—463.

Грамотой отъ 23 Октября 1657 года Іона, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, указывалъ, чтобы въ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ «отнюдь. . . . медвѣжихъ поводчиковъ не было. . . . . а буди такіе люди предь объявятся и указу сего святителского не послушаютъ, поводчики съ медвѣди учнутъ ходити . . . . . или мірскіе люди тѣхъ. . . . . медвѣжихъ поводчиковъ съ медвѣди въ домы своя пускати, а ему великому святителю про то вѣдомо учинится, и тѣмъ людемъ. . . . . и медвѣжимъ поводчикомъ быть отъ него святителя въ великомъ смиреніи и наказаніи безъ пощады и во отлученіи отъ церкви Божіи» (Акты Археографической Экспедиціи Академіи Наукъ, т. IV, № 98, стр. 138—9).

[101]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 303, л. 125; Забѣлинъ, «Бытъ цар.», стр. 463.

[102]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 282, л. 62; Забѣлинъ, тамъ же.

[103]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 279, л. 177; кн. 299, л. оборотн. 132; Забѣлинъ, тамъ же.

[104]) Общ. Арх. Мин. Двора, ст. 1—7126 г.; Рук. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 27, свитокъ 12; Катошихинъ, стр. 69, 70, 71 и 75.

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, попрежнему, вся царская охота состояла при Конюшенномъ приказѣ, и дѣла, касавшіяся общихъ, такъ сказать, общегражданскихъ правъ личнаго состава царской охоты, вѣдались приказомъ Большого дворца (Рукоп. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 27, свитокъ 12. Рукописи Арх. Мин. Двора, столбецъ 1—7126 г. и др.). При Алексѣѣ же Михаиловичѣ часть царской охоты, а именно охота соколиная, вѣдалась приказомъ Тайныхъ Дѣлъ.

«Да въ томъ же Приказѣ» (Конюшенномъ), говоритъ современникъ царя Алексѣя Михаиловича, Катошихинъ, «вѣдомо царская зимняя и лѣтняя потѣха на звѣри: лосиная, оленья, медвѣжья, волчья, заечья, тянеты, и псами; и устроены для той потѣхи подъ Москвою лѣсные рощи, а въ нихъ дворы, отъ Москвы по 7 и по 10 и по 15 и по 20 верстъ и больши. А для ловли тѣхъ звѣрей и для потѣхи, устроены потѣшники и ловцы, псари, со 100 человѣкъ, да псовъ съ 100 жъ. А ловятъ тѣхъ звѣрей тенеты, ночною порою, и отъ Москвы верстъ по 30 на всѣ стороны никому въ своихъ лѣсахъ и угодьяхъ такихъ звѣрей ловити и бити не велѣно, и заказано подъ жестокимъ наказаніемъ и пенею; а будетъ кто въ тѣхъ заповѣдныхъ лѣсахъ про свой обиходъ сѣчь лѣсъ, и такому поимавъ бываетъ жестокое жъ наказаніе и пеня» (Катошихинъ, стр. 69).

Далѣе, читаемъ у Катошихина же: «Да въ томъ же Приказѣ (въ приказѣ Тайныхъ Дѣлъ) вѣдомо царская лѣтняя потѣха, птицы кречеты, соколы, ястребы, челиги и иные; а бываетъ тѣми птицами потѣха на лебеди, на гуси, на утки, на журавли и на иные птицы, и на зайцы, и учиненъ для тоѣ потѣхи и для ученія учинены сокольники со 100 человѣкъ и на томъ дворѣ лѣтомъ и зимою бываютъ у птицъ безпрестанно, и днюютъ и ночюютъ, по перемѣнамъ, человѣкъ по 20, а честію тѣ сокольники противъ жилцовъ (жильцы — «для походу и для всякого дѣла, спятъ на царскомъ дворѣ, человѣкъ по 40 и болши, и посылаютъ ихъ во всякіе посылки; дѣти они дворянскіе, и дьячьи, и подьяческіе. И и съ того чину бываютъ въ стряпчихъ, и въ столникахъ, и въ думныхъ людехъ, да они жъ бываютъ въ началныхъ людехъ у конницы и у пѣхоты, и въ рейторахъ и въ солдатехъ», Катошихинъ, стр. 21) и стремянныхъ конюховъ, люди жалованные денежнымъ жалованьемъ и платьемъ, погодно, и помѣстьями и вотчинами, и будучи у тѣхъ птицъ и пьютъ и ѣдятъ цар-

32*

ское; а будетъ у Царя всякихъ потѣшныхъ птицъ болши 3000, и кормъ, мясо говяжье и боранье, идетъ тѣмъ птицамъ съ Царского двора; да для ловли и для ученія тѣхъ же птицъ, на Москвѣ и въ городѣхъ и въ Сибири, учинены кречетники и помощники, болши 100 человѣкъ, люди жалованные жъ; а ловятъ тѣхъ птицъ подъ Москвою и въ городѣхъ и въ Сибири, надъ озерами и надъ болшими рѣками на берегахъ по пескамъ, голубми и сѣтми, и наловя тѣхъ птицъ привозятъ къ Москвѣ болши 200 на годъ; и посылаются тѣ птицы въ Персію съ послы и куда случится и Персидскій шахъ тѣ птицы отъ Царя принимаетъ за великіе подарки, и ставитъ цѣною тѣ птицы рублевъ по 100 и по 200 и по 500 и по 1000 и болши, смотря по птицѣ; да на кормъ тѣмъ птицамъ и для ловли емлютъ они кречетники и помощники голуби, во всемъ Московскомъ государствѣ, у кого бъ ни были, и имавъ привозятъ къ Москвѣ, а на Москвѣ тѣмъ голубямъ устроенъ дворъ, и будетъ тѣхъ голубей болши 100.000 гнѣздъ, а кормъ ржаные и пшеничные высѣвки идутъ съ Житного двора» (Катошихинъ, стр. 70 и 71).

Говоря о завѣдываніи царской охотою приказами Конюшеннымъ и Тайныхъ Дѣлъ, считаемъ необходимымъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ учрежденіяхъ вообще со словъ современника.

«Конюшенный дворъ» — говоритъ тотъ же Катошихинъ — «а въ немъ Приказъ; при прежнихъ царехъ сидѣли и вѣдали тотъ приказъ и дворъ конюшей бояринъ, а съ нимъ товарыщи, яселничей, да дворянинъ, да два дьяка. А кто бываетъ Конюшимъ, и тотъ первый бояринъ чиномъ и честью; и когда у царя послѣ его смерти не остается наслѣдія, кому быть царемъ, кромѣ того Конюшего иному царемъ быти нѣкому, учинили бъ его царемъ и безъ обиранья (избранія). А при царѣ Василіи Ивановичѣ (Шуйскомъ) и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Конюшихъ не было, и при нынѣшнемъ нѣтъ, по тому, какъ о томъ написано выше сего, что прежъ сего Конюшей Борисъ Годуновъ, что былъ царемъ, умыслилъ себѣ достать царство чрезъ убіеніе царевича Дмитрія и нынѣ въ такой чинъ допускати опасаются (Тѣ же свѣдѣнія имѣются у Олеарія, 11 посольство, стр. 286 и у Севастіана Главинича, стр. 10). И вѣдаютъ нынѣ Конюшенной приказъ, и дворъ, и казну всякую, яселничей, да дворянинъ, да дьяки, и тотъ яселничей честію выше думныхъ дворянъ, и въ думѣ сидитъ съ царемъ и зъ бояры вмѣстѣ» (Катошихинъ, стр. 67).

«Приказъ Тайныхъ дѣлъ» — читаемъ у Катошихина — «а въ немъ сидитъ діакъ, да подъячихъ съ 10 человѣкъ, и вѣдаютъ они и дѣлаютъ дѣла всякіе царскіе, тайные и явные; и въ тотъ приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, кромѣ самого царя. А посылаются того приказу подъячіе съ послами въ го-

сударства, и на посолскіе съѣзды, и въ войну съ воеводами, для того что послы въ своихъ посолствахъ много чинятъ не къ чести своему государю, въ проѣздѣ и въ разговорныхъ рѣчахъ..... а воеводы въ полкѣхъ много неправды чинятъ надъ ратными людми, и тѣ подъячіе надъ послы и надъ воеводами подсматриваютъ и царю пріѣхавъ сказываютъ; и которые послы или воеводы, вѣдая въ дѣлахъ неисправленіе свое и страшась царского гнѣву, и они тѣхъ подьячихъ дарятъ и почитаютъ выше ихъ мѣры, чтобы они будучи при царѣ ихъ пословъ выславляли, а худымъ не поносили. А устроенъ тотъ приказъ при нынѣшнемъ царѣ, для того, чтобъ его царская мысль и дѣла исполнилися всѣ по его хотѣнію, а бояре бъ и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали» (Катошихинъ, стр. 70).

Приказомъ Тайныхъ Дѣлъ никто изъ бояръ не завѣдывалъ — говоритъ Соловьевъ: «Этотъ приказъ устроилъ себѣ царь Алексѣй Михайловичъ для переписки, о которой онъ не хотѣлъ, чтобы всѣ знали, но въ этомъ приказѣ вѣдались также дѣла, которыя особенно занимали царя: вѣдалось гранатное дѣло и мастера этого дѣла, вѣдалась любимая царская потѣха — птицы, кречеты, ястребы. На кормъ этимъ птицамъ шли голуби... И эти невинныя птицы также вѣдались приказомъ Тайныхъ Дѣлъ, который, по имени, долго считали чѣмъ-то страшнымъ, въ которомъ думали видѣть что-то въ родѣ тайной канцеляріи» (Соловьевъ, «Ист. Росс.», томъ XIII, стр. 94).

[105]) Со званіемъ сокольничаго, по документамъ, дошедшимъ до насъ, описываемой эпохи, впервые мы встрѣчаемся въ 1613 году, когда, Сентября 21 числа, «послалъ Государь въ Вязму Сокольничаго и думнаго дворянина Гаврила Григорьевича Пушкина», въ качествѣ воеводы (Дворц. Разряды, т. I, стр. 115). Въ 1618 году, въ числѣ лицъ, которымъ было предложено оставаться въ Москвѣ во время осады послѣдней польскимъ королевичемъ Владиславомъ, опять упоминается сокольничій и думный дворянинъ Гаврила Григорьевичъ Пушкинъ (Тамъ же, стр. 357). Въ 1619 году тотъ же Гаврила Григорьевичъ Пушкинъ вѣдалъ Разбойнымъ приказомъ вмѣстѣ съ бояриномъ Борисомъ Михаиловичемъ Лыковымъ (Тамъ же, стр. 386). Званіе сокольничаго за нимъ оставалось, такъ какъ званіе это упоминается съ его именемъ въ Дворцовыхъ Разрядахъ въ 1620 году. 21 Декабря этого года на обѣдѣ у патріарха Филарета Никитича Московскаго участвовалъ «Сокольничій и думный дворянинъ Гаврила Григорьевичъ Пушкинъ» (Тамъ же, стр. 434). Однако, позднѣе этого ни имени Гаврила Григорьевича Пушкина, ни вообще званія сокольничаго мы не встрѣчаемъ, и надо полагать, что должность эта была упразднена именно около 1620 года.

[106]) Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1618 года «билъ челомъ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Θедоровичу всеа Россіи Ловчей Григорій Григорьвичъ Маматовъ, а сказалъ по Государеву указу велѣно ему быть Ловчего пути въ Тверскихъ Ловчихъ и что де было Тверского Ловчего пути въ городѣхъ прежъ сего слободъ и деревень и пустошей чѣмъ прежніе тверскіе ловчіе владѣли и Тверская де псарская слободка отъ ли.... (литовскаго).... разоренья и отъ пожару.... (въ конецъ).... запустела а деревни въ роздачѣ, а пустоши заросли лѣсомъ и Государь бы его пожаловалъ велѣлъ бы ему дати въ тѣхъ Тверскихъ роздаточныхъ деревень и запустелыхъ пустошей мѣсто въ Кашинѣ псарскую слободку, а та де слободка къ Государевымъ дворцовымъ селамъ и къ чернымъ волостямъ неприписана и въ помѣстья и въ вотчины никому неотдана». Въ дошедшей до насъ перепискѣ по этому поводу читаемъ: «По Государеву указу про тое слободку въ Приказѣ Большого Дворца сыскивано писцовыми старыми книгами и въ Приказѣ Большого Дворца, Кашинскихъ старыхъ писцовыхъ книгъ послѣ Московскаго раззоренья несыскано потому что Кашинъ посадъ до Московскаго раззоренья всѣмъ вѣдали въ Галицкой чети и Писцовые старые Кашинскіе книги были въ четвертижъ и изъ Приказу Большого Дворца въ Галицкую четь къ дьяку Семену Головину посылана память, а велѣно писати въ Приказъ Большого Дворца къ боярину Борису Михайловичу Салтыкову да къ дьякамъ къ Ивану Болотникову съ товарыщи въ Кашинѣ на посадѣ ловчего пути Псарская слободка бывала-ли и будетъ бывала, и сколь давно бывала и нынѣ она естьли, и будетъ есть и что съ нее какихъ Государевыхъ доходовъ и въ Приказъ Большого Дворца въ памяти за Семеновою приписью (подписью) написано въ Галицкой чети Кашину посаду и слободамъ прежнихъ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ послѣ Московскаго раззоренья неосталось а вновь дозирать непосылованножъ и сыскать.... про то нечемъ и въ прошломъ же во 125 году Апрѣля въ 19 день билъ челомъ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Θедоровичу всеа Росіи онъ же Григорей чтобы Государь его пожаловалъ велѣлъ про тое кашинскую псарскую слободку на Москвѣ въ Галицкой чети дворяны и дѣтьми боярскими и всякими людьми сыскивано (въ документѣ просьба и исполненіе по ней, какъ видно, слились, благодаря пропуску нѣсколькихъ строкъ; впрочемъ, смыслъ отъ этого не потерянъ) да тотъ сыскъ присланъ въ Приказъ Большого Дворца за Семеновою приписью и въ сыску Московскихъ и розныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ сказали, что въ Кашинѣ на посадѣ псарская слободка въ Ловчемъ пути при Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Росіи и при Царѣ Θедорѣ Ивановичѣ всеа Росіи изъ стари была и Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Θедоровичъ всеа Росіи Ловчего Григорья Маматова

Самъ на царское мѣсто,
у клироса,
Становился и началъ
молитися
Передъ образомъ свѣтлымъ угодника:
Да какъ глянулъ на ликъ преподобнаго —
Такъ и палъ на чело свое царское:
Понялъ — кто былъ его избавителемъ.
На другой день за ранней обѣднею,
Отслужилъ онъ молебенъ угоднику
И вернулся къ Москвѣ бѣлокаменной.
Н. Самокиша.

пожаловалъ тое псарскую слободку что въ Кашинѣ на посадѣ велѣлъ ему дати въ ловчего пути въ прежнихъ ловчего пути въ Тверскихъ пустошей мѣсто которые нынѣ въ роздачѣ и Государева жалованья грамота ему на ту Кашинскую псарскую слободку изъ Приказу Большого Дворца дана почему ему тою слободкою владѣти и доходы свои съ жильцовъ которые въ той слободкѣ живутъ имати, и воиводамъ ни съ чѣмъ съ слободки жильцовъ вѣдать невѣлено, а велѣно тое слободку вѣдати въ семъ одномъ Приказѣ Большого Дворца». Объ этомъ повелѣніи царя была послана послушная грамота къ Кашинскому воеводѣ (Рукоп. Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 1—7126 г.).

[107]) Въ 1626 году, 24 Сентября встрѣчаемъ мы въ числѣ дворянъ, приглашенныхъ къ царскому столу въ селѣ Воздвиженскомъ «Ловчего пути Тимофея Усова» (Дворц. Разр., т. I, стр. 859). Онъ же, Тимофей Васильевъ сынъ Усовъ, съ 19 человѣками ловчаго пути, обѣдали у царя 1 Августа 1627 года въ Симоновомъ монастырѣ (Тамъ же, стр. 923). Онъ же былъ приглашенъ къ царскому столу на первый день Рождества 1627 года (Тамъ же, стр. 971). Онъ же былъ на обѣдѣ у царя Михаила Өеодоровича 9 Мая 1628 года «У Николы Чюдотворца на Угрѣшѣ» (тамъ же, стр. 1014); затѣмъ, 31 Мая — въ селѣ Воздвиженскомъ (тамъ же, стр. 1019) и 7 Іюня — также на царскомъ обѣдѣ въ селѣ Тонинскомъ. На послѣднемъ обѣдѣ участвовалъ также и «Сокольничья пути Истома Воейковъ» (Тамъ же, стр. 1022).

[108]) 7 Августа 1635 года «пожаловалъ Государь въ ловчіе съ путемъ Ивана Өедоровича Левонтьева, а сказалъ ему въ ловчіе разрядный думный дьякъ Иванъ Гавреневъ» (Дворц. Разряды, т. II, стр. 475).

Леонтьевъ участвовалъ въ царскомъ походѣ къ Николѣ на Угрѣшу, а оттуда въ село Рубцово, въ Ноябрѣ 1636 года (тамъ же, стр. 525); онъ же былъ съ царемъ въ селѣ Покровскомъ, «что было Рубцово», въ Іюнѣ 1638 года (тамъ же, стр. 580), въ Александровской слободѣ и Переяславлѣ-Залѣсскомъ въ Октябрѣ того же года (тамъ же, стр. 592), у Троицы въ Сентябрѣ 1639 года (тамъ же, стр. 618), въ селѣ Рубцовѣ-Покровскомъ въ Сентябрѣ 1641 года (Тамъ же, стр. 671). Какъ московскій ловчій Иванъ Леонтьевъ упоминается въ документахъ, относящихся къ 1647 году, и званіе это передается другому лицу въ періодъ отъ 1647 года по 1649 годъ (Рукописи Арх. Общ. Дѣлъ Мин. Двора).

[109]) 9 Ноября 1649 года новый царь Алексѣй Михаиловичъ имѣлъ въ своей свитѣ при походѣ въ село Покровское «Московскаго Ловчего Өеонасія Сафонтьева сына Заболоцкаго» (Дворц. Разр., т. III, стр. 137). Въ рукописяхъ Общаго Архива Министерства Двора Заболоцкій именуется Афанасіемъ Богдановичемъ, между тѣмъ

какъ въ Дворцовыхъ Разрядахъ, всюду — Афанасіемъ Сафонтьевичемъ; придерживаемся послѣдняго имени).

Заболоцкій участвовалъ въ царскомъ походѣ въ Можайскъ 30 Ноября 1649 года (тамъ же, стр. 141), въ село Хорошево 17 Апрѣля 1650 года (тамъ же, стр. 159), въ Звенигородъ 15 Января 1652 года (Тамъ же, стр. 290). Срокъ оставленія имъ должности — 1652—1655 г.

[110]) 11 Марта 1655 года «пошелъ Государь съ Москвы, въ свою Государеву отчину, въ Смоленскъ, для своего государева и земскаго дѣла», а съ нимъ, въ числѣ прочихъ чиновъ, и «Московскій Ловчей Оѳонасій Ивановъ сынъ Матюшкинъ» (Дворц. Разр., т. III, стр. 462).

Въ Маѣ 1656 года царь Алексѣй Михаиловичъ отправился въ походъ для своего «Государеваго и земскаго дѣла», подобно предшествовавшему году, въ Смоленскъ, откуда въ Іюнѣ мѣсяцѣ того же года пошелъ на «недруга своего, на Свѣйскаго (Шведскаго) короля подъ городъ подъ Ригу». Матюшкина и въ этотъ военный походъ онъ взялъ съ собою (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 42 и 50). Въ 1658 году «Сентября въ 17 день, на имянина Государыни Царицы и Великой Княжны Софіи Алексѣевны, былъ столъ у Государя по передней избѣ».... «у стола жъ пожаловалъ Государь велѣлъ быть столнику и Московскому Ловчему Ооонасію Ивановичу Матюшкину»....... «А послѣ стола жаловалъ Государь столника и Московскаго Ловчаго Оѳонасія Матюшкина за его службу, что онъ былъ съ нимъ Государемъ въ Литовскихъ походехъ шубами и кубками». Матюшкину было даровано: «шуба отласъ золотной, да кубокъ, да къ прежнему окладу придачи 50 рублевъ» (Тамъ же стр. 147).

30 Мая 1672 года «пожаловалъ Государь въ думные дворяне Московскаго Ловчаго Ооонасія Ивановича Матюшкина» (Дворц. Разр., т. III, стр. 889).

4 Октября 1674 года, въ день крестинъ царевны Ѳеодоры Алексѣевны, государь угощалъ водкой, въ числѣ другихъ, и Матюшкина Аѳанасія (Тамъ же, стр. 1063).

Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ получалъ отъ царя и порученія, не относившіяся непосредственно къ кругу его прямыхъ обязанностей, но требовавшія назначенія довѣреннаго лица. Такъ, въ 1674 году «билъ челомъ Великому Государю стряпчей Иванъ Матвѣевъ сынъ Хрущовъ на стряпчаго на Александра Петрова, сына Протасьева, что онъ Александръ на его Великаго Государя дворѣ прошибъ у него Ивана Хрущова кирпичемъ голову. И Великій Государь приказалъ сыскать думному дворянину и Московскаго пути Ловчему Оѳонасію Ивановичу Матюшкину». По сыску

виновный былъ битъ батогами, и на немъ было доправлено безчестье вчетверо въ пользу потерпѣвшаго (Тамъ же, стр. 1079).

Въ 1675 году «указалъ Великій Государь хоромы строить, для своего Великаго Государева приходу, въ селѣ Покровскомъ думному дворянину и Ловчему Московскаго пути Ѳоѳонасію Ивановичу Матюшкину» (Тамъ же, стр. 1419). Жена Матюшкина нерѣдко бывала при дворѣ на обѣдахъ у великой княгини Наталіи Кириловны (Тамъ же, стр. 1055 и другія).

[111]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. 38; см. также письма Алекс. Михаил. къ Матюшкину и Голохвастову.

[112]) Росс. Вивліоѳика, т. VIII, стр. 100.

[113]) Такъ, въ письмѣ своемъ, отъ 11 Іюня 1650 года, изъ Колязина монастыря царь Алексѣй Михаиловичъ, между прочимъ, пишетъ Матюшкину: «А будетъ кречетники наши и сокольники пріѣхали втюхали («вѣроятно въ Тюфели, въ Тюфелеву Рощу, что въ Рогожской части»—Примѣчаніе Безсонова, стр. 43), и вамбы (слово «вамбы» написано рукою царя, вмѣсто зачеркнутаго слова «тебѣ бъ»—Примѣчаніе издателя, стр. 32) приказать Афонасью Заболотцкому, чтобы ихъ отпустилъ всѣхъ в деревню, а велѣлъ бы имъ быть Іюля ко 2-му числу; а будетъ не бывали, и вы не приказывайте; а будетъ пріѣдутъ, и вы прикажите» (Собр. писемъ Алекс. Махаил., письмо VI).

До насъ дошелъ слѣдующій интересный документъ:

«Царю, Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу бьетъ челомъ холопъ твой сокольникъ Филька Юровъ жалоба Государь мнѣ, Государыни Царицы и Великіе княгини Марьи Ильиничны на сына Боярскаго на Любима Ладыженскаго съ дѣтьми въ нынѣшнемъ Государь во 174 году по твоему Великаго Государя указу отпущенъ я холопъ твой въ Гулящую . . . . . . дину и нынѣ Государь Октября въ 31 день . . . . . отвезъ меня холопа твоего изъ Семеновскаго . . . . . . сторожъ Левка и забѣжалъ за мною холопомъ твоимъ ищейный кобель и того кобеля послалъ я съ тѣмъ же сторожемъ на Потѣшный дворъ. И какъ будетъ тотъ сторожъ Левка въ Кисловкѣ противъ его Любимаго двора и его Любимовы дѣти Микита съ братьями того ищейнаго кобеля учали отбивать и отбили и тотъ кобель прибѣжалъ ко мнѣ холопу твоему на дворъ послѣ того спустя много время и за тѣмъ кобелемъ ко мнѣ холопу твоему къ двору прибѣжалъ сынъ его Любимовъ и того кобеля учалъ имать и я холопъ твой сталъ ему говорить что ты его ловишь тотъ кобель Государева Потѣшнаго Двора ищейной и въ тѣ Государь поры ево Любимовы дѣти учали меня холопа твоего бить дубьемъ и за волосы волочить и увѣчить . . . . Государь у меня холопа твоего рукавицы

33

суконные червчатые да плеть, и впредь Государь отъ него Любима — и отъ дѣтей его впредь проѣзду небудетъ Милосердый Царь Государь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ пожалуй меня холопа своего вели Государь того Любима Ладыженскаго и дѣтей его поставить и въ томъ его отбою Любимовыхъ дѣтей допросить и въ моемъ бою и увѣчьи».

«Противъ сего челобитья отдана сыскная память». «Въ сыску Государыни Царицы и Великія Княгини Маріи Ильиничны сенной сторожъ Микишка Елизаровъ по Евангельской заповѣди Господней сказалъ шолъ де онъ къ товарыщу своему къ Лучкѣ Иванову въ Кисловку и у Козмодемьянскіе де рѣшетки противъ Любимова двора Ладыженскаго являетъ сокольникъ сказался а какъ зовутъ того онъ Микишка невѣдаетъ налюбимовыхъ дѣтей Ладыженскаго на Микиту съ братьями будто били его сокольника онъ Микита съ братьями а ходитъ де носъ расшибенъ докрови, а самъ де онъ Микишка не видѣлъ кто того сокольника билъ Микитали съ братьями или кто иной, а какъ де сокольникъ объявлялъ и Микита де стоя у воротъ и сокольника бранилъ матерны а говорилъ послѣ брани ты де у меня однорядку изодралъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 176—7174 г.).

«Въ сыску дѣвица Орина Васильева дочь Бачманова хлѣбнаго Дворца подключника Дмитріева племянница Давыдова сказала по Евангельской заповѣди Господней видѣла де она что Любимовы дѣти Ладыженскаго Микита съ братомъ а какъ его зовутъ она не вѣдаетъ сокольника били кулаками и заволосы драли а за што у нихъ стало того она не вѣдаетъ».

«А Дмитріева жена Давыдова Авдотья по Евангельской заповѣди Господни сказала какъ де Любимовы дѣти Ладыженскаго Микита съ братомъ сокольника Филипа Юрова (вѣроятно, пропущено слово «били») того она не видала потому что спала а какъ услышала шумъ встала и сокольникъ де Филипъ Юровъ являлъ на Любимовыхъ дѣтей на Микиту съ братомъ что будто его Филипа они (вѣроятно, опять пропущено «били») да и то де она слышала какъ Микита ево Филипа бранилъ всякою бранью».

«Въ сыскужъ трубника Бориса Завьялова жена Авдотья по Евангельской заповѣди Господни сказала какъ Любимовы дѣти Микита съ братьями сокольника билиль или нѣтъ, того она сама невидала и слышала отъ работницы своей отъ дѣвки Овдотьицы что Любимовы дѣти Микита съ братьями сокольника Филипа били и заволосы драли. А про мужа своего она Авдотья сказала, что на Москвѣ нѣтъ въ отсылкѣ».

«Въ сыску хлѣбнаго Дворца подключникъ Дмитрій Давыдовъ по Евангельской Заповѣди Господни сказалъ какъ де Любимовы дѣти Ладыженскаго Микита съ

братьями бились или нѣтъ того онъ невидалъ потому что по указу Великаго Государя приставленъ у мельницъ дома мало живетъ а слышалъ отъ жены своей только что Микита де Ладыженской бранилъ сокольника всякою бранью сталъ травить собаку сокольника Филипа Юрова и вышелъ де изъ двора онъ съ плетью и пошелъ ко отцу на него Бориса (?) и вышедъ де изъ двора Любимова сынъ его Микита съ братьями учели бить и за волосы драли а тотъ де сокольникъ ихъ Микиту и братей его небивалъ и небранивалъ».

«Въ сыску трубникъ Гаврило Завьяловъ по Евангельской заповѣди Господни сказалъ какъ де Любимова дѣти Микита съ събратьями сокольника Филипа Юрова били того онъ невидалъ потому что было дневань ево въ Приказѣ а слышалъ онъ отъ жены своей что Любимовы дѣти Микита съ братьями сокольника били, а за что у нихъ сталось того жена его невѣдаетъ».

«Въ сыску Государыни Царицы и Великія Княгини Маріи Ильиничны чину сынъ Боярской Иванъ Матвѣевъ сынъ Левошовъ По Евангельской заповѣди Господни сказалъ шолъ де улицею сокольникъ Филипъ Юровъ съ плетью а за нимъ двѣ собаки и гнался за Любимовымъ сыномъ Ладыженскаго за Борисомъ и какъ де онъ Филипъ будетъ у Любимова двора, и вышедъ де изъ двора сынъ ево Любимовъ Микита и училъ сокольнику говорить за што де брата моего бьешь и сокольникъ де Микиту толкнулъ въ грудь и Микита де съ братомъ своимъ Игнатьемъ учали сокольника бить кулаками и за волосы драли то онъ Иванъ видѣлъ».

«Въ сыску трубника Бориса Завьялова дворовая дѣвка Дунька по Евангельской Заповѣди Господни сказала то де она видѣла Любимовъ сынъ Ладыженскій Борисъ сталъ . . . . ».

«Въ сыску трубника жена Гаврила Завьялова Оксинья по Евангельской Заповѣди Господни сказала то де она видѣла какъ Любимовы дѣти Ладыженскаго Микита съ братомъ сокольника Филипа Юрова били и заволосы таскали а за что у нихъ стало того она не вѣдаетъ».

«Въ сыску подключника Дмитріевъ человѣкъ Давыдова Моисейка Афонасьевъ по Евангельской заповѣди Господни сказалъ то онъ видѣлъ какъ Любимовы дѣти Ладыженскаго Никита съ братьями а какъ ихъ зовутъ того онъ не вѣдаетъ сокольника Филипа Юрова били и заволосы драли а за што у нихъ стало и ево Филипа били того онъ Мосѣйка невѣдаетъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 179—7174 г.).

Къ сожалѣнію, чѣмъ окончилось это интересное дѣло, мы не знаемъ.

Приводимъ алфавитный списокъ личнаго состава охотъ царей Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михаиловича, упоминаемаго въ источникахъ, по годамъ:

33*

1613 годъ. Сокольничій и думный дворянинъ Гаврило Григорьевичъ Пушкинъ.

1614 годъ. Охотникъ ловчаго пути Ябединъ Степанъ; конный псарь Айгустовъ Степанъ; пѣшій псарь Селивановъ Васька; Холмогорскій помытчикъ Гостевъ Тренка.

1615 годъ. Конный псарь Іевлевъ Константинъ; ястребникъ Бакинъ Истома.

1616 годъ. Конный псарь Яковлевъ Яковъ; пѣшіе псари: Гавриловъ Климка, Дмитріевъ Афонька, Дрозжинъ Ивашка, Ивановъ Жданко, Корчминъ Кондрашка, Неустроевъ Васька, Фадѣевъ Нехорошка, Федоровъ Жданко. Кречетники и ястребники: Бакинъ Истомъ, Карповъ Василій, Прямовъ Өедоръ, Савеловъ Петръ, Сычевъ Остафій, Устиновъ Григорій.

1617 годъ. Охотникъ ловчаго пути Перфуровъ Степанъ; Двинскіе помытчики: Ботевъ Михалка, Офугинъ Давыдка.

1618 годъ. Сокольничій и думный дворянинъ Гаврило Григорьевичъ Пушкинъ; Тверской ловчій Григорій Григорьевичъ Маматовъ; псовникъ Усовъ Василій; охотники ловчаго пути: Айгустовъ Степанъ, Басковъ Григорій, Бундовъ Баженъ, Евсевьевъ Константинъ, Опочининъ Богданъ, Перхуровъ Кириллъ, Теряевъ Иванъ, Титовъ Алексѣй, Усовъ Наумъ, Ябединъ Степанъ; пѣшіе псари: Емельяновъ Сенька, Ивановъ Васька; кречетники: Лодыгинъ Иванъ, Масловъ Посникъ, Паскинъ Михайло, Петровъ Борисъ, Петровъ Иванъ, Тоболинъ Яковъ; сокольники: Гребенкинъ Микита, Ковалевъ Гаврила, Мясоѣдовъ Сава, Рыкуновъ Данило; ястребники: Григорьевъ Иванъ, Григорьевъ Розгильдѣй, Стоговъ Федоръ, Устиновъ Федоръ. Кречетники и ястребники (неизвѣстно, кто кречетникъ и кто ястребникъ): Гребенкинъ Юрій, Мясоѣдовъ Михайла, Рыкуновъ Федоръ, Савеловъ Опкундинъ, Савеловъ Федоръ, Тоболинъ Афонасей, Тоболинъ Федоръ,Чернцовъ Иванъ.

1619 годъ. Сокольничій и думный дворянинъ Гаврила Григорьевичъ Пушкинъ; Тверской ловчій Григорій Григорьевичъ Маматовъ; охотники ловчаго пути: Опочининъ Богданъ, Теряевъ Иванъ, Усовъ Наумъ; конные псари: Вараксинъ Олферъ, Горнастай Петрушка, Ивановъ Петръ, Молчановъ Петръ, Олтуфьевъ Константинъ, Филиповъ Богданъ; пѣшій псарь Корчминъ Кондрашка; кречетники: Петровъ Иванъ, Чернцовъ Неустрой.

1620 годъ. Сокольничій и думный дворянинъ Гаврила Григорьевичъ Пушкинъ; охотники ловчаго пути: Архаровъ Данила, Архаровъ Михайло, Айгустовъ Степанъ, Баскаковъ Григорій, Баскаковъ Федоръ, Евскій Петръ, Опочининъ Богданъ, Патрикѣевъ Кирилъ, Перхуровъ Кирилъ, Перхуровъ Степанъ, Салицынъ Григорій, Титовъ Алексѣй, Усовъ Наумъ; приказчики борзыхъ собакъ или псаренные и корытные приказчики: Корчминъ Кондратъ, Павловъ Мартынъ; конные псари: Алексѣевъ Семенъ,

А вернувшись къ Москвѣ бѣлокаменной,
Ко двору своему златоверхому,
Приходилъ Государь — не откладывалъ —
Въ терема къ Государынѣ ласковой,
Что своей ли Натальѣ Кириловнѣ,

Барановъ Андрей, Богдановъ Прокофій, Болховитинъ Федоръ, Бурцо Кондратъ, Вараксинъ Олферъ, Власовъ Тарасъ, Волковъ Тимофей, Горностай Петръ, Горяйновъ Григорій, Дмитріевъ Григорій, Дрозжинъ Иванъ, Елдезинъ Микита, Жуковъ Сава, Ивановъ Григорій, Карцовъ Иванъ, Корчминъ Иванъ, Корчминъ Кондратъ, Корчминъ Филипъ, Кузьминъ Иванъ, Кузьминъ Жданко, Курбатовъ Андрей, Левонтьевъ Нестеръ, Лишкинъ Олферъ, Мартыновъ Федоръ, Матвѣевъ Власъ, Матвѣевъ Григорій, Молчановъ Осипъ, Молчановъ Петръ, Молчановъ Тимоха, Мордвиновъ Иванъ, Муромцовъ Спиридонъ, Нефедьевъ Романъ, Нехорошій Венедиктъ, Озорной Богданъ, Олтуфьевъ Константинъ, Пантелѣевъ Сергѣй, Позняковъ Афонасей, Прокофьевъ Девятый, Развалигородовъ Иванъ, Санинъ Иванъ, Селивановъ Василей, Слотовъ Тимофей, Слотовъ Федоръ, Софоновъ Иванъ, Софоновъ Сунгуръ, Спиридоновъ Богданъ, Степановъ Баженъ, Сысоевъ Онофрей, Сычевъ Семенъ, Трофимовъ Исакъ, Трофимовъ Степанъ, Ульяновъ Третьякъ, Федоровъ Артамонъ, Филиповъ Богданъ, Филиповъ Иванъ, Юрьевъ Павелъ, Яковлевъ Андрей, Яковлевъ Петръ, Яковлевъ Спиридонъ, Яковлевъ Яковъ; пѣшіе псари: Артамоновъ Ивашка, Баженовъ Петрушка, Васильевъ Стенка, Васильевъ Тереха, Васильевъ Терешка (вѣроятно, 2-й, такъ какъ оба въ одномъ спискѣ), Дешинъ Гришка, Дмитріевъ Афонька, Дрозжинъ Ивашка, Ивановъ Ивашка, Ивановъ Митька, Ивановъ Жданко, Ивановъ Васька, Игнатьевъ Ивашка, Омельяновъ Сенька, Орѣшниковъ Тимоха, Павловъ Кирилъ, Семеновъ Савка, Семеновъ Онисимъ, Тимофѣевъ Ивашка, Трофимовъ Ивашка, Фаддѣевъ Нехорошко, Федоровъ Тарасъ, Юрьевъ Ивашка, Юрьевъ Марко; кречетникъ Тоболинъ Яковъ; сокольникъ Гребенкинъ Данило.

1621 годъ. Тверской ловчій Григорій Григорьевичъ Маматовъ; псовники: Усовъ Василій Федоровичъ, Ябединъ Степанъ Прокофьевичъ; охотники ловчаго пути: Архаровъ Михайло, Архаровъ Данила, Архаровъ Иванъ, Айгустовъ Степанъ, Баскаковъ Григорій, Баскаковъ Федоръ, Евскій Петръ, Опочининъ Богданъ, Патрекѣевъ Кирилъ, Перхуровъ Кирилъ, Перхуровъ Степанъ, Салицынъ Григорій, Теряевъ Иванъ, Титовъ Алексѣй, Усовъ Наумъ, Усовъ Алексѣй; конные псари: Алексѣевъ Семенъ, Богдановъ Прокофій, Вараксинъ Олферъ, Горностай Петръ, Горяйновъ Григорій, Дмитріевъ Григорій, Дрозжинъ Иванъ, Елдезинъ Микита, Жуковъ Сава, Ивановъ Кирилъ, Ивановъ Григорій, Карцовъ Иванъ, Козьминъ Иванъ, Корчминъ Кондратъ, Корчминъ Иванъ, Кузьминъ Иванъ, Кузьминъ Жданко, Курбатовъ Андрей, Левонтьевъ Нестеръ, Лищкинъ Олферъ, Мартыновъ Федоръ, Матвѣевъ Власъ, Молчановъ Петръ, Молчановъ Осипъ, Мордвиновъ Иванъ, Муромцовъ Спиридонъ, Нехорошій Венедиктъ, Никифоровъ Арефа, Озорной Богданъ, Олтуфьевъ Константинъ, Позняковъ Афонасей,

Прокофьевъ Девятый, Развалигородовъ Иванъ, Санинъ Иванъ, Сафоновъ Сунгуръ, Сафоновъ Иванъ, Селивановъ Василей, Слотовъ Федоръ, Спиридоновъ Богданъ, Степановъ Боженъ, Сысоевъ Анифрей, Сычевъ Семенъ, Трофимовъ Степанъ, Трофимовъ Исакъ, Ульяновъ Третьякъ, Черной Спира, Федоровъ Тарасъ, Федоровъ Артамонъ, Филиповъ Богданъ, Филиповъ Иванъ, Юрьевъ Павелъ, Яковлевъ Обрашъ, Яковлевъ Яковъ, Яковлевъ Спиридонъ, Яковлевъ Андрей; приказчики борзыхъ собакъ: Корчминъ Кондратъ, Павловъ Мартынъ; пѣшіе псари: Артамоновъ Ивашка, Боженовъ Петрушка, Васильевъ Степка, Дешинъ Гришка, Дрозжинъ Ивашка, Дылдинъ Терешка, Ивановъ Васька, Ивановъ Ивашка, Ивановъ Жданко, Ивановъ Митька, Исаковъ Ивашка, Корчминъ Кондрашка, Омельяновъ Сенька, Орѣшниковъ Тимоха, Семеновъ Онисимка, Семеновъ Савка, Семеновъ Оксенка, Тимофѣевъ Ивашка, Трофимовъ Ивашка, Фадѣевъ Нехорошка, Федоровъ Тарасъ, Юрьевъ Марко, Юрьевъ Ивашка; кречетники: Бакинъ Истома, Лучниковъ Василій, Лущихинъ Иванъ (прозвище Муратъ), Масловъ Бурнашъ, Масловъ Ѳадѣй, Микулинъ Иванъ, Микулинъ Лавринъ, Петровъ Иванъ, Тоболинъ Яковъ, Тоболинъ Сергѣй, Улановъ Олексѣй, Черновъ Константинъ, Черновъ Ѳоонасей, Черновъ Неустрой, Юрьевъ Олексѣй; ястребникъ Черновъ Константинъ; сокольникъ Гребенкинъ Данила.

1622 годъ. Псовники: Усовъ Василій Федоровичъ, Ябединъ Степанъ; конные псари: Ивановъ Кирилъ, Корчминъ Кондратъ, Корчминъ Иванъ, Кузьминъ Иванъ, Сафоновъ Иванъ; пѣшіе псари: Васильевъ Степанка, Дементьевъ Гришка, Дрозжинъ Иванъ, Ивановъ Васька, Ивановъ Жданко, Исаевъ Ивашка, Наумовъ Петрушка, Омельяновъ Семейка, Семеновъ Савка, Семеновъ Онисимка, Трафимовъ Митька, Юрьевъ Марко; кречетники: Рыкуновъ Федоръ, Тоболинъ Яковъ; сокольники: Гребенкинъ Данила, Гребенкинъ Иванъ, Корякинъ Смирной; ястребники: Григорьевъ Богданъ, Григорьевъ Розгильдей, Масловъ Бурнашъ, Устиновъ Григорій; Переяславль-Залѣсскій помытчикъ Ѳоминъ Трофимка.

1623 годъ. Конные псари: Ивановъ Кирилка, Микифоровъ Орифейка, Толстовъ Семейка; ястребникъ Савеловъ Петръ; кречетники и ястребники: Григорьевъ Богданъ, Корякинъ Смирной, Масловъ Бурнашъ, Устиновъ Григорій.

1624 годъ. Псовники: Усовъ Василій, Ябединъ Степанъ; охотники ловчаго пути: Айгустовъ Степанъ, Архаровъ Борисъ, Архаровъ Михайла, Архаровъ Данила, Архаровъ Иванъ, Баскаковъ Иванъ, Григорьевъ Федоръ, Григорьевъ Иванъ Федоровъ, Евскій Петръ, Патрекѣевъ Кирилъ, Перхуровъ Кирилъ, Перхуровъ Степанъ, Салицынъ Григорій, Теряевъ Иванъ, Титовъ Алексѣй, Усовъ Наумъ, Усовъ Алексѣй; кречетники: Петровъ Иванъ, Рыкуновъ Федоръ, Тоболинъ Яковъ; сокольники: Ми-

кулинъ Иванъ, Мясоѣдовъ Семенъ, Рыкуновъ Гаврила; ястребники: Бакинъ Истома, Масловъ Фадѣй, Стоговъ Лазарь, Черндовъ Иванъ, Черндовъ Федоръ; Переяславль-Залѣсскій помытчикъ Ѳоминъ Трофимка.

1625 годъ. Конные псари: Корчминъ Иванъ, Корчминъ Кондратъ; слоновщики (арапы): Тчанкъ-Фаталанкъ, Фотулъ-Мамутовъ, Чанъ-Ивраимовъ; кречетники и ястребники: Григорьевъ Богданъ, Ковалевъ Иванъ, Коноплевъ Богданъ, Коноплевъ Дмитрій, Петровъ Тимофей, Савеловъ Богданъ, Устиновъ Григорій, Фофановъ Иванъ.

1626 годъ. Ловчаго пути (начальный?) Тимофей Васильевичъ (или Ивановичъ) Усовъ; охотникъ ловчаго пути Титовъ Алексѣй; конные псари: Васильевъ Стенка, Санинъ Иванъ; пѣшій псарь Омельяновъ Сенка; слоновщикъ Тчанъ.

1627 годъ. Ловчаго пути Тимофей Ивановичъ Усовъ; пѣшій псарь Юрьевъ Марко; кречетникъ Марковъ Иванъ Петровъ.

1628 годъ. Ловчаго пути Тимофей Ивановичъ Усовъ; сокольничья пути (тоже начальный?) Истома Воейковъ; конные псари: Васильевъ Степанъ, Молчановъ Осипъ; кречетники, сокольники и ястребники: Бакинъ Истома, Калининъ Романъ, Лущухинъ Муратъ, Масловъ Бурнашъ, Масловъ Фадѣй, Марковъ Обросимъ, Микулинъ Иванъ, Микулинъ Ларіонъ, Мясоѣдовъ Савва, Петровъ Карпъ, Петровъ Степанъ, Сычевъ Юрій, Улановъ Алексѣй, Черндовъ Константинъ, Черндовъ Афанасій, Черндовъ Наумъ, Юровъ Алексѣй.

1629 годъ. Птичій стрѣлокъ Быковскій Исакъ; кречетники: Гребенкинъ Борисъ, Дмитріевъ Андрей, Петровъ Иванъ, Тоболинъ Ѳедоръ, Тоболинъ Ѳедоръ Меркурьевъ (разныя лица, ибо означены въ одномъ спискѣ), Черндовъ Алексѣй; сокольники: Гребенкинъ Микита, Гребенкинъ Данила, Доброховскій Игнатій, Савеловъ Григорій, Рыкуновъ Данила, Рыкуновъ Гаврила, Угренинъ Василій; ястребники: Григорьевъ Розгильдѣй, Григорьевъ Богданъ, Коноплевъ Дмитрій, Стоговъ Лазарь, Устиновъ Григорій, Чаплыгинъ Василій.

1630 годъ. Охотники ловчаго пути: Архаровъ Михайло, Архаровъ Михайло Михайловъ сынъ, Архаровъ Борисъ, Архаровъ Данила, Архаровъ Иванъ, Баскаковъ Иванъ, Баскаковъ Иванъ Григорьевъ, Баскаковъ Иванъ Федоровъ, Корчминъ Иванъ, Перхуровъ Кирила, Перхуровъ Степанъ, Солнцынъ Григорій, Титовъ Алексѣй, Усовъ Наумъ, Усовъ Алексѣй, Усовъ Безсонъ, Ябединъ Иванъ; конные псари: Бровкинъ Евсюкъ, Васильевъ Стенка, Вараксинъ Ѳедоръ, Горяиновъ Григорій, Дрозжинъ Ивашка, Жуковъ Сава, Ивановъ Гришка, Ивановъ Кирюшка, Камайдѣевъ Власъ, Карцовъ Иванъ, Кузьминъ Жданко, Курбатовъ Андрей, Лотовъ Ѳедоръ, Мартыновъ Ѳедка, Мартыновъ Васка, Михайловъ Мишка, Молчановъ Осипъ, Молчановъ Петръ,

Молчановъ Андрей, Муромцовъ Спиридонко, Никифоровъ Гришка, Озорной Богданъ, Онтуфьевъ Костянтинъ, Павловъ Сережка, Позняковъ Офонасій, Сафоновъ Сунгуръ, Селивановъ Иванъ, Спиридоновъ Богдашка, Трофимовъ Исачко, Труфановъ Митка, Ульяновъ Тренка; кречетники: Гребенкинъ Борисъ, Дмитріевъ Андрей, Петровъ Иванъ, Тоболинъ Ѳедоръ, Тоболинъ Оедоръ Меркурьевъ, Черновъ Алексѣй; сокольники: Гребенкинъ Микита, Гребенкинъ Данила, Доброховскій Игнатій, Савеловъ Григорій, Рыкуновъ Данила, Рыкуновъ Гаврила, Угренинъ Василій; ястребники: Григорьевъ Розгильдѣй, Григорьевъ Богданъ, Коноплевъ Дмитрій, Стоговъ Лазарь, Устиновъ Григорій, Чаплыгинъ Василій.

1631 годъ. Кречетники: Гребенкинъ Борисъ, Дмитріевъ Андрей, Петровъ Иванъ, Тоболинъ Ѳедоръ, Тоболинъ Оедоръ Меркурьевъ, Черновъ Алексѣй; сокольники: Гребенкинъ Микита, Гребенкинъ Данила, Доброховскій Игнатій, Савеловъ Григорій, Рыкуновъ Данила, Рыкуновъ Гаврила, Угренинъ Василій; ястребники: Григорьевъ Розгильдѣй, Григорьевъ Богданъ, Коноплевъ Дмитрій, Стоговъ Лазарь, Устиновъ Григорій, Чаплыгинъ Василій; кречетники и сокольники: Андреяновъ Григорій, Малининъ Ратманъ, Марковъ Замятня, Микулинъ Ларіонъ, Рукинъ Леонтій, Чаплыгинъ Иванъ.

1632 годъ. Конные псари: Исаевъ Иванъ, Меркуловъ Алексѣй, Молчановъ Петръ, Муромцовъ Спиридонъ; кречетники: Гребенкинъ Борисъ, Дмитріевъ Андрей, Петровъ Иванъ, Тоболинъ Федоръ, Тоболинъ Федоръ Меркульевъ, Черновъ Алексѣй; сокольники: Гребенкинъ Микита, Гребенкинъ Данила, Доброховскій Игнатій, Савеловъ Григорій, Рыкуновъ Данила, Рыкуновъ Гаврила, Угренинъ Василій; ястребники: Григорьевъ Розгильдѣй, Григорьевъ Богданъ, Коноплевъ Дмитрій, Стоговъ Лазарь, Устиновъ Григорій, Чаплыгинъ Василій; Двинской помытчикъ Лукьяновъ Михайло.

1634 годъ. Конные псари: Курбатовъ Андрей, Леонтьевъ Игнатій, Меркульевъ Алексѣй, Семеновъ Яковъ; пѣшій псарь Степановъ Герасимка; кречетники, сокольники и ястребники: Ковалевъ Иванъ, Петровъ Алексѣй, Стоговъ Лазарь, Чаплыгинъ Иванъ, Черновъ Исая, Черновъ Григорій, Шахматовъ Василій . . . . ровъ Алексѣй, ... Томилъ.

1635 годъ. Ловчій съ путемъ Иванъ Оедоровичъ Левонтьевъ; кречетники, ястребники и сокольники: Бакинъ Истома, Вороновскій Матвѣй, Гребенкинъ Борисъ, Григорьевъ Иванъ, Емельяновъ Мартынъ, Коноплевъ Богданъ, Петровъ Данила, Рукинъ Леонтій, Савеловъ Иванъ, Устиновъ Григорій, Фофоновъ Иванъ, Чаплыгинъ Герасимъ, Черновъ Наумъ, Черновъ Василій, Шахматовъ Максимъ.

1636 годъ. Ловчій Иванъ Өедоровичъ Левонтьевъ; конные псари: Ивановъ Григорій, Меркульевъ Алексѣй; пѣшіе псари: Афанасьевъ Елистрашка, Яковлевъ (Путивлецъ) Ивашка.

1637, 1638 и 1639 года. Ловчій Иванъ Өедоровичъ Левонтьевъ.

1640 годъ. Ловчій Иванъ Өедоровичъ Левонтьевъ; Переяславль-Залѣсскіе помытчики: Корнильевъ Михаилъ, Новиковъ Тихонъ, Өоминъ Трофимка.

1641 годъ. Ловчій Иванъ Өедоровичъ Левонтьевъ.

1642 годъ. Переяславль-Залѣсскій помытчикъ Өоминъ Трофимка.

1644 годъ. Охотники ловчаго пути: Аристовъ Яковъ Ивановъ, Архаровъ Василій Михайловъ, Архаровъ Иванъ Ивановъ, Баскаковъ Кондратій Григорьевъ, Берновъ Лаврентій Петровъ, Головцынъ Семенъ Гавриловъ, Молчановъ Осипъ Кириловъ, Молчановъ Петръ Тимофѣевъ, Невѣровъ Тимофей Семеновъ, Перхуровъ Иванъ Кириловъ, Позняковъ Афанасій Григорьевъ, Солнцынъ Иванъ Микифоровъ, Теряевъ Иванъ Андреевъ, Теряевъ Еремей Ивановъ, Усовъ Алексѣй Васильевъ, Усовъ Наумъ Спиридоновъ, Ябединъ Иванъ Степановъ; звѣровщики: Зерцаловъ Сила, Ивановъ Степанъ, Терентьевъ Семенъ; помѣстные псари: Айгустовъ Сергѣй, Гриневъ Тимофей, Гриневъ Кузьма, Елдетинъ Никонъ, Коняевъ Григорій, Курбатовъ Андрей, Малчинъ Иванъ, Меркульевъ Алексѣй, Сафоновъ Иванъ, Сафоновъ Яковъ, Табалинъ Богданъ, Юдинъ Андрей, Ярцовъ Михаилъ; хлѣбные псари: Агѣевъ Тимофей, Азарной Микифоръ Кусьминъ, Азарной Богданъ Петровъ, Акишевъ Власъ Ивановъ, Андреевъ Микита, Анисимовъ Осипъ, Бровкинъ Евсевій Евсевьевъ, Будаевъ Павелъ Васильевъ, Буколовъ Дементій Тимофѣевъ, Буколовъ Петръ Тимофѣевъ, Васильевъ Антипъ, Волковъ Тимофей Ларіоновъ, Даниловъ Давыдъ, Дрозжинъ Иванъ Ивановъ, Дрозжинъ Өедоръ Микитинъ, Дылдинъ Терентій Васильевъ, Ермаковъ Борисъ, Завьяловъ Дмитрій Савельевъ, Ивановъ Григорій, Исаевъ Иванъ, Исаевъ Микита, Касимовъ Игнатій Леонтьевъ, Кляпушковъ Михайла Михайловъ, Колокольцовъ Михаилъ Васильевъ, Максимовъ Микифоръ, Молчановъ Любимъ Петровъ, Молчановъ Иванъ Петровъ, Оксеновъ Артемій, Остафьевъ Потапъ, Павловъ Иванъ, Позняковъ Исай Григорьевъ, Рышковъ Семенъ Агѣевъ, Семеновъ Оксенъ, Степанъ Левонтій, Степановъ Григорій, Степановъ Сава, Тещинъ Богданъ Спиридоновъ, Трифоновъ Дмитрій, Іевлевъ Михѣй, Ульяновъ Агѣй Третьяковъ, Федоровъ Василій, Черной Спиридонъ Яковлевъ, Шаховъ Василій Осиповъ, Яковлевъ Андрей, Яковлевъ Семенъ; конный псарь Шевелевъ Микита; корытные приказчики: Васильевъ Степанъ, Луковниковъ Власъ Матвѣевъ; пѣшіе псари: Арѣшниковъ Иванъ Тимофѣевъ, Бедерка Өедоръ Степановъ, Гиринъ Герасимъ Степановъ, Гордѣевъ Игнатій, Дешинъ

34

Ефимъ Григорьевъ, Дмитріевъ Прокофій, Дрыжынекъ Петръ Ортемьевъ, Ивановъ Сафонъ, Ивановъ Θедотъ, Косой Степанъ Васильевъ, Ларіоновъ Романъ, Мокѣевъ Овдокимъ, Нагиба Григорій Ивановъ, Назарьевъ Борисъ, Новиковъ Иванъ Матвѣевъ, Олексѣевъ Данила, Олексѣевъ Максимъ, Ориновъ Терентій, Офонасьевъ Елистратъ, Офонасьевъ Иванъ, Павловъ Петръ, Пиголевъ Борисъ Васильевъ, Почитай Антонъ Ивановъ, Почитай Иванъ Ивановъ, Путимецъ Иванъ Яковлевъ, Романовъ Павелъ, Свистунъ Григорій Степановъ, Семеновъ Оплипъ, Сидоровъ Титъ, Сафоновъ Макаръ, Сторожевъ Михѣй Ивановъ, Сторожевъ Θедоръ Ивановъ, Шараповъ Степанъ Васильевъ, Яковлевъ Маркъ; наварники: Ершъ Гаврила Ивановъ, Лазаревъ Ортемій, Олексѣевъ Ондрей, Семеновъ Григорій, Тарасовъ Тимофей, Троθимовъ Григорій, Харитоновъ Кирилъ.

1645 годъ. Сокольникъ Исаія Черновъ.

1646 годъ. Московскій ловчій Иванъ Леонтьевъ; конные псари: Будаевъ Павелъ, Исаевъ Иванъ, Меркульевъ Алексѣй, Молчановъ Любимъ, Озорной Никифоръ, Чарка Сенка, Шаховъ Василій, Шевелевъ Никита, Шевелевъ Дмитрій, ... Власка; пѣшій псарь . . . . Марчка.

1647 годъ. Московскій ловчій Иванъ Леонтьевъ; охотникъ ловчаго пути Молчановъ Осипъ; конные псари: Акишевъ Власъ, Будаевъ Павелъ, Буколовъ Дементій, Молчановъ Любимъ, Молчановъ Матвѣй, Озорной Никифоръ, Озорной Яковъ, Яковлевъ Андрей; пѣшіе псари: Афанасьевъ Ивашка, Косовъ Стенка, Рындинъ Данилка, Сторожевъ Федка, Тарасовъ Тимошка, Яковлевъ Марчка; птичьи стрѣлки: Быковъ Исай, Таракановъ Игнатій; сокольники: Володинъ Иванъ, Камчатовъ Дмитрій, Коноплевъ Василій, Константиновъ Родіонъ, Мисюревъ Дмитрій, Огонковъ . . . ., Патрекѣевъ Митрофанъ, Черновъ Иванъ, Шатиловъ Иванъ; клобучечный мастеръ при кречатнѣ Дмитріевъ Ивашка.

1648 годъ. Псовникъ Петръ Жадовскій; звѣровщикъ Сила Зерцаловъ; охотники ловчаго пути: Аристовъ Осипъ, Головцынъ Семенъ, Меркур(л?)ьевъ Алексѣй, Невѣровъ Тимофей, Теряевъ Еремей, Ябединъ Иванъ; конные псари: Будаевъ Павелъ, Гордѣевъ Игнатій, Даниловъ Давыдъ, Дрозжинъ Федоръ, Исаевъ Иванъ, Молчановъ Любимъ, Озорной Яковъ, Озорной Никифоръ, Шевелевъ Никита, Яковлевъ Андрей; пѣшіе псари: Ивановъ Сафенка, Сафеновъ Макарка, Свистуновъ Гришка, Тарасовъ Тимошка; конные и пѣшіе псари: Ивановъ Оедоръ, Макѣевъ Евдокимъ, Молчановъ Матвѣй Осиповъ, Молчановъ Иванъ Осиповъ, Онисимовъ Игнатій, Терентьевъ Семенъ; сокольники: Гребенкинъ Иванъ Даниловъ, Останковъ Ивашка, Тоболинъ Михѣйко.

Слезно съ ней обнимался — здоровался,
И сажалъ Государь, ухмыляючись,
На колѣни меньшаго царевича,
Государя Петра Алексѣевича;

1649 годъ. Московскій ловчій Афанасій Софонтьевичъ Заболоцкій; охотники ловчаго пути: Молчановъ Михаилъ, Невѣровъ Тимофей, Пархуновъ Иванъ, Усовъ Алексѣй; конные псари: Будаевъ Павелъ, Исаевъ Иванъ, Исаевъ Никита, Молчановъ Любимъ, Озорной Никита. Кречетникъ Григорьевъ Иванъ; сокольники: Бабинъ Борисъ, Григорьевъ Тимофей, Дѣевъ Автономъ, Зайцевъ Өилька, Камчатовъ Дмитрій, Камчатовъ Александръ, Клѣинъ (Кельинъ?) Игнатій, Коноплинъ Василій, Константиновъ Родивонъ, Корчминъ Иванъ, Мисюревъ Яковъ, Рудаковъ Семенъ, Собакинъ Кирсанъ, Тулубьевъ Артамонъ, Хомяковъ Петръ, Чириковъ Григорій, Шатиловъ Иванъ, Ярцовъ Филиппъ.

1650 годъ. Московскій ловчій Афанасій Сафонтьевичъ Заболоцкій; подсокольничій Петръ Хомяковъ; охотникъ ловчаго пути Теряевъ Еремей; сокольники: Григорьевъ Ивашка, Ерофѣевъ Мишка, Кельинъ Игнашка, Кельинъ Андрюшка, Кельинъ Афанасій, Кошелевъ Артемъ, Семеновъ Мишка, Собакинъ Кирсанка, Строгальниковъ Мишка, Тоболинъ Парөюшка, Тоболинъ Михѣйка, Ярыжкинъ Ивашка.

1651 годъ. Охотники ловчаго пути: Берновъ Лаврентій, Корчминъ Василій, Меркульевъ Алексѣй, Молчановъ Петръ, Молчановъ Матвѣй, Молчановъ Михайла, Молчановъ Осипъ, Невѣровъ Тимофей, Позняковъ Афанасій, Перхуровъ Иванъ, Теряевъ Максимъ, Усовъ Алексѣй; конные псари: Акишевъ Власъ, Анисимовъ Осипъ, Бровкинъ Евсевій, Будаевъ Павелъ, Буколовъ Дементій, Гордѣевъ Игнатій, Даниловъ Давыдъ, Дрозжинъ Федоръ, Дрозжинъ Иванъ, Звѣровщиковъ Семенъ, Зоринъ Петръ, Ивановъ Афанасій, Ивановъ Григорій, Ивановъ Антипъ, Ивлевъ Михѣй, Исаевъ Никита, Кланпошниковъ Михайла, Клопшевъ Василій, Колокольцевъ Михайла, Логуновъ Иванъ, Матвѣевъ Федоръ, Матвѣевъ Исакъ, Мининъ Герасимъ, Молчановъ Фаддѣй, Молчановъ Иванъ, Молчановъ Любимъ, Озорной Никифоръ, Озорной Яковъ, Остафьевъ Потапъ, Павловъ Иванъ, Пахомовъ Лука, Петровъ Тихонъ, Петровъ Федоръ, Позняковъ Исай, Похиревъ Сергѣй, Свистуновъ Григорій, Семеновъ Сомойла, Степановъ Григорій, Степановъ Сава, Степановъ Иванъ, Спиридоновъ Исакъ, Спиридоновъ Богданъ, Фроловъ Терентій, Ябединъ Иванъ, Яковлевъ Андрей; корытные приказчики: Васильевъ Степанъ, Исаевъ Иванъ; птичьи стрѣлки: Быковскій Исай, Таракановъ Игнатій.

1652 годъ. Московскій ловчій Афанасій Сафонтьевичъ Заболоцкій; кречетникъ Чекинъ Семенъ; птичьи стрѣлки: Быковскій Исай, Самойловъ Гаврила, Таракановъ Игнатій.

1653 годъ. Птичьи стрѣлки: Быковскій Исай, Самойловъ Гаврила, Таракановъ Игнатій; сокольники: Арчаковъ Митька, Бабинъ Борисъ, Гриневъ Ивашка, Камча-

34*

товъ Дмитрій, Кислинскій Карпуша, Корчминъ Иванъ, Кѣльинъ Афонька, Лабутинъ Власка, Мисюревъ . . . . (Яковъ?), Плещеевъ Никита, Салтановъ Стенька, Тоболинъ Михѣй, Чириковъ Григорій, Юровъ Васка, Ярофѣевъ Мишка, Ярофѣевъ Ивашка; помытчикъ (какой?) Кельинъ Игнатій.

1654 годъ. Кречетники: Чаплыгинъ Иванъ, Черцовъ Алексѣй; сокольники: Григорьевъ Акинфѳерка, Гриневъ Ивашка, Ильинъ Ивашка, Коноплевъ Васька, Кошелевъ Федка, Ломакинъ Анисимка, Масловъ Кирюшка, Микулинъ Наумъ, Патрекѣевъ Митрошка, Петровъ Матюшка, Петровъ Данила, Реутовъ Сидорка, Юровъ Ивашка.

1655 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; конные псари: Андреевъ Петръ, Мат . . . . Исай, (вѣроятно, Матвѣевъ, смотри 1651 годъ), Степановъ Иванъ, Фроловъ Терентій, Черцовъ Федоръ, ... Иванъ, ... Игнатъ, ... Михѣй, ... Власъ; пѣшіе псари: Алексѣевъ Данила, Григорьевъ Матвѣй, Елизаревъ Семенъ, Онд . . . . . . Гаврила, ... Сафонъ, ... Герасимъ; сокольники: Бабинъ Борисъ, Григорьевъ Акинфейка, Григорьевъ Левонтій, Григорьевъ Ивашка, Ерофѣевъ Мишка, Ивановъ Ларивонъ, Кельинъ Прошка, Корсаковъ Васка, Кошелевъ Федька, Масловъ Кирюшка, Петровъ Митюшка, Реутовъ Сидорка, Соло . . . . . . Ивашка, Теряевъ Ивашка, Тоболинъ Михѣй, Юровъ Васка, Юровъ Ивашка, ... Тихонъ, ... Митрошка; Сибирскіе кречатьи помытчики: Итѣевъ Тенѣй, Итѣевъ Кучусъ Маметя, Кадауловъ Беметя, Кизылбаевъ Кочюгай.

1656 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ.

1657 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; птичьи стрѣлки: Самойловъ Ганка, Таракановъ Игнашка; кречетникъ Ярышкинъ Иванъ; ястребники: Алексѣевъ Муратъ, Сергѣевъ Алексѣй; сокольники: Назарьевъ Сергѣй, Тоболинъ Пароеній, Тулубьевъ Терентій; Ростовскій соколій помытчикъ Плѣшивовъ Константинъ.

1658 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Гавердовскій Карпъ, Григорьевъ Карпъ, Зуй Федоръ; Ермолинскіе сокольники: Коноплевъ Иванъ, Коноплавъ Неустрой, Лукьянъ Карпъ, Молчановъ Романъ, Никитинъ Терентій; Ермолинскіе ястребники: Алексѣевъ Кондратій, Антипьевъ Яковъ, Никитинъ Самойла, Сергѣевъ Алексѣй; Ермолинскіе сокольи и ястребьи робята: Брезгинъ Ивашка, Григорьевъ Илюшка, Коноплевъ Мишка, Коноплевъ Кондрашка, Кузьминъ Филька, Маркиловъ Емелька, Маркиловъ Доронька, Микитинъ Тишка, Молчановъ Стенька, Романовъ Сенька, Тихановъ Андрюшка, Тихановъ Ма-

карка; Ростовскій соколій помытчикъ Плѣшивовъ Константинъ; Тобольскіе кречатьи помытчики: Ильчибаевъ Кулмаметка, Янгитовъ Чечневъ.

1659 годъ. Московскій ловчій Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; пѣшіе псари: Гавриловъ Лугачь, Полежаевъ Иванъ; сокольники: Ерофѣевъ Михайла, Сидоровъ Аникѣй.

1660 годъ. Московскій ловчій Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Алексѣевъ Кондратій, Бабинъ Родька, Брезгинъ Иванъ, Григорьевъ Карпъ, Дорофѣевъ Фома, Ерофѣевъ Михайла, Ерофѣевъ Микита, Зуй Федоръ, Ильинъ Хорошай, Казаковъ Тихонъ, Карповъ Кузьма, Козловъ Артемій, Коноплевъ Иванъ 1-й, Коноплевъ Иванъ 2-й, Коноплевъ Михайла, Коноплевъ Кондратій, Кузьминъ Филипъ, Лукьяновъ Карпъ, Мамошинъ Прокофій, Маркеловъ Омельянъ, Микулинъ Наумъ, Молчановъ Романъ, Никитинъ Терентій, Романовъ Семенъ, Романовъ Степанъ, Шулгинъ Прохоръ; ястребники: Антипинъ Яковъ, Никитинъ Самойла, Сергѣевъ Алексѣй; состоялъ при кречатнѣ Кулмаметовъ Овесбахъ; Архангельскіе кречатьи помытчики: Аникѣевъ Гришка, Афанасьевъ Васька, Власовъ Петрушка, Григорьевъ Ивашка, Гурьевъ Трошка, Ефимовъ Климка, Ивановъ Мирошка, Ивановъ Васька, Ивановъ Афонька, Кустовъ Мишка, Каркавцевъ Осташка, Марковъ Ивашка Григорьевъ, Матвѣевъ Акимка, Семеновъ Федька, Срыковъ Сенька; Сибирскіе кречатьи помытчики: Вазминъ Елеска, Карташевъ Федька, Карташевъ Давыдка, Ожгибѣсовъ Анисимка, Рѣшетниковъ Митька; Двинскіе кречатьи помытчики: Жилинъ Алешка (съ товарищами, 10 человѣкъ).

1661 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; корытный приказчикъ псовой охоты Фроловъ Терентій; медвѣдчикъ Ѳедотовъ Анкудинка; сокольникъ Ерофѣевъ Михайла; Тобольскій кречатій помытчикъ Мельниковъ Никита; Ростовскій соколій помытчикъ Наумовъ Константинъ.

1662 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; конные псари: Матвѣевъ Исакъ, Пахиревъ Сергѣй; кречетники: Григорьевъ Василій, Ларіоновъ Иванъ, Чекинъ Игнатій, Черцовъ Андрей, Черцовъ Игнатій, Черцовъ Кузма, Ярцовъ Ѳадѣй; сокольники: Ерофѣевъ Михаилъ, Ерофѣевъ Никита, Ивановъ Сафонъ, Коноплевъ Иванъ, Коноплевъ Кондратій, Лежневъ Артемій, Микулинъ Наумъ, Нѣмчиновъ Алексѣй, Рыкуновъ Гаврила; ястребники: Антипьевъ Яковъ, Сергѣевъ Алексѣй, Степановъ Александръ, Степуринъ Александръ, Улановъ Алексѣй; кречетники или сокольники или ястребники: Даниловъ Дориментъ, Исаевъ Ларіонъ, Карповъ Кузьма, Кулинъ Сидоръ, Кѣльинъ Андрей, Лабутинъ Власъ, Ляховъ Семенъ, Масловъ Кирила, Нѣмчиновъ Устинъ, Отдавлетовъ Семенъ, Поляниковъ Ти-

мофей, Ромейковъ Ромило, Тоболинъ Парфеній, Тургеневъ Портимуфей, Черцовъ Романъ, Ярышкинъ Иванъ; клобучечный мастеръ при кречатнѣ Купріяновъ Ивашка; Ростовскіе сокольи помытчики: Кекинъ Антошка, Васильевъ Ивашка.

1663 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; охотники ловчаго пути: Баскаковъ Кондратій, Баскаковъ Артемій; конные псари: Мамошинъ Данила, Окишевъ Власъ, Сафоновъ Гаврила; конные или пѣшіе псари: Берновъ Лаврентій, Ермоловъ Лаврентій; корытный приказчикъ псовой охоты Терентій Фроловъ; выжлятникъ Константиновъ Ивашка; медвѣдчикъ Федотовъ Анкудинъ; сокольники: Гурьевъ Федоръ, Ерофѣевъ Михаилъ; Ростовскій помытчикъ Кѣкинъ Антошка.

1664 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Бордаковъ Дмитрій, Ерофѣевъ Михайла, Сидоровъ Аникѣй, Теряевъ Мина, Ширковъ Ануфрій.

1665 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Ерофѣевъ Михайла, Полозовъ Зотъ, Столѣтовъ Гервасъ, Теряевъ Алексѣй, Шетиловъ Юрій, Юровъ Филька; ловчій сокольникъ Сидоровъ Аникъ (Тулякъ); Нижегородскій соколій помытчикъ Княчинъ Ивашка; Казанскій соколій помытчикъ Дѣевъ Куземка.

1666 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; конные псари: Горбуновъ Сидорка, Кириловъ Левка, Яковлевъ Гришка; пѣшій псарь Григорьевъ Ивашка; сокольники: Батаговъ Елисѣй, Ерофѣевъ Михайла, Раковъ Дмитрій; Сибирскіе кречатьи помытчики: Анохинъ Ивашка, Анохинъ Давыдка, Вороновъ Ѳедка, Вязминъ Елеска, Головинъ Митька, Другановъ Ѳедка, Зырянъ Еремка, Коклягинъ Микишка, Щулгинъ Наумка; Ростовскій соколій помытчикъ Плѣшивый Костька.

1667 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; псарь Цыпляевъ Григорій; сокольники: Григорьевъ Леонтій, Ерофѣевъ Михайла, Капыловъ Данила Ларіоновъ, Камчатовъ Алексѣй, Козаковъ Терентій, Теряевъ Мина, Тоболинъ Михѣй, Тулубевъ Терентій; ловчій сокольникъ Сидоровъ Аникъ; Ростовскіе сокольи помытчики: Кѣкинъ Ганка, Плѣшивовъ Костька; Тобольскіе кречатьи помытчики: Епмаметевъ Бузайка, Ильгинцъ Стигерка, Ишѣевъ Толка, Косыревъ Чечка.

1668 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; Царево-Бортовской звѣровой охотникъ Костянтиновъ Севастіянъ; стремянные конюхи: Раковъ Ѳедоръ, Шевелевъ Микита; кречетникъ Григорьевъ Василій Ивановъ; сокольники: Долгинскій Семенъ, Ерофѣевъ Михайла, Карповъ Кузьма, Плещевъ Никита, Похвисневъ Епенетъ, Раковъ Микита, Раковъ Дмитрій, Рудневъ Артемій, Те-

ряевъ Мина, Теряевъ Максимъ, Тулубьевъ Иванъ, Шастовъ Шаблыка; ловчій сокольникъ Сидоровъ Аникъ; Ростовскій соколій помытчикъ Кѣкинъ Антошка; Сибирскіе кречатьи помытчики: Алмеметевъ Алмеметько, Ветлугинъ Петрушка, Ворогушинъ Савинко, Вязминъ Елеска, Гагинъ Петрушка, Головинъ Ѳедка, Головинъ Мишка, Измайловъ Гришка, Изотьевъ Васка, Итѣевъ Тененко, Котинъ Исачко, Крушинскій Григорій, Крушинскій Якимко, Кутабердѣевъ Ешко, Мелниковъ Микитка, Насѣкинъ Ларка, Павловъ Неѳедка, Палкинъ Шумилка, Полуяновъ Ѳѳонка, Полуяновъ Кирилка, Шулгинъ Назарка, Ярковъ Мишка, Ярковъ Стенка, Ѳиѳиловъ Аксенка.

1669 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; подъячій потѣшнаго двора Столѣтовъ Гервасъ; лѣкарь потѣшнаго двора Киріанъ Кутешевъ; сокольники: Ерофѣевъ Михаилъ, Масловъ Кирила, Михайловъ Михайла, Полозовъ Зотъ, Похвистневъ Епенетъ, Рудневъ Картерій, Туруповъ Иванъ; Сибирскіе кречатьи помытчики: Адрамановъ Кучючка, Бородинъ Мишка Потеряй, Ѳеѳиловъ Аксенка; соколій помытчикъ Чаранской округи Ивановъ Боженка; Холмогорскіе кречатьи помытчики: Ивановъ Трофимка, Капустинъ Ивашка, Коркавцевъ Осташка.

1670 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Куликовъ Василій, Полозовъ Зотъ, Рудневъ Картерій; Сибирскіе кречатьи помытчики: Ивановъ Пашка, Килдисановъ Тлѣшко, Крушинскій Гришка, Мальцовъ Сенка, Пушкаревъ Ивашка, Семеновъ Ивашка, Смирной Левка, Терентьевъ Петрушка, Уткинъ Мишка.

1671 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Должинскій Юшка, Зубокъ Митрошка, Збурскій Юшка, Исаевъ Ларка, Казаковъ Терентій, Куликовъ Васька, Леонтьевъ Микишка, Леонтьевъ Лукашка, Мокринскій Ивашка, Нелюдовъ Васька, Отдавлетовъ Семенъ, Ромейковъ Максимка, Рудневъ Картерехъ, Сидоровъ Ивашка, Терентьевъ Доронка, Теряевъ Минка, Тулубьевъ Терентій, Фроловъ Андрюшка.

1672 годъ. Думный дворянинъ и ловчій Московскаго пути Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Теряевъ Максимъ, Туруповъ Иванъ, Фроловъ Андрей; Сибирскіе кречатьи помытчики: Кряжевъ Ивашка, Перфильевъ Кондрашка, Савинъ Кирилка, Фокинъ Тимошка, Ярцовъ Илюшка.

1673 годъ. Думный дворянинъ и Московскій ловчій Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; псовникъ Теряевъ Петръ; Сибирскіе кречатьи помытчики: Кряжевъ Исачка, Перфильевъ Кондрашка.

1674 годъ. Думный дворянинъ и ловчій Московскаго пути Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Будневъ Корнилій, Полозовъ Зотъ Ивановъ; Сибирскіе

кречаты помытчики: Аддіевъ Суяргулко, Аксеитовъ Иткиня, Аксубѣевъ Тарыгулко, Аксубѣевъ Байтуганъ, Алгилдѣевъ Агуланъ, Алметевъ Бузанко, Алсалбѣевъ Арлымъ, Алсеитовъ Кочагулко, Алсеитовъ Кутлугилдейко, Алсеитовъ Куркачикъ, Алсеитовъ Костей, Аскалдѣевъ Ярлыганъ, Бантовъ Енейко, Байсубаевъ Махметько, Бутаковъ Сююндрючко, Буйдяновъ Лучко, Дяновъ Тлешкобуй, Игановъ Аткулко, Илбаевъ Келмаметько, Илгининъ Турутурко, Илчибаевъ Утешко, Илчибаевъ Колушко, Инчибаевъ Биляшко, Ишѣевъ Токлушко, Ишѣевъ Ергиня, Килдисаповъ Минякъ, Колкунѣевъ Суракъ, Копландѣевъ Калаулко, Косарыевъ Аитнелко, Кулаевъ Утемышко, Рысовъ Чичканко, Рысовъ Ишберды, Сколдесановъ Тлешко, Сорыевъ Литко, Тотуевъ Мелышъ, Тотуевъ Куташко, Тотуинъ Евгашъ, Тотыевъ Егирнячко, Тотыевъ Союрко, Утешевъ Бикдаклу, Чечкинъ Батурко, Чигировъ Аташъ, Ялгуловъ Атуганко, Янгитовъ Чечка, Янгитовъ Куташугурко.

1675 годъ. Думный дворянинъ и ловчій Московскаго пути Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; стремянной конюхъ Озорной Андрей; сокольники: Полозовъ Зотъ Ивановъ, Похвистневъ Епенетъ, Товадѣевъ Семенъ; клобучечный мастеръ потѣшнаго двора Кипреяновъ Иванъ.

1676 годъ. Думный дворянинъ и ловчій Московскаго пути Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; Ростовскій соколій помытчикъ Толстой Иванъ.

[114]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 321, л. 2.

[115]) См. Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 203, л. оборотн. 224; кн. 206, л. оборотн. 407; кн. 304, л. оборотн. 3 и 31; столб. 94—7182 г.

[116]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 203, л. оборотн. 213; кн. 205, л. 194; кн. 206, л. оборотн. 407; кн. 207, л. оборотн. 57; кн. 302, л. 68; кн. 303, л. оборотн. 118; столб. 104—7125 г.; столб. 65—7159 г.

[117]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 204, л. 355 и л. оборотн. 808; кн. 205, л. 195 и л. оборотн. 195; кн. 278, л. 128; кн. 279, л. 59 и 114; кн. 302, л. 81.

[118]) См. Забѣлина «Бытъ царицъ», стр. 459—462; ср. Дворцовые разряды за соотвѣтствующіе годы.

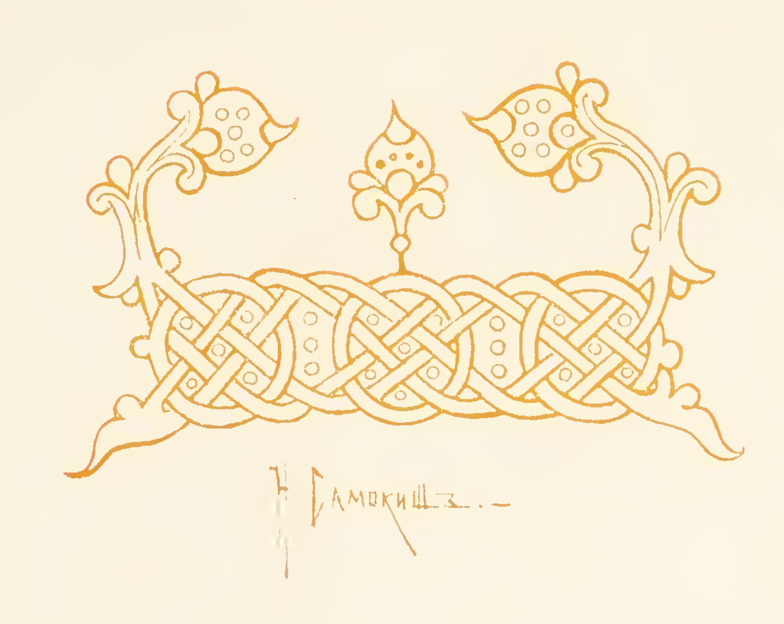
[119]) См. Урядникъ въ «Собраніи писемъ царя Алекс. Михаил.», изд. Бартенева, М. 1856, стр. 92—116; ср. Забѣлина «Опыты изученія русск. древностей», стр. 247—256.

[120]) Рукоп. Госуд. Арх., Ноябрь 1660, челобитная Бабина; Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 77—7173 г., кн. 320, л. оборотн. 164.

Челобитная ловчаго сокольника Аникія Сидорова: «Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу

Цѣловалъ — миловалъ, приговаривалъ:
— «Охъ ты, дитятко, сердце строптивое,
Спозаранокъ въ тебѣ, мое дитятко,
Расходилася кровь богатырская —
На румяныхъ щекахъ заалѣлася,
Въ соколиныхъ глазахъ загорѣлася…

бьетъ челомъ холопъ твой туленинъ (Тулякъ) сокольникъ Аничко Сидоровъ въ нынѣшнемъ Государь во 173 году по твоему Великаго Государя указу привезъ я холопъ Твой съ Тулы къ тебѣ Великому Государю къ Москвѣ шесть соколовъ, и тѣ соколы у меня холопа твоего приняты, а твоего Государева жалованья на нынѣшній на 173 годъ противъ прошлыхъ лѣтъ мнѣ холопу твоему не выдано. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ пожалуй меня холопа своего своимъ царскимъ жалованьемъ за мою службишко вели Государь мнѣ свое Государево жалованье сукно на нынѣшнiи на 173 годъ выдать противъ прошлыхъ лѣтъ. Царь Государь смилуйся пожалуй».

«Государь пожаловалъ велѣлъ ему дать сукно противъ прежнихъ дачъ каковы имъ даютца сукна» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 77—7173 г.).

[121]) Общ. Арх. Мин. Двора, столбцы: 205—7140 г., 74—7155 г., 68—7160 г., 10, 54, 143 и 155—7161 г. и 62—7165 г.

[122]) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 374—7168 г.

[123]) Тамъ же, столб. 24—7143 г.

[124]) Въ 1669 году, во время похода въ село Хорошево, сокольникъ Кирила Масловъ привезъ царю Алексѣю Михайловичу «двѣсти бумагъ въ нихъ по полтинѣ, и того сто рублевъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1077, л. оборотн. 55).

Въ томъ же 1669 году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, сокольникъ Иванъ Тулуповъ привозилъ изъ Москвы въ село Преображенское нищихъ, за что получилъ полтора рубля (Тамъ же, кн. 1077, л. 54).

Въ 1674 году въ Дворцовыхъ Разрядахъ отмѣчено: «Того жъ году присланъ изъ походу отъ Великаго Государя, изъ села Преображенскаго, нарочно сокольникъ къ боярину и къ оружничему къ Богдану Матвѣевичу Хитрово, что указано ему боярину пересмотрѣть во всѣхъ государевыхъ хоромахъ, и въ Государыни Царицыныхъ, и у Государевъ Царевичевъ, и у Государынь Царевнъ болшихъ и меншихъ: худыхъ мѣстъ, лавокъ, и мостовъ, и печей, и въ мыленкахъ, и гдѣ худо велѣно перечинить вновь; а будетъ въ иныхъ мѣстахъ нелзѣ чинить, ино указано вновь построить къ его Великаго Государя приходу совсѣмъ» (Дворц. Разр., т. III, стр. 1126).

[125]) Госуд. Арх., разр. XXVII, № 173; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. 172; кн. 1073, л. 70 и 129; кн. 1076, л. 249; кн. 1077, л. 40, 42, 54, л. оборотн. 55 и 88; Дворц. Разр., т. I, стр. 662; т. II, стр. 97, 111, 113, 114, 135—137, 200, 206, 213, 330; т. III, стр. 234, 581, 915—918, 1126, 1424, 1428; Дополн. къ III т., стр. 137 и 266.

35

Такъ, въ 1625 году, при встрѣчѣ въ Февралѣ мѣсяцѣ Персидскихъ пословъ, принимали участіе въ процессіи, въ числѣ другихъ чиновъ, ловчаго пути охотники, псари и кречетники (Дворц. Разряды, т. I, стр. 662). Въ Октябрѣ 1629 года, при встрѣчѣ Французскихъ пословъ, участвовало въ парадѣ 5 охотниковъ ловчаго пути и 36 псарей помѣстныхъ (конныхъ). (Тамъ же, т. II, стр. 97). Въ Февралѣ 1630 года, ко встрѣчѣ Шведскихъ пословъ, по государеву указу, было велѣно охотникамъ ловчаго пути и коннымъ псарямъ, «что бы они для посолскіе встрѣчи были готовы Февраля въ 5 день, въ пятницу; а были бъ цвѣтны и конны» (Тамъ же, стр. 3). Въ этой встрѣчѣ участвовало 18 охотниковъ ловчаго пути и 31 конный псарь. Кромѣ того, въ церемоніи принимали участіе и «приказчики борзыхъ и гончихъ собакъ» (тамъ же, стр. 113); всего же чиновъ ловчаго пути было тутъ 73 человѣка (Тамъ же, стр. 114). Въ Маѣ того же 1630 года, при встрѣчѣ Турецкаго посла «Фомы Катакузина», принимали участіе въ торжествѣ ловчаго пути охотники въ числѣ 14 человѣкъ, псари въ числѣ 51 человѣка, 7 трубниковъ и 10 сурначеевъ также ловчаго пути (Тамъ же, стр. 135—137). Въ Апрѣлѣ 1631 года Шведскаго посла Якова Руселя, между другими, встрѣчали ловчаго пути 11 охотниковъ, 32 конныхъ псаря, 6 кречетниковъ и ястребниковъ и 14 трубниковъ и накрачеевъ (Тамъ же, стр. 200). То же число чиновъ царской охоты участвовало въ торжествѣ встрѣчи посла того же короля Густава-Адольфа-Антона Монира въ Маѣ 1631 года (Тамъ же, стр. 206). Въ Іюнѣ того же 1631 года, при встрѣчѣ Датскаго посла «Мантыяля», участвовало десять охотниковъ ловчаго пути и тридцать псарей (Тамъ же, стр. 213). Въ Апрѣлѣ 1651 года, при встрѣчѣ Литовскихъ пословъ, Станислава Витовскаго съ товарищами, «за Тверскими вороты, за Землянымъ городомъ, за Ямскою слободою», въ числѣ прочихъ, «ѣхали передъ послы въ городъ до посолскаго дворца»....... «и ловчаго пути, и кречетники, и сокольники, и ястребники, и псари конные»..... «на добрыхъ лошадяхъ въ цвѣтномъ платье» (Тамъ же, т. III, стр. 234). Въ 1658 году, при встрѣчѣ Грузинскаго царя Теймураза Давыдовича, «за Устренскими вороты за Землянымъ городомъ» у сокольниковъ и стремянныхъ конюховъ былъ головою Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ (Дополненіе къ III тому Дворц. Разр., стр. 137). Въ запискѣ о пріѣздѣ Грузинскаго царя, между прочимъ, читаемъ, что, приглашенный 8 Мая 1658 года царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ въ Грановитую палату, Грузинскій царевичъ Николай Давыдовичъ ѣхалъ въ каретѣ, «а около кареты шли конюшеннаго чину и Сокольники въ атласныхъ въ червчатыхъ и въ лазоревыхъ кафтанахъ съ протозаны» (Вивліоѳика Россійская, т. VIII, стр. 127 и 128). То же читается и въ запискѣ о бытности на отпускѣ Грузинскаго царевича, относящейся къ 1660 году

(Тамъ же, т. XIV, стр. 42). Подъ 1661 годомъ, въ запискѣ о встрѣчѣ цесарскихъ пословъ «Августина Фонмаерна да Горацыужа Вильгельма Калюдыуша» встрѣчаемъ «на правой сторонѣ противъ Никольскихъ воротъ стремены конюхи и сокольники» (Тамъ же, т. VIII, стр. 155). Встрѣча эта была за городомъ, за Тверскими воротами, а начальствовалъ сокольниками и стремянными конюхами полковникъ и голова стрѣлецкій Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ (Дополненіе къ III тому Дворц. Разр., стр. 266). По поводу церемоніи этой встрѣчи пословъ императора Леопольда, между прочимъ, читаемъ подъ 25 Мая въ дневникѣ Литовскаго стражника, находившагося въ то время въ плѣну въ Москвѣ, Михаила Обуховича: «Далѣе шли двѣ хоругви царскихъ конюховъ, изъ коихъ одни называются степенные, другіе же стадные. Степенные ухаживаютъ собственно за царскими лошадьми, стадные же завѣдываютъ простыми, которыхъ находится при Дворѣ безчисленное множество. Стадные были въ одеждѣ трехъ различныхъ цвѣтовъ, въ голубомъ, бѣломъ и красномъ; степенные же имѣли нарядъ еще великолѣпнѣе: лазуревую одежду и богатѣйшія шубы; Головою ихъ былъ гость Василій Шоринъ: человѣкъ богатый и потому и одѣтый весьма великолѣпно. Далѣе Царскіе Сокольники, которыхъ было двѣ хоругви; ихъ велъ Артамонъ Сергѣевичъ Стрѣлецкій голова, одѣтый въ платье изъ драгоцѣнной парчи и конь его былъ убранъ также богато; передъ нимъ вели нѣсколька превосходныхъ и богатоубранныхъ коней» (Дневникъ Обуховича, стр. 20).

Въ описаніи пріема въ 1664 году, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Англійскаго посла «Чарлуса Говорта» читаемъ, что во дворцѣ Алексѣя Михаиловича «отъ переднихъ сѣней отъ дверей до нижняго деревяннаго рундука (площадки), что въ перерградѣ, отъ постелнаго крылца по обѣ стороны стояли 66 человѣкъ соколниковъ, съ нарядными съ протозаны, въ атласныхъ кафтанахъ розными цвѣты» (Дворц. Разряды, т. III, стр. 581). При встрѣчѣ 31 Декабря 1673 года великихъ и полномочныхъ пословъ короля Шведскаго, графа Оксенштерна съ товарищами, за городомъ, за Тверскими воротами, за Гонною слободою, былъ «у соколниковъ голова столникъ Иванъ Андреевичъ Посниковъ, а ѣхали соколники съ крылами» (Тамъ же, стр. 915—917). Далѣе, въ церемоніалѣ той же встрѣчи читаемъ: «А за каретою у пословъ, вмѣсто гостей, ѣхалъ голова съ сотнею Иванъ Посниковъ, а у него въ сотнѣ Сокольники» (Тамъ же, стр. 918). Наконецъ, въ «переводѣ съ латинскаго письма Аннбала Францышека де Ботонія да Ягана Терлингерена» (Вѣнскіе посланники), помѣченнаго 11 Сентября 1674 года, читаемъ: «Насъ звали на посольство . . . . . ѣхали передъ нами 30 человѣкъ ѣздоковъ, которыхъ соколниками называютъ, на лошадяхъ бѣлыхъ» (Памятники дипломат. снош., т. V, стр. 168).

35*

[126]) Такъ, въ 1651 году, Мая 16, было приказано выдать въ Государеву Мастерскую Палату 137 рублей 25 алтынъ въ жалованье сокольникамъ на 1652 годъ (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 79—7159 г.). Въ 1664 году, Сентября 7, велѣно было выдать «на его государевъ потѣшный дворъ въ Семеновское къ столнику Василію Яковлевичу Голохвастову на роздачу Государева годового жалованья сокольникомъ и на иные росходы тысячу рублевъ» (Тамъ же, кн. л. оборотн. 17). Въ 1667 году, Сентября 20, опять на Семеновскій потѣшный дворъ выдана тысяча рублей для удовлетворенія сокольниковъ годовымъ жалованіемъ (Тамъ же, кн. 1075, л. 64). На ту же надобность выдано въ 1668 году, Сентября 13, 981 рубль (тамъ же, кн. 1076, л. оборотн. 234) и въ 1669 году, Сентября 16—1176 рублей (Тамъ же, кн. 1077, л. оборотн. 34). Въ томъ же 1669 году велѣно было привезти изъ Домодѣдовской волости тысячу четвертей ржи также на Семеновскій потѣшный дворъ и также въ жалованье сокольникамъ (Тамъ же, кн. 1076, л. оборотн. 254).

[127]) 20 Сентября 1667 года сокольнику Минѣ Теряеву было выдано 20 рублей денегъ «на приданое сестрѣ его» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1075, л. 61). Того же года и мѣсяца, въ 24 число, на погребеніе псаря Григорія Цыпляева было отпущено 3 рубля (Тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 64). 16 Ноября того же 1667 г., на погребеніе же сокольника Никиты Плещова было отпущено 10 рублей (Тамъ же, кн. 1075, л. 72). 9 Января 1668 года стремянному конюху Өедору Ракову было дано на погребеніе брата его сокольника Микиты Ракова 25 рублей денегъ (Тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 80). Наконецъ, 17 Февраля 1669 года сокольнику Епенету Похвистневу отпущено на погребеніе отца его 10 рублей (Тамъ же, кн. 1075, л. 262).

[128]) См. Катошихина, стр. 60 и 80; Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 24, свит. 51—7140 г. и № 27, свит. 12. Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 206, л. 254; кн. 282, л. 368; кн. 303, л. 284 и л. оборотн. 285; кн. 317, л. оборотн. 321; кн. 1072, л. оборотн. 17, л. 172; кн. 1075, л. 64 и л. оборотн. 65; кн. 1076, л. 234 и л. оборотн. 234 и 254; кн. 1077, л. оборотн. 34 и л. 40; столбцы: 32—7158 г., 62 и 79—7159 г., 388—7168 г. и 407—7170 г. Такъ, въ спискѣ наградъ сокольникамъ за потѣхи передъ царевичемъ Өеодоромъ Алексѣевичемъ, относящемся къ 1671 году, находятся собственноручныя приписки Царя: . . . . . «да Минкѣ киндякъ лучшей» . . . . «кто тѣхъ держалъ соколовь» . . . . «сукно киндякъ Терешкѣ Козакову отъ насъ да софянъ» . . . . . . (Госуд. Арх., Разр. XXVII, № 52—7179 г.; Бѣляева «Крестьяне на Руси», 1891, Москва стр. 43—44).

[129]) Объ одеждахъ см. Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 303, л. 261; кн. 304, л. 161; кн. 309, л. 63; кн. 321, л. 178 и т. д.; столбцы: 73—7156 г., 58—7163 г., 248 и 407—7168 г. и др.; Вивліоѳ. Росс., т. VIII, стр. 127 и 128; Дневникъ Михаила Обуховича, Литовскаго Стражника, писанный въ плѣну въ Москвѣ съ 1660 г., Кіевъ, 1862, стр. 20.

Источники указываютъ намъ на слѣдующія одежды чиновъ царской охоты XVII столѣтія:

Охотниковъ ловчаго пути — кафтаны, однорядки, ферязи (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 304, л. 140 и кн. 305, л. 127).

Псарей конныхъ и пѣшихъ — кафтаны (Тамъ же, кн. 289, л. 426). Кафтаны «сукна инбарскаго (анбурскаго?) черлены, подложены крашениною розныхъ цвѣтовъ», при нашивкахъ кружевныхъ съ мишурою. Такіе кафтаны цѣнились въ 19 алтынъ съ полушкою кафтанъ (Тамъ же, кн. 208, л. 210).

Кречетниковъ — кафтаны изъ дараги кармазиновой Кизильбашскаго привоза и изъ дараги гилянской (Тамъ же, кн. 316, л. оборотн. 83).

Сокольниковъ — кафтанъ сукна вишневаго (Тамъ же, кн. 321, л. 178). Кафтанъ Киндячный зеленый (Тамъ же, кн. 303, л. 261). Кафтаны стамедные (?) (Тамъ же, столб. 73—7156 г.). Кафтанъ киндякъ красный и зендень зеленая (Тамъ же, кн. 309, л. 63). Кафтанъ зендень лазоревая (Тамъ же, столб. 58—7163 г.). Кафтанъ вишневаго англійскаго сукна, на подпушку тафта зеленая, обшитый золотымъ шнуркомъ (шло шнурка 16 1/2 аршинъ), на немъ нашиты нашивки долгія — шолкъ гвоздиченъ, въ середкахъ золото и пуговки, обшитыя золотомъ, по три нашивки на кафтанъ. Цѣна такому кафтану была 5 рублей 30 алтынъ 1 деньга. Кафтанъ такой же, но съ нашивками—шолкъ гвоздиченъ, промыканъ золотомъ. Цѣна этому кафтану 7 рублей 17 алтынъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 304, л. оборотн. 161). Кафтанъ вишневый съ косымъ ожерельемъ, нашивка—шолкъ вишневый (Тамъ же, столб. 248—7168 г.). Кафтанъ англійскаго свѣтлозеленаго сукна, обшитый золотымъ шнуркомъ (шнурка пошло около 16 аршинъ), подпушка тафта зеленая; на немъ три нашивки—шолкъ гвоздиченъ, протыканный золотомъ; пуговицы обшиты золотомъ. Цѣна этому кафтану 7 рублей 25 алтынъ 3 деньги (Тамъ же, кн. 304, л. оборотн. 161). Кафтанъ суконный малиноваго цвѣта; нашивка длинная шолковая съ золотомъ (Тамъ же, столб. 407—7168 г.). Кафтанъ изъ сукна англійскаго темнозеленаго; подъ полы подбивка байка красная; нашивка на шнуркахъ. Цѣна этому кафтану 2 рубля 14 алтынъ 1 деньга (Тамъ же, кн. 304, л. оборотн. 161). Кафтанъ сукна англійскаго темнозеленаго; на подпушку тафта желтая; три нашивки—шолкъ гвоздиченъ,

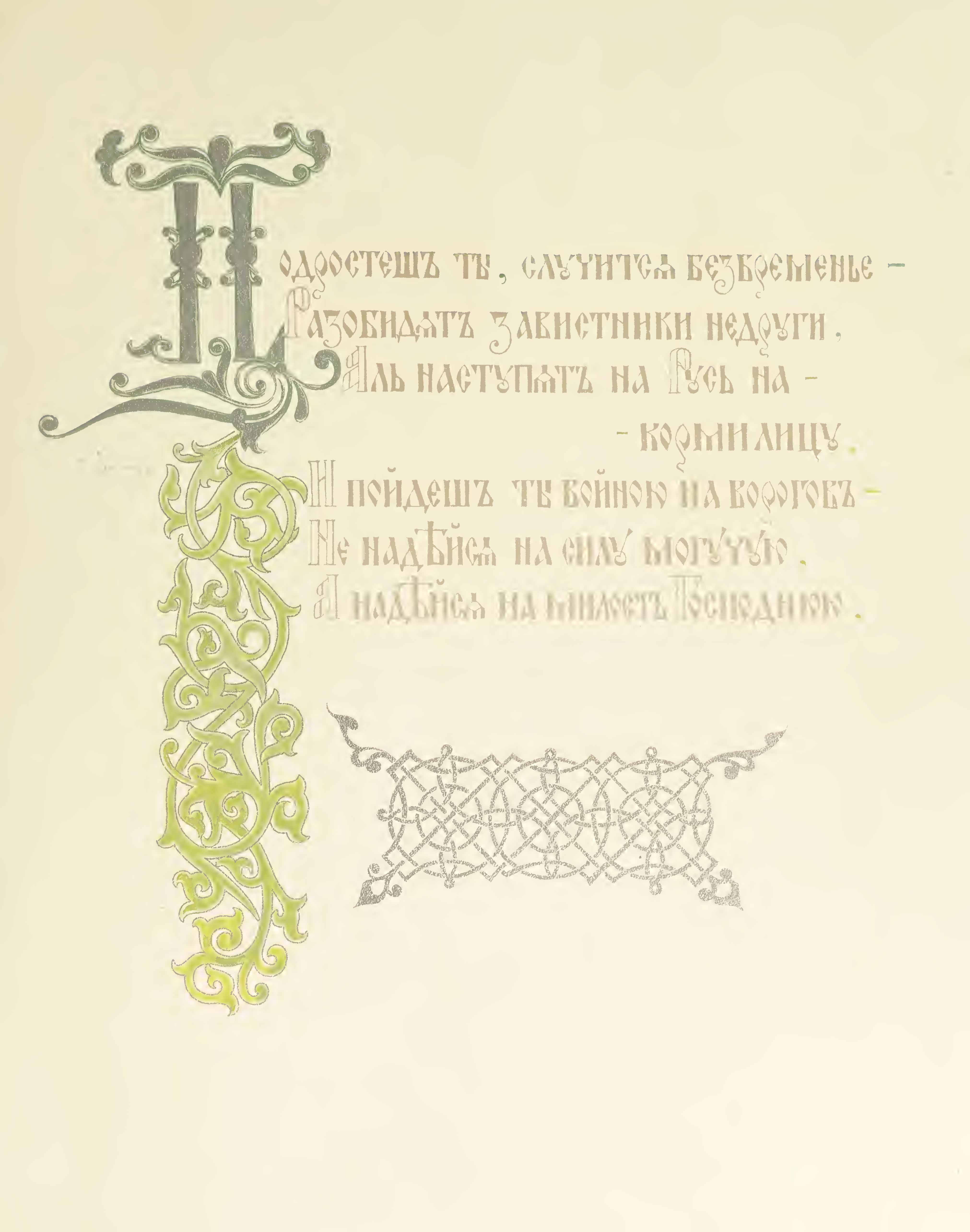
протыканный золотомъ; пуговицы обшиты золотомъ. Цѣна этому кафтану была 6 рублей 2 деньги (Тамъ же). Кафтанъ изъ сукна полукармазина вишневаго; къ поламъ на подбивку байка зеленая; обшивка—шолковый гвоздичный шнуръ (пошло его 16½ аршинъ); нашивка хомяная. Цѣна этому кафтану 2 рубля 23 алтына 3 деньги (Тамъ же). Кафтанъ теплый, подъ сукномъ, сукно голубого цвѣта; исподъ корсачій; нашивка длинная, шолковая, съ золотомъ (Тамъ же, столб. 407—7168 г.). Кафтанъ киндячный на русакахъ; на кафтанъ этотъ пошло: киндяку зеленаго полшеста (5½) аршинъ, 10 хребтовъ русачьихъ, по 8 денегъ хребетъ, полъ-мѣха русачьяго, цѣною 15 алтынъ (надо замѣтить, что полъ-мѣха не значитъ полъ-шкуры русака: мѣхъ получался отъ стачки извѣстнаго количества шкуръ въ одно полотнище), на кафтанъ нашивка изъ зендени на шнуркѣ, цѣною въ 3 алтына 2 деньги; въ нашивкѣ «встошка» (?), цѣною въ 9 денегъ; на опушку пошло пуху на 8 алтынъ, да на ожерелье пуху же на 10 алтынъ (Тамъ же, столб. 73—7156 г.). Кафтанъ киндячный зеленый на русакахъ; ожерелье изъ куницы и нашивка изъ зеленаго шолка на шнуркахъ (Тамъ же, столб. 73—7156 г.). Кафтанъ изъ тафты червчатой, подпушка—киндякъ зеленый, на хлопчатой бумагѣ, нашивка шолковая на шнуркахъ. Цѣна этому кафтану 2 рубля 30 алтынъ 2 деньги (Тамъ же, кн. 304, л. оборотн. 161). Кафтанъ изъ тафты двоеличной, шолкъ червчатъ и жолтъ; подкладка—крашенина лазоревая и красная, на хлопчатой бумагѣ; нашивки шолковыя на шнурахъ. Цѣна этому кафтану 3 рубля 20 алтынъ 2 деньги (Тамъ же). Кафтанъ изъ тафты зеленой; подпушка—киндякъ черленый; подкладка—крашенина лазоревая на хлопчатой бумагѣ; нашивка шолковая на шнуркѣ. Цѣна этому кафтану 2 рубля 22 алтына 2 деньги (Тамъ же). На рукава (родъ муфтъ) кафтановъ шли иногда бѣличьи хребты (Тамъ же, столб. 142—7172 г.).

Куртка на подкладкѣ крашенины лазоревой; нашивка шолковая на шнуркѣ (Тамъ же, кн. 303, л. 261).

Зипунъ вишневый суконный на подкладкѣ изъ зенденя (Тамъ же, столб. 73—7156 г.).

Ферезея изъ бархата червчатаго гладкаго; подкладка — тафта желтая; обшивка—золотой шнуръ (пошло шнура 10 аршинъ 6 вершковъ), пришитый желтымъ шолкомъ; нашивка золотная. Цѣна такой ферезеѣ 15 рублей 19 алтынъ 2 деньги.

Сапоги у сокольниковъ были кривые, большой, средней и малой руки (тамъ же, столб. 624—7178 г.), изъ красной телячьей кожи (тамъ же, столб. 298—7178 г.), а пояса изъ крашеныхъ лосиныхъ кожъ (Тамъ же, столб. 299—7183 г.).

Подростешъ ты, случится безвременье –
Разобидятъ завистники недруги,
Аль наступятъ на Русь на –
– кормилицу.
И пойдешъ ты войною на вороговъ –
Не надѣйся на силу могучую,
А надѣйся на милость Господнюю.

Въ нарядъ и вооруженіе сокольниковъ входили лядунки и сабли, выдававшіяся изъ Оружейной Палаты (тамъ же, столб. 311—7161 г.), пищали (тамъ же, столб. 103—7181 г.) и протозаны (Россійская Вивліоѳика, т. VIII, стр. 128).

При торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, при пріемахъ и встрѣчахъ иностранныхъ пословъ, сокольники, участвовавшіе въ церемоніяхъ, надѣвали особыя крылья. Сказать точно, какой видъ имѣли эти крылья, мы не можемъ. Знаемъ только, что въ 1675 году «на сорокъ паръ къ крыльямъ на вооруду и которыя живутъ на сокольникахъ къ выѣзду персидскихъ пословъ», куплено было: «тесемъ шолковыхъ розными цвѣтами» — 100 аршинъ, по 3 алтына за аршинъ, и такихъ же тесемъ 100 аршинъ, по 2 алтына за аршинъ (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 192—7183 г.). Лопасти къ крыльямъ сшивались изъ тафты (Тамъ же, столб. 10—7171 г.). На крылья шелъ холстъ, «клей рыбей и мездринной» и иные всякіе запасы. Прикрѣплялись крылья къ платью при помощи поясныхъ ремней (Тамъ же, столб. 164—7183 г.).

[130]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 204, л. 507; столбцы: 65—7132 г.; 5—7136 г.; 233—7140 г.; 11—7141 г.; 10, 64 и 135—7142 г.; 17—7143 г.; 60—7153 г. Дворц. Разр., т. I, 979. Соловьевъ, «Ист. Росс.», IX, 279—303.

[131]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 278, л. 205; кн. 284, л. оборотн. 63; кн. 290, л. 31 оборотн., л. 49 и 49 оборотн., л. 67 и 83 оборотн.; столбцы: 28—7143 г.; 97 и 99—7150 г.; 94—7154 г.; 305—7160 г.; 297—7161 г.; 186 и 193—7170 г.; 249—7171 г. Рукоп. Оруж. Пал., столб. 51—7129 г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 24, свит. 51. Дворц. Разр., Доп. къ III т., 333. Росс. Вивліоѳ., т. V, 1—114, 130. Соловьевъ, «Ист. Росс.», IX, 85; 202—206; 291; XII, 276—280.

[132]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 68, л. 173; кн. 203, л. 298; кн. 209, л. 231 оборотн.; столбцы: 78—7130 г.; 94, 111 и 192—7131 г.; 155—7138 г.; 100 и 102—7139 г.; 241—7140 г.; 251—7142 г.; 24—7143 г.; 109—7144 г.; 59—7145 г.; 42—7146 г.; 8—7148 г.; 112—7150 г.; 60—7151 г.; 60—7152 г.; 60—7153 г.; 116—7157 г.; 41 и 130—7158 г.; 82—7159 г.; 326 и 327—7160 г.; 257—7161 г.; 189—7162 г.; 156—7164 г.; 241 и 240—7166 г.

[133]) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 204, л. 117; столб. 210 и 223—7170 г. Соловьевъ, «Ист. Росс.», IX, 184, 240. Катошихинъ, 45.

[134]) Катошихинъ, 46.

[135]) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 449—7152 г.

[136]) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 77—7145 г.; 16—7149 г.; 82—7155 г.; 189 и 200—7162 г.; 434 и 455—7168 г., Соловьевъ, «Ист. Росс.», т. IX, 312; XII, 268, 274; XIII, 264.

[137]) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 276—7161 г.

[138]) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 17—7149 г.

[139]) Тамъ же, столб. 177—7169 г.

[140]) Тамъ же, столб. 367—7183 г.; Арх. Мин. Двора Ин. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 23, свитокъ 12.

[141]) Отъ 1635 года дошелъ до насъ документъ, не только подтверждающій вышеприведенное соображеніе объ установившемся нормальномъ количествѣ ловчихъ птицъ, ежегодно отправлявшихся въ Крымъ, но указывающій еще на то, что посылки эти являлись какъ бы обязательными. 12 Января этого года «указалъ Государь Царь и великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Росіи послати отъ себя Государя въ Крымъ къ Царю и Калгѣ въ поминкахъ на два года на прошлой на 142 годъ да на нынѣшній на 143 годъ къ Царю по пяти кречатовъ да по два ястреба да къ Калгѣ по два кречета да по ястребу да въ запасъ по два ястреба на годъ совсѣмъ птичьимъ и ястребьимъ нарядомъ» (Тамъ же, столб. 24—7143 г.).

[142]) Въ 1629 году въ Персію были посланы кречетники, сокольники и ястребники, Ѳедоръ Тоболинъ съ товарищами, въ числѣ 22 человѣкъ, съ 19 ловчими птицами. Сокольники эти поѣхали съ послами Андреемъ Плещеевымъ и Микифоромъ Тализынымъ (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 24, свитокъ 51). Вернулось это посольство лишь въ Ноябрѣ 1631 года, а въ Маѣ 1632 года сокольники, уже въ числѣ 20 человѣкъ, оставшихся въ живыхъ, подали царю Михаилу Ѳеодоровичу челобитную, съ просьбою о награжденіи за ихъ службу. По поводу этой челобитной до насъ дошло цѣлое дѣло, весьма для насъ интересное, которое и приводимъ почти цѣликомъ:

«Царю Государю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Росіи бьютъ челомъ холопи твои кречетники и сокольники и ястребники Ѳедка Тоболинъ съ товарищи двадцать человѣкъ. Въ прошломъ Государь во 137-мъ году по твоему Государеву указу были мы холопи твои посыланы на твою государеву службу въ Кизылбаши съ твоимъ государевымъ посломъ съ Ондреемъ Плещеевымъ, да съ дьякомъ съ Микифоромъ Тализинымъ и пришли мы холопи твои съ твоей государевой службы изъ Кизылбашъ и били челомъ мы холопи твои тебѣ государю о своей Кизылбашской службѣ, и по твоему государеву указу дѣло въ посольскомъ приказѣ о нашей службѣ выписано, а по дѣлу намъ холопемъ твоимъ указу нѣтъ, волочимся седмой мѣсяцъ. Милосердый государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Росіи пожалуй насъ холопей своихъ, вели государь по тому дѣлу свой царской указъ учинить, чтобы намъ холопемъ твоимъ съ волокиты въ конецъ не погибнуть и твоей бы царьской службѣ впредь не отбыть. Царь государь смилуйся пожалуй».

«На оборотѣ: 140 году Марта (вѣроятно, Мая) въ 14-й день дьяку Максиму Матюшкину государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Росіи пожаловалъ велѣлъ доложить себя государя. Діакъ Посникъ Трофимовъ».

«Написано въ докладъ:»

«Бьютъ челомъ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Росіи кречетники и сокольники и ястребники Ѳедоръ Тоболинъ съ товарыщи двадцать человѣкъ, а сказали: посланы де они были на государеву службу въ Кизылбаши съ государевыми послы стольникомъ съ Ондреемъ Плещеевымъ да съ діаконъ съ Микифоромъ Талызинымъ со птицы кречеты и ястребы и они де довезли въ Кизылбаши до шаха и на посольствѣ отдали государевы послы девятнадцать птицъ, и будучи они на государевой службѣ въ Кизылбашехъ нужду и голодъ терпѣли, и какъ де они будучи въ Кизылбашской землѣ, стояли два мѣсяца, и Кизылбашскіе де люди изъ города выбѣгли, а ихъ де съ государевыми послы покинули, и они де хлѣбъ и всякой харчь покупали въ Казбинѣ и въ полкѣхъ дорогою цѣною, и будучи они на Государевой службѣ въ Кизылбашехъ испроелись до нога, а кормъ де имъ даванъ въ Кизылбашехъ не сполна черезъ день и черезъ два. А прежде сего которые посыланы ихъ братья кречатники и сокольники и ястребники съ послы, и имъ де шахово жалованье давано по два кафтана да по двѣ тюмекѣ денегъ а имъ де дано шахова жалованья по одному кафтану, а денегъ не дано; а какъ де государевы послы изъ Кизылбашъ отпущены ко государю къ Москвѣ изъ Шемахи и имъ де дано поденного корму до Ширвани на двѣнадцать день, а отъ Ширвани до Дербени и до Тарковъ и до Быстрой имъ корму не давали, и какъ де они пришли на Терекъ и на Теркѣ де жили 11 недѣль, а запасъ покупали мѣхъ муки въ полтора рубли, а въ Астрахани де они жили семь недѣль, также запасы и харчь покупали дорогою жъ цѣною, и какъ де ихъ изъ Астрахани государевы воеводы стольника князь Ѳедоръ Куракинъ съ товарыщи отпустили ко государю, къ Москвѣ, и они де изъ Астрахани ѣдучи водою и сухимъ путемъ до Москвы запасы и харчь покупали дорогою жъ цѣною, и будучи де они на Государевой службѣ въ Кизылбашехъ и ѣдучи Дорогою до Москвы испроѣлися и одолжали великимъ долгомъ. И государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Росіи пожаловалъ бы ихъ за ту ихъ Кизылбашскую службу и за терпѣнья своимъ государевымъ жалованьемъ, какъ государю объ нихъ Богъ извѣститъ. А какъ кречатники и сокольники и ястребники посланы на государеву службу съ послы съ Ондреемъ Плещеевымъ, да съ дьякомъ съ Микифоромъ Тализынымъ, и имъ дано государева жалованья для Кизылбашскіе посылки во дворцѣ на 2 года на 137 годъ да на 138-й годъ по

36

окладомъ ихъ сполна да подмоги изъ большого приходу противъ жалованья обѣихъ годовъ, да съ казеннаго двора по сукну по доброму человѣку. Да запасовъ дано имъ до Казани 2 человѣкомъ по 5 чети сухарей по 5 чети муки ржаные по осминѣ крупъ, по осминѣ толокна по полтю ветчины 2-мъ человѣкомъ 5 ведръ вина». . . .

Далѣе въ докладѣ указываются размѣры получавшихся сокольниками денежныхъ и помѣстныхъ окладовъ, о чемъ мы уже имѣли случай говорить раньше въ своемъ мѣстѣ.

Послѣ этого слѣдуетъ:

«А были кречатники и сокольники и ястребники на государевѣ службѣ въ Кизылбашехъ и съ проѣздомъ полъ третья года ($2\frac{1}{2}$ года) а убытковъ и изрону въ челобитьи своемъ кречатники и сокольники и ястребники Өедоръ Тоболинъ съ товарыщи имянно ничего не написали. И только государь царь и великій князь Михаилъ Өедоровичъ всеа Росіи кречатниковъ и сокольниковъ и ястребниковъ Өедора Тоболина съ товарыщи двадцати человѣкъ за Кизылбашскую службу пожалуетъ своимъ государевымъ жалованьемъ въ приказъ и помѣстною и денежною казною».

«И выписано напримѣръ»:

«Въ прошломъ во 129 году посыланы были въ Кизылбаши съ государевыми посланники съ Васильемъ Коробинымъ да съ дьякомъ Остафьемъ Кувшиновымъ кречатники и сокольники и ястребники Иванъ Петровъ съ товарыщи 4 человѣка (?), и какъ они съ государевы службы изъ Кизылбашъ къ государю къ Москвѣ пріѣхали, и имъ придано государева жалованья къ помѣстнымъ и денежнымъ ихъ окладомъ».

«Кречатникомъ»

«Ивану Петрову къ 23 рублемъ 5 рублевъ, помѣстнаго окладу не придано что окладъ великъ 430 чети».

«Ивану Микулину къ 300 четямъ . . . . . . денегъ къ 15 рублемъ».

«Ивану Лущихину прозвище Мурату да Лаврину Микулину къ 200 четямъ денегъ 8 рублевъ, Лаврину къ 7 рублемъ тѣмъ придано по 25 чети человѣку».

«Бурнашу Маслову 23 рубли, помѣстного окладу не придано, что окладъ великъ 430 чети».

«Истомѣ Бакину 19 рублевъ. 2 рубли помѣстного не придано, что окладъ великъ 400 чети».

«Константинъ Черновъ къ 300 четямъ денегъ къ 12 рублемъ. Өөонасью Черноцову, Олексѣю Уланову, Олексѣю Юрьеву къ 250 четямъ денегъ къ 10 рублемъ, Өадѣю Маслову къ 200 четямъ денегъ 7 рублевъ, тѣмъ всѣмъ придано по 25-ти жъ чети, денегъ по 2 жъ рубли человѣку».

«Да имъ же за убытки и за изронъ всѣмъ по 12 рублевъ, да по сукну по доброму, да по тафтѣ человѣку».

«Да государю жъ царю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Росіи бьютъ челомъ вдова кречатника Сергѣевская жена Тоболина съ дѣтьми съ сыномъ съ Ивашкомъ да съ дочерью съ Өедоркою, да кречатника Неустроевская жена Черноцова вдова Анна, а сказали» посланы де были на государеву службу въ Кизылбаши съ послы съ Ондреемъ Плещеевымъ, да съ діакомъ съ Микифоромъ Тализинымъ Марөинъ мужъ Сергѣй, Марфинъ (ошибка: должно быть Аннинъ, что видно изъ самой челобитной, которую, чтобы не повторяться, мы не приводимъ) братъ Василій Лучниковъ съ государевыми съ птицы съ кречаты, а судомъ де Божіемъ на государевѣ службѣ въ Кизылбашской посылкѣ ихъ не стало Василій умеръ въ Кизылбашехъ, Сергей Тоболинъ умеръ на Теркѣ ѣдучи изъ Кизылбашъ, а они де послѣ ихъ осталися съ дѣтьми въ долгу, а помянуть ихъ и долгъ заплатить нечѣмъ. И государь ихъ пожаловалъ за службу и за смерть Марөина мужа, а Аннина брата своимъ государевымъ жалованьемъ на поминки и чѣмъ заплатить, какъ государю объ нихъ Богъ извѣститъ».

«А какъ посыланы на государеву службу въ Кизылбаши Марфинъ мужъ Сергѣй Тоболинъ, а съ нимъ (вѣроятно, пропущено «Аннинъ») братъ Василей и имъ дано жалованья на два года на 137-й да на 138-й годъ по окладомъ ихъ сполна: Сергѣю по 10 рублевъ на годъ, да Василію лучникову по 8 рублевъ на годъ, да подмоги противъ жалованья обѣихъ годовъ, да по сукну по доброму человѣку. И только (надо замѣтить, что слово «только», употреблявшееся при подобныхъ настоящему обороту фразъ, означаетъ «сколько?» (государь царь и великій князь Михаилъ Өедоровичъ всеа Росіи кречатника Сергѣевскую жену Тоболина вдову Марфу, да Неустроевскую жену вдову Анну за службу и за смерть Марфина мужа Сергѣя, а Аннина брата Василья Лучникова пожалуетъ своимъ государевымъ жалованьемъ» (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 24, свитокъ 51).

Резолюція царя намъ неизвѣстна.

[143]) «отъ Царя і Великаго Князя Михайла Өедоровича вса Русіи, на Воронежъ столнику Нашему і Воеводе Ондрѣю Васильевичю Бутурлину. По Нашему казу посланы во Царь-Городъ съ Послы Нашими съ Степаномъ Телепневымъ да зъ Діакомъ съ Олферьемъ Кузовлевымъ со птицами кречатники и соколники и ястребники Исаі Черновъ съ товарыщи десять человѣкъ, а съ ними послано отъ Насъ къ Турскому Ибрагимъ салтану двадцать шесть кречатовъ; а кормъ имъ на птицы велѣно имати до Воронежа по городомъ отъ города до города, смѣтя отъ которого города до

36*

города поспѣть мочно, а съ Воронежа укозали есмя на тѣ птицы взяти кормъ до Азова. И какъ къ Тебѣ ся Наша грамата придетъ, а кречетники и сокольники и ястребники, Исаі Черицовъ съ товарыщи, со птицы на Воронежъ приѣдутъ, и тыбъ имъ на тѣ птицы на Воронеже и отъ Воронежа до Азова кормъ велѣлъ дати, смотря по сколко недѣль до Азова поспѣть мочно, по голубю на птицу или па две птицы по куряти на день; а за тотъ птичеі кормъ далъ бы еси денги изъ Нашихъ изъ Воронежскихъ доходовъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7153 Іюля въ 7 день» (Воронежскія Губерн. Вѣдом. 1850 года, № 34, часть неофиціальная).

[144]) До насъ дошелъ посольскій наказъ князю Борятинскому, изъ котораго и приводимъ интересныя для насъ извлеченія:

«Лѣта 7126 году, Маія 18 дня, Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Росіи, велѣлъ Дворянину и Намѣстнику Болховскому Князю Михаилу Петровичю Борятинскому, да Дворянину Ивану Ивановичу Чичерину, да Дьяку Михаилу Тюхину, итти къ Кизылбашскому Шаху, для своего Государева и земскаго дѣла въ Послѣхъ, а съ ними посланы для Государева дѣла Переводчикъ Милюша Нагаевъ, и Толмачи пять человѣкъ. Да со птицы десять человѣкъ Кречатниковъ Ѳедоръ Тоболинъ съ товарыщи; Да съ ними жъ вмѣстѣ итти въ Кизылбаши Шахъ-Аббасовымъ Посломъ, которые были у Государя, Кая Салтану, да Булатъ-Беку, изъ Казани, и дожидатца имъ въ Казани; а съ ними Шаховыхъ Барсовщиковъ и Кречатниковъ девять человѣкъ» . . . . Шахъ-Аббасу, между прочимъ, посылалось «въ дарѣхъ двѣнадцать кречатовъ, да восмь чегликовъ кречатыхъ, со всемъ птичьимъ нарядомъ, да соболи и лисицы, и рыбей зубъ, и слюда и вино по росписи» . . . . . Относительно отправлявшихся ловчихъ птицъ посламъ предписывалось: «И только надъ которымъ кречатомъ или надъ чегликомъ въ дорогѣ учинитца, которой заболитъ, вести будетъ нельзѣ, или который умретъ. И Посломъ князю Михаилу Петровичю съ товарыщи, въ того кречата или въ чеглика мѣсто, такихъ же птицъ сыскивать въ городѣхъ гдѣ кого найдутъ; а гдѣ у кого кречата или чеглика скажутъ, и имъ у того та птица взяти на Государя, и велѣти вести къ Шаху въ выбылые мѣсто; а гдѣ надъ которою Государевою птицею что учинитца, и кого гдѣ въ то мѣсто птицу возмутъ, и имъ о томъ отписати къ Государю».

«А какъ будутъ у Шаха, и птицы на Посольствѣ отдадутъ, и нѣчто учнетъ къ нимъ Шахъ присылати, какъ поѣдетъ тѣшитца, чтобъ прислали къ нему для птицъ Государева Кречатника, а его кречатники къ тѣмъ птицамъ не пріобычилисъ».

«И Посломъ Князю Михаилу Петровичю съ товарыщи отговаривати: Кречатники посланы со птицами того для, чтобъ ихъ довести здорово; а нынѣ они у

Святый Великом. Георгій Побѣда

Да припомни те слово отцовское:
Охраняютъ святые угодники
И Господь благодатью пожаловалъ
Домъ честной Пресвятой Богородицѣ,
Вседержавную Русь православную».

Н. Самокишъ.

Шаховыхъ кречатниковъ и Шаховы кречатники ихъ приводите по своему какъ имъ надобно, а Государевымъ кречатникомъ ужъ нынѣ што за дѣло? а въ Государевомъ наказѣ о томъ имъ не написано, что Государевыхъ кречатниковъ съ Шахомъ посылати на потѣху, и Шаховобъ Величество того на нихъ не пыталъ, чтобъ имъ за то отъ Государя въ опалѣ не быть».

«А будетъ Шахъ о томъ учнетъ приказывати накрѣпко, чтобъ присылати къ нему на потѣху Государева кречатника»:

«И Посломъ Князю Михаилу Петровичю съ товарыщи отговорився всякими мѣрами, будетъ отговоръ не иметь, Государева кречатника послать, который бы былъ досужъ и навыченъ».

«А будетъ учнутъ говорити накрѣпко отъ Шаха, чтобъ велѣли Государеву кречатнику Государевыхъ птицъ къ ловлѣ приводити, а отговоритца будетъ не мочно, и Посломъ Князю Михаилу Петровичю съ товарыщи велѣти Государеву кречатнику птицъ приводить по ихъ обычью, какъ Государевы кречатники на то извычны».

«А будетъ Шахъ учнетъ говорити, чтобъ оставити у него для птицъ Государева кречатника или двухъ на время».

«И Посломъ Князю Михаилу Петровичю съ товарыщи отговаривати, о томъ у нихъ Государева указу нѣтъ, безъ Государева указу нынѣ оставити не смѣть, чтобъ у нихъ того Шахово Величество не пыталъ, чтобъ имъ за то у Государя въ опалѣ не быть, только имъ учинить безъ Государеву указу».

«А будетъ Шахъ за то упрямитца, и учнетъ о томъ говорити накрѣпко, а Государевѣ ссылкѣ будетъ радъ, и во всемъ за Государемъ похочетъ быти въ дружбѣ и въ любви, ко всякому будетъ добру придвиженъ, и на помочь казны послати хочетъ».

«И Посломъ Князю Михаилу Петровичю съ товарыщи оставити кречатника, котораго одного изъ молодыхъ, которой бы ко птицамъ зналъ гораздо, и во всемъ къ тому дѣлу былъ навыченъ, а оставити на время и о томъ договоритца: какъ будетъ къ Шаху иные Государевы Послы, или Посланники, или гонецъ, или отъ Шаха къ Государю Послыжъ и Посланники, или гонецъ, и Шаху того Государева кречатника отпустить съ ними не задержавъ».

Въ указѣ, между прочимъ, говорится, что если съ послами захотятъ ѣхать въ Персію торговые люди, то посламъ надлежитъ «заказати и самимъ того беречи на крѣпко, чтобъ тѣ торговые люди заповѣдныхъ товаровъ, птицъ никакихъ, и соболей и куницъ и бѣлокъ живыхъ» . . . . . . и другихъ . . . . . «однолично съ собою не

возили». Даже и самимъ посламъ строжайшимъ образомъ приказывалось «къ Шаху въ поминкахъ птицъ никакихъ, кречетовъ, соколовъ и ястребовъ въ поминкахъ не носити» (Россiйская Вивлiоѳика, т. V, стр. 1—114).

Посольство Борятинскаго имѣло двоякую цѣль: благодарить шаха за присланное въ 1617 году серебро и просить «прислать еще денегъ ратнымъ людямъ на жалованье по случаю войны Польской», говоритъ Соловьевъ. «Эти послы были встрѣчены сухо; шахъ велѣлъ призвать младшаго изъ нихъ, дьяка Тюхина, и тотъ долженъ былъ выслушать сильную выходку противъ обычнаго въ Москвѣ обращенiя съ иностранными послами, обращенiя, противъ котораго тщетно до сихъ поръ протестовали правительства Европейскiя. Аббасъ говорилъ Тюхину съ сердцемъ: «приказываю съ тобою словесно къ великому государю вашему, и ты, смотри, ни одного моего слова не утаи, чтобъ оттого между ними смуты и ссоры не было; я государя вашего прошенье и хотѣнье исполню и казною денежною ссужу, но досада мнѣ на государя вашего за то: когда послы мои были у него, то ихъ въ Москвѣ и въ городахъ Казани и Астрахани запирали по дворамъ какъ скотину, съ дворовъ не выпускали ни одного человѣка, купить ничего не давали, у воротъ стояли стрѣльцы. Я и надъ вами такую же крѣпость велю учинить, васъ засажу такъ, что птицей черезъ васъ не дамъ пролетѣть, не только вамъ птицы не видать, но и пера птичьяго не увидите. Да и въ томъ государь вашъ оказываетъ мнѣ нелюбовь: воеводы его въ Астрахани и въ Казани и въ другихъ городахъ моимъ торговымъ людямъ убытки чинятъ, пошлины съ нихъ берутъ вдвое и втрое противъ прежняго и не только съ моихъ торговыхъ людей, но и съ моихъ собственныхъ товаровъ, и для меня товары покупать запрещаютъ: грошовое дѣло птица ястребъ. Купилъ мнѣ мой торговый человѣкъ въ Астрахани, а воеводы ястреба у него отняли, и Татарина, у кого купилъ сажали въ тюрьму, зачѣмъ продавалъ заповѣдный товаръ. Вы привезли мнѣ отъ Государя своего птицъ въ подарокъ, а я изъ нихъ велю только вырвать по перу да и выпущу всѣхъ — пускай летятъ куда хотятъ. А если въ моихъ земляхъ мои приказные люди вашего торговаго человѣка изубытчатъ, то я имъ тотчасъ велю брюхо распороть».

«Послѣ этого пословъ долго не отпускали; князь Борятинскiй и умеръ въ Персiи (въ городѣ Казбинѣ — Вивлiоѳ., т. V, стр. 130), а Чечеринъ и Тюхинъ возвратились въ 1620 году съ шаховымъ посломъ Булатъ-бекомъ . . . . Дьякъ Тюхинъ дорого поплатился за то, что ѣздилъ къ шаху одинъ и выслушивалъ его выходки . . . . . Было несчастному 70 ударовъ, двѣ встряски, клещами горячими по спинѣ жгли . . . . Бояре приговорили дьяка Тюхина за измѣну и воровство со-

слать въ Сибирь и посадить въ тюрьму въ одномъ изъ Сибирскихъ пригородовъ» (Соловьевъ, Исторія, т. IX, стр. 202—204).

Брэмъ, т. III, 439 и 440.

[145]) Весьма много свѣдѣній имѣемъ мы о посылкѣ ловчихъ птицъ и другихъ охотничьихъ животныхъ въ Персію къ шаху Аббасу въ 1662 году съ нашими великими послами, окольничимъ Федоромъ Яковлевичемъ Милославскимъ, со стольникомъ и намѣстникомъ Мядынскимъ — Федоромъ Савичемъ Нарбѣковымъ и съ дьякомъ Степаномъ Шараповымъ, выѣхавшими изъ Москвы въ Маѣ мѣсяцѣ этого года (Дворц. Разр., Дополненіе къ III т., стр. 333).

25 Февраля этого года было приказано отправить съ названными лицами къ шаху Аббасу одного кречета подкраснаго, 20 кречетовъ сѣрыхъ, 10 челиговъ кречатьихъ и 6 ястребовъ (Замѣтимъ, что изъ приводимаго ниже перечня птичьихъ нарядовъ явствуетъ, что или въ только что приведенномъ документѣ пропущено «15 соколовъ», или въ сокольи наряды убирались при желаніи и кречеты). (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 186—7170 г.). На птицъ этихъ было заготовлено и передано по царскому указу нѣсколько комплектовъ птичьихъ нарядовъ, а именно: 30 нарядовъ кречатьихъ, 15 сокольихъ и 6 ястребьихъ. Въ числѣ кречатьихъ и сокольихъ нарядовъ имѣлось 13 въ одномъ золотѣ, 15—золото съ серебромъ, 17— въ одномъ серебрѣ. У всѣхъ этихъ нарядовъ ворворки и кляпышки были обнизаны жемчугомъ. Наряды же ястребьи были тканы изъ золота съ серебромъ и различными шелками (Тамъ же, столб. 193—7170 г.). Ко всѣмъ птичьимъ нарядамъ было приказано заготовить колокольцы (Тамъ же, столб. 197—7160 г.). Съ птицами этими должны были ѣхать въ посольство сокольники: Василій Григорьевъ, Андрей Черцовъ, Игнатій Черцовъ, Игнатій Чекинъ, Иванъ Ларіоновъ, Фадѣй Ярцовъ, Кузьма Черцовъ, Иванъ Коноплевъ, Сафонъ Ивановъ, Кондратій Коноплевъ, Никита Ерофѣевъ, Наумъ Микулинъ, Артемій Лежневъ, Гаврила Рыкуновъ, Алексѣй Нѣмчиновъ, Яковъ Антипьевъ, Алексѣй Сергѣевъ, Алексѣй Улановъ, Александръ Степановъ и Александръ Степуринъ (Тамъ же, кн. 316, л. оборотн. 31, л. 49, л. оборотн. 49, л. оборотн. 67, л. оборотн. 83). Всѣ эти сокольники получили передъ выѣздомъ по доброму сукну, но всѣ ли они поѣхали въ посольство, или были частью замѣнены другими, точно сказать мы не умѣемъ, такъ какъ въ приводимомъ ниже наказѣ сокольникамъ о церемоніалѣ поднесенія ловчихъ птицъ шаху Аббасу, написанномъ для посольства тѣхъ же великихъ пословъ — окольничаго Ѳедора Яковлевича Милославскаго съ товарищами, встрѣчаемъ новыя имена сокольниковъ и не находимъ нѣкоторыхъ именъ, приведенныхъ выше.

Кромѣ ловчихъ птицъ Персидскому шаху, въ эту посылку, повезли, вѣроятно, въ подарокъ и охотничьихъ собакъ. Для той же Кизильбашской посылки велѣно было 15 Іюля заготовить 7 псовыхъ сворь: свору въ золотѣ съ серебромъ съ кистями «ошекъ тканъ въ крушки», надъ кистью ворворка низана жемчугомъ; три своры изъ золота, тканаго съ Шемахинскимъ шелкомъ, съ золотыми кистями, съ ворворками, обшитыми золотою же канителью; двѣ своры изъ серебра, также тканаго съ Шемахинскимъ шелкомъ, съ серебряными кистями, при ворворкахъ, обшитыхъ канителью серебряною; наконецъ, одна свора изъ золота, тканаго съ серебромъ и съ Шемахинскимъ шелкомъ, съ кистью — золота съ серебромъ, при ворворкѣ обшитой золотою канителью (Тамъ же, столб. 193—7170 г.). Къ собакамъ были приставлены конные псари Исакъ Матвѣевъ и Сергѣй Пахиревъ, которымъ также было выдано по доброму сукну на человѣка (Тамъ же, кн. 316, л. оборотн. 32).

Порядокъ поднесенія шаху Аббасу отправленныхъ въ эту посылку ловчихъ птицъ былъ опредѣленъ весьма подробно особымъ церемоніаломъ, который и приводимъ дословно по списку съ рукописи, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ:

«Съ начальнымъ съ Парфеньемъ Тоболинымъ красныхъ птицъ (.) несть ихъ (:) кречатъ красной дикомытъ Ларіону Исаеву.

Кречатъ красной же молодикъ Кирилу Маслову

Кречатъ подъкрасной дикомытъ Роману Челцову

Да Парфеню жъ Тоболину на имя Соколова (Думаемъ, что эта фраза должна была бы быть написана такъ: «Да Парфеню жъ, — Тоболину на имя, — соколовъ:» — тогда она имѣла бы смыслъ).

Соколъ дикомытъ Афони держат (тутъ, должно быть, «Афинина держанья») Ромилу Ромейкову.

Соколъ вѣшнякъ ромашникъ держат (вѣроятно, «Ромашкина держанья») Сидору Кулину.

Ивану Ярыжкину

Соколъ дикомытъ Кирсановъ держат (вѣроятно, «Кирсанова держанья») Андрею Кѣльину.

Соколъ дикомытъ Московская держать Тимофѣю Поляникову Семену от Давлетову (Думаемъ, что эта фраза должна быть написана: «Соколъ дикомытъ, Московскаго держанья Тимофея Поляникова, — Семену Отдавлетову»).

Соколъ вѣшнякъ его жъ Семенов держать (вѣроятно, «Семенова держанья», т.-е. тутъ смыслъ тотъ: «его же, Семена Отдавлетова, держанья», т.-е. выноски, «сокола вѣшняка нести Ляхову») Семену Ляхову.

Дорименту Данилову

Соколъ Размытъ (размытъ — разъ перелинявшій) Ромилинъ держать («Ромилина держанья») Устину Немчинову.

А именоватися соколомъ и всѣмъ Парфеньевой стат(ь)е точію звати по имяномъ чей соколъ.

Ѣхати къ Шахову величеству передъ великими послами въ новыхъ подаркахъ передъ Парфенемъ Тоболинымъ.

Портумофей Тургѣневъ на торелке и настоянцѣ зъ клобучки съ солками (вѣроятно, съ «совками»)

Весть на торѣлке и на стоянце, двѣ рукавицы низаные

Парфеній Тоболинъ

Иванъ Ярышкинъ — Андрѣй Кѣлынъ
Семенъ Отдавлетовъ — Доримонтъ Даниловъ

Съ кречеты красными

Ларіонъ Исаевъ

Романъ Черпцовъ — Кирило Масловъ

Съ соколами

Рамилъ Ромейковъ — Сидоръ Кѣлынъ
Кузма Карповъ — Тимолай Поляниковъ
Семенъ Ляховъ — Устинъ Немчиновъ

Будетъ Шахово Величество пожалуетъ позоветъ къ руке и имъ къ руке итить по сей росписи

Парѳеней Тоболинъ
Иванъ Ярышкинъ
Андрѣй Кѣлынъ
Семенъ Отдавлетовъ
Доримонтъ Даниловъ
Ларіонъ Исаевъ
Кирило Масловъ
Романъ Челцовъ
Власъ Лабутинъ
Портимуфей Тургеневъ
Ромилъ Ромейковъ
Сидоръ Кѣлынъ
Кузма Карповъ

37

Тимофей Полянинов
Семенъ Ляховъ
Устинъ Немчиновъ

Запасная

О соколах бойцах у кого быть посколку или слыт им твоей одной стати будет их умалитца числомъ (Эта фраза, смыслъ которой совершенно теменъ, не можетъ ли быть написана такъ: «О соколахъ бойцахъ. У кого быть по сколку естли изъ твоей» и т. д.).

Ѣхать къ Шахъ Аббасову Величеству передъ великими послами въ новыхъ подаркахъ и передъ первымъ начальнымъ съ торѣлками

1) Вест(ь) на торѣлке и на стоянце — Вест(ь) на торѣлке и на стоянце

2) рукавицы низаные — 3 клобучка съ совками

Парфеней Тоболинъ

Иванъ Ярышкинъ — Андрей Кѣльинъ

Семенъ Отдавлетовъ — Дориментъ Даниловъ

Съ кречеты красными

Ларіонъ Исаевъ

Кирило Масловъ — Романъ Чернцовъ

Съ соколами

Романъ Ромейковъ — Сидоръ Кѣльинъ

Кузма Карповъ — Тимофей Полянинов

Семенъ Ляховъ — Устинъ Немчиновъ

Будетъ Шахъ Аббасова величество пожалуетъ позоветъ къ руке имъ къ руке итить по сей росписи

Парфеней Тоболинъ

а за Парфеніемъ хто живъ и здравъ.

Какъ наши великіе и полномочные послы къ Шахъ Аббасову величеству поѣдутъ на посолство, а нашу великаго Государя Царскаго величества поминки велятъ несть и весть по росписямъ къ указному мѣсту приѣхавъ съ лошадей ссядутъ или изъ корѣтъ выдутъ и вамъ кречатникомъ и соколникомъ по посолскому обычаю велятъ съ лошадей ссѣсть напередъ и ждать себя на указномъ мѣстѣ.

И какъ вы съ посолскаго двора поѣдете и тебѣ бъ кречатникомъ Ивану Ярышкину. Андрею Кельину, Семену Отдавлетову, Доріменту Данилову нарядные рукавицы велѣть весть на персяхъ своихъ положа за верхніе каѳтаны.

А чтобъ у тѣхъ рукавицъ концы было видеть а самому бы тебѣ ѣхать въ тѣхъ рукавицахъ, которые присланы будутъ съ ерлыками и на обе руки и какъ Вы передъ великими и полномочными послы къ указному месту приѣдете и тебѣ велѣть имъ рукавицы свои въ чемъ они поѣдутъ отдать людямъ своим, и отъ персей нарядные рукавицы взять перекрестяся и положить себѣ на руки.

А кречетникомъ же и соколникомъ Ларіону Исаеву съ товарыщи велѣть ѣхать и птицъ весть въ нарядныхъ рукавицахъ, а посолскую рукавицу велѣть несть на персяхъ же за рукавомъ бережно жъ чтобъ сѣ не измять.

И приѣхавъ бы вамъ къ указному мѣсту и покаместь великіе и полномочные послы къ тому же мѣсту придутъ и съ лошадей ссядутъ или изъ коретъ выдутъ, а тебѣ бы первому началнику доложа ихъ великихъ и полномочныхъ пословъ объ птичьей уряде заранее и въ то время птицы наряжать у приѣзжаго мѣста по росписи чтобъ тотъ чинъ и урядъ и стройство видѣть было мочно многимъ людемъ и чтобъ одно конечно тотъ урядъ учинить бы тебѣ до приѣзду къ указному мѣсту великихъ и полномочныхъ пословъ и итить бы тебѣ въ тѣхъ рукавицахъ и до полаты и взять лутчево кречата, которой прилучитца тихо учтиво бережно со всякимъ охотничимъ остерегательствомъ отдать Ивану Ярышкину.

Другово Андрею Келыну

Третево Семену Отдавлетову

Клобучки низаные снявъ съ торѣлки положить на кречатовъ.

А торелку съ руковицею принявъ самому же отдать несть Дорименту Данилову передъ собою.

А на другую торелку, на которой были клобучки, положить другую рукавицу по бѣлому отласу шитую канитѣлю и обнизаную жемчюгомъ снявъ съ первые тарелки и велѣть несть Ларивону Исаеву по лѣвую сторону Доримента. А итить имъ вмѣсте а тарелки несть на стоянцахъ, а на торелке быть по рукавицѣ. А снятыя со птицъ клобучки велѣть несть въ тавтѣ Кирилу Маслову безъ тарѣлки промежъ кречетовъ и соколовъ.

А посолскую рукавицу велѣть несть Власу Лабутину на тафтѣ безъ торѣлки, по лѣвую сторону Кирила Маслова а итить вмѣсте.

А за ними несть свою рукавицу Роману Челцову въ рукѣ безъ тафты.

А Портамуѳѣю велѣть итить позади поросжему.

И какъ великіе и полномочные послы отъ приѣзжего мѣста пойдутъ къ Шахъ Аббасову величеству а тебѣ первому началному и всѣмъ со птицы велѣть итить за собою по росписямъ и тебѣ бы итить по чину и какъ они великіе полномочные послы къ Шахъ Аббасову величеству пойдутъ въ полату на посолство, а послѣ

37*

того велятъ васъ со птицами позвать къ Шахъ Аббасову величеству въ полату и укажутъ вамъ стать на улазномъ мѣсте по чину и тебѣ бъ первому началному въ полату итить по сему нашему великого Государя указу и по росписи устрояся..

А къ полатѣ пришедши рукавицу которая съ ерлыкомъ снять и отдать Партимофею и велѣтъ ему спрятать за рукавъ, чтобъ еѣ было не видеть и велѣть ему итить въ указномъ мѣстѣ позади и какъ въ полату позовутъ и перво велѣть итить передъ собою вмѣстѣ и нѣсть торелки съ рукавицами.

Съ правой Дориментъ съ лѣвой Ларионъ.

За ними итить тебѣ.

За тобою велѣть несть кречаты по росписи и подносить по росписи жъ.

И какъ великіе и полномочные послы учнутъ поминки Шахъ Аббасову величеству обявлять и тебѣ бъ первому началному взять у Доримента первую рукавицу шитую канителю и обнизываную жемчюгомъ бельшимъ по зеленому отласу на костяной тарелкѣ и на таѳтѣ и поднесть къ первому великому послу къ Околничему и Намѣстнику Новоторжскому къ Ѳедору Яковлевичю Милославскому и какъ онъ первой великой полномочной посолъ къ Шахъ Аббасову величеству тоѣ торелку поднесетъ съ руковицею и тебѣ бы первому началному перекрестяся чинно и взявъ свою руковицу и наложа еѣ на руку — взять у Ивана Ярыжкина первую птицу.

А какъ отъ Шахъ Аббасова величества онъ великій и полномочной посолъ придетъ и рукавицу, на которой ему Шахъ Аббасову величеству птицы подносить вздѣнетъ и тебѣ бы первому началному тоѣ птицу ему великому и полномочиому послу поднесть со всякою учтивостью.

И какъ онъ тоѣ птицу къ Шахъ Аббасову величеству поднесетъ, а тебѣ бъ въ то время взять у Лариона другую торелку костяную съ руковицею шитою конителью жъ и обнизаную жемчюгомъ по бѣлому отласу на таѳтѣ жъ и поднесть первому жъ послу и рукавицу отъ дву кречатовъ, будетъ третій кречатъ будетъ въ дѣлѣ и о томъ сказать ближнимъ людемъ заранее, а будетъ будутъ два кречата и той рукавице быть отъ другово.

А какъ онъ тое торелку Шахъ Аббасову величеству поднесетъ, а тебѣ бъ началному въ то время перекрестясь взять у Андрея Кѣльина другую птицу.

И какъ онъ отъ Шаха Аббасова величества придетъ и тебѣ бы началному тоѣ птицу поднесть ему же первому послу чинно жъ.

А третьяго кречата Шахъ Аббасову величеству поднесть за твоею жъ рукавицею а о соколахъ говорити заранеѣ, что бы Шахово величество изволилъ на полѣ себѣ

Ф. А. Рубо 1897.

поднесть и буде его Шахъ Абассово величество оволитъ себѣ соколовъ поднесть послѣ потѣхи на полѣ и третю рукавицу шитую канителью жъ и обнизываную жемчюгомъ по байбереку голубому подносить ему Шахъ Аббасову величеству передъ соколами послѣ потѣхи на поле первому жъ послу съ соколами вмѣстѣ по росписи особо писанной и какъ тѣшить.

А снытые съ кречетовъ клобучки, которые будутъ въ таѳтѣ у Лорнона Исаева послѣ кречатовъ объявя отдать Шахъ Аббасова величества началному птичью охотнику которому довеца (вѣроятно, «доведетца»).

А будетъ Шахъ Аббасово величество велитъ на посолство весть и соколовъ и тѣхъ соколовъ вести по росписи.

И великому полномочному послу къ подносу Шахъ Аббасову величеству подносити тебѣ жъ Парфенью, противъ того жъ какъ писано выше сего перваго сокола; и для того послана запасная рукавица а лежать ей въ третихъ на низу на той же торелке.

А отъ Шахъ Аббасова величества изъ палаты тебѣ первому началному и всѣмъ итить до лащадей и на лашадяхъ до посолскаго двора ѣхать стройно по первому чину, какъ съ посолскаго двора ѣхали къ Шахъ Аббасову величеству на посолство.

А передъ собою велѣть ѣхать двумъ человѣкомъ: Власу да Патимуоѳѣю по прежнему.

Роспись какъ тѣшить Шахъ Аббасово величество.

1-е.

Напередъ выѣхать кречетникомъ на тѣ воды, гдѣ Шахъ Аббасову величеству тѣшитца, а тебѣ бы воды осмотрѣть стройны и пригодны (вѣроятно, пропущено «ли»), до того дни, какъ Шахъ Аббасову величеству тѣшитца. И выѣхавъ и по расмотрѣню Парѳенью половину заслать за воду и съ соколами велѣти стать по чину, какъ ведетца противъ вѣтра.

2-е.

А какъ Шахъ Аббасово величество выѣдетъ и ему Парѳенью велѣти съ порозжими которые будутъ по сторону воды, съ лошадей ссѣсть и ему саму другу или саму третью, стоять пѣшимъ на томъ мѣстѣ гдѣ Шахъ Аббасову величеству недоѣхавъ у воды стать; и какъ Шахъ Аббасово величество станетъ ближитца къ тому мѣсту и ему бы Парѳеню велѣть подъѣхать къ Вамъ великимъ и полномочнымъ посломъ извѣстить о томъ гдѣ Шахъ Аббасову величеству стоять. А товарыщамъ съ того мѣста сходить не велѣть и Вамъ бы великимъ и полномочнымъ посломъ тотъчасъ подѣхать или подшетчи по тамошнему обычаю извѣстить Шахъ Аббасову величеству гдѣ стать. А онъ бы Пароеній извѣстя Вамъ то мѣсто, да тотчасъ обѣхавъ и сталъ по прежнему, на томъ мѣстѣ дожидатца Шахъ Аббасово величество.

3-е.

А какъ Шахъ Аббасово величество придетъ гдѣ пристойно у воды стоять и вамъ бы великимъ и полномочнымъ послемъ по тамошнему обычаю учтиво подѣхавъ или подшетчи Шахъ Аббасову величеству извѣстить, какъ укажетъ: откидывать соколовъ и какъ укажетъ и тогда велѣть Парѳеню съ товарыщи сѣсть на лошади и велѣть откидывать соколовъ и какъ первый соколъ полетитъ и Вамъ бы великимъ и полномочнымъ посломъ Шахъ Аббасову величеству извѣстить, чтобы изволилъ подвинутца къ водѣ ближе, чтобы мочно было видѣть. А какъ станетъ соколъ въ лѣту и тебѣ бъ великому и полномочному послу приказать первому началному Пароеню Тоболину чтобъ онъ подѣхавъ извѣстилъ тобѣ что соколъ сталъ въ лѣту и ждетъ убою, а тебѣ великому полномочному послу Шахъ Аббасову величеству о томъ извѣстить: укажетъ-ли гнать, а будетъ укажетъ тогда велѣть гнать. А въ то время извѣстить бы чтобъ Шахъ Аббасово величество изволилъ подвинутца къ водѣ и ближе, чтобъ видѣть было гораздо. И какъ дастъ Богъ соколъ убьетъ утя и о томъ доложить живой ли? отымать или сокола потѣшить дать загрысть, а того отнять не говорить что отказывать ли.

4-е.

И какъ соколъ убьетъ утя и Вамъ бы великимъ и полномочнымъ посломъ Шахъ Аббасова величества доложить изволитъ ли еще откидывать соколовъ на той же водѣ, будетъ будутъ утки или на иные воды изволитъ итить тѣшитца и какъ Шахъ Аббасово величество изволитъ такъ по его изволеню и дѣлать по сей жъ росписи а съ соколами и порозжимъ изъ воды безъ указу Шахъ Аббасова величества не съѣзжать будетъ будутъ утки на той водѣ, съ которой воды утя убьютъ.

5-е.

И какъ Шахъ Аббасово величество изволитъ итить съ поля тѣшася и передъ тѣмъ времянемъ Вамъ великимъ и полномочнымъ посломъ соколовъ всѣхъ которые убьютъ и неубьютъ велѣть кречетникомъ и сокольникомъ накормя мало, чтобы сыты были и самознатныхъ поднесть къ себѣ всѣхъ и рукавицу на торелкѣ по золоченой по сей росписи.

Первое передъ Пароеньемъ итить съ торѣлкою золоченою, на ней несть руковицу по голубому байберу Андрею Кельину.

А Парѳенію итить, послѣ его порозжему въ рукавицѣ нарядной по ярлыку.

А позади его несть, одного сокола, который при Шахъ Аббасовѣ величествѣ убьетъ утя Ивану Ярышкину.

А утя несть — Семену Отдавлетову съ нимъ поровень по лѣву.

А досталныхъ соколовъ несть лучшимъ жъ людямъ первой и второй статы кречатникомъ, а итить съ соколами второй статьи, а порожимъ итить за соколами.

И какъ Парѳеній съ товарыщи къ Вамъ великимъ и полномочнымъ посломъ придутъ и въ то время Вамъ великимъ и полномочнымъ посломъ — сойтить съ лошадей и пришедчи Шахъ Аббасову величеству поднесть по чину первому Великому и Полномочному Послу рукавицу, да соколомъ тѣмъ жъ чиномъ что и кречета; а утя поднесть другому послу и какъ Вы великіе и полномочные послы поднесете по чину и поклонитца бъ Вамъ Шахъ Аббасову величеству за просто, болше того какъ на посолствѣ бываетъ.

А ему Парѳенью съ товарыщи въ то время велѣть поклонитца въ землю, и поднести однаго сокола доложить Вамъ Великимъ и Полномочнымъ посломъ кому Шахъ Аббасово величество укажетъ досталныхъ соколовъ принимать, и буде велитъ отдавать при себѣ кому и Вамъ бы Великимъ и Полномочнымъ Посломъ велѣть тому и отдавать, а отдавъ велѣть кречетникомъ и соколникомъ Шахъ Аббасову величеству поклонитца въ землю жъ.

Будетъ Шахъ Аббасово величество изволитъ себя тѣшить на завтрее или сряду и кречетникомъ и сокольникомъ приказать Шахъ Аббасово величество тѣшить тѣмъ же обычаемъ.

А на поле Парѳенію быть въ той рукавицѣ на которой подписано на ярлыкѣ именно, а товарыщамъ своимъ велѣть быть въ простыхъ рукавицахъ.

Статья запасная.

А на первой статье о выѣздѣ наводы кречетниковъ со птицы до того времени какъ Шахъ Аббасово величество тѣшитца изволитъ говорити бы Вамъ Великимъ и Полномочнымъ Посломъ заранее, и какъ Шахъ Аббасово величество ѣхать имъ изволитъ и которой соколъ учнетъ лѣтѣть выше и того сокола называть первымъ» (Государственн. Арх., разрядъ XXVII, № 52).

Въ заключеніе приводимыхъ свѣдѣній объ этой посылкѣ скажемъ, что, передъ выѣздомъ посольства изъ Москвы, были, между прочимъ, сшиты изъ тафты лопасти «къ крыльямъ которые живутъ на сокольникахъ», отправляемыхъ въ Кизильбаши (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 10—7171 г.).

Олеарій, стр. 673—682.

[146]) Въ 1663 году къ Шаху Аббасу, по всей вѣроятности, отправили изъ Москвы съ государевой псарни живыхъ медвѣдей и охотничьихъ собакъ, такъ какъ подъ 3 Марта этого года мы встрѣчаемъ награду, въ видѣ сукна добраго,

конному псарю Власу Окишеву «для Кизильбашской службы», а подъ 3 Апрѣля— такую же награду и по той же причинѣ медвѣдчику Акундину Федотову (Тамъ же, столб. 249—7171 г.). Объ этой посылкѣ Катошихинъ говоритъ слѣдующее: «А въ прошломъ 1663 году послано въ Персію, съ послы, больши 200.000 рублей даровъ: двѣ кореты серебрены (одно позолочено, а къ нимъ по 12 лошадей съ прибавошными лошадми, соболи, куницы, и всякая мягкая рухлядь, птицы и звѣри всякіе живые, многіе, съ прибавкою, потому что за дальнею дорогою и за повѣтріемъ птицы и звѣри помираютъ, и въ то число прибавливаютъ иные» (Катошихинъ, стр. 47). Интересно, что къ приведенному сообщенію Катошихинъ добавляетъ: «А возвращатся Московскіе послы отъ Турского салтана и отъ Перситцкаго шаха назадъ, къ Москвѣ, въ четвертое лѣто: понеже проѣздъ гораздо жестокъ, и отъ воздуху многіе люди помираютъ» (Тамъ же).

Свѣдѣній о посылкахъ ловчихъ птицъ съ 1663 по 1667 годъ мы не имѣемъ; въ послѣднемъ же году ловчія птицы были отправлены въ Персію съ посломъ Клементьемъ Іевлевымъ. Дошедшій до насъ документъ, касающійся этой посылки, гласитъ, что отправлено было 5 кречетовъ съ полнымъ на нихъ нарядомъ (Арх. Мин. Двора, Общій, столб. 252—7180 г.). Однако, мы имѣемъ полное основаніе думать, что птицъ было отправлено къ шаху гораздо больше, такъ какъ въ эту посылку отправилось 11 человѣкъ сокольниковъ, Терентій Толубѣевъ съ товарищами, которымъ — весьма интересный фактъ — было приказано выдать для Кизильбашской посылки по 3 фунта пороха на человѣка (Тамъ же, столб. 449—7175 г.). Надо полагать, что порохъ, а значитъ, и огнестрѣльное оружіе выдавались отправляемымъ въ чужіе края сокольникамъ для доставленія имъ возможности защищаться въ случаѣ нападенія въ пути недобрыхъ людей. Замѣтимъ кстати, что посылка эта совпадаетъ по времени съ началомъ разбойничьихъ подвиговъ Стеньки Разина, дѣятельность котораго имѣла ареною Волгу и Каспійское море, то-есть края, черезъ которые надлежало проѣзжать посольству къ шаху.

[147]) Въ Декабрѣ того же 1622 года вернулись въ Москву кречетникъ Яковъ Тоболинъ и сокольникъ Данила Гребенкинъ, отвозившіе ловчихъ птицъ въ Бухару въ рядахъ посольства Ивана Даниловича Хохлова. По прибытіи они подали царю Михаилу Ѳеодоровичу слѣдующую челобитную:

«Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Россіи бьютъ челомъ холопи твои кречетникъ Янка Тоболинъ, да сокольникъ Данилко Гребенкинъ. По твоему Государеву указу были мы холопи твои на твоей Государевой службѣ въ Бухарехъ съ твоимъ Государевымъ посланникомъ съ Иваномъ Даниловичемъ

Хохловымъ, а на Москвѣ намъ дано холопемъ твоимъ твое Государево жалованье на прошлой на 128 и на 129 годъ, а на прошлой на 130 годъ и на нынѣшней на 131 годъ твоимъ царскимъ жалованьемъ не пожалованы. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Өедоровичъ всеа Росіи пожалуй насъ холопей своихъ своимъ царскимъ жалованьемъ и на прошлый на 130 годъ и на нынѣшній на 131-й наши оклады противъ нашей братьи, которые были въ Кизылбашехъ, для нашей великой бѣдности, и вели Государь намъ дати изъ посольскаго приказу память въ приказъ большого дворца, чтобъ мы холопи твои въ конецъ не погибли и твоей царской службы впредь не отбыли. Государь Царь смилуйся пожалуй». . . . «Государь пожаловалъ велѣлъ дать на 130 годъ потому что былъ тотъ годъ на службѣ, а дать сполна» (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 23, свитокъ 12).

[148]) См. примѣчаніе 145.

[149]) «Въ 1624 году шаховы (Персидскіе) послы Русанъ-бекъ и Булатъ-бекъ поднесли Патріарху Филарету драгоцѣнный подарокъ, срачицу Христову, похищенную въ Грузіи»...... Когда эти послы возвратились въ свое отечество, то.... «Вмѣстѣ съ Русанъ-бекомъ пріѣхали въ Персію Московскіе послы, князь Григорій Тюфякинъ, Григорій Өеофилатьевъ и дьякъ Пановъ, и на нихъ шахъ жаловался царю, что когда они пришли въ Персію, то онъ, Аббасъ, находился въ то время подъ Богдадомъ и просилъ пословъ прислать къ нему туда кречетовъ, но они не прислали и когда потомъ представились ему, то поднесли птицъ живыхъ двѣ или три, да поднесли птичьи хвосты и перья; потомъ присланы были съ ними отъ царя къ шаху оконничные мастера, и они этихъ мастеровъ не прислали во время, по шаховой просьбѣ; не пошли къ шаху представляться на томъ основаніи, что не могутъ представляться съ другими послами; когда шахъ звалъ ихъ на площадь смотрѣть конное ученье, то они не послушались, не поѣхали; наконецъ, не пошли къ шаху въ томъ платьѣ, которое онъ имъ подарилъ. Во всемъ этомъ послы поступили по буквѣ наказа и бояра объявили шахову послу, что Тюфякинъ съ товарищами не виноваты; несмотря на то, однако, царь вѣритъ шаху, что послы прогнѣвали его и потому велѣлъ положить на нихъ великое наказанье. Дѣйствительно положена была на пословъ опала за то, что когда за столомъ у шаха пили царское здоровье, то князь Тюфякинъ не допилъ своей чаши. За такую вину пословъ слѣдовало бы казнить смертью, сказано въ приговорѣ, но Государь, для сына своего царевича Алексѣя и по просьбѣ отца своего патріарха Филарета Никитича, велѣлъ только посадить ихъ въ тюрьму, отобравши помѣстьѣ и вотчины. Кромѣ этой вины нашлись

38

и другія: въ городѣ Ардебилѣ князь Тюфякинъ велѣлъ украсть татарченка, котораго продалъ въ Кумыцкой землѣ, а въ Кумыцкой землѣ велѣлъ украсть дѣвку и вывезъ ее тайкомъ, положивши въ сундукъ» (Соловьевъ, Исторія, т. IX, стр. 205—6).

[150]) См. примѣчаніе 147. «Въ томъ же 1675 году кречаты и ястребы были отправлены въ Бухару. Сколько было отправлено птицъ — мы не знаемъ; знаемъ только, что для этой посылки было заготовлено 7 клобучковъ кречатьихъ и 3 — ястребьихъ (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 367—7183 г.) и что отправлявшіеся въ Бухару сокольники, Епенетъ Похвистневъ съ товарищами, въ числѣ 3-хъ человѣкъ, были вооружены для путешествія длинными пищалями и парою пистолетовъ каждый (Тамъ же, столб. 302—7183 г.). Эта посылка, судя по имѣющимся документамъ, была послѣднею посылкою при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ».

[151]) Пять писемъ столника Афанасія Ивановича Матюшкина къ царю Алексѣю Михайловичу (Чтенія въ Импер. Об-вѣ Истор. и Древн. Россійск. при Московскомъ Унив-тѣ, 1847 г., № 5, стр. 139—143).

№ I. «Государю царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу всея Росіи, холопъ твой, Афонка Матюшкинъ, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 158 году Мапя въ . . . . прислана ко мнѣ, холопу твоему, твоя Государева Царева и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича всея Росіи, грамота, велено мнѣ, холопу твоему, писать хъ тебѣ, Государь, въ который день буд . . . . Москвѣ; и на Москвѣ. Государь, былъ дождь въ . . . . . . бѣдъ и послѣ обѣда невеликъ. А пътицы твои, Государевы, Бояринъ да Бѣляй съ печенми, а Ойдаръ, Государь, далъ Богъ здорова, а Мурату, Государь, вчерась пускали осорью св . . . . . . перя, и онъ, Государь, добылъ добре добро . . . . . а челигу, Государь, Лихачу пущали . . . . . и онъ, Государь, добылъ въ верху жъ, а Стреляю пускали осорью, и онъ ещо не хо . . . . . . а кречеты, Государь, Алай да Нечей . . . . шеде да чаликовъ, Государь, Нагая да . . . . вабили къ лошеде жъ; и они, Государь, кречеты и челиги, летали хорашо; а . . . . . Государь, Малецъ Сибирскій занемогъ д . . . . . Государь, ушибла изъ окна окончиною и я . . . . скивалъ, что хто та окончину . . . . валъ нутри, и видаки Государь, есть . . . . давалъ изъ тово окна Ивашка Ярышкинъ штаны Олешкѣ Камчатову . . . . чину вставливалъ и штаны . . . . въ томъ запарса, и я, Государь, про то . . . . . . и онъ повинился, что штаны по . . . . . изъ окна, и я ево билъ батогами, чтобъ вставливалъ окончину крѣпко . . . . . бы твоихъ Государевыхъ берегъ. А сокольникъ новой, Мишка Семеновъ, креста . . . . не целовалъ; а Нечая, Государь, кречета держитъ Олешка, а Нагая челига держитъ . . . . . . ска Юровъ; а птицъ твоихъ Государевыхъ . . . . столники и соколники

харашо . . . . . Государь, Сальяна клобучечить . . . . . и онъ еще жестокъ; да какъ, Государь, ... Бояриnа да Бѣляя держатъ-ли или не держатъ, что они съ печенми; а кречетъ Колмагоръ летитъ сажень съ пять; а . . . . у насъ Московскихъ твоею, Государскою, милостью далъ Богъ все здорово и добро; а Карпунка Саколникъ ещо не вставалъ; а птицъ . . . . . держитъ Алешка Камчатой; а квасцы . . . . слалъ хъ тебѣ, Государю, Василій Голохвастовъ . . . . жа Конюхомъ. А пътицами, Государь, ... шлять и хъ твоему Государеву пріѣзду . . . . какъ Богъ помощи подастъ».

№ II. «Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Росіи, холопъ твой, Аоонка Матюшкинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ Государь, во 158 году Маия въ 28 день . . . . . твоя, Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Росіи, грамота ко мнѣ, холопу твоему, а велѣно мнѣ, холопу твоему, писать къ тебѣ, Государь, ... Государевыхъ птицъ, чтобъ ими промышлять . . . . . ему Государеву приѣзду готовить; и грехомъ, Государь, моимъ, твои, Государевы, пьтицы занемогли, Бояринъ да Бѣляй . . . . . . пупъ, Государь, у нихъ мало не весь заволокло; а Муратъ кречетъ сметалъ двожды, а въ третие, Государь, ... ли крылышко и онъ просидѣлъ, а Сибирской, Государь, ... Малецъ боленъ, не ѣстъ; а Ковачь, Государь, чегликъ по сю . . . . лутчи, ни хуже нетъ, а Чеглику, Государь . . . . вали грачика въ вабиле и онъ загрысъ харашо . . . . чу, Государь, Лихачю пущоная пущали во . . . . . добылъ добре харашо, а булату, Государь, кречету давали осорью въ вабиле, а онъ загрысъ да . . . . въ вабиле давали осорью жъ и онъ загрысъ же . . . . Государь, кречатъ далъ Богъ здаровъ, а Нечай, Государь, да Алай къ лошаде къ вабилу летятъ добре . . . . . . а живое, Государь, имъ въ вабиле ещо не давали; а Колмагоръ, Государь, кречетъ на вабило летитъ сажень съ пя . . . . рочита, а соколъ, Государь, Бѣляй летитъ на вабило . . . . . . на, Государь, кречета клобучечить Кирсан . . . . никъ, Ивашка Григоровъ привезъ отъ тебя Государя . . . . асорей, и асорей, Государь, у насъ будетъ стол . . . . ковъ, Государь, у насъ всего два, а промыслить, Государь, ... а што, Государь, всего отобрать къ твоему, Государь, ... ду пятнадцать асорей, и тѣ, Государь, чато . . . . . . браны и по твоему, Государь, указу сакол . . . . шелева хъ тебѣ, Государю, послали . . . . . а Ивашку Ярышкина по твоему . . . . . батаги били, чтобъ и инымъ впредь птицъ бит . . . . . . чтобъ насили бережно, а што Государь приказно . . . . . лопу твоему о птицахъ радѣте и ходить и промышлять, какъ Богъ помоги подастъ, и я по твоему . . . . кресному цалованью ратъ всею душею, какъ Богъ помоги подастъ».

38*

№ III. «Государю Царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу всея Росіи, Афонка Матюшкинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 158 году, Іюня въ 5 день, прислана твоя, Государева, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Росіи, грамота ко мнѣ, холопу твоему, съ твоимъ Государевымъ, сокольникомъ, съ Офонкою . . . . съ нимъ же, Государь, послано есте коршаковъ . . . . . . и я, холопъ твой, по твоему Государеву Указу у н . . . . . шесть коршаковъ, да орлокъ, да сарычь . . . . . . Государь коршака отъ, Офонка, упустилъ на дорогѣ. А птицы твои, Государевы, кречеты Айдаръ . . . . Богъ здорово, а Муратъ кречетъ вые . . . . а Стреляй, Государь, да Булатъ осоры . . . . загрызаютъ худо; а Нечай, Государь, ... летитъ добро, а Алаю, Государь, кречету . . . . . . есть, а Сибирскій, Государь, кречетъ, гар . . . . . а Сальянъ, Государь, къ клобучку смиренъ, а хо . . . . класть вабило, а челикъ, Государь, Сибирской . . . . . . умеръ, а челига твои, Государевы, Лихачь . . . . . . добываетъ добро, а Нагая, Государь, челигу . . . . . . впервой воронку, и онъ улнулъ на землѣ . . . . . . ну, Государь, челигу есть легче, а . . . . . талъ, а соколъ, Государь, Бѣляй лежитъ к . . . . саженъ съ тридцать; а Петръ, Государь, Хомяковъ исклобучечилъ; а осорей, Государь, будетъ . . . . . . объ осоѣвскихъ, Государь, соколахъ мнѣ, холопу твоему, Указу нѣтъ; а колоколцы, Государь кречатьи и с . . . . послалъ я, холопъ твой, съ тѣмъ же Соколникомъ, съ Офонкою Кѣлынымъ; а Столники, Государь . . . . . . ники птицъ держатъ не ослушно . . . . . Государь, Бояринъ да Беляй съ печенми . . . . . . соколъ сьядога боленъ . . . . . ».

№ IV. «Государю Царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу всея Росіи, холопъ твой, Афонка Матюшкинъ челомъ бьеть. Присланъ ко мнѣ, холопу твоему . . . . Стриголниковъ, а велѣно, Государь, съ нимъ . . . . ка и я, холопъ твой, по твоему . . . . корша . . . . . . съ нимъ къ тебѣ, Государь, корша . . . . . . А птицы твои, Государь, кречетъ . . . . . Богъ здоровъ, и поскали (пускали), Государь, ему . . . . . ка, и онъ добылъ добре добро, и хоти . . . . . да Алай, Государь, кречетъ, да Соколъ Беляй . . . . здоровъ, къ вабилу летятъ хорошо . . . . Государь, кречетъ къ вабилу летитъ саж . . . . цеть, а къ клабучку жестокъ, а П . . . . . соколъ безъ крылъ, а обирокъ, Государь, саженъ съ десятъ, а Смирену, еще не исклобучечили; а соколы, Государь: Другъ да Юдругъ, да Сиривъ, да Соловей едятъ худо; а Ковачя, Государь, меншой умеръ, што привезъ Парѳеней; а коршавъ (коршаковъ), Государь осталось два, да сарычъ, да орлакъ».

№ V. «Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Росіи, холопъ твой, Афонка Матюшкинъ челомъ бьетъ. По твоему Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Росіи Указу, велено мнѣ, холопу твоему,

принять вод . . . . . сѣевскіе соколы прислалъ . . . . . мятня Левонтьевъ, и я, холопъ твой, по твоему, Государь, Указу тѣ соколы во Дворцѣ принялъ и послалъ къ тебѣ, Государь, съ сокольникомъ, съ Кирсанкомъ . . . . . . нымъ».

Четыре письма Василія Яковлевича Голохвастова царю Алексѣю Михаиловичу, 7158—1650 годъ (Чтенія въ Импер. Общ-вѣ Истор. и Древн. Росс. при Московск. Универ., годъ 3, № 5, стр. 91—94).

№ I. «Государю Царю и Великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа Русіи, холопъ твой, Васка Голохвастовъ, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 158 году Маія въ . . . . . прислана ко мне, холопу твоему, твоя Государева Царева и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи грамота, велѣно мнѣ, холопу твоему, записывать въ которой день, которова числа . . . . будутъ, и я, холопъ твой, по твоему Государеву указу стану записывать. Да мне же, холопу твоему, ты, Государь, велелъ отписать о бтицахъ к . . . . носятъ и птицы, Государь, но . . . . . какъ при тебѣ, Государѣ, носили . . . . . по твоему Государеву указу . . . . а кречету, Государь, Мурату пущоново пущали осорью з . . . . добылъ челигу Лихачю пущеное пущали, воронку, и онъ добылъ . . . . Алая къ лошади вабятъ и . . . . . . та Нечая къ лошади же вабятъ, челига Нагая къ лошадижъ ваб . . . . . . чилига Салтана къ лошадижъ . . . . . . а кречетъ бояринъ съ печ . . . . . . да челигъ Малецъ Сибирской третей день не естъ, а слышалъ я холопъ твой, что зашибъ . . . . шко Ярышкинъ немного ненаро . . . . . . окончиною, въ тое пору какъ . . . . . . твой былъ на Москве пере . . . . кое что изъ чердака въ полат . . . . на сей Матюшкинъ за то бил . . . . . батогами, а кречета, Государь, ... чая, что Карпунька нос . . . . Олешка держитъ, а челига Нагая Васка Яровъ держитъ, а . . . . . . Государь, Беляй съ печенью же . . . . Сарьяна Кирсанко клобучечитъ, а кречетъ Сибирской Колмогоръ летитъ сажень съ пять, а соколъ дикомытъ, чтоноситъ князь Се . . . . Львовъ черезъ должикъ скочитъ, а Карпунка боленъ лежитъ. Да прислалъ ты, Государь ко мнѣ, холопу твоему, стаднымъ конюхомъ съ Мишкою Мартыновымъ, десять рублевъ денегъ, а велѣно мнѣ, холопу твоему, тѣ денги отдать Бориску Бабину, и я, холопъ твой, тѣ денги по твоему Государеву указу Бориску Бабину отдалъ; а кречетами, Государь, и челигами станемъ промышлять неоплошно и выпуски давать, сколко Богъ помоги подастъ. Да мнѣ же, холопу твоему, велено хъ тебе, Государю, ... фунтъ квассовъ сженыхъ, и я, холопъ твой, послалъ хъ тебе, Государю . . . . стаднымъ конюхомъ, съ Мишкою Мартыновымъ, купя фунтъ квассовъ сженыхъ. Да изволилъ ты, Государь, мнѣ холопу своему, по челобитью сокольника Кирсанка Соба . . . . . сыскать про Веземскова . . . . мака, что онъ его, Кирсанка, лаялъ . . . .

во мне, холопу твоему, твоего Государя указу нѣтъ кого . . . . . . Везему послать и какими . . . . . сыскивать про ту лаю а . . . . соколникъ подалъ мне, холопу твоему, ссылку, а въ ссылкѣ пишетъ: слался онъ на Московскова стрелца, Артамонова Приказу Матвѣева, на Богданку Терентьева, да на крестьянъ бояринъ Бориса Ивановича Морозова, села Иславскаго, на Ивашку Медвѣдя, да на Сеньку Иванова, а иныхъ волостныхъ людей и крестьянъ въ то время, никаво, де, не было, и о томъ мне, холопу своему, какъ ты, Государь, укажешь».

№ II. «Государю Царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу всеа Русіи, холопъ твой Васка Голохвастовъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 158 году, Мaия въ 27 день, по твоему Государеву указу прислана ко мне, холопу твоему, твоя Государева Царева и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича всеа русіи, грамота, а по сей твоей Государевой грамотѣ велено мнѣ, холопу твоему, послать Стряпчева . . . . . Иванова сына Философова на Вяземской кабакъ сыскивать про Кирсаи . . . . дѣло, и на Вяземскомъ кабакѣ про то дѣло сыскать некемъ, ни какихъ волостныхъ . . . . . ныхъ людей въ то время не было, а онъ Кир . . . . . шлетца на Московскова стрелца Артаманова Приказу Матвѣевъ, на Богдашку Терентьева, да на тяглова человѣка . . . . . Мясницкой сотни, да на крестьянъ Бoярина Бориса Ивановича Морозова, села Иславскаго, на Ивашку Медвѣдя да на Сенку Иванова, и тѣми людми про то дѣло сыскивать мнѣ, холопу твоему, ими не указано, на которыхъ онъ Кирсанко слался. Да мнѣ же, холопу твоему, велено отобрать пятнадцать осорей, которые парчее, и беречь хъ твоему, Государеву, пріѣзду; и я, холопъ твой, по твоему Государеву указу пятнадцать осорей отобралъ и беречь . . . немъ, да мнѣ же, холопу твоему, по твоему Государеву указу велено кречетамъ и челигамъ въ вабило осоры въвязывать и промышлять кречетами и челигами, сколко Богъ помоги подастъ, а кречету Булату въ вабиле живово давали, да кречету Стреляю живое жъ въ вабиле давали и онъ загрызъ, а челигу од . . . . . . гаю живое давали въ вабиле, и онъ загрызъ, а соколъ Бѣляй черезъ д . . . . скочитъ на вабило, а кречетъ Сибирской Колмогоръ саженъ съ пять летитъ на вабило, а . . . . . . Алай къ вабилу летитъ добре добро.... Нечай къ вабилу добрежъ добро летитъ, а живое давать имъ какъ ты, Государь, укажешь, а Левкинъ, Государь, челигъ Лихачь третьево дни до, былъ воронку пущеную добре добро, а кречетъ Муратъ боленъ гораздо, дважды сметалъ, а Малецъ челигъ Сибирской умираетъ . . . . . . кречетъ Бояринъ и Беля съ печен . . . . . . болши полупупа заволокло г . . . . . . холопу твоему, велено къ тебѣ, Государю, и . . . . . . коршака, будетъ три коршака . . . . . . шаковъ здѣсь только, Государь, всего два, адинъ нарочетъ, а другой корш . . . . худъ; а Ивашка

Ярышкина по твоему Государеву указу батогами били болно, а соколника Ѳетку по твоему Государеву указу хъ тебе, Государю, послали. Да прислалъ ты, Государь, къ намъ, холопемъ твоимъ пятнадцать осорей съ соколникомъ Ивашкою Григорьевымъ, и онъ, Ивашко, къ намъ, холопемъ твоимъ, привезъ всево . . . . натцать осорей, а двѣ сказыв . . . . . . на дорогѣ умерли, а чет . . . . . . взялъ, де, Игнатъ, а пятна . . . . . . не было, всево де съ нимъ послано четырнадцать. Да писалъ ты, Государь, къ намъ, холопемъ своимъ, что не малоль у насъ осорей, и осорей у насъ здѣсь девяносто безъ осоры, а будетъ ты и изволишь назадъ изъ походу прислать осорей десятокъ . . . . сть, и оне, Государь, впередъ пригодятца. А впередъ, Государь, намъ птицъ беречь, и за ними ходить, и тебѣ, Государю, радѣть, сколко Богъ помоги подастъ Соколникъ Ивашко къ намъ не . . . . . живалъ, а сказалъ, что осор . . . . . де Игнатъ у себя».

№ III. «Государю Царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу всеа Русіи, холопъ твой, Васка Голохвастовъ, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 158 году, Іюня въ 5 день, по твоему Государеву Цареву и Великаго Князя, Алексѣя Михаиловича всеа Русіи, указу прислана ко мнѣ, холопу твоему, грамота съ соколникомъ съ Офонкою Кѣлынымъ, а съ нимъ, Государь, прислали къ намъ, холопемъ твоимъ, семь коршаковъ, да орлака, да сорыча . . . . . . соколникъ, ѣдучи отъ тебя, Государя, на дорогѣ коршака опустилъ, привезъ къ намъ, холопемъ твоимъ, шесть коршаковъ, да орлака, да сорыча, и мы, холопи твои, по твоему Государеву указу то принели. Да намъ же, холопемъ твоимъ, по твоему Государеву указу велено кречетамъ пущѣное пущать коршаковъ, и мы, холопи твои, по твоему Государеву указу кречетамъ станамъ пущѣное пущать, а иныхъ коршаковъ къ твоему Государеву приходу беречь и кормить станемъ; а кречетъ Бояринъ . . . . съ печенми, а Мурату крѣчату есть легче, а . . . . ской крѣчатъ боленъ, а челигъ Малецъ Сибирской умеръ, а Стреляю и Булату осоры давали въ вабиле, и онѣ при . . . . . лѣтитъ къ вабилу хорошо, а Алаю крѣчату естъ, а челигъ Лихачь пущѣное добываетъ добрѣ добро, пущали воронку, и онъ ульнулъ на землѣ, а о сол . . . . . гу есть же легчѣ, а Сейской соколъ боленъ, а сол . . . . . . чѣта исклвовучѣчили. Да писалъ ты, Государь, къ намъ, холопемъ своимъ, про коршаки и про осоры, и коршаковъ, Государь, деветь, а осорей, Государь, у насъ полшестадесять да . . . . да сарычь; а колоколцовъ, Государь, мы холопи твои, послали десять. А соколника, Государь, Офонку мы, холопи твои, отпустили къ тебѣ Государю, того жъ . . . . . . ».

№ IV. «Государю Царю и Великому Князю, Алексѣю Михаиловичу всеа Русіи, холопъ твой, Васка Голохвастовъ, челомъ бьетъ. Присланъ ко мнѣ, холопу твоему,

с . . . . Мишка Стригалниковъ, и велено, Государь, мнѣ прислать коршака, и я, холопъ твой, по твоему Государеву указу, съ нимъ къ тобѣ, Государь, коршака отпустилъ. А птицы твои Государевы кречетъ Нечай далъ Богъ здоровъ, а пускали ему коршака, и онъ добылъ добре добро охотно гораздо; Алей, Государь, кречетъ да соколъ Бѣляй далъ Богъ здоро къ вабилу летятъ . . . . . рово; а Сальянъ, Государь, кречетъ къ вабилу летитъ сажань съ пятнадцать, а хъ клопучку жестокъ . . . . Государь, соколъ безъ крылъ; а Обирокъ, Государь, соколъ сажень съ десятъ; а Смирену, Государь, еще не исклобучечили, а соколы, Государь, Другъ, да Юдругъ, да Сиривъ, да Соковей ѣдятъ худо; а Ковачь, Государь, челигъ боленъ гораздо; а ястребъ, Государь, меншой умеръ, што привесъ Пароеней; а коршаковъ осталось два, да сырычь, да орлакъ».

ИЗБРАНІЕ НА ЦАРСТВО
ГОСУДАРЯ ЦАРЯ
МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

Грамота утвержденная о избраніи на Россійскій престолъ Царемъ и Самодержцемъ Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьевыхъ — за подписаніемъ бывшихъ при выборѣ всякаго чина и званія людей — писано 1613 года въ Маіѣ мѣсяцѣ.

Великаго Господа Бога Отца, страшнаго, и всесильнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свете неприступнемъ, въ превелицей, и превысочайшей, и велѣлѣпной и святей славѣ величествия Своего, седящаго на Престоле Херувимстемъ съ Превѣчнымъ и единороднымъ Своимъ Сыномъ, Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и зъ Божественнымъ и животворящимъ Своимъ Духомъ, имъ-же вся освящаютца, единосущныя и нераздѣлныя Троица, равно Божественныя, и равно честныя, и равно сопрестольные и равно силныя, и равно совѣтныя, и равно дѣйственныя, и равно сущныя, и соприсносущныя, и собезначальные, и единоначальные, и трисоставные, и нераздѣльные, въ тріехъ составехъ единаго Божества, Царя Царствующихъ и Господа Господьствующимъ, непреодолѣннаго и всякие силы крепчайшаго, имъ-же царіи царствують и велицыи величаютца, сего въ Троице присноставимаго Бога нашего недоумеваемыми и недовѣдомыми судбами и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ всяко созданье отъ не бытия въ бытие создаваетца, и отъ не сущихъ въ существо приводитца, и отъ рода въ родъ лѣтами исчитаютца; отъ Него-жъ приимша земля наша Руская своими Государи обладаема быти, ихъ же великихъ Государей Царей Росийскихъ, корень изыде отъ превысочайшаго Цесарского Престола, и прекрасно цветущаго и пресвѣтлаго корени, Августа Кесаря, обладающаго всею Вселенною. Первый Князь Великій Рюрикъ содержаше скифетръ великаго Росийскаго Государства въ Великомъ Новѣграде. По немъ дерзосердый въ храбрскихъ ополченияхъ сынъ его, Князь Великій Игорь, послушны себѣ учинилъ царствующаго града Костянтинаполя Греческихъ Царей, на нихъ же и дань взимаше, и изъ Великаго Новагорода въ преславный Градъ Киевъ преселися. По Игоре содержаше Росийское Государство и въ Киеве сынъ его, Князь Великій Святославъ, исполненъ храбрскаго подвига, и

по Дунаю восмдесятъ градовъ обладаше. Сіи тріе Росийские Государи бѣша до крещенья; по неже Руская земля пребываше, во тмѣ невѣрия, и омрачена прелестию кумирослужения. По Святославе возсія пресвѣтлая звезда, Великій Государь, сынъ его, Князь Великій Владимеръ Святославичъ, тму невѣрия просвѣти, и прелесть кумирослужения отгна, и всю Рускую землю просвети святымъ крещениемъ, иже Равноапостоленъ наречеся и расширенья ради своихъ государствъ, самодержавный именованъ бысть, нынѣ жъ отъ всѣхъ покланяемъ и прославляемъ. По великомъ Государе по Владимере самодержавство восприимь, скифетръ Росийскаго Государства сынъ его, Князь Великій, храбрый Ярославъ Владимеровичь иже Балеслава Короля победи, и грековъ послушныхъ сотвори. По немъ на Росийскомъ Государстве сѣде сынъ его, Князь Великій Всеволодъ Ярославичь, иже надъ Половцы, и надъ Печенѣги, преславную побѣду показа, и Государство свое крѣпце соблюде. По Всеволоде приимъ, скифетръ во обдержание Росийского Государства сынъ его, Князь Великій Владимеръ Всеволодичъ, и своимъ храбрскимъ подвигомъ Фракию Царяграда поплени, и превысочайшую честь, Царскій венецъ и диадиму отъ Греческаго Царя Костянтина Манамаха восприимъ, сего ради и Манамахъ наречеся; отъ негожъ вси Росийские Великие Государи Царствия венцемъ венчахуся. По великомъ Государе Владимере Манамахе приимъ скифетръ Росийскаго Царствія сынъ его, Князь Великій Юрьи Владимеровичъ Долгорукой, и благочестиемъ просия, и все Християнство въ покоѣ и въ тишинѣ соблюде. По немъ сѣде на Росийскомъ Государстве въ Володимере сынъ его, Князь Великій Всеволодъ Юрьевичь, рачитель благочестию, и крѣпкій поборникъ за святые церкви и о святой Православной Християнской Вѣре. По Всеволоде содержаше скифетръ Росийского Государства сынъ его, Князь Великій Ярославъ Всеволодичь, егожъ соблюде Богъ отъ Батыя въ великомъ Новѣгороде и зъ детми, и по плененіи безбожного Батыя, святую и непорочную Християнскую вѣру распространи, и святые церкви паки обнови. По немъ великого Росийского Государства восприимъ скифетръ сынъ его, храбрый Князь Великій Александръ Ярославичь, иже надъ Германый показа преславную побѣду на Невѣ, и на Християнскую вѣру безбожного Беркая Царя, двояростный гнѣвъ въ Ордѣ укроти, и по смерти даромъ чюдесы отъ Бога прославленъ. По Великомъ Государе Александри Невскомъ сынъ его, Князь Великій Данилъ Александровичъ, отъ Владимеря преселися на Москву, и Царствія скифетръ на ней утверди, и превысочайшій престолъ Царствія въ ней устрои, иже суть и до ныне Богомъ хранимо и соблюдаемо. По немъ восприимъ скифетръ Царствующаго града Москвы, сынъ (его), Князь Великій Иванъ Даниловичь, всякими добродѣтельми и благочестиемъ украшенъ,

и неимущимъ неоскудную руку всегда простераше, желаше бо вмѣсто пресвѣтлыхъ полатъ, восприяти вѣчное блаженство небеснаго царствія. По Великомъ Князе Иване Даниловиче сѣде на Росийскомъ Государстве сынъ его, Князь Великій Иванъ-же Ивановичь, и отъ безбожныхъ Ординскихъ Царей вѣру християнскую крѣпце соблюдаше, и все православие въ покое и въ тишинѣ устрои. По немъ восприимъ скифетръ Царствия сынъ его, Князь Великій Дмитрей Ивановичъ, достохвальный въ храбрскомъ подвиге и преславный въ побѣде, иже победи безбожново Мамая на Дону, и всю Рускую землю въ тихости и немятежно устрои. По Великомъ Государе Дмитрее Ивановиче Донскомъ, восприимъ въ содержаніе хоругви великаго Росийского Государства сынъ его, Князь Великій Василей Дмитреевичъ, и добродѣтельнаго ради его жития, прослави его Богъ, а Рускую землю и все православие помилова отъ нахоженія безбожного Темиръ-Оксака, пришествиемъ чюдотворнаго образа Пречистыя Своея Матери, егожъ богогласный Лука написа. По немъ сѣде на Москве сынъ его, Князь Великій Василей Васильевичъ, и Рускую землю ото иновѣрныхъ крѣпце соблюдаше, и за истинную Крестьянскую вѣру, и святые церкви и завсе православие, отъ безбожныхъ Агарянъ въ плѣнъ ятъ бысть, и паки на свое Государство возвращенъ бысть. По Великомъ Князе Василье восприимъ скифетръ великого Росийского Государства, великій Государь, сынъ его, Князь Великій Иванъ Васильевичь, и своимъ премудрымъ разумомъ и осмотреніемъ свое великое Государство распространи, Росийского Государства древнее многие городы, которые после Батыева пленения Польскому королевству отошли, паки къ себѣ привлече, и отчину свою Великій Новгородъ крѣпко и неподвижно устрои, и Самодержецъ именованъ бысть. По Великомъ Государе Иване хоругви Великаго Росийского Государства восприя сынъ его, Князь Великій Василей Ивановичь, и бодроопаснымъ своимъ обдержательствомъ всю Рускую землю, въ покое и въ тишине ото иновѣрныхъ содежаше, и прародителей своихъ отчину, Великое Княжество Смоленское, отъ Польского Королевства отторже, и къ себѣ привлече и послушны сотвори. А по Великомъ Государе Василье Ивановиче, приимъ скифетръ Великого Росийского Царствия сынъ его, храбрый великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи Самодержецъ благочестію рачитель и по Крестьянской вѣре крѣпкой поборникъ и въ своихъ Государственныхъ чинехъ и поведеніяхъ премудръ, и высочайшую честь и вышехвальную славу, Царствія вѣнецъ на главу свою восприятъ, егоже взыска отъ древнихъ лѣтъ, отъ прародителя своего, великого Государя отъ Владимира Манамаха; и отъ премудраго его разума и отъ храбрского подвига, вси окрестные Государства имени его трепетали, зане знаменитъ бѣ и храбръ,

39*

и въ побѣдахъ страшенъ, и Мусульманские государства, Царство Казанское, и царство Астороханское, и царство Сибирское, подъ свою высокую руку покори и въ плѣну держимыхъ християнъ тмочисленныхъ свободи; но и паче-же отъ потрясенія меча его Германстіи родове устрашишася. По великомъ Государе Царе и Великомъ Князе Иване Васильевиче всеа Русіи Самодержце, отъ его Царскаго прекрасноцветущаго корени пресвѣтлая и преславная вѣтвь отъ Богомъ данные и благочистивыя супруги отъ Великія Государени Нашее, Царицы и Великія Княгини Настасѣ и Романовны Юрьева, процвѣте сынъ его, Государь нашь, благовѣрный великій Государь нашь, Царь и Великій Князь Федоръ Ивановичь, всеа Русіи Самодержецъ восприимъ скифетръ Росийскаго Царствія и своимъ Царскимъ бодроопасньмъ осмотрениемъ во всемъ своемъ великомъ Росийскомъ Царстве благочестіе крѣпце соблюдаше и все православное Християнство въ покое, и въ тишинѣ и во благоденственномъ житие тихо и неметежно устрои, и о всѣхъ его царскихъ великихъ государствахъ Росийского Царствия радостное и свѣтлое и веселия вездѣ исполнено бяше; царствующий же градъ Москва тогда возвеличися, и преумножися и всеми благими на вселенней цветяше, превыше всѣхъ великихъ государствъ, и славно бысть имя великого Государя, Царя и Великого Князя Феодора Ивановича, всеа Русіи Самодержца, во всѣй вселенней честь и слава величествія его возвысися и прославися и все великіе Государи християнскіе и мусульманские ему великому Государю любочестные дары приношаху, по Его Царскаго Величества достоянію, и въ дружбѣ и въ любви съ Его Царскимъ Величествомъ быти желаху: а которые Его Царскаго Величества окрестные недруги и непослушники тѣ все у Его превысочайшіе Царскіе степени Величества послушны и въ рабскомъ послуженье учинилися, и великого его Росийскаго Царствія отторженые грады отъ Его Великого Государства многими лѣты, паки во своя возврати; и ради добродѣтельнаго Его житія и милостиваго Царскаго права въ своихъ Государствахъ ко всѣмъ человѣкамъ не оскудныя реки милосердия изливаше по своему Царскому милосердому обычаю и во всемъ бысть земный Ангелъ и небесный пресвѣтлаго рая житель. И грѣхъ ради нашихъ, всего православного християнства Росийского царствия Господь Богъ праведнымъ Своимъ судомъ, превысочайшего и преславнаго корени Августа Кесаря Римского прекрасно цвѣтущую и пресвѣтлую вѣтвь въ наслѣдіе великаго Царстія не произведе; едину бо вѣтвь Царского своего изращенья отъ своея благозаконные супруги, благовѣрные и Христолюбивые великіе Государыни, Царицы, и Великія Княгини Ирины Феодоровны всеа Русіи, имяше дщерь благовѣрную Царевну и Великую Княжну Өеодосію, и сия Вседержителя Господа Бога Святымъ Его праведнымъ судомъ прежс преставления Его Царского

Величества будущій и некончаемый вѣкъ небеснаго царствия отыде. Царствова же великій Государь, Царь и Великій Князь Федоръ Ивановичъ, всеа Русіи Самодержецъ, на своихъ великихъ государствахъ Росийского Царствія четыренадесять лѣтъ; а послѣ себя великій Государь Нашъ, Царь и Великій Князь Федоръ Ивановичъ всеа Русии Самодержецъ на всѣхъ своихъ великихъ государствахъ скифетродержанія Росийского Царствия оставль свою благовѣрную великую Государыню нашу Царицу и Великую Княгиню Ирину Федоровну всеа Русіи, а душу свою праведную приказалъ отцу своему и богомольцу святѣйшему Иеву.

Иноземцевъ и родовъ и Маринки съ сыномъ, неискати и не хотѣти. А хто похочетъ мимо Государя Царя и Великого Князя Михайла Федоровича, всеа Русіи Самодержца и его детей которыхъ имъ Государемъ впередъ Богъ дастъ, искати и хотѣти иного Государя исъ какихъ людей небуди, или какое лихо хто похочетъ учинити: и намъ Боярамъ, и Окольничимъ, и Дворяномъ, и приказнымъ людемъ, и гостемъ, и детемъ боярскимъ и всякимъ людемъ на того измѣнника стояти всею землею за одинъ. Также намъ, великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Михайла Федоровича всеа Русіи всему сенклиту, Бояромъ, и Окольничимъ, и Князем, и Воеводамъ, и Дворяномъ и Приказнымъ людемъ, не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо Царскаго повелѣнья, чести себѣ никакой не хотѣти и не искати; и вотчины и помѣстья держати по своей мѣре, чѣмъ кого Государь пожалуетъ; и быти въ Государскихъ дѣлехъ по его Государеву крестному целованію бесъ прекословія во всякихъ Государевыхъ дѣлехъ и во всякихъ чиновныхъ людехъ несупротивну быти, какъ кому Государь, Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи, на своей Государеве службѣ и у всякого дѣла гдѣ кому быти велитъ, такъ тому и быти. Также намъ Бояромъ и приказнымъ людемъ и Діакомъ межъ собою того смотрѣти накрепко чтобъ ко Государю, Царю и Великому Князю Михайлу Федоровичу, всеа Русіи Самодержцу въ розрядныхъ и въ земскихъ дѣлехъ кручины не приносити никоторыми дѣлы никоторую хитростию, по прежней целовалной записи, на чемъ есмя Государю своему, Царю и Великому Князю Михайлу Федоровичу всеа Русіи, души свои дали и животворящій крестъ целовали, крѣпко держати и неподвижно. «Митрополиты-жъ, и Архиепископы и Епископы со всѣмъ вселенскимъ освященнымъ соборомъ, слыша отъ нихъ сия, паки глаголютъ къ нимъ: «Елма убо о семъ толикъ обѣтъ предъ Богомъ полагаете и обещаетеся, что вамъ такимъ къ великому Государю нашему, къ благочестивому Царю и Великому Князю Михайлу Федоровичу всеа Русіи, единодушнымъ быти тѣмъ же подобаетъ намъ и грамоту утверженную написавше, утвердитися, и вся,

яже глаголемая и дѣйствуемая настоящее сие время, и наши скорби, и разоренье Московскому Государству отъ Полского и отъ Неметцкого Королей въ ней написавше, намъ Государевымъ богомолцомъ руки свои приложити и печати свои привѣсити; а вамъ Царского Величества Бояромъ, и Околничимъ и Княземъ и Воеводамъ и Дворяномъ и всякимъ приказнымъ людемъ, и гостемъ, и выборнымъ людемъ, которые изо всѣхъ городовъ всего великого Росийского Царствия приѣхали къ Москвѣ для Государского обиранія руки свои приложити наболшее утвержение и единомыслие: дабудетъ впередъ крѣпко и неподвижно и стоятелно во вѣки, какъ въ сей утверженной грамоте написано будетъ, и на чемъ по записи преже сево крестъ животворящій целовали. «Сия же слышавъ боляре и Дворяне и приказные люди и гости и Христолюбивое воинство и все Православное Христианство, вси единогласно глаголаху: «Благословенъ глаголъ вашь отъ Бога, великие Святители, Пастухи *) душамъ нашимъ! Святаго Духа преисполнени вси глаголи устъ вашихъ; подобаетъ тако быти, яко-же глаголете. «Слышавше сия Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, приговоръ о утверженной грамоте всего освященнаго собора и Государевыхъ Боляръ, и весь Царскій синклитъ и Христолюбивое воинство, повелѣ писати сию утверженную грамоту, и да незабвенно будетъ писание въ ней въ роды и роды и во веки. Ея же по мале времяни написавше и прочтоша сию утверженную грамоту на вселенскомъ соборе, и выслушавъ на болшее во веки укрепление, Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы руки свои приложили, и печати свои привѣсили; а Архимариты, и Игумены и честныхъ моностырей соборные старцы руки свои приложили; а Бояре, и Околничие, и Дворяне, и Дьяки Думные руки же свои приложили на томъ, что въ сей утверженной грамоте написано съ совѣту всего освященнаго вселенскаго собора, и Боляръ, и Дворянъ, и всѣхъ чиновъ, всякихъ людей Царствующаго града Москвы и всея Руские земли, всему инако не быти; а быти такъ во всемъ по тому какъ всей утверженной грамоти писано. А кто убо и не похощетъ послушати сего соборного уложенія, его же Богъ благоизволи, и начнетъ глаголоти ино и молву въ людехъ чинити: таковый, аще отъ священныхъ чину, и отъ Боляръ Царскихъ синклитъ и воинственныхъ, или инъ хто отъ простыхъ людей и въ какомъ чину ни буди, посвященнымъ правиломъ Святыхъ Апостолъ, и Вселенскихъ седми соборовъ Святыхъ Отецъ и помѣстныхъ, и по соборному уло-

*) Въ копіи съ сея Грамоты тогдашняго времени, писанной, какъ и подлинное, мѣстами золотыми буквами (хранящейся также въ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ), вмѣсто слова Пастухи, употреблено Пастыріе. Соблюдая въ полной мѣрѣ точность оригинала, издатели не смѣли перемѣнить онаго.

женью всего освященнаго собора, чину своего изверженъ будетъ, и отъ церкви Божіи отлученъ и святыхъ Христовыхъ Таинъ приобщения, яко раскольникъ, церкви Божіи и всего православного Християнства мятежникъ, и разоритель закону Божию; а по Царскимъ закономъ местъ воспріиметъ, и нашего смирения и всего освященнаго собору не буди на немъ благословение отныне и до века; понеже не восхотѣ благословения и соборнаго уложения послушания, тѣмъ и удалися отъ него и облечеся въ клятву. Егда же написовше и совершихомъ сию утверженную грамоту, и святительскима рукама укрѣпльше и печатьми своими утвердивше, въ купе ж Болярскими руками, и честныхъ монастырей Архимаритовъ, и Игуменовъ, и соборныхъ старцовъ и всего освященнаго собора, непреложнаго ради и непремѣннаго утверження: тогда Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы съ Архимариты и Игумены, и съ соборными старцы и со всемъ освященнымъ соборомъ, и зъ Боляры, и зъ Дворяны, и съ Приказнымп людми, яко, да вкупе духовный совѣтъ сотворше, соборне изберутъ мѣсто и повѣдятъ вкупе, въ немъ же аще сохранно утвердивше положити сию утверженную грамоту, да будетъ твердо и не разрушно въ предъидущая лѣта въ роды и роды, и не прейдетъ не едина черта, или іота едина отъ написанныхъ въ ней нечесоже. И тако вси вкупе совещавшеся, и твердымъ согласиемъ Святаго Духа, положиша по въ хранило Царские къ докончалнымъ и утверженнымъ грамотамъ. А на соборе были Московского Государства и изо всѣхъ городовъ Російского Царствия власти, Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и Протопопы и весь освященный соборъ, и Боляре, и Окольничие, и Чашники, и Стольники, и Стряпчие, и Думные Дворяне и Дьяки, и Жилцы и Дворяне большие, и Дворяне изъ городовъ, и Дьяки исъ приказовъ и Головы стрѣлецкие и всякие Приказные и Дворовые люди, и Гости и Сотники Стрелецкие, и Атаманы казачьи, и стрельцы, и казаки, и торговые и посатцкие, и всякихъ чиновъ всякие служилые и жилетцкие люди, и изо всехъ городовъ всего Російского Царствия выборные люди, которые присланы съ выборы за всякихъ людей руками о государскомъ обиранье. А уложено бысть и написана сия утверженная грамота за руками и за печатми великого Государя нашего Царя и Великого Князя Михайла Федоровича всеа Русіи Самодержца, въ царствующемъ граде Москвѣ, въ первое лѣто, Царства его, а отъ созданія міру ҂зрка҃го (1613), индикта аі҃го, мѣсяца Маи.

Къ сей Грамотѣ привешано десять печатей, изъ коихъ три Митроличьихъ на красныхъ, четыре Архіепископскихъ на лазоревыхъ и три Епископскихъ на темнокоричневыхъ шелковыхъ снуркахъ, изъ такого же цвѣтомъ воску, какъ и снурки:

но изъ числа оныхъ печатей семь (четыре первыя и три остальныя) совсѣмъ раскрошились; на трехъ же Архіепископскихъ, закрайнемъ и сихъ поврежденіемъ, остались изображенія.

На оборотѣ Грамоты слѣдующія духовныхъ и свѣтскихъ людей собственноручныя подписи:

Смиренный Ермъ, Божіею Милостію, Митрополитъ Казанскій и Свияжскый.
Божіею Милостію, смиренный Кириль, Митрополитъ Ростовскый и Ярославскый.
Смиренный Іона, Божиею милостию, Митрополитъ Сарскій и Подонскій.
Божиею милостию, смиренный Герасимъ, Архиепископъ Суждальский и Торусский.
Смиренный Ѳеодоритъ, Божиею милостию, Архиепископъ Рязанскій и Муромскій.
Смиренный Арсеній, Божіею милостіею, Архіепископъ Арханіельскій.
Смиренный Иосифъ Коломенскый и Коширскый.
Смиренный Селивестръ, Епископъ Корѣльскій и Орѣскій.
Рожественново монастыря Архимаритъ Исаия.
Чюдова монастыря Архимаритъ Аврамей.
Живоночальные Троицы Серіеева манастыря Келарь, старецъ Аврамей.
Симонова монастыря Архимаритъ Павелъ.
Свияжской Архиморитъ Корнилей.
Андрониковской Архимаритъ Серіей.
Кирилова монастыря Игуменъ Матфей.
Съ Костромы Ипатцкаю монастыря Архимаритъ Кирилъ.
Изъ Нижнева Печерскою монастыря Архимаритъ Ѳеодосей.
Изъ Ростова Боюявленскаю монастыря Архимаритъ Иосифъ.
Съ Костромы Боюявленскаю монастыря Игуменъ Арсеній.
Боюявленской Игуменъ Семеонъ, изъ ветошнаю ряду.
Изъ Ярославля Спаскаю Моностыря Архимаритъ Ѳеофилъ.
Чудова моностыря Келарь, старецъ Мисаило.
Изъ Боровска Пафнутьева монастыря Игуменъ Иона.
Съ Волока Иосифова монастыря Игуменъ Арсеней.
Спаскаю монастыря изъ Суздаля Архимаритъ Митрофанъ.
Съ Резани Спаской Архиморитъ Рофаилъ.
Съ Вологды Каменою монастыря Архимаритъ Питеримъ.
Съ Ростова Борисоглѣбской Игуменъ Петръ.
Съ Резани Солотчинскою монастыря Трифонъ.
Съ Вологды Прелуцково монастыря Игуменъ Кирилъ.

Изъ Кашина Колязина монастыря Игуменъ Ѳеодосей руку приложилъ.

Съ Вологды Корнильева монастыря Игуменъ Симеонъ.

Бояринъ Князь Ѳедоръ Мстиславской.

Бояринъ Князь Иванъ Голицынъ.

Бояринъ Князь Алексѣй Сицкой.

Бояринъ Князь Иванъ Воротынской.

Бояринъ Ѳедоръ Шереметевъ.

Бояринъ Князь Иванъ Одоевской.

Бояринъ Князь Дмитрей Трубецкой.

Боярина во Князя Андреево, Куракина, Окольничей Ѳедоръ Лунинъ и въ свое место.

Бояринъ Борисъ Солтыковъ.

Бояринъ Князь Дмитрей Пожарской.

Бояринъ Князь Иванъ Куракинъ.

Бояринъ Василей Морозовъ.

Бояринъ Князь Григорей Ромодановской.

Въ Боярина во Князя Иваново место Андреевича Хованскова, Бояринъ Князь Дмитрей Пожарской руку приложилъ.

Бояринъ Князь Иванъ Борисовичъ Черкаской.

Бояринъ Иванъ Романовъ.

Окольничей Ортемей Измайловъ.

Окольничей Князь Данило Мезецкой.

Бояринъ Князь Володимеръ Ростовской.

Окольничей Семенъ Головинъ.

Крайчей Михайло Салтыковъ.

Князь Иванъ Копыревъ-Ростовской.

Въ Князь Дмитреево мѣста Манстрюковича-Черкаскою, Князь Василей Туренинъ руку приложилъ.

Чашникъ Князь Аѳонасей Ростовской.

Стольникъ Ѳедоръ Игнатьевъ, и въ брата своего мѣста во Князь Петра.

Думной Діакъ Сыдавной Васильевъ.

Князь Семенъ Прозоровской.

Стольникъ Иванъ Плещеевъ.

Стольникъ Василей Измайловъ.

Стольникъ Иванъ Морозовъ.

Стольникъ Василей Нагой.

40

Стольникъ Борисъ Морозовъ.
Стольникъ Глѣбъ Морозовъ.
Стольникъ Князь Алексѣй Львовъ, и во Княжъ Юрьево мѣсто Липецкаго.
Стольникъ Левонтей Вельяминовъ.
Стольникъ Князь Василей Туренинъ.
Стольникъ Князь Микита Черкаской.
Стольникъ Иванъ Пушкинъ, и въ брата своего Ивана Григорьева сына Пушкина.
Стольникъ Богданъ Михайловъ сынъ Титовъ.
Стольникъ Степанъ Проестевъ.
Стольникъ Князь Иванъ Лобановъ-Ростовской.
Стряпчей Федоръ Пушкинъ.
Стольникъ Григорей Плещеевъ.
Стряпчей Князь Өома Мезецкой.
Стольникъ Князь Степанъ Гагинъ-Великой.
Стряпчей Олѣксандръ Воейковъ.
Стольникъ Князь Микита Мезецкой.
Стряпчей Иванъ Плещеевъ.
Дементей Погожей.
Стольникъ Князь Данила Гагаринъ.
Стряпчей Василей Стрешневъ и въ стряпчевожъ место Өедора Толочанова.
Иванъ Чемодановъ руку приложилъ.
Стольникъ Иванъ Плещеевъ.
Стряпчей Степанъ Милюковъ.
Стряпчей Григорей Обрасцовъ.
Стряпчей Емельянъ Бутурлинъ, и въ Стольника въ Князь Васильево мѣсто Мосальскова.
Стольникъ Князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій.
Стольникъ Князь Өедоръ Сицкой.
Стряпчей Князь Петръ Волконской.
Стольникъ Иванъ Трахониотовъ.
Стряпчей Князь Михайло Волконской.
Стряпчей Михайло Измайловъ.
Стольникъ Дмитрей Колтовской.
Стряпчей Князь Иванъ Волконской.
Стряпчей Иванъ Головинъ.
Стряпчей Дмитрей Воейковъ.

Стряпчей Семенъ Воейковъ.
Стряпчей Өедоръ Колединской.
Стряпчей Олексей Вельяминовъ.
Стольникъ Князь Иванъ Хилковъ.
Стольникъ Борисъ Шереметевъ.
Стольникъ Князь Өома Мезецкой.
Иванъ Болотниковъ.
Князь Иванъ Буйносовъ.
Михайло Пушкинъ.
Семенъ Пратасьевъ, и въ Князь Михайлово мѣсто Сонцово, руку приложилъ.
Князь Семенъ Борятинской, и въ Князя Семеново Лыкова мѣста, руку приложилъ.
Микита Пушкинъ.
Өедоръ Шушеринъ.
Обросимъ Лодыженской.
Максимъ Радиловъ руку приложилъ.
Өедоръ Погожей.
Жданъ Карповъ.
Князь Өедоръ Борятинской руку приложилъ.
Алексѣй Шарпиловъ руку приложилъ.
Михайло Огарковъ руку приложилъ.
Еоимъ Телепневъ руку приложилъ.
Марко Поздѣевъ.
Сава Раманьюковъ.
Князь Өедоръ Татевъ руку приложилъ.
Михайло Даниловъ.
Өедоръ Лихачевъ.
Князь Романъ Пожарской руку приложилъ.
Богданъ Кашкинъ руку приложилъ.
Өедоръ Опраксинъ руку приложилъ.
Матвѣй Сомовъ руку приложилъ.
Семейка Зеленой.
Дмитрей Радцовъ руку приложилъ.
Василей Карабьинъ руку приложилъ.
Ондрей Варьевъ.
Булакъ Миловановъ.

Өедоръ Пушкинъ руку приложилъ.
Въ Григорьево мѣсто, Обрасцова Иванъ Кондыревъ руку приложилъ.
Оклесьй Витоотовъ руку приложилъ.
Иванъ Шевыревъ.
Ондрей Степановъ руку приложилъ.
Максимъ Титовъ руку приложилъ.
Олександръ Ивановъ.
Иванъ Васильевъ.
Исакъ Спешневъ руку приложилъ.
Богданъ Хомутовъ руку приложилъ.
Иванъ Антоновъ.
Патрикей Насоновъ.
Иванъ Козловъ.
Соловой Протасьевъ руку приложилъ.
Осипъ Грязной руку приложилъ, и во Князь Андрѣева мѣста Долгорукова.
Юрьи Редриковъ, во Князя Миронова мѣсто Шаховского, руку приложилъ.
Өедоръ Семеновъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ.
Иванъ Бутурлинъ руку приложилъ.
Өедоръ Яновъ.
Иванъ Чечеринъ.

